АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

С. М. КАШТАНОВ

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ конца XV— первой половины XVI в.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1967

В работе исследуются социально-экономические отношения в феодальных владениях, положение трудящихся масс, внутренняя политика правительства и основные тенденции экономического и политического развития страны. Автор широко использовал правительственные грамоты, как опубликованые, так и неопубликованные.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
доктор исторических наук А. А. ЗИМИН

1-6-4
32-66

Памяти моего отца
М. Ф. Каштанова
и сына Сашеньки

ВСТУПЛЕНИЕ

Настоящая работа посвящена в первую очередь изучению судеб такого социально-политического института феодальной эпохи, как иммунитет. Прослеживая историю иммунитета в России конца XV — первой половины XVI в., мы стремились рассматривать иммунитетную политику в связи с другими сторонами внутренней политики правительства и в связи с социально-политической структурой общества.

Наряду с вопросами перераспределения земельных фондов внутри класса феодалов, иммунитетная политика правительства принадлежала к тем самым животрепещущим проблемам феодальной действительности, которые затрагивали коренные интересы не только всего класса феодалов в целом, но и огромного большинства непосредственных производителей в деревне и городе. Жалованные и указные иммунитетные грамоты, являющиеся для конца XV — первой половины XVI в. единственным сколько-нибудь компактным источником по истории феодального иммунитета, отразили в себе комплекс чрезвычайно запутанных и вместе с тем крайне важных социально-экономических и политических противоречий феодального общества. Стремление правительства к ограничению феодального иммунитета, с одной стороны, и попытки заручиться поддержкой крупных феодалов, приводившие в ряде случаев к расширению иммунитета, с другой; общий курс на закрепощение крестьянства и в то же время сокращение сеньориальной власти феодалов — эти и многие другие проявления противоречивого характера развития феодализма в XV—XVI вв. очень ярко запечатлелись в иммунитетных грамотах.

Толкование происхождения и сущности феодального иммунитета на Руси в научной литературе до сих пор остается предметом дискуссии. Большинство советских исследователей определяет иммунитет как «внеэкономическое принуждение» (Л. В. Черепнин [1] и др.), юридическое выражение ренты (С. В. Юшков) [2]. С. Б. Веселовский и И. И. Смирнов рассматривают иммунитет как изъятие феодальных владений из компетенции органов княжеской власти, но по-разному трактуют проблему происхождения и эволюции иммунитета [3]. Некоторые современные ученые сомневаются в самой возможности применения понятия «иммунитет» к русским социально-политическим отношениям. Но даже те из них, которые считают, что «иммунитет» на Руси коренным образом отличался от западного «иммунитета», пользуются ныне этим термином для характеристики юридического статуса, закрепленного в жалованных грамотах (В. Шульц и др.)

Многие западноевропейские историки рассматривают иммунитет в средневековой Западной Европе прежде всего как уступку феодалам функций государственной власти и приобретение земельными собственниками роли местной власти, независимой от короля. С позиций этой концепции вопрос о возможности применения понятия «иммунитет» к политическим отношениям в средневековой Руси нередко решается отрицательно. Наиболее резко отрицает наличие иммунитета в России В. Б. Ельяшевич. Его точка зрения связана с представлением об отсутствии феодальной собственности на землю в России в средние века [4]. В. Шульц близок к Ельяшевичу в том отношении, что он не считает русского землевладельца феодальным сеньором; по его мнению, иммунист — не промежуточная власть между князем и населением, а кня-

---

[1] Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 2. М.— Л., 1951, стр. 109.

[2] С. В. Юшков. История государства и права СССР, ч. 1. М., 1940, стр. 79.

[3] С. Б. Веселовский. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926, стр. 13, 23, 26 и др.; И. И. Смирнов. Судебник 1550 г.— «Исторические записки», т. 24, стр. 296; он же. С позиций буржуазной историографии.— «Вопросы истории», 1948, № 10, стр. 113—124.

[4] В. Б. Ельяшевич. История права поземельной собственности в России, ч. 1. Париж, 1948, стр. 17, 65, 111—113, 251, 268, 303, 305, 386.

жеский агент, целиком зависимый от князя и по своему положению близкий к кормленщику[5]. Сходный, хотя и не тождественный тезис выдвигает Р. Бутрюш. Он видит отличие русского иммунитета от западного в наличии контроля над иммунитетными владениями со стороны княжеской власти и в отсутствии здесь сколько-нибудь развитого феодализма[6].

Х. Дьюи, являющийся сторонником концепций С. Б. Веселовского и Дж. Блюма, не проводит принципиального различия между русским и западным иммунитетами, считая, что сущность иммунитета состоит в изъятии феодальных владений из компетенции органов государственной власти, а сам иммунитет является источником привилегий[7].

Безусловно, необходимо учитывать специфику развития иммунитета в странах Западной Европы и в России. Однако, если рассматривать корни и сущность этого явления, можно, как нам кажется, установить общую природу западных и русских иммунитетов.

С нашей точки зрения, иммунитет есть реализация экономической власти феодала методами внеэкономического принуждения и политическое господство феодала в пределах своего владения как наиболее общее проявление внеэкономического принуждения.

Полный или частичный отказ публичной власти от своих государственных прав в отношении феодальнозависимого населения (т. е. «иммунитет» в узком смысле слова), равно как и конституирование привилегированного статуса самого иммуниста, есть неизбежное следствие феодальной экономики.

Маркс показал, что «во всех формах, при которых непосредственный работник остается „владельцем“ средств производства и условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования», прибавочный продукт для номинального земельного собственника можно выжать из него «только внеэкономиче-

---

[5] W. Schulz. Die Immunität im Nordöstlichen Russland des 14. und 15. Jahrhunderts.— «Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte», Bd. 8. Berlin, 1962, S. 265—269.

[6] R. Boutruche. Seigneurie et féodalité. Paris, 1959, p. 118, 120, 258, 259.

[7] Horace W. Dewey. Immunities in Old Russia.— «Slavic Review», vol. XXIII, 1964, p. 644, 651.

ским принуждением»[8]. Экономическая и политическая власть феодала практически неразделимы. Отсюда трудность определения иммунитета с точки зрения современных понятий об экономических и политических отношениях. Внешне иммунитет выражает только политическое господство землевладельца и степень его независимости от публичной власти, но по существу иммунитет нельзя понимать как исключительно политическое явление: будучи порожден самой структурой феодальной формы земельной собственности, он служит средством реализации производственных отношений внутри феодального владения.

Поскольку иммунитет представлял собой систему социально-политических отношений, существовавших между феодалом-землевладельцем, крестьянским населением его владения и государством, он являлся своеобразным фокусом, в котором скрещивались противоречивые тенденции развития феодальной экономики и государственной централизации.

Процесс образования централизованного государства имел две основные стороны: во-первых, территориальное объединение, во-вторых, создание централизованного аппарата центрального и местного управления. Эта вторая сторона процесса централизации неразрывно связана с историей ограничения феодального иммунитета. Но эволюция иммунитета происходила не только под влиянием политики центральной власти — она в еще большей мере определялась ходом социально-экономического развития страны. В целом же эволюция иммунитета входит в число экономических и политических предпосылок складывания абсолютизма.

В русской историографии XIX — начала XX в. изучение иммунитета велось главным образом в юридическом плане: общие концепции иммунитета не сочетались с исследованием его истории, содержание отдельных норм права выяснялось путем сведения воедино показаний грамот разных эпох. Пережитки этого иллюстративно-юридического метода заметны и в некоторых более поздних трудах (А. Эка, В. Б. Ельяшевича и др.)[9].

---

[8] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 353.

[9] Обзор историографии см.: Л. В. Черепнин. Указ. соч., ч. 2, стр. 97—111; он же. Проблема крестьянского закрепощения в России в освещении буржуазной историографии.— «Критика бур-

Большая заслуга в изучении жалованных грамот XIV—XVI вв. принадлежит С. Б. Веселовскому, попытавшемуся, хотя и не вполне успешно, преодолеть ограниченность иллюстративного метода и уяснить важнейшие тенденции развития иммунитета в связи с историей тягла [10].

Совершенно новый и весьма плодотворный подход к анализу и синтезу материала жалованных грамот XIV—XV вв. находим у Л. В. Черепнина, который впервые исследовал иммунитетную политику княжеских правительств и установил политические причины выдачи ряда грамот [11].

В современной советской литературе жалованным грамотам продолжает уделяться большое внимание: они привлекаются для изучения истории феодального землевладения и иммунитета, крестьянства, городов, финансов, местного и центрального управления, внутренней политики (Л. В. Черепнин, А. Д. Горский, Г. Е. Кочин, А. М. Сахаров, Н. Е. Носов, А. А. Зимин и др.) [12].

жуазных концепций истории России периода феодализма». М., 1962, стр. 56—74, 78—80, 89 и др.; С. М. Каштанов. К историографии крепостного права в России.— «История и историки». Сб статей. М., 1965, стр. 270—312; W. Schulz. Op. cit., S. 57—86; H. W. Dewey. Op. cit., p. 643—659.

10 С. Б. Веселовский. Указ. соч.

11 Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 2, стр. 112—225.

12 Л. В. Черепнин. Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960; он же. Актовый материал как источник по истории русского крестьянства XV в. (Из истории производительных сил и производственных отношений).— «Проблемы источниковедения», т. IV. М., 1955, стр. 307—349; А. Д. Горский. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1960 (см. рецензию А. А. Зимина в «Истории СССР», 1962, № 4); Г. Е. Кочин. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII— начало XVI в. М.— Л., 1965; Ю. Г. Алексеев. Волость в Переяславском уезде XV в.— «Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII веков». М.— Л., 1960; он же. Феодальнозависимые крестьяне в вотчине Переяславского уезда XV— начала XVI в.— «Исследования по истории феодально-крепостнической России». М.— Л., 1964; он же. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. Переяславский уезд. М.— Л., 1966; А. М. Сахаров. Города Северо-Восточной Руси XIV—XV веков. М., 1959; Н. Е. Носов. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.— Л., 1957; А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного. М., 1960; он же. Опричнина Ивана Грозного.

Значительное внимание уделяется в советской историографии методике изучения жалованных грамот [13].

После издания «Грамот Великого Новгорода и Пскова» (1949), «Актов феодального землевладения и хозяйства» (ч. I—III, 1951—1961), «Актов социально-экономической истории Северо-Восточной Руси» (т. I—III, 1952—1964) почти все акты XIV — начала XVI в. (до 1506 г.) оказались опубликованными на высоком археографическом уровне и в компактном виде, что крайне облегчает работу с ними. Грамоты XVI в. еще распылены по многочисленным архивам и публикациям. В последнее время издан хронологический перечень выявленных иммунитетных грамот за 1504— начало 1584 гг. [14]

Если применительно к XII—XV вв. основные вопросы истории иммунитетной политики нашли освещение в монографии Л. В. Черепнина [15], то систематической разработки истории иммунитета в конце XV — первой половине XVI в. нет.

Имеющийся в историографии опыт изучения иммунитетных актов XVI в. (труды В. А. Милютина, М. И. Горчакова, В. Б. Ельяшевича, С. Б. Веселовского, П. П. Смирнова, Б. А. Романова, Н. Е. Носова и др.) довольно разносторонен, однако недостаточность его очевидна. Прежде всего жалованные и указные грамоты конца XV — первой половины XVI в. не исследованы во

ного. М., 1964; С. О. Шмидт. Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545—1549).— «Труды МГИАИ», т. 6. М., 1954; он же. Вопросы истории России XVI века в новой исторической литературе.— «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС». М., 1962.

[13] Н. Е. Носов. «Новое» направление в актовом источниковедении.— «Проблемы источниковедения», т. X. М., 1962; он же. О статистическом методе в актовом источниковедении.— «Вопросы архивоведения», 1962, № 4; А. А. Зимин. О методике актового источниковедения в работах по истории местного управления России первой половины XVI в.— «Вопросы архивоведения», 1962, № 1; С. М. Каштанов. К вопросу о классификации и составлении заголовков жалованных грамот.— «Исторический архив», 1956, № 3; он же. Состав иммунитетных грамот первой половины XVI века.— «Археографический ежегодник за 1962 год». М., 1963; С. О. Шмидт. Издание и изучение источников по аграрной истории России XVI в. (в послевоенные годы).— «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 г.» Минск, 1964.

[14] ХП, I, II.

[15] Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 2, стр. 97—225.

всей их совокупности. А без такого комплексного анализа не может быть уверенности в достоверности выводов, полученных различными авторами на основании более или менее иллюстративного привлечения иммунитетных грамот. К тому же исследователи жалованных грамот XVI в. обычно совершенно пренебрегали проблемой происхождения последних. Это не только крайне обедняло тематику произведений, посвященных жалованным грамотам, но и накладывало схоластический отпечаток на анализ их содержания, так как юридические нормы грамот рассматривались изолированно от конкретных обстоятельств, обусловивших включение в каждую данную грамоту именно тех, а не иных статей (клаузул).

Указанное состояние историографии и определило задачи настоящего исследования: во-первых, изучение политических причин появления иммунитетных грамот 1492—1548 гг., во-вторых, анализ их содержания с точки зрения того, какие изменения вносили они в положение феодального иммунитета. Решение поставленных задач велось в рамках исследования общих вопросов истории внутренней политики и социально-политических отношений.

Главы I—III работы написаны автором в 1966—1967 гг. и публикуются впервые. Главы IV—VI являются исправленными и дополненными вариантами трех статей, опубликованных ранее [16]. Другие статьи автора, посвященные истории феодального иммунитета в первой половине XVI в., в книгу не вошли [17]. Вопросам собственно

---

[16] С. М. Каштанов. Ограничение феодального иммунитета правительством Русского централизованного государства в 1-ой трети XVI века.— «Труды МГИАИ», т. 11. М., 1958, стр. 269—296; он же. Иммунитетные грамоты 1534 — начала 1538 года как источник по истории внутренней политики в период регентства Елены Глинской.— «Проблемы источниковедения», т. VIII. М., 1959, стр. 372—420; он же. Феодальный иммунитет в годы боярского правления (1538—1548 гг.).— «Исторические записки», т. 66, стр. 239—268.

[17] С. М. Каштанов. Из истории последних уделов.— «Труды МГИАИ», т. 10. М., 1957, стр. 275—302; он же. К проблеме происхождения феодального иммунитета.— «Исторические науки», 1959, № 4, стр. 106—121; он же. Монастырский иммунитет в Дмитровском уделе.— «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России». Сборник статей к 70-летию А. А. Новосельского. М., 1961, стр. 25—29; он же. Две жалованные грамоты 1510 года псковским монастырям.— «Записки отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина»,

дипломатики жалованных грамот (истории их dispositio, narratio и т. д.) автор намеревается посвятить специальное исследование.

Выделение в качестве самостоятельного предмета изучения иммунитетных грамот 1492—1548 гг. имеет свои основания. В этих хронологических рамках объединены грамоты трех периодов: 1492—1505, 1505—1537 и 1538—1548 гг. Первый период — это время решительной ломки старых норм феодального иммунитета. Во второй период судьбы иммунитета были в значительной мере связаны с историей последних крупных уделов. Образованные в 1504 г. по духовной Ивана III уделы его младших сыновей являлись объектами весьма активной политики центрального правительства. Все сложные внутриполитические события и в том числе выдачу иммунитетных грамот нельзя понять без учета этой острой борьбы с удельнокняжеским сепаратизмом, в которой наступило известное затишье только в результате ликвидации мятежа Андрея Старицкого в 1537 г. 1538—1548 гг.— период значительного роста монастырских тарханных привилегий, прервавшийся в 1549 г., когда к власти пришло правительство Избранной Рады.

Автор выражает благодарность А. А. Зимину за постоянное дружеское внимание.

Автор всегда ощущал поддержку со стороны товарищей по сектору истории СССР периода феодализма Института истории АН СССР и всех своих друзей.

Ряд источников был любезно указан автору С. Н. Валком, А. А. Зиминым, Л. И. Ивиной, В. А. Кучкиным, В. Д. Назаровым, Б. Н. Флорей, А. Л. Хорошкевич и другими специалистами.

Указатель к книге составлен Н. Я. Крайневой.

вып. 24. М., 1961, стр. 221—258; о н ж е. Отражение в жалованных и указных грамотах финансовой системы русского государства первой трети XVI в.— «Исторические записки», т. 70, стр. 251—275.

Глава I

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА И ФЕОДАЛЬНЫЙ ИММУНИТЕТ В 1492—1497 гг.

*

Эволюция феодального иммунитета в условиях складывания централизованного государства является одной из важных проблем социальной и политической истории России. Судьбы иммунитета тесным образом связаны с историей развития производительных сил, производственных отношений и государственной структуры.

В общем курсе великокняжеской политики отношение к феодальному иммунитету являлось вопросом большой важности. Присоединение великих и удельных княжеств к Московскому великому княжеству представляло собой только одну сторону централизации русского государства. Второй, не менее сложной задачей, стоявшей перед великокняжеским правительством, была борьба за ограничение феодального иммунитета. От нее зависело внутреннее укрепление правительственной власти, концентрация в ее руках главнейших нитей государственного управления. При феодализме невозможна полнейшая централизация власти, так как в силу феодальной структуры земельной собственности сами производственные отношения феодального строя носят «непосредственно» политический характер [1], т. е. предполагают сосредоточение в руках феодала — в том или ином объеме — государственных функций для осуществления внеэкономического принуждения. Речь, таким образом, должна идти о степени относительной централизации политической власти, о степени ограничения феодального иммунитета.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 403.

1. Состояние судебного и таможенного иммунитета в первой половине 90-х годов

Для того, чтобы представить себе социальную роль феодального иммунитета в начале XVI в. и уяснить задачи великокняжеской власти по отношению к нему, необходимо бросить взгляд на итоги эволюции иммунитета к концу предшествующего столетия.

В период княжения Ивана III история податного иммунитета вступила в фазу весьма значительных ограничений. Грамоты, фиксирующие освобождение иммунитетных владений от основных поземельных налогов и таможенных пошлин, Иван III выдавал главным образом до 80-х годов XV в. За 80-е годы таких грамот Ивана III известно очень мало[2], а за 1491—1505 гг. не сохранилось ни одной его грамоты подобного содержания.

С. Б. Веселовский указывал, что выдача светским феодалам грамот с податными освобождениями прекратилась около 1506 г.[3] Это неточно. Автор имел в виду весь комплекс грамот, как великокняжеских, так и удельнокняжеских. Однако в 90-х годах XV в.— начале XVI в. грамоты, фиксирующие податные привилегии, выдавались светским феодалам только в Рязанском княжестве[4] и в уделах[5]. По распоряжению Ивана III льготная грамота светскому феодалу была выдана в XV в. в последний раз в 1489/90 г.[6] Можно сказать, что с 1491 г. Иван III прекратил предоставление податных освобождений, причем и светским, и духовным феодалам. Даже статья о ненадобности тянуть с тяглыми людьми во всякие проторы и разметы — эта минимальная декларация податного иммунитета — встречается в грамотах Ивана III в 1492 г. в последний раз[7].

---

[2] История выдачи иммунитетных грамот с XII по конец XV в. (главным образом до 80-х годов включительно) изучена Л. В. Черепниным («Русские феодальные архивы XIV—XV веков», ч. 2. М., 1951, стр. 113—201).

[3] С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М., 1947, стр. 138.

[4] АСЭИ, т. III, № 359—361, 369; ХП, I, № 8.

[5] АФЗиХ, ч. II, № 21, 34; АСЭИ, т. III, № 64.

[6] АСЭИ, т. I, № 541.

[7] Там же, № 567, 568; ГПБ, Погод. 1905, лл. 80 об.— 81 об., № 71.

Это значит, что правительство Ивана III прекратило освобождать иммунитетные владения не только от дани, яма, великокняжеской службы, тамги и мыта, но и от более мелких платежей — дворцово-княжеского и, может быть, волостного происхождения.

Конечно, в какой-то мере сохраняли юридическую силу грамоты, выданные до 90-х годов XV в., однако их действие ограничивалось развернувшимися в конце века писцовыми описаниями. Включение иммунитетного владения в опись фактически влекло за собой отмену основных податных освобождений. Подтверждая во второй половине 80-х годов одну из своих прежних жалованных грамот Троице-Сергиеву монастырю, Иван III предписал соблюдать ее «до описи»[8]. В 1487 г. соправитель Ивана III, его сын великий князь Иван Иванович указывал своим кашинским наместникам и пошлинникам, чтобы они «не рушили ничем до описи» старые жалованные грамоты Троице-Сергиеву монастырю[9].

Политику 90-х годов XV в. можно считать первым этапом систематической борьбы за резкое ограничение податного иммунитета на Руси.

На отношение Ивана III к феодальному иммунитету, несомненно, повлияли такие события конца 70-х — начала 90-х годов, как присоединение Новгорода, Твери, наиболее значительных уделов, окончательное падение ордынского ига. Государь «всея Руси», менее чем прежде заинтересованный в поддержке крупнейших феодалов, прекратил предоставление им податных привилегий.

В грамотах удельных князей второй половины XV — начала XVI в., а также в грамотах великой княгини Марии Ярославны, татарского царевича Мухаммед-Эмина, сыновей-соправителей Ивана III — Ивана Ивановича Молодого и Василия Ивановича — не наблюдается столь же последовательной борьбы за ограничение податного иммунитета, как в грамотах Ивана III. Это говорит о том, что они были гораздо больше заинтересованы в поддержке местных феодалов, чем великий князь.

Однако, как показывает дальнейшая история иммунитета, было бы неосновательно связывать ограничительную политику лишь с успехами централизации. Для про-

---

[8] АСЭИ, т. I, № 349.
[9] ГПБ, Погод. 1905, л. 64 об., № 47.

ведения политики такого рода требовались и другие предпосылки. В конце XV в. борьба великокняжеского правительства за ограничение иммунитета протекала в условиях определенного экономического подъема, отмечаемого для этого времени рядом исследователей [10]. Изменения в системе земледелия, рост производства зерновых, развитие ремесла, внутренней и внешней торговли существенным образом активизировали хозяйственную жизнь страны. Только на этом фоне могла развернуться борьба за отмену некоторых старинных феодальных прав. Ограничение иммунитета не было изолированным явлением. Одновременно шла борьба за сокращение церковно-монастырского землевладения. Вынашивались идеи общей секуляризации. В стране нарастало секуляризационно-«еретическое» движение. Боярское землевладение в присоединенных областях оказалось под ударом. В Новгородской земле оно было ликвидировано.

Ограничение иммунитета существенно подрывало основы экономического и политического влияния крупных светских и духовных феодалов. Однако антисеньориальный и антимонастырский характер этой борьбы не носил антифеодального характера, поскольку ограничение иммунитета само по себе еще не вело к утверждению норм буржуазного права. Известно, что во второй половине XV в. ограничение права крестьянского перехода подвергалось все более частой фиксации и нашло общерусское выражение в Судебнике 1497 г. Усиление феодальной эксплуатации крестьян составляет также характерную черту этого периода. В результате резко обозначаются два явления: с одной стороны, увеличение ренты при ограничении старых средств ее реализации в виде более или менее полного податного иммунитета и рост административной власти феодала по отношению к крестьянину; с другой стороны, значительная централизация государственных финансов.

Что касается судебного иммунитета, то в грамотах на монастырские вотчины в конце 80-х и начале 90-х го-

[10] Из новейших работ см.: Г. Е. Кочин. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII — начало XVI в. М.— Л., 1965, стр. 241—248, 431—434; Ю. Г. Алексеев. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. Переяславский уезд. М.— Л., 1966, стр. 95 и др.

дов преобладает исключение из вотчинной юрисдикции одного лишь душегубства [11]. Юрисдикция светских феодалов в конце 80-х годов ограничивается, в соответствии с более ранними традициями, значительно резче: душегубство, разбой и татьба с поличным часто выпадают из сферы сеньориального суда [12]. Симптоматичным кажется наличие компромиссной нормы ограничения (изъятие душегубства и разбоя с поличным) в грамоте 1490 г. попам [13] и в грамоте 1497 г. светским феодалам [14]. Развитие идет, очевидно, в сторону унификации судебного иммунитета светских и духовных землевладельцев. Применение этой компромиссной, но для монастырей явно ограничительной нормы в двух грамотах 1500 г. Кирилло-Белозерскому монастырю [15] является начальным моментом последовательно проводившегося затем в течение ряда лет сужения светской юрисдикции монастырей и церкви.

Сокращение монастырской юрисдикции при некотором расширении судебных прав светских феодалов характеризует новый этап развития феодализма, когда светское землевладение укрепляется и расширяется, судебно-полицейские функции светских и духовных феодалов в пределах их владений приобретают более единообразный характер. Прогрессирующий процесс закрепощения крестьянства заставляет правительство на данном этапе развития государственной централизации — при отсутствии хорошо налаженной местной полицейской системы — передавать в руки светских феодалов и оставлять в руках духовных землевладельцев право суда в отношении татьбы, этой наиболее распространенной формы нарушения феодального правопорядка. Вместе с тем усилившееся централизованное государство берет в свои руки суд по душегубству и разбою, т. е. тем преступлениям, которые представляют крайнюю опасность для всего класса феодалов в целом.

---

[11] АСЭИ, т. I, № 534, 561, 567, 568; т. II, № 278; ГПБ, Погод. 1905, лл. 80 об.— 81 об., № 71.

[12] АСЭИ, т. III, № 109, 243 (ср. АСЭИ, т. II, № 274, т. III, № 110, где из юрисдикции исключается лишь душегубство).

[13] Там же, т. III, № 282.

[14] Там же, т. I, № 611.

[15] Там же, т. II, № 300, 301; Л. В. Черепнин. Указ. соч., ч. 2, стр. 200.

Приглядимся внимательнее, к чему сводилась в 90-х годах XV в.— начале XVI в. иммунитетная политика великокняжеского правительства [16].

Л. В. Черепнин считает 80-е годы XV в. переломным этапом в истории внутренней политики Ивана III [17]. События 1491 г. как бы подвели черту под целой серией централизаторских мероприятий, являвшихся содержанием этого периода ломки старой политической системы.

В 1491 г. Иван III ликвидировал последний серьезный очаг оппозиции — Углицкое княжество. В конце сентября 1491 г. он велел арестовать Андрея Васильевича «Большого» Углицкого и его детей и послал своих наместников в главные города присоединенного удела — Углич и Можайск [18].

От периода с 1492 по октябрь 1505 г. (дата смерти Ивана III) нам известны 42 иммунитетные грамоты, выданные Иваном III и его сыном Василием: 29 грамот Ивана [19] (23 жалованных, из которых 3 не сохранились, и 6 указных); 9 общих жалованных грамот Ивана III и Василия; 4 жалованные грамоты Василия [20], из которых две не сохранились [21].

В июле 1492 г. Иван III выдал три жалованные грамоты Троице-Сергиеву монастырю на его вотчины, находившиеся в пределах ликвидированного княжества Андрея Большого: в Углицком [22], Бежецком [23] и Можайском [24] уездах. Цель выдачи этих грамот состояла в

---

[16] В указанном фундаментальном исследовании Л. В. Черепнина этот этап иммунитетной политики не нашел достаточно подробного освещения.

[17] Л. В. Черепнин. Указ. соч., ч. 1. М.— Л., 1948, стр. 182; ч. 2, стр. 183, 185, 237—238, 392—393.

[18] ПСРЛ, т. IV. СПб., 1848, стр. 160; т. VI, стр. 39, 240; т. VIII, стр. 233; т. 20, первая половина, стр. 356—357; т. 23, стр. 195; т. 24, стр. 208—209; т. 27, стр. 362; т. 28, стр. 156, 321—322; «Устюжский летописный свод». М.— Л., 1950, стр. 98—99.

[19] В это число не входят две льготные грамоты, выданные от имени Ивана III местными властями черным крестьянам.

[20] В это число не входят четыре льготные грамоты, выданные от имени Василия местными властями черным крестьянам.

[21] Говоря о несохранившихся грамотах, мы имеем в виду только документы, известные по упоминаниям в других источниках. Общее же количество несохранившихся грамот, включая и те, о которых нет даже упоминаний, нам, разумеется, неизвестно.

[22] ГПБ, Погод. 1905, лл. 80 об.— 81 об., № 71.

[23] АСЭИ, т. I, № 568.

[24] Там же, № 567.

укреплении великокняжеских позиций на присоединенных территориях и, вероятно, в ограничении иммунитета.

Содержание иммунитетной части всех трех грамот одинаково: право не тянуть в проторы и разметы; неподсудность наместничьему суду, «опричь одного душегубства»; запрещение ездокам ставиться, а незваным гостям приходить на пиры и братчины. По-видимому, трамоты заменили собой предшествующие грамоты Андрея Углицкого. Его грамот с податными привилегиями на эти села не сохранилось. Возможно, они были близки к тексту грамот, выданных еще до перехода Углича и Бежецка в удел. На углицкие села имелась грамота 1455 г.[25], а на бежецкие — 1462 г.[26], которые освобождали от яма, подвод, мыта, тамги и пр. Если эти привилегии не были отменены Андреем, то можно предполагать, что грамоты 1492 г. фактически отменяли податной статус середины XV в.

Заповедный раздел грамот характеризует сложившиеся в период княжения Ивана III нормы права. Усиленные санкции против незваных гостей (разрешение брать с них за убытки в д в о е без суда и без исправы) впервые были сформулированы в великокняжеских грамотах 60-х годов XV в.[27] Этой статьей монастырским властям давались широкие полномочия для преследования нарушителей феодального правопорядка, что отвечало интересам господствующего класса в целом. Вместе с тем в грамотах 1492 г. не применялись аналогичные усиленные санкции против ездоков, которые мы встречаем иногда в грамотах середины XV в.[28] Это отражает рост обязанностей тяглого населения по отношению к княжеским посланникам.

Таким образом, при известной компромиссности несудимого и заповедного разделов, грамоты 1492 г. были сугубо ограничительными в части, касающейся податного иммунитета.

Особое значение имела статья, устанавливавшая подсудность игумена великому князю в исковых делах[29].

---

[25] Там же, № 254.
[26] Там же, № 304.
[27] Там же, № 312, 315, 322, 323 и др.
[28] Там же, т. II, № 170; АФЗиХ, ч. I, № 247.
[29] Т. е. в случаях, когда кто-либо предъявлял игумену иск, искал на него суда и управы.

Этим Иван III по существу отменял юрисдикцию митрополита в отношении игумена Троице-Сергиева монастыря [30]. Курс на отрыв монастырей от церковной иерархии в области суда и усиление их правовой зависимости от великого князя приобретал программный характер, ибо Троицкий монастырь был крупнейшим. Проведение этого курса означало раскол единой церковной организации и противопоставление одних ее частей другим.

Весьма сдержанной была иммунитетная политика Ивана III в 1493 г. От этого года мы имеем две его указные грамоты, разрешающие безмытный провоз «монастырского» хлеба в Кирилло-Белозерский [31] и Троице-Сергиев [32] монастыри. Очевидно, в обоих случаях речь шла о хлебе, являвшемся продуктовой рентой, которая поступала в монастыри из их сельских вотчин. В грамоте, касающейся Троице-Сергиева монастыря, это указано совершенно ясно: «их хлеб из их села из монастырского из Шухобала» (Суздальского уезда). О кирилловском хлебе сказано почти в тех же выражениях, но не названы села, из которых он доставлялся: «их хлеб монастырьской идет из Ростова в Кирилов монастырь» (возможно, это был частично и покупной хлеб) [33].

Пытаясь объяснить содержание рассматриваемых грамот, нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что еще в сентябре 1491 г. Иван III «торг перевел от

---

[30] Настоятель ведался главой той епархии, где находился монастырь. Поэтому не имеет значения то, что земли, на которые монастырь получил в 1492 г. грамоты, были расположены частично в Ростовской епархии (о принадлежности к ней Углича см.: АСЭИ, т. III, № 84; И. Покровский. Русские епархии в XVI—XIX вв., т. 1, Казань, 1897, стр. 66, 105), частично в Новгородской, куда входил Бежецкий Верх (И. Покровский. Указ. соч., стр. 66, 99, 100). В ряде подтверждений 1551 г. к жалованным грамотам, выданным Троице-Сергиеву монастырю в 1492 г. и позднее, восстанавливалось право святительского суда над игуменом, при этом во всех грамотах, в том числе и в относящихся к Бежецкому и Ростовскому уездам, речь идет о суде митрополита (АСЭИ, т. I, № 568; ХП, I, № 174, 181 и др.). В сохранившемся списке грамоты 1492 г. на углицкие села подтверждения 1551 г. нет, поскольку сам список датируется 30-ми годами XVI в.

[31] АСЭИ, т. II, № 292.

[32] Там же, т. I, № 573.

[33] Л. В. Черепнин считает, что в этой грамоте «имеются указания на монастырскую торговлю хлебом» (Л. В. Черепнин. Указ. соч., ч. 2, стр. 224). Источник не дает оснований для столь категорического вывода.

Троици на городок в Радонежь»[34]. Упоминание об этом в летописи показывает, что шаг Ивана III имел важное значение, однако летописец не раскрывает нам реальный смысл отмеченного им факта. Из двух позднейших грамот о ликвидации торга под Кирилло-Белозерским (1533 г.)[35] и Благовещенским Киржацким (1537 г.)[36] монастырями может сложиться впечатление, что подмонастырный торг — явление, крайне пагубно отражавшееся на положении монастырского хозяйства и монастырских крестьян из-за «насильства» торговых людей. Однако все дело состояло в праве сбора таможенных пошлин с торговых людей: если монастырь обладал этим правом, подмонастырный торг был для него крайне выгодной статьей доходов. Можно думать, что Троице-Сергиев монастырь располагал правом контроля за торговлей и сбора пошлин на подмонастырном торге, как, очевидно, имел он еще в 1539 г. это право в своем селе Медне[37]. Иными словами, действие Ивана III в 1491 г. было, скорее всего, не в интересах монастыря. Видимо, от переноса торга выигрывал ремесленно-торговый центр Радонеж, находившийся в 10 верстах от монастыря.

Это показывает, с одной стороны, новый подъем городской жизни в конце XV в., с другой стороны, стремление великокняжеского правительства освободить внутреннюю торговлю от монастырского контроля и ликвидировать таможенные права монастырей.

В этом же русле политики находится выдача грамот о беспошлинном провозе монастырского хлеба Кирилло-Белозерским и Троице-Сергиевым монастырями. Но здесь мы имеем дело с другой стороной ограничительной политики — борьбой против привилегированного положения монастырей на внутреннем рынке не как сборщиков таможенных пошлин, а как участников торговли, купцов. Грамоте 1493 г., касающейся Троице-Сергиева монастыря[38], предшествовала грамота Ивана III, посланная в феврале 1490 г. в тот же Юрьев Польской наместнику Данилу Михайловичу: «Бил ми челом троицкой ... игумен Афонасей..., а сказывает, что деи возят их жито

[34] ПРСЛ, т. VIII, стр. 223; т. XII, стр. 232; т. 27, стр. 362; т. 28, стр. 156.
[35] РИБ, т. 32, № 128.
[36] АИ, т. I, № 138.
[37] ААЭ, т. I, № 188.
[38] О ней см. также: Л. В. Черепнин. Указ. соч., ч. 2, стр. 224.

манастырское в монастырь из их села из Шухобала, и ты деи на них емлешь мыт и пошлины»[39]. В грамоте запрещалось брать пошлины с монастырского хлеба, но едва ли мы ошибемся, предположив, что действия наместника были вызваны проводившейся великим князем политикой отмены таможенных привилегий монастырей. Однако правительство, стоя на страже коренных интересов господствующего класса, выступало с позиций классовой «справедливости»: оно не могло дойти до обложения таможенными пошлинами вотчинных перевозок неторгового характера. И тем не менее борьба была столь острой, а критерии для отличения вотчинных обозов от торговых экспедиций — столь нечеткими, что, как явствует из грамоты 1493 г., новый юрьевский наместник Семен Карпович взял с вотчинного обоза мыт в размере 1 $^1/_2$ рубля и 9 денег.

Уже в грамоте 1490 г. содержалась специальная статья, запрещавшая монастырским крестьянам и посторонним людям беспошлинно провозить (разумеется, для продажи) свое жито под видом монастырского, и предусматривались соответствующие санкции: «А хто поедет с ними их крестьян, или иной хто своим житом, а учнут проводити за монастырьской хлеб, и ты на тех пошлину емли, да тогды и сь их с манастырьских саней пошлину возми всю, и они и вперед не пролыгаются». Эта статья повторена в грамоте 1493 г. Запрещение провозить чужой товар встречается уже в единичных грамотах 60—80-х годов XV в.[40], санкции же за провоз немонастырского товара декларируются в грамоте 1490 г. впервые.

Таким образом, грамоты 1493 г. появились в результате известного компромисса между великокняжеским правительством и крупнейшими монастырями: взамен запрещения монастырской беспошлинной торговли монастырям гарантировался беспошлинный провоз их вотчинных хлебных доходов. Проведение этого курса таможенной политики началось с 1489/90 г., от которого, кроме упомянутой троицкой грамоты, дошла грамота, разрешающая Кирилло-Белозерскому монастырю беспошлинный провоз ружного хлеба[41] (т. е. хлебного жалования, получаемого монастырем у великокняжеских посельских).

[39] ГПБ, Погод. 1905, л. 66 об., № 51.
[40] АСЭИ, т. I, № 453; т. II, № 256, 460.
[41] Там же, т. II, № 279.

2. Вопрос о политическом статусе наследников Ивана III

Конкретные политические мотивы выдачи грамот 1493 г. объяснить довольно трудно. Во всяком случае, ни в самих грамотах, ни в летописных текстах мы не найдем прямого ответа на этот вопрос. Остается сопоставить хронологию грамот с их географической приуроченностью.

Обе грамоты в значительной мере относятся к району Ростово-Суздальской земли: грамота о Кириллове монастыре была послана в города от Ростова до Белоозера, грамота о Троице-Сергиеве монастыре — в Юрьев Польской. Можно сказать и иначе: грамоты относились к территории ростово-ярославско-белозерской и суздальской епархий. Летописные тексты конца XV в. показывают особую роль, которая принадлежала в это время архиепископу ростовскому. Он фигурирует в качестве второго по значению лица после митрополита. Только ростовский и новгородский иерархи носили архиепископский титул, остальные были епископами. Если же учесть, что в первой половине 90-х годов XV в. ожесточенная идейно-политическая борьба между митрополитом Зосимой и новгородским архиепископом Геннадием отчасти ослабляла политический авторитет того и другого, значение «нейтрального» ростовского архиепископа Тихона будет трудно преувеличить.

Позиция церкви по отношению к централизаторской политике великих князей всегда отличалась непоследовательностью. Церковь содействовала объединению, но не до конца, с постоянной оглядкой на свой «всероссийский» престиж, на свою роль «всероссийского» арбитра. Окончательная ликвидация удельных княжеств не отвечала поэтому политическим интересам церкви. Типографская летопись под 7006 (1497/98) г. рассказывает о том, как Иван III пожелал (а фактически, вероятно, был вынужден) публично покаяться перед митрополитом, архиепископом (ростовским) и епископами за погубление Андрея Углицкого[42]. В 1497 г. смерть Андрея была лишь

---

[42] ПСРЛ, т. 24, стр. 213—214. В т. н. «своде 1497 г.» это событие описано под 7005 г. (ПСРЛ, т. 28, стр. 160).

предлогом для выступления церковников (Андрей Большой умер в 1493 г.) [43]. Но ясно, что уже сразу после поимания Андрея настроение в высших церковных кругах было не в пользу великого князя. Легко понять, как беспокоила Ивана III позиция ростовского архиепископа, в чью епархию входил Углич.

Дело осложнялось взаимоотношениями Ивана III с его сыном Василием.

Исследователями установлена тесная связь династической борьбы 90-х годов XV в.— начала XVI в. с борьбой вокруг целого ряда вопросов внутри- и внешнеполитического характера. Соперниками Софьи Палеолог и Василия были Елена Волошанка (вдова старшего сына Ивана III — Ивана Молодого) и ее сын Дмитрий — возможный претендент на престол. Позиция Ивана III в значительной мере зависела от расстановки классовых и политических сил. Заинтересованный в секуляризации церковных земель, Иван III оказывал известную поддержку близким к Елене «еретикам», из которых Федор Курицын пользовался наибольшим влиянием на великого князя. Вместе с тем Иван III понимал бесперспективность борьбы без содействия крупнейших иерархов и монастырей (отсюда — попытка привлечения «нестяжателей» к церковному руководству, посажение Зосимы на митрополичий престол). Отношение Ивана III к сыну Василию не могло быть в этих условиях простым. Желание сделать из юного князя помощника в политической борьбе постоянно сочеталось с опасностью усилить этим Василия, на которого возлагали надежды представители иосифлянской церкви, сблизившиеся с Софьей.

Политическая карьера Василия в 90-х годах XV в. (до его опалы) изучена совершенно недостаточно. Василий был номинально приобщен к государственной деятельности очень рано. Некоторые грамоты, оставшиеся до сих пор неизвестными, проливают свет на его роль в 80-х годах XV в. Историки давно знали, что в это время в Московском великом княжестве два лица носили титул великого князя: Иван III и его сын от брака с Марией Борисовной Иван Иванович «Молодой» (род. 15 февраля 1458 г.— умер 7 марта 1490 г.). Однако на самом деле был еще третий великий князь — Василий, первый сын

[43] Л. В. Черепнин. Указ. соч., ч. 2, стр. 294, 298—299.

Ивана III от брака с Софьей Палеолог (род. 25 марта 1479 г.). Грамота великого князя Василия Васильевича Троице-Сергиеву монастырю на двор в г. Костроме, датированная 16 февраля 1454 г., содержит следующую подтвердительную подпись: «По сей грамоте князь велики Василей Иванович пожаловал игумена Троицкого Сергиева манастыря Макария з братьею: сее грамоты своим наместником костромъским рушити не велел ничем. А подписал дияк Василей»[44]. Подпись относится к 1484—1488 гг., когда игуменом Троице-Сергиева монастыря был Макарий[45]. Подтвердительную подпись Василия находим еще в одном источнике — грамоте Ивана III Троице-Сергиеву монастырю от 19 мая 1481 г., касающейся земель и вод в Гороховце и Ярополче: «Князь велики Василей Иванович всея Руси сеи грамоты рушыти не велел никому ничем»[46]. Это подтверждение, судя по титулу «всея Руси», более позднее.

Итак, в 80-х годах за Василием были признаны какие-то суверенные великокняжеские права в отношении Костромы. Этот вывод заставляет нас пристальнее присмотреться к составу владений Ивана Ивановича.

Судя по правой грамоте 1475/76 г., Иван Иванович обладал в середине 70-х годов «государевыми» полномочиями в Дмитровском уезде, однако далеко не полными, поскольку судьей высшей инстанции оставался Иван III[47]. Вообще говоря, после смерти Юрия Васильевича Дмитровского (12 сентября 1472 г.) Иван III сразу же закрепил свою власть над присоединенным уделом: он выдал жалованные грамоты как на земли самого Дмитровского уезда[48], так и на те территории, которые не входили в

---

[44] ГПБ, Погод. 1905, лл. 69—70, № 56.

[45] О времени его игуменства см.: АСЭИ, т. I, стр. 764—765.

[46] ГПБ, Погод. 1905, лл. 73—74, № 59.

[47] АСЭИ, т. II, № 229. В записках Контарини под 1476 г. указано, что «сына от первой жены» Иван III «не слишком жалует за дурные его наклонности» («Путешествие Амвросия Контарини».— «Библиотека иностранных писателей о России», т. 1. СПб., 1836, отд. II, стр. 113, 180). О «дурных наклонностях» Ивана Ивановича русские источники молчат (ср. J. Fennell. Ivan the Great of Moscow. London, 1961, p. 334).

[48] Жалованные грамоты Троице-Сергиеву монастырю 1473 г.: от 25 февраля (ГПБ, Погод. 1905, лл. 61 об.—63, № 43) и 11 марта (АСЭИ, т. I, № 417); грамота Никите Заболотскому, без даты (там же, № 419).

Дмитровский уезд, но принадлежали Юрию[49]. Однако присоединение уделов к великому княжению всякий раз вызывало рост недовольства и раздражения у оставав-шихся в живых удельных князей и у представителей церковной иерархии (удельные князья обычно домога-лись своей доли «наследства»). Поэтому лавирование и видимость передачи выморочных уделов в другие руки были необходимыми элементами тактики великих князей. Возможно, Иван III поручил управлять Дмитровом свое-му сыну Ивану. Во всяком случае, за 1474—1484 гг. нет ясных данных об активной политике Ивана III в отно-шении Дмитрова. Положение меняется в 1484/85 г., когда, с одной стороны, Иван III возобновляет выдачу грамот, касающихся Дмитрова[50], с другой стороны, появляются признаки получения Иваном Ивановичем суверенных прав на суздальские и галицко-костромские земли.

Все датированные свидетельства о суздальско-галиц-ко-костромской деятельности Ивана Ивановича не выхо-дят за пределы времени между сентябрем 1483 г. и мар-том 1485 г.[51] К ним примыкает известие, датируемое по архимандриту 1482—1484 гг.[52] Эту датировку нужно су-зить, приняв за terminus ante quem non осень 1483 г., поскольку, во-первых, датированные тексты не восходят к периоду раньше этого момента, во-вторых, имеются грамоты Ивана III, которые по архимандриту тоже дати-

[49] Жалованные грамоты Троице-Сергиеву монастырю на: 1) земли в волости Воре, от 21 февраля 1473 г. (АСЭИ, т. I, № 416); 2) Тер-меневский омут в р. Воре, «что им дал брат мой князь Юрьи Ва-сильевич», ок. 1472—1474 гг. (ГПБ, Погод. 1905, л. 86, № 76); 3) с. Кучки в Юрьевском уезде — вклад по Юрии Васильевиче, 1472/73 г. (АСЭИ, т. I, № 412).

[50] Указная грамота 1484/85 г. о небрании человека на великокняже-скую службу с двора Троице-Сергиева монастыря в Дмитрове (ГПБ, Погод. 1905, л. 58, № 35); жалованная грамота тому же монастырю от 6 апреля 1486 г. (АСЭИ, т. I, № 529) и последую-щие; в описных книгах Ферапонтова монастыря 1665 и 1696 гг. упоминается грамота великого князя Ивана Васильевича «Дми-тровского уезду на Пешковской ям: с монастырских вотчин подвод имать не велено. Писана лета 7093-го (!), за черною печатью» (ГПБ, Q. IV, № 398, л. 50 об.; Погод. 1911, л. 96 об.; возможность отнесения этой грамоты как к 1584/85 г., так и к 1484/85 г. сомни-тельна).

[51] АСЭИ, т. II, № 396, 444, 479; т. III, № 237; АФЗиХ, ч. I, № 248 (список с явно искаженной датой: «7000 втораго» вместо 6992), 253.

[52] АСЭИ, т. II, № 477.

руются 1482—1484 гг.[53], но не могут относиться к концу 1483—1484 гг. из-за того, что в это время Суздалем и Гороховцом уже управлял Иван Иванович (иными словами, грамоты Ивана III следует датировать 1482 — первой половиной 1483 гг., а грамоту Ивана Ивановича — второй половиной 1483—1484 гг., причем больше оснований остановиться на 1484 г., ибо все точно датированные тексты, упоминающие Ивана Ивановича, появились в 1484 — начале 1485 гг.).

Особняком стоят три судных списка, которые датируются по игумену Троице-Сергиева монастыря Афанасию 1488—1490 гг.[54] Они касаются костромской волости Нерехты. Суд производился во всех трех случаях «по государеве грамоте великого князя Ивана Васильевича всея Русии»; судья должен был докладывать о деле «государю» великому князю, а судный список клал перед великим князем Иваном Ивановичем, который и выносил решение. На основании этих источников можно сказать только, что Иван Иванович выступал в 1488—1490 гг. в роли судьи второй инстанции по земельным тяжбам в Нерехте, т. е. был в какой-то мере приобщен к управлению Нерехтой, хотя не имел на нее суверенных, «государевых» прав, принадлежавших в это время самому Ивану III. Именно отсутствием у Ивана Ивановича в 1488—1490 гг. «государевых» полномочий нерехотский этап его карьеры отличается от дмитровского, когда судья судил «по осподаря своего слову великого князя Ивана Ивановича»[55].

Промежуток между суздальско-галицко-костромскими известиями (конец 1483 — начало 1485 г.) и нерехотскими (1488—1490 гг.) заполняется довольно компактным в хронологическом отношении комплексом данных, показывающих суверенное положение Ивана Ивановича в Твери и Кашине (сентябрь 1485 — март 1488 г.)[56].

---

[53] Там же, № 478; т. III, № 499.

[54] Там же, т. I, № 537—539.

[55] **Там же, т. II, № 229, стр. 149.**

[56] **Там же, т. I, № 518, 519, 535; т. II, № 271; т. III, № 62, 161, 180;** ГПБ, Погод. 1905, л. 60 об., № 47. Между 1485 и 1488 гг. Иван Молодой имел, вероятно, титул великого князя тверского. Известны две монеты с надписью «Князь велики [И]ван Тверски» (А. Орешников. Русские монеты до 1547 г. М., 1896, стр. 53; он же. Материалы к русской нумизматике до царского периода. М., 1901, стр. 29, № 7). Однако на большинстве его монет не ука-

Такое строго выдержанное распределение во времени материалов, относящихся к различным территориям, заставляет по-новому подойти к датировке недатированных источников, в которых фигурирует Иван Иванович. Предварительно отметим, что ни в грамотах тверского периода, ни в нерехотских судных списках 1488—1490 гг. нет никаких сведений о дьяках, участвовавших в составлении документов. Напротив, в одной из грамот суздальского периода упоминается дьяк Василий Долматов[57]. Уже И. А. Голубцов правильно, с нашей точки зрения, попытался сузить датировку подписного докладного судного списка на спорные земли Суздальского уезда, в котором судьей последней инстанции является великий князь Иван Иванович, а документ подписан Василием Долматовым[58]. Учитывая, что подтвердительную подпись Ивана Ивановича 1483/84 г. на жалованной грамоте Спасо-Евфимьеву монастырю скрепил дьяк Вас. Долматов[59], И. А. Голубцов выдвинул в качестве начальной возможной даты документа 1483—1484 гг., «когда к делу мог иметь отношение упоминаемый здесь дьяк Вас. Долматов»[60]. Правда, одновременно автор исходил из общих соображений о великом княжении Ивана Ивановича до марта 1490 г. и поэтому датировал документ 1484—1490 гг. Однако показанное выше строго хронологическое распределение источников различной территориальной приуроченности и отсутствие упоминаний дьяка Василия Долматова в грамотах Ивана Ивановича конца 1485—1490 гг. требуют еще большего сужения датировки и ограничения ее временем между осенью 1483 г. и весной 1485 г. Такая же датировка наиболее обоснована для правой грамоты суда К. Наумова, начатого «по великого

зываются территориальные атрибуции: «Великого князя Ивана Ивано...» (А. Орешников. Русские монеты до 1547 г., стр. 54—55, № 323—330). Я. С. Лурье считает, что Иван Иванович получил титул великого князя тверского наряду с титулом великого князя московского (Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. М.—Л., 1960, стр. 390). Источников, называющих его великим князем «московским», мы не знаем.

[57] АСЭИ, т. II, № 444. О Вас. Долматове см.: Л. В. Черепнин. Указ. соч., ч. 2, стр. 309—310.

[58] АСЭИ, т. II, № 481.

[59] Там же, № 444.

[60] Там же, стр. 521.

князя грамоте Ивана Ивановича» и рассматривавшего тяжбу о земле в районе Гороховца [61].

Пять правых грамот, помещенных в первом томе АСЭИ, И. А. Голубцов датировал 1485—1490 гг. на основании своего представления о «великом княжении» Ивана Ивановича в это пятилетие [62]. Во втором томе издатель отказался от этой исходной посылки и указал в качестве времени великого княжения Ивана Ивановича более длительный период — с начала 70-х годов до 1490 г., заметив при этом, что «до 80-х годов титул не связывался, по-видимому, с управлением определенной территорией» [63].

Две из пяти рассматриваемых грамот относятся к Кинельскому [64] и Верхдубенскому [65] станам Переславль-Залесского уезда, обе подписаны дьяком Василием Долматовым. Великий князь Иван Иванович выступает в этих документах как судья, непосредственно ведший дело, он не является «государем» подопечной территории. Судя по подписи В. Долматова, грамоты можно было бы отнести к первой половине 80-х годов. Скорее всего они появились в самом начале их, еще до получения Иваном Ивановичем суздальско-галицко-костромской территории, ибо в документах осени 1483 г.— весны 1485 г. нет данных о подведомственности ему Переславского уезда. За начало 80-х годов говорит и то, что в кинельской грамоте истцы-вотчинники упоминают как недавнее событие свое отсутствие по причине новгородского похода: «А мы, господине, были с отцом с твоим, с великим князем, на службе в Новегороде в Великом». В карьере Ивана Ивановича отправление должности судьи в Переславле-Залесском было, может быть, переходным этапом от деятельности в Дмитрове к выполнению более ответственной миссии в области Суздаля и Костромы.

Две другие грамоты, близкие между собой по формуляру и составу действующих лиц, касаются Залесской волости Костромского уезда и не имеют дьячьей подписи [66]. В обоих документах Иван Иванович фигурирует в

---

[61] Там же, № 483 (здесь датируется 1485—1490 гг.).
[62] Там же, т. I, № 521—525.
[63] Там же, т. II, стр. 521.
[64] Там же, т. I, № 521.
[65] Там же, № 522.
[66] Там же, № 524, 525.

качестве «государя» и судьи последней инстанции. На основании территориальной принадлежности грамот и суверенной роли Ивана Ивановича относим эти документы к осени 1483 — весне 1485 г., в соответствии с территориально-хронологическим распределением датированного материала.

Особенный интерес представляет правая грамота на пустошь Кашино в Залесской волости Костромского уезда [67]. Нам кажется, что документ этот составлялся не единовременно. Первая его часть — протокол суда Кузьмы Климентьева, производившего расследование «по государя своего грамоте великого князя Ивана Ивановича» — может быть отнесена, очевидно, к суздальско-галицко-костромскому периоду деятельности Ивана Ивановича. Затем в документе появляются некоторые «странности». После последней фразы первой части — «И о сем судья ялъся доложити осподаря своего великого князя» — вместо ожидаемого сообщения о докладе Ивану Ивановичу и о его решении идет заявление одного из свидетелей совсем другому лицу — Ник. Вас. Беклемишеву, представителю Ивана III, причем заявление, явно компрометирующее судный список, поданный на рассмотрение: «Андрейко сказал, что суд был не таков, как писано в сем списку». Такое заявление можно было сделать только по истечении какого-то промежутка времени после окончания судопроизводства. Для нас важно постановление Н. В. Беклемишева, который «велел судье Кузме Климентиеву обоим исцем срок учинити перед великим князем Иваном Ивановичем, как будет у своего оца у великого князя со Твери, потому что князь великий Иван Васильевичь всея Руси велел суды земляные отложити до своего сына, до великого князя». Дело не предполагалось решить в самое ближайшее время: не случайно великокняжеский дьяк Леонтий подписал резолюцию Беклемишева «памяти деля» (чтобы не забыть). Лишь после этого читаем третью и последнюю часть грамоты, где описывается доклад Ивану Ивановичу, рассмотрение им и решение этого дела.

Думается, что тяжба возникла незадолго до переезда Ивана Ивановича в Тверь, возобновлена же была в пе-

---

[67] АСЭИ, т. II, № 523.

риод деятельности Ивана Ивановича в Твери, и, скорее, ближе к концу, чем к началу этого периода, поскольку Иван III, очевидно, уже принял решение о переводе Ивана Ивановича из Твери. Высказывание Беклемишева «как будет у своего оца... со Твери» достаточно осторожно, но обратим внимание, что после марта 1488 г. нет следов активной политики Ивана Ивановича в Тверской земле. Видимо, намечался не приезд сына в гости к отцу, как можно подумать, читая постановление Беклемишева, а перемена политического статуса Ивана Ивановича. Наконец, завершение дела должно, по всей вероятности, относиться к 1488—1490 гг., когда Иван Иванович занимался разбором костромских земельных тяжб. В последней части изучаемого документа, как и в судных списках 1488—1490 гг., не находим признаков «государевых» прав Ивана Ивановича в отношении Костромского уезда. Интересно, что помощником (а может быть, и советчиком) Ивана Ивановича в это время являлся близкий к Ивану III дьяк Федор Курицын (он подписал рассматриваемую правую грамоту на пустошь Кашино[68]).

У нас есть еще два недатированных известия, связанных с именем Ивана Ивановича. Одно — это его подтверждение к жалованной грамоте Ивана III от 18 мая 1481 г. Троице-Сергиеву монастырю на галицкие вотчины (две соляные варницы и двор в Галиче, дер. Гнездиковскую и др.)[69], другое — разъезжая грамота судьи Ивана Бестужева, данная «по государеве грамоте великого князя Ивана Ивановича» на спорные земли Костромского монастыря Ивана Предтечи и крестьян Корежской

---

[68] Ср. А. А. Зимин. Основные проблемы реформационно-гуманистического движения в России в XIV—XVI вв.— «История, фольклор, искусство славянских народов». Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963). М., 1963, стр. 104; он же. О политических предпосылках возникновения русского абсолютизма.— «Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.)». Сб. статей к семидесятилетию со дня рождения и сорокапятилетию научной и педагогической деятельности Б. Б. Кафенгауза. М., 1964, стр. 33. Около 1482—1486 гг. Ф. Курицын был в Венгрии, откуда он вернулся не позднее 23 марта 1486 г. (Л. В. Черепнин. Указ. соч., ч. 2, стр. 311; по мнению Я. С. Лурье, «Курицын мог приехать и в 1485 г. и еще ранее, во второй половине 1484 г.» — см. Я. С. Лурье. Указ. соч., стр. 401).

[69] ГПБ, Погод. 1905, лл. 76 об.— 77 об., № 65.

волости Костромского уезда[70] (текст дошел в составе правой грамоты от 24 мая 1521 г.[71]).

Подтвердительная запись на троицкой грамоте адресовалась игумену Макарию (1484—1488 гг.) и имела подпись дьяка Вас. Долматова. По дьяку и территориальной приуроченности грамоты это подтверждение можно датировать 1484 — началом 1485 гг.

В разъезжей нам не удалось отыскать никаких датирующих признаков, кроме сведений о суверенном положении Ивана Ивановича и территориальной принадлежности документа. Зато в правой грамоте 1521 г., сохранившей текст разъезжей, есть прямое указание, что Иван Иванович «с Костромы посылал дозорщика»[72]. Мы знаем время пребывания Ивана Ивановича в Костроме — это 1483/84 г.[73] (возможно, и начало 1485 г.).

Если от фактов, установленных здесь путем анализа актового материала, перейти к изучению летописных текстов, то взаимосвязь сведений может послужить основой для реконструкции политической роли Ивана Молодого.

Наделение Ивана Ивановича некоторыми управленческими функциями в отношении Дмитрова в середине 70-х годов XV в. было обусловлено наступившим совершеннолетием наследника престола (17 лет) и стремлением Ивана III с его помощью нейтрализовать претензии удельных князей. Участие Ивана Ивановича в управлении Переславль-Залесским краем в начале 80-х годов могло определяться опять-таки нейтрализаторскими тенденциями Ивана III, пытавшегося противопоставить своего сына усилившейся после смерти Андрея Меньшого (1481 г.) коалиции углицкого и волоцкого князей (еще за месяц до смерти Андрея Меньшого Иван III был вынужден уступить Андрею Углицкому Можайск, а Борису Волоцкому ряд сел).

Новое возвышение Ивана Ивановича, относящееся, судя по грамотам, к концу 1483—началу 1484 г., было связано, возможно, с усложнением династической борь-

---

[70] ЦГА г. Москвы, ф. 421 (Донского монастыря), оп. 1, св. 1, № 30, лл. 8 об.— 9 об.

[71] Там же, лл. 7—15. Список конца XVII в., попорченный по нижнему краю листов.

[72] Там же, л. 8 об.; ср. л. 12 об.

[73] АФЗиХ, ч. I, № 248, стр. 213 (о явной ошибочности даты «7000 второго» см. выше).

бы после рождения у Ивана Ивановича сына Дмитрия в октябре 1483 г.[74] В ведение Ивана Ивановича отдавались (по существу на правах удела) старинные гнезда княжеской оппозиции — Суздальский уезд с Гороховцом, где огромным влиянием пользовались князья Шуйские, недавние суверены этой территории, и район Галича — Костромы — наследство непокорного Шемяки, на которое могли предъявлять претензии удельные князья московского дома во главе с мятежным Андреем Большим.

Присоединение Иваном III Тверского княжества, отчасти пограничного с Углицким и Волоцким уделами, неизбежно должно было привести к дальнейшему обострению отношений с Андреем Большим и другими удельными князьями. В этих условиях наступает кульминационный момент политической карьеры Ивана Ивановича — ему отдается (в статусе «великого княжения») Тверская земля, причем сразу по завоевании Твери и, очевидно, с определенным формальным обрядом и декларацией (недаром факт отмечен в летописи[75]). Завоевание Твери могло вызвать большие затруднения не только внутреннего, но и внешнеполитического порядка (Литва, Орда). Передача Тверской земли внуку тверского великого князя Бориса Александровича и «сестричичу» (племяннику по сестре) свергнутого великого князя Михаила Борисовича, создавая известную видимость «легитимности», преследовало далеко идущие внутри- и внешнеполитические цели. Великий князь Иван Иванович немедленно приступил к укреплению своих позиций в Тверской земле, выдав в сентябре 1485 г. три жалованные грамоты на вотчины в Тверском, Кашинском и Новоторжском уездах Троице-Сергиеву монастырю[76], влиятельнейшему духовному феодалу, тесно связанному с московским великокняжеским правительством.

Не позже августа 1486 г., а скорее всего раньше этого времени Иван III несколько ограничил пределы территории, подвластной Ивану Ивановичу. Судя по составу выданных в сентябре 1485 г. грамот, Иван Молодой получил первоначально право ведать не только Тверским и Кашинским уездами, но и соседним Новоторжским

[74] ПСРЛ, т. 25, стр. 330.
[75] Там же, стр. 331.
[76] АСЭИ, т. I, № 517—519; Л. В. Черепнин. Указ. соч., ч. 2, стр. 180.

уездом [77]. Однако уже 27 августа 1486 г. жалованную грамоту на села Новоторжского уезда выдал сам Иван III [78].

Не приходится сомневаться в том, что, получив Тверскую землю, Иван Иванович потерял право на суздальско-галицко-костромские земли. За это говорит не только отсутствие каких-либо упоминаний о его управлении этим районом в конце 1485 — начале 1488 г., но и наличие, с одной стороны, грамот Ивана III второй половины 80-х годов, касающихся Суздальского и Костромского уездов, с другой стороны,— приведенного выше подтверждения «великого князя» Василия Ивановича на грамоте, посвященной Костроме. Грамоты Ивана III позволяют уточнить хронологию подтвердительной подписи Василия Ивановича: если в конце 1483 — начале 1485 г. Кострома и Галич еще принадлежали Ивану Ивановичу, то, может быть, уже летом 1485 г. Кострома перешла в ведение Ивана III (сохранился список с указной грамоты «93» г., посланной шухошамским волостелям Костромского уезда: в intitulatio назван Федор Иванович, поскольку грамота была отнесена переписчиком к XVI в., однако В. Д. Назаров и И. А. Голубцов восстанавливают здесь имя Ивана Васильевича [79]; у нас нет полной уверенности в правильности этой конъектуры — в оригинале могло указываться лицо, имевшее отчество «Иванович»: Иван Иванович или Василий Иванович; такое предположение лучше объясняет ошибку переписчика).

В 1486/87 г. Иван III выдавал грамоты на земли в Нерехотской волости и в волости Соти Костромского уезда [80]; в марте 1488 г. он же выдал грамоту на земли Галицкого уезда [81]; в 1488—1490 гг. по его распоряжению земельными тяжбами в Костромском уезде ведал великий князь Иван Иванович. Отсюда заключаем, что подтверждение великим князем Василием Ивановичем грамоты 1454 г. на костромской двор могло состояться в период игуменства Макария (1484—1488 гг.) не раньше второй половины 1485 г. и не позже первой половины 1486 г. Дьяк Василий, подписавший подтверждение Василия Ивановича,— это, возможно, Василий Долматов,

[77] АСЭИ, т. I, № 517.
[78] Там же, № 531.
[79] Там же, т. III, стр. 483, гр. 8.
[80] Там же, № 241, 502 (стр. 481, гр. 3).
[81] Там же, № 243.

откомандированный после присоединения Твери от Ивана Ивановича и приставленный к Василию Ивановичу.

Что касается Гороховецкой волости, то суд «по великого князя грамоте Ивана Ивановича», производившийся здесь К. Наумовым, мы датировали осенью 1483 — весной 1485 г.[82] Ближайшая по времени к этому событию грамота Ивана III, посвященная Гороховецкой волости, была выдана 22 декабря 1485 г.[83] Это свидетельствует о потере Иваном Ивановичем прав на Гороховец не позже второй половины 1485 г.

Очевидно, Василий Иванович был сделан «великим князем» и наделен некоторыми территориями, бывшими ранее за Иваном Ивановичем, сразу после перевода последнего в Тверь. Эта попытка заявления великокняжеских и территориальных прав малолетнего Василия обусловливалась, вероятно, не столько задачей нейтрализации удельных князей, сколько давлением на Ивана III сил, группировавшихся вокруг великой княгини Софьи, еще при жизни Ивана Ивановича мечтавшей, конечно, о роли наследника престола для своего старшего сына. Давление это было тем более значительным, что Иван III, возможно, признал Дмитрия-внука «великим князем» сразу после его рождения[84] и тем самым решил династический вопрос в пользу потомства Ивана Ивановича.

Пожалование Василию великокняжеского титула должно было известным образом уравновесить силы соперничавших сторон[85]. Иван III не дал, однако, расцве-

---

[82] Там же, т. II, № 483.

[83] Там же, № 482.

[84] В т. н. Тверском сборнике сообщается: «...Родися сын у великой княины у Олены князь великий Дмитрей Ивановичь, на Москве» (ПСРЛ, т. XV, стр. 499). Сам Иван Иванович имел титул великого князя с 1471 г. (ГВНиП, № 25—27; ПСРЛ, т. VI, стр. 9; т. VIII, стр. 163, 168; J. Fennell. Op. cit., p. 333), поэтому известие о пожаловании его сына титулом великого князя уже при рождении не лишено полностью вероятия. Однако, поскольку Тверской сборник составлялся около 1498 г., когда Дмитрий был действительно венчан на великое княжение, есть все основания подозревать этот источник в тенденциозной приписке Дмитрию великокняжеского титула под 1483 г. (ср. А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества.— «Известия АН СССР», VII серия, Отделение гуманитарных наук Л., 1930, стр. 741; Л. В. Черепнин. Указ. соч., ч. 2, стр. 300).

[85] Дж. Феннел считает, что соперничество между Еленой и Софьей началось с 1483 г., после рождения Дмитрия (J. Fennell. Op. cit., p. 324).

сти «великокняжеской» деятельности Василия и, по-видимому, уже в 1486 г. покончил с опытом его костромского княжения. Вместе с тем отобрание в 1486 г. у Ивана Ивановича Новоторжского уезда, а после марта 1488 г. фактическое прекращение его тверского правления в целом [86] заставляет отказаться и от традиционного представления об идиллическом характере отношений между Иваном III и Иваном Молодым. Интересно, что отставка Ивана Молодого от тверского княжения совпадает по времени с активной деятельностью при дворе Ивана III родственников великой княгини Софьи — Дмитрия и Мануила Ралевых-Палеологов, посланных вскоре в Италию, вероятно, с важным поручением [87]. Но принцип «разделяй и властвуй» не был чужд политике Ивана III. Давая Ивану Ивановичу в 1488 г. право суда второй инстанции в нерехотско-костромской области, Иван III добивался нейтрализации потенциальных или реальных претензий Софьи на Нерехотскую волость — традиционный удел великих княгинь (после смерти Марии Ярославны в середине 1485 г. Нерехта как костромское владение, очевидно, перешла на короткое время в ведение Василия Ивановича, т. е. де-факто Софьи, а затем самого Ивана III) Таким образом, и здесь Иван Молодой выступал в какой-то мере в качестве антагониста великой княгини.

---

[86] Мнение о том, что Иван Молодой «пребывал на тверском княжении до своей смерти в 1490 г.» (Л. В. Черепнин. Указ. соч., ч. 2, стр. 300), не подтверждается источниками. Еще в марте 1488 г. посол польского короля Казимира излагал Ивану III жалобу своего государя на действия людей «Тферьское земли» «сына твоего великого князя Молодого» («Сб. РИО», т. 35, стр. 16), а уже в марте 1489 г. посол Ивана III защищал перед Казимиром интересы гостей «Московские земли и Тферьские земли и Ноугородские земли» без каких-либо ссылок на подданство тверских гостей Ивану Ивановичу (там же, стр. 23 и след.). С июля 1488 г. по февраль 1490 г. в посольских документах упоминаются, наряду с поклонами от Ивана III, поклоны от великого князя Ивана Ивановича польскому королю и королевичам и ему от них (там же, стр. 18, 19, 34, 40, 41), чего не было раньше (там же, стр. 6, 13, 14). Это позволяет предположить, что после марта и до июля 1488 г. Иван Иванович переехал из Твери в Москву (в русской формуле поклона королевичам есть слова: «которые тут будут у короля»; очевидно, и польская сторона посылала поклоны Ивану Ивановичу, зная о его присутствии в Москве, при особе великого князя).

[87] ПСРЛ, т. 27, стр. 288.

В дальнейшей судьбе Ивана Ивановича родственники Софьи сыграли, возможно, роковую роль. Именно привезенный ими из Венеции лекарь «мистро Леон» вызвался лечить и залечил до смерти тридцатидвухлетнего великого князя, заболевшего (до или после возвращения Палеологов?) «камчюгою в ногах»[88]. Совпадение во времени приезда Палеологов, болезни и «лечения» Ивана Ивановича кажется поразительным, хотя оно может быть и случайным. Ясно одно: династическая борьба во второй половине 80-х годов разгорелась с большой силой, и не исключено, что Иван Иванович пал ее жертвой[89]. Второй брак Ивана III с самого начала таил в себе смертельную опасность для Ивана Молодого, так как рано или поздно должна была возникнуть борьба за право престолонаследия между ним и сыном Софьи. Палеологи не могли не хотеть избавиться от Ивана Молодого при жизни Ивана III, когда сын Марии Борисовны не имел еще основания занять престол.

Какими данными располагаем мы для суждения о карьере Василия Ивановича после смерти великого князя Ивана Ивановича Молодого до официальной опалы, наложенной на Василия Иваном III в конце 1497 г.?

От марта до августа 1490 г. сведений, касающихся статуса Василия Ивановича, источники не сохранили. Самое раннее из точно датированных указаний относится к октябрю 1490 г., когда Василий выдал кормленую грамоту Гр. Осоке на управление половиной г. Зубцова[90].

По сообщению Никоновской летописи и Степенной книги, в октябре 1490 г. великий князь Василий Иванович присутствовал на соборе против новгородских еретиков «вместо самодержавнаго отца своего»[91]. В других летописях и в хронографе этого известия нет. В двух редакциях жития Иосифа Волоцкого слиты воедино сведения о соборах 1490 и 1504 гг. Вероятно, именно поэтому в них отмечается участие Василия в работе собора наряду с Иваном III: «съседяше же отцем тогда благочести-

---

[88] Там же, стр. 289.

[89] Курбский говорит о погублении Ивана Ивановича самим Иваном III и Софьей («Сочинения князя Курбского», т. 1. СПб., 1914, стб. 271). Но в основе этого известия лежит, очевидно, слух, ставший легендой (см. J. F e n n e l l. Op. cit., p. 334).

[90] АСЭИ, т. III, № 181.

[91] ПСРЛ, т. XII, стр. 225; т. 21, вторая половина, стр. 568.

вый самодержец Василие...»[92]. По-видимому, появление Василия на соборе 1490 г. в текстах Никоновской летописи и Степенной книги надо также считать результатом позднейшего смешения известий о соборах 1490 и 1504 гг.

Источники, современные собору 1490 г., молчат о присутствии на нем Василия. В «Поучении» митрополита Зосимы и всего собора о еретиках говорится, правда, что Ивана III на соборе первоначально в самом деле не было, но прислал он вместо себя не малолетнего сына, а бояр и дьяка: «В свое место прислал бояр своих — князя Ивана Юрьевича, Юрья Захарьича, Бориса Васильевича, диака своего Андрея Майка»[93]. В большинстве текстов, посвященных собору декабря 1504 г., отмечается совместное участие Ивана III и Василия в раскрытии новгородской ереси[94] и не указывается, что Василий присутствовал на соборе вместо отца[95], но фогт Нарвы в своем донесении орденмейстеру от 5 февраля 1505 г. писал со слов русского пленного, что именно Василий приказывает хватать и жечь еретиков[96] (вероятно, эта характеристика относится к деятельности Василия сразу после собора, ибо перед этим известием упоминается о казни Волка Курицына). Следовательно, едва ли можно пользоваться версией Никоновской летописи и Степенной книги об участии Василия в работе собора 1490 г.

Другие датированные тексты, касающиеся карьеры Василия в 1490—1497 гг., распределяются в хронологической последовательности следующим образом: 1) 1490/91 г.— подтверждение к грамоте Ивана Ивановича 1486 г. о беспошлинном проезде торговых экспеди-

---

[92] «Чтения ОИДР», 1903, кн. 3, [отд.] II, стр. 34; Я. С. Лурье. Указ. соч., стр. 235—236.

[93] Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.— Л., 1955, стр. 385; см. А. И. Клибанов. Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М., 1960, стр. 199.

[94] ПСРЛ, т. IV. СПб., 1848, стр. 278; т. VI, стр. 49, 244; т. XII, стр. 258; т. 20, первая половина, стр. 375; т. 26, стр. 296—297; т. 28, стр. 337; Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Указ. соч., стр. 508.

[95] В Воскресенской летописи и в хронографе упоминается лишь о присутствии Ивана, имя Василия опущено (ПСРЛ, т. VIII, стр. 244; т. 22, ч. 1, стр. 515; С. О. Шмидт. Продолжение хронографа редакции 1512 года.— «Исторический архив», т. VII. М., 1951, стр. 276; ср. ПСРЛ, т. 28, стр. 337, примечания е-е и ***-***).

[96] LEKUB, 2-te Abt., Bd. 2, № 722, S. 563 (перевела со старонемецкого А. Л. Хорошкевич, любезно указавшая мне этот источник).

ций Кирилло-Белозерского монастыря по Тверской земле (дьяк Олешка Безобразов) [97]; 2) 1491/92 г.— указная К. Свиньину о производстве расследования по спорному межевому делу [98] в Костромском уезде [99]; 3) 1492/93 г.— сообщение Разрядной книги об отправке Иваном III Василия в Тверь и о назначении при нем воеводами Д. В. Щени и др. [100]; 4) 1492/93 г.— подтверждение к указной грамоте Ивана Ивановича 1487 г. о ненарушении «до описи» старой жалованной грамоты Троице-Сергиеву монастырю на двор и поляну в Кашине (дьяк Олеша Безобразов) [101]; 5) 1496 г. марта — льготная дворского Жабенской волости Кашинского уезда крестьянам-новосадцам [102]; 6) 1496 г. апреля — указная в Ярославль тиуну о размежевании земель [103]; 7) 1496/97 г.— указная Федору Михайлову сыну Афанасьева о расследовании тяжбы между Троице-Сергиевым монастырем и Микляшем Захаровым по поводу земель деревень Пошляковой и Брюховой в Кинельском стане Переславль-Залесского уезда [104]; 8, 9) 1497 г. июля 23 — две льготные дворского и десяцкого Жабенской волости Кашинского уезда крестьянам-новопорядчикам [105]; 10) 1497/98 г.— льготная волостеля Гороховецкой волости (Суздальского или Нижегородского уезда) крестьянам Кухмыревым [106].

Специального внимания заслуживает вопрос о титуле Василия Ивановича в 90-х годах XV в. В октябрьской грамоте 1490 г. и в текстах, фигурирующих выше под № 1—4, 6, 7, Василий именуется просто князем. В текстах № 5, 8—10 он назван великим князем всея Руси. Однако особенность текстов № 5, 8—10 заключается в том, что все это — включенные акты, дошедшие в составе подлинных документов того времени, когда Василий Иванович был действительно великим князем всея Руси (№ 5, 8, 9 — в судном списке 1504 г., № 10 — в правой

---

[97] АСЭИ, т. II, № 271.
[98] Там же, т. III, № 244.
[99] Уездная принадлежность документа установлена И. А. Голубцовым.
[100] «Разрядная книга 1475—1598 гг.» М., 1966, стр. 23.
[101] ГПБ, Погод. 1905, л. 64 об., № 47.
[102] АСЭИ, т. III, № 163.
[103] Там же, № 215.
[104] ГПБ, Погод. 1905, л. 83—83 об., № 74.
[105] АСЭИ, т. III, № 164, 165.
[106] Там же, т. II, № 489.

1529 г.). Для № 5, 8, 19 корректирующим материалом являются синхронные им грамоты № 6, 7. Поэтому титул в текстах № 5, 8, 9 можно уверенно считать результатом редакторской работы составителя судного списка 1504 г. Механический характер вставки слова «великого» в этих грамотах очевиден: вместо привычной для этого типа intitulatio инверсии («по великого князя слову...»[107]) здесь находим неестественный оборот («по слову великого князя...»). На фоне явной фальсифицированности intitulatio в грамотах № 5, 8, 9 останавливает внимание внешняя достоверность формулировки в грамоте № 9: «По великого князя слову...» При отсутствии для № 10 вполне синхронного сравнительного материала трудно дать твердое заключение о степени точности правой грамоты 1529 г. в передаче титула Василия Ивановича 1497/98 г. Нельзя ли связать гороховецкое свидетельство 1497/98 г., если считать его достоверным, с упоминавшимся выше загадочным подтверждением великого князя Василия Ивановича всея Руси к грамоте 1481 г. Троице-Сергиеву монастырю на гороховецкие и яропольские владения?

Во всяком случае, с октября 1490 г. до лета 1497 г. включительно Василий Иванович носил титул только князя.

Почему Тверское княжение досталось Василию не сразу после смерти Ивана Ивановича? Необходимо помнить, что у Ивана Молодого был сын Дмитрий, который, по-видимому, являлся претендентом на Тверское княжение. Иван III, вероятно, колебался при решении вопроса о тверском наследстве. Очевидно, только после поражения еретиков на соборе 1490 г. Василий получил политическое преимущество перед Дмитрием, вследствие чего Иван III и был вынужден предоставить ему Тверское княжение.

О титуле Дмитрия до 90-х годов трудно судить из-за отсутствия надежных данных. Еще А. Н. Насонов поставил вопрос об отношении Дмитрия к тверскому наследству его отца: «Прямых указаний на то, состоялось ли пожалование — у нас нет... Дмитрий пожалования ожидал, может быть получил»[108]. Аналогичного мнения при-

---

[107] См., например: АСЭИ, т. I, № 541 и др.
[108] А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 741.

держивается и Л. В. Черепнин: «У нас нет никаких указаний на то, что Тверь перешла к сыну Ивана Молодого Дмитрию, но предъявлять на нее права последний, естественно, мог»[109]. Более определенно к гипотезе о приобретении Дмитрием по наследству титула великого князя тверского склонился Я. С. Лурье[110]. Дж. Феннел, напротив, обратил внимание на то, что в 6999 (1490/91 г.) тверскую грамоту Ивана Ивановича подтвердил Василий[111], из чего автор заключает: «...После смерти Ивана Ивановича Василий, кажется, получил номинальный контроль над Тверью»[112]. А. А. Зимин, ссылаясь на октябрьскую грамоту 1490 г. и грамоту 6999 г., пишет: «После смерти Ивана Ивановича Молодого (март 1490 г.) Тверь была передана не его малолетнему сыну Дмитрию, а Василию Ивановичу»[113].

Точка зрения Я. С. Лурье лишена каких-либо твердых оснований, однако и в схеме исследователей, установивших, что с осени 1490 г. Тверь получил Василий, имеется один необъясненный момент: хронологический разрыв между смертью Ивана Ивановича (март 1490 г.) и первыми проявлениями прав Василия на Тверь (октябрь 1490 г.).

А. В. Орешников отметил существование двух монет, предположительно тверского происхождения, с именем князя Дмитрия. Весьма условно он отнес их к Дмитрию-внуку, оговорив гипотетичность этой атрибуции и возможность других толкований[114]. Автор связывал появление монет с коронацией Дмитрия-внука и высказал догадку о получении им Тверского княжения или денежного откупа в Твери. Однако предложенное Орешниковым хронологическое приурочение монет принять нельзя: в 1498—1502 гг. Дмитрий носил титул великого князя, а на монетах он фигурирует просто как «князь Дмит[рий]».

---

109 Л. В. Черепнин. Указ. соч., ч. 2, стр. 300.
110 Я. С. Лурье. Указ. соч., стр. 390.
111 АСЭИ, т. II, № 271.
112 J. Fennell. Op. cit., p. 335.
113 А. А. Зимин. Основные проблемы..., стр. 104; он же. О политических предпосылках..., стр. 33.
114 А. Орешников. Две древнерусские деньги.— «Археологические известия и заметки», 1897, № 12, стр. 382—384; он же. Материалы к русской нумизматике до царского периода. М., 1901, стр. 25—26, № 69.

Если согласиться с А. В. Орешниковым в том, что монеты относятся к Дмитрию, вернее, на наш взгляд, датировать их по титулу временем до 1498 г. Поскольку осенью 1490 г. Тверь перешла под власть Василия и впоследствии он вплоть до 1497 г. либо посылался в Тверь, либо имел владетельные права на Кашинский уезд, единственный хронологический отрезок, к которому можно отнести тверские монеты «князя Дмитрия», считая его Дмитрием — внуком Ивана III,— это период между мартом и октябрем 1490 г. Дошедшие источники не позволяют разгадать специфику положения Твери в апреле 1488 — марте 1490 гг., когда Иван Иванович, по-видимому, отсутствовал в этом городе. Перешла ли в это время Тверь под номинальную власть Дмитрия (тогда хронологические рамки для датировки его монет расширяются), осталась ли она формально «за» Иваном Молодым или была включена непосредственно в великокняжеский домен, сказать трудно. Во всяком случае, думать, что Тверь уже с 1488 г. попала в сферу влияния Василия, нет оснований, так как в этом случае едва ли имелся бы хронологический разрыв между смертью Ивана Ивановича и первыми проявлениями прав Василия на Тверь.

Изучение источников 90-х годов XV в. позволяет значительно расширить круг материалов, относящихся к карьере Василия Ивановича в это время. В жалованной грамоте Ивана Молодого Троице-Сергиеву монастырю 1485 г. на села Кашинского уезда имеется подтверждение 1492/93 г., подписанное дьяком Олешкой Безобразовым [115]. При издании подлинника оказалось невозможным прочесть начало этого подтверждения. Не помогли и списки, ибо текст был неисправным уже в XVI в. (переписчик 80-х годов XVI в. отметил: «первые строки не знати»). В АСЭИ предположительно дается следующая реконструкция текста: «Князь великий Иван Васильевичь всеа Русии по сей грамоте пожаловал...» От этой конъектуры следует решительно отказаться, учитывая наличие сохранившегося подтверждения князя Василия Ивановича 1492/93 г., за подписью дьяка Олеши Безобразова, к грамоте Ивана Ивановича 1487 г., касающейся троицкого двора и поляны в Кашине: «Князь Василей Иванович по сей грамоте пожаловал

[115] АСЭИ, т. I, № 519.

троицкого игумена Симана з братьею: сее у них грамоты рушити не велел никому ничем, а велел о всем ходити по тому, как у них в старых грамотах писано. Лета 7000 первого. А подписал диак Олеша Безобразов» [116].

Есть все основания считать, что и грамоту 1485 г. подтвердил в 1492/93 г. князь Василий Иванович, в свою бытность в Твери. Судя по месту известия о посылке Василия в Тверь в 7001 г. среди других более точно датированных записей Разрядной книги, можно думать, что переезд четырнадцатилетнего князя в Тверскую землю состоялся в апреле 1493 г. Следовательно, грамоты он мог подтвердить между апрелем и августом 1493 г.

Имеется довольно много недатированных текстов 90-х годов XV в., упоминающих князя Василия Ивановича или исходящих от его имени, однако только пять из них получили в новейших изданиях признание документов, где под князем Василием Ивановичем подразумевается будущий Василий III. Это — 1) подтверждение «великого князя» Василия Ивановича «всея Руси» к указной грамоте Ивана Молодого 1488 г. о соблюдении старых грамот на земли Троицкого Калязина монастыря в Кашинском уезде (дьяк Федор Стромилов) [117]; 2) кормленая грамота Ивану Садыку на Покровскую волость [118] (Зубцовского уезда) [119]; 3, 4, 5) документы, посвященные спорным земельным делам в Ярославском уезде: правая [120], докладной судный список [121], отводная-разъезжая [122].

Особенную трудность представляет датировка подтверждения к грамоте 1488 г. Титул великого князя всея Руси не может служить здесь датирующим моментом, поскольку этот текст, так же как и тексты рассмотренных выше льготных грамот 1496 и 1497 гг., дошел в составе судного списка 1504 г., писец которого редактировал intitulatio старых грамот применительно к новой обстановке. Казалось бы, наиболее вероятное время подтверждения — начало 90-х годов (до 1493 г. включительно),

---

116 ГПБ, Погод. 1905, л. 64 об.
117 АСЭИ, т. III, № 161.
118 Там же, № 183.
119 Уезд установлен И. А. Голубцовым.
120 АСЭИ, т. III, № 208.
121 Там же, № 209.
122 Там же, № 210.

когда и состоялись все другие известные подписания грамот Ивана Молодого на имя Василия Ивановича. Однако против этого говорит упоминание дьяка Федора Стромилова вместо Олеши Безобразова, чью подпись находим в удостоверительной части всех подтверждений Василия начала 90-х годов [123]. И. А. Голубцов, комментируя грамоту 1488 г., заметил, что подтверждение ее имело место «в какие-то годы, предшествующие 27 декабря 1498 г., когда был казнен... дьяк Федор Стромилов» [124].

«1498» — опечатка: Стромилова казнили 27 декабря 1497 г.[125]. Из летописных известий Федор Стромилов выступает как один из очень близких к Василию лиц в период, непосредственно предшествовавший опале последнего [126]. Именно от Федора Стромилова Василий «сведал... то, что отець его. князь велики хощеть жаловати великим княжением... внука своего князя Дмитрия Ивановича». Стромилов фигурирует в этих известиях в качестве сторонника активной борьбы Василия за свои права — борьбы вплоть до мятежа: «И нача думати князю Василью вторый сотонин предтеча Афонасей Ропченок, бысть в думе в той и дьяк Федор Стромилов, и Поярок Рунов брат, и иные дети боярские, а иных тайно к целованию приводиша на том, чтоб князю Василью от отца своего отъехати великого князя, казна пограбити на Вологде и на Белеозере, и нат князем Дмитреем над внуком издрада учинити» [127].

---

[123] О Безобразове см.: Л. В. Черепнин. Указ. соч., ч. 2, стр. 309.
[124] АСЭИ, т. III, стр. 176, прим. к № 161.
[125] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 530—531; т. VI, стр. 279; т. VIII, стр. 234; т. XII, стр. 246; 263; т. 20, первая половина, стр. 366; т. 28, стр. 330; т. 30, стр. 139; А. А. Шахматов. О так называемой Ростовской летописи. М., 1904, стр. 82—83; ср. ПСРЛ, т. 22, ч. 1. Хронограф редакции 1512 года, стр. 513 (без даты).
[126] С. Б. Веселовский ошибочно относил подпись Стромилова в акте, который был рассмотрен выше, не к подтверждению Василия, а к тексту 1488 г.: «Он (Стромилов.— *С. К.*) был дьяком у в. кн. Ивана Ивановича и находился при нем в Твери. Почему он оказался не на стороне кн. Дмитрия, сына Ивана Ивановича, а на стороне в. кнг. Софьи и кн. Василия — непонятно» (С. Б. Веселовский. Владимир Гусев — составитель Судебника 1497 года.— «Исторические записки», т. 5, стр. 46).
[127] Цит. по ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 530.

Итак, наличие в подтвердительной статье подписи не Олеши Безобразова, связанного с Василием в первые годы его княжения, а Федора Стромилова, близкого к Василию во второй половине 90-х годов, позволяет датировать это подтверждение 1496—1497 гг., когда, судя по льготным грамотам дворских, Василий управлял Кашинским уездом.

Можно высказать еще два соображения, которые идут в направлении сужения предложенной датировки. Первое: не связано ли появление при Василии Ивановиче Федора Стромилова с переходом в ведение молодого князя Гороховецкой волости (о чем мы знаем из упомянутой льготной грамоты гороховецкого волостеля 1497/98 г.)? Ведь именно на правой грамоте Ивана Ивановича, относящейся к Гороховцу, стоит подпись дьяка Федора Стромилова [128]. Не имеем ли мы здесь дело с определенной традицией? Если так, то датированный материал (все та же льготная 1497/98 г.) дает основание считать, что подтверждение было сделано не раньше второй половины 1497 г. Отсюда несколько бо́льшая вероятность великокняжеского титула здесь, чем в льготных грамотах 1496 — первой половины 1497 гг., ибо именно с последними месяцами княжения Василия, кажется, связаны его претензии, которые могли быть одной из причин опалы 1497 г.

Второе: в свете сказанного довольно многозначительно звучат последние слова исследуемой подтвердительной подписи: «...докуды яз их, князь велики, пожалую своею грамотою прочною жаловалною». Эта формулировка, которую в целом нельзя заподозрить в неподлинности (сомнения касаются только титула), свидетельствует, с одной стороны, о неполноправии Василия, с другой стороны — о каких-то его претензиях и широких планах на будущее. По-видимому, в 1496—1497 гг. Василий не имел права подтверждать иммунитетные грамоты, и само подтверждение им калязинской грамоты было не вполне лояльным действием по отношению к великому князю.

Короче, мы предполагаем, что рассматриваемое подтверждение относится к осени 1497 г.

---

[128] АСЭИ, т. II, стр. 521.

Что касается кормленой грамоты на Покровскую волость Зубцовского уезда, то, очевидно, нет оснований слишком растягивать ее датировку. Вспомним территориально-хронологическое распределение датированных текстов, характеризующих права Василия в отношении Тверской земли: в 6999 г., т. е. между сентябрем 1490 г. и августом 1491 г., состоялось подтверждение грамоты 1486 г., где фигурировала «Тверская земля» в целом, в октябре 1490 г. имела место выдача кормленой грамоты на половину г. Зубцова; в 1492/93 и в 1496—1497 гг. Василий подтверждал старые грамоты и санкционировал выдачу новых на земли, находившиеся только в одной части Тверской земли — в Кашинском уезде.

Не свидетельствует ли это о существенном сокращении в конце 1491 г. территории, подведомственной Василию в районе бывшего Тверского княжества? Такое сокращение территории могло находиться в прямой связи с предпринятым, по-видимому, во второй половине 1491 г. писцовым описанием Тверской земли, когда Иван III впервые «послал Тферскиа земли писати по-московски в сохи, а писал Тферь князь Феодор Олабышь, а Старицу Борис Кутузов, а Зубцов да Опоки Дмитрий Пешков, а Клин Петр Лобан Заболотцкой, а Холм и Новой городок Андрей Коромышов, а Кашин Василей Коромышов»[129].

Приведенное летописное известие не имеет точной даты, но оно помещено вслед за фразой о переводе торга от Троицы на Радонеж в сентябре 1491 г., которой предшествует статья о поимании Андрея Углицкого 20 сентября 1491 г. Очевидно, писцовое описание Тверской земли было предпринято вскоре или сразу же после ликвидации Углицкого княжества. Это наводит на мысль, что до ареста Андрея Иван III почему-то не решался начать описание Тверской земли «по-московски в сохи». Не имел ли Андрей определенных претензий в отношении тверского наследства Михаила Борисовича?

Судя по договорам Ивана III 1486 г. (августа и декабря) с Борисом Васильевичем Волоцким и Андреем Васильевичем Углицким, последние обязались не «въступатися» «во Тферь и в Кашын и во вся Тферская и в

[129] ПСРЛ, т. VIII, стр. 223; т. XII, стр. 232; т. 27, стр. 362; т. 28, стр. 156; С. О. Шмидт. Указ. соч., стр. 264 (цит. по т. 27).

Кашинъская места, во все великое княженье Тферское»[130]. Однако не исключено, что накануне присоединения Твери Иван III предложил на рассмотрение князей московского дома секретный проект раздела Тверского княжества и, возможно, Андрею и Борису, которые участвовали в тверском взятии 1485 г., были обещаны какие-то дополнения к их уделам за счет Тверской земли. Довольно вероятно участие в этих планах и престарелого князя Михаила Андреевича Белозерского, умершего примерно через полгода после присоединения Тверского княжества (весной 1486 г.[131]).

Сама идея раздачи тверских уделов не была экстравагантной, поскольку, во-первых, в Тверском великом княжестве и до присоединения существовали уделы, из которых первенствующее значение имел Кашинский, во-вторых, в духовной Ивана III почти все бывшие тверские уделы отдавались в руки удельных князей, младших сыновей великого князя. Текст духовной восходит, по-видимому, не к одному, а к нескольким предшествующим вариантам[132], в основе которых могли лежать разные документы, в том числе и секретный проект раздела Тверского княжества. Согласно духовной Ивана III, князю Дмитрию, получавшему в Московской земле Углич, в Тверской земле отдавались Зубцов и Опоки; князю Андрею, которому предназначалась в удел Верея, в Тверской земле жаловались Старица, Холм и Новый городок[133].

Не была ли эта комбинация скалькирована с секретного проекта середины 80-х годов, предполагавшего, возможно, передачу углицкому князю Андрею Большому Зубцовского удела, а верейскому князю Михаилу Андреевичу — Старицкого?[134] Не объясняется ли реальный

[130] ДиДГ, № 81, 82.

[131] ПСРЛ, т. VIII, стр. 217; т. XII, стр. 218; А. А. Зимин. Краткие летописцы XV—XVI вв.— «Исторический архив», т. V. М.— Л., 1950, стр. 35; по подсчетам И. А. Голубцова, князь Михаил Андреевич умер 9 апреля 1486 г. (АСЭИ, т. II, стр. 449, 695).

[132] С. М. Каштанов. Дипломатика как специальная историческая дисциплина.— «Вопросы истории», 1965, № 1, стр. 43.

[133] ДиДГ, стр. 360—361.

[134] Интересно, что обещанные в 1480 г. Андрею в удел Калуга и Алексин (ПСРЛ, т. VI, стр. 20, 223; т. VIII, стр. 204; т. XII, стр. 198) были в духовной Ивана III завещаны удельным князьям: Калуга — Семену Бежецкому (наследнику части княжества Андрея Большого), Алексин — Андрею Старицкому (наследнику

отказ Михаила Андреевича от Белоозера[135], при сохранении за ним «вотчинных» прав на Верею, перспективой получения удела в Тверской земле и не датируется ли, следовательно, его духовная[136] 1485, а не 1486 годом, как предлагает считать Л. В. Черепнин?[137] Последняя датированная грамота Михаила Андреевича на земли Белозерского уезда была выдана 26 мая 1485 г.[138]. Может быть, составление его духовной относится к лету 1485 г.[139], т. е. к периоду подготовки тверского взятия.

Волоцкий князь Борис Васильевич, скорее всего, претендовал на получение близкого к Волоколамску Клина. Очевидно, не случайно Иван III впоследствии

верейской части княжества Михаила Андреевича) (ДиДГ, стр. 360). Этот факт до известной степени оправдывает попытки ретроспективного анализа духовной Ивана III для выяснения неосуществленных удельных проектов конца XV в. Проект 1480 г. отразился в списках договора 1473 г., редактировавшихся в 1481 г. при подготовке нового договора с Андреем (ДиДГ, стр. 242, 248; Л. В. Черепнин. Указ. соч., ч. 1, стр. 170).

135 Номинально Михаил Андреевич отказался от Белоозера еще в договоре 1483 г. (ДиДГ, № 78), но там речь шла о переходе верейско-белозерской вотчины в руки великого князя только после смерти белозерского князя (ср. А. А. Зимин. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв.— «Проблемы источниковедения», т. VI. М., 1958, стр. 318, прим. 254).

136 ДиДГ, № 80.

137 Там же, стр. 301, 305; ср. Л. В. Черепнин. Указ. соч., ч. 1, стр. 175 (здесь автор относит этот документ к 1485—1486 гг.).

138 АСЭИ, т. II, № 397; ср. № 269, 272. Датировка последней грамоты по игумену Венедикту 1486 годом не представляется убедительной, так как нельзя относить начало игуменства Венедикта к 1486 г. лишь на том основании, что его предшественник Гурий фигурирует под 6993 годом (там же, № 267), который приходился на сентябрь 1484 — август 1485 гг. Титул «всея Руси» в грамоте 6993 г. не говорит обязательно за 1485 г., поскольку он употреблялся еще в грамоте сентября 1484 г., относившейся к тому же (Вологодскому) уезду (там же, № 266).

139 Во всяком случае, в это время Иван III вновь стал осуществлять свой патронат над Верейским уездом. В июне 1485 г. он выдал жалованную грамоту Троице-Сергиеву монастырю на с. Илемну «во княже Михайлове Ондреевича вотчине» (АСЭИ, т. I, № 516). Предыдущие грамоты Ивана III, касающиеся верейских и малоярославецких земель, не восходят к периоду после 1482 г. (там же, № 462, 463, 497, 498). Это значит, что между концом 1483 и серединой 1485 г. сохранял силу договор от 12 декабря 1483 г., а начиная с лета 1485 г. его действие перекрылось действием какого-то другого соглашения, очевидно, духовной Михаила Андреевича (ср. Л. В. Черепнин. Указ. соч., ч. 2, стр. 178—180).

выменил сыновьям Бориса Васильевича Волоцкого клинско-тверские волости Буйгород и Колпь [140].

Посажение на тверское княжение Ивана Ивановича, этого почти «легитимного» наследника тверских князей, было, безусловно, ловким маневром Ивана III. Но обеспечило ли оно ему «законные» основания для отказа от всех обязательств, данных удельным князьям? Мы точно знаем, что Иван Иванович управлял районами Твери, Кашина и, очевидно, Клина. О статусе Зубцова и Старицы нам ничего не известно. Категорическая статья относительно Тверской земли в договорах Ивана III 1486 г. с углицким и волоцким князьями на первый взгляд не оставляет сомнений в факте отклонения великокняжеским правительством каких бы то ни было удельных притязаний на эту территорию в целом.

Тем не менее для 1490/91 г. можно констатировать пристальное внимание носителей власти к районам Зубцова и Старицы. В октябре 1490 г. князь Василий Иванович выдал кормленую грамоту на половину г. Зубцова. Кто распоряжался в это время второй половиной Зубцова? Тот же Василий или, может быть, Андрей Углицкий? Если последнее предположение допустимо, легко понять особенную напряженность отношений в этом районе. Но если имелись лишь претензии Андрея на Зубцов, все равно положение Василия было здесь достаточно сложным.

В 1490/91 г. некий князь Иван Юрьевич рассматривал, в качестве судьи высшей инстанции, мировую сделку вотчинников Старицкого уезда [141]. С. Б. Веселовский отождествляет этого Ивана Юрьевича с боярином Ив. Юр. Патрикеевым [142]. За такое отождествление говорит подпись великокняжеского дьяка Майка и судебная, а не владетельная роль Ивана Юрьевича. Однако, если следовать нашему предположению о проекте наделения верейского князя Старицким уделом, в князе Иване Юрьевиче можно видеть брата умершего верейского князя Михаила Андреевича [143]. Судя по всему, он не был сделан удельным старицким князем, но мог

---

[140] ДиДГ, № 85; ср. № 89, стр. 357.

[141] АСЭИ, т. I, № 549.

[142] Там же, стр. 629, прим. к № 549.

[143] В духовной Михаила Иван Юрьевич выступает как один из его наследников (ДиДГ, стр. 307, 309).

получить от великого князя какие-то управленческие функции в отношении Старицы. На предложенной идентификации «Ивана Юрьевича» нельзя настаивать, поскольку формальные данные позволяют отождествить его скорее с И. Ю. Патрикеевым.

Эта активность лиц, ведавших в 1490/91 г. Зубцовом и Старицей, по-видимому, определялась наступательной политикой Андрея Углицкого после смерти Ивана Ивановича Молодого. Арест Андрея изменил ситуацию. Описание Тверской земли усилило великокняжеский контроль над всей территорией присоединенного княжества. Создались реальные политические условия для превращения Василия из князя тверского в удельного кашинского князя. Тверь, наконец, вошла в великокняжеский домен, и посылка туда Василия с воеводами в 1492/93 г. не привела к возрождению его общетверских княжеских полномочий. Поэтому нам кажется, что кормленую грамоту на Покровскую волость Зубцовского уезда Василий выдал, скорее всего, до смерти Андрея Углицкого и до описания Тверской земли, т. е. примерно тогда же, когда он выдал кормленую грамоту на половину г. Зубцова.

Датировка ярославских грамот правильно намечена И. А. Голубцовым, который отнес их к 1495—1497 гг. Суд, отраженный в правой грамоте, начался по распоряжению Ивана III, но был доложен князю Василию Ивановичу, фигурирующему здесь в роли «человека старишего»[144]. По чьему приказу возник процесс, зафиксированный в судном списке, мы точно не знаем, так как начало документа не сохранилось, однако и в этом случае доклад слушал Василий как «человек стариший»[145]. Слушание обоих дел относится, безусловно, к периоду отсутствия Ивана III в Москве (в связи с отъездом в Новгород), когда его в какой-то мере, по-видимому, замещал Василий Иванович (с 20 октября 1495 г. по 24 марта 1496 г.)[146].

Отводная-разъезжая — более поздний документ, чем судный список на те же земли. К разъезду тиун приступил «по государеве грамоте великого князя Ивана

[144] АСЭИ, т. III, № 208, стр. 219.
[145] Там же, № 209, стр. 222.
[146] ПСРЛ, т. VI, стр. 40; т. VIII, стр. 230—231; т. XII, стр. 241—242 и др.; АСЭИ, т. III, стр. 499—500, прим. к № 215.

Васильевича всея Руси и по государя своего князя Василья Ивановича слову»[147]. Следовательно, в это время Иван III уже находился в Москве, т. е. отводную-разъезжую грамоту нужно датировать временем после 24 марта 1496 г.

Во всех этих документах фигурирует ярославский тиун Аф. Дуров. В правой грамоте и судном списке Дуров назван тиуном великого князя, в отводной-разъезжей он признает своим «государем» князя Василия Ивановича. Вспомним, что в грамоте апреля 1496 г. Василий обращается к нему как к «тиуну нашему»[148]. Значит, «государевы» полномочия в отношении Ярославля Василий получил не раньше возвращения Ивана III из Новгорода. Очевидно, наделение Василия (на какое-то короткое время) правами служебно-удельного ярославского князя должно было компенсировать ему потерю неофициальной роли соправителя великого князя на центральном посту, куда он попал в конце 1495—начале 1496 г. Отводная-разъезжая грамота показывает, что Василий не приобрел в Ярославле самостоятельного значения, действуя в рамках отцовских распоряжений (на первом месте видим формулу: «по... грамоте великого князя...»).

На завершающем этапе издания АСЭИ И. А. Голубцов пришел к выводу, что необходимо учитывать существование князя Василия Ивановича, сына Ивана III, «при установлении личности князей с именем Василия Ивановича (Голенина, Патрикеева и др.), действовавших в эти годы (1495—1498) в качестве бояр введеных и, между прочим, принимавших доклады по судным делам о земле»[149]. К сожалению, при публикации первого тома АФЗиХ и двух первых томов АСЭИ роль князя Василия Ивановича (будущего Василия III) в политической жизни 90-х годов XV в. вовсе не была принята в расчет и поэтому в большинстве случаев «князь Валей Иванович» уверенно отождествлялся либо с В. И. Голениным, либо с В. И. Патрикеевым. В основе идентификации Василия Ивановича с В. И. Патрикеевым лежал тезис Л. В. Черепнина о том, что в 1495—

[147] АСЭИ, т. III, № 210.
[148] Там же, № 215.
[149] Там же, стр. 500.

1499 гг. И. Ю. и В. И. Патрикеевы возглавляли в Москве «судебную коллегию»[150].

Во втором томе АСЭИ некий «князь Василей Иванович» упоминается в № 285, 289, 290, которые датированы «ок[оло] 1492 г.». В одном месте в № 290 фигурирует «князь великий Василей Ивановичь»[151], причем последнее чтение вызвало у издателя недоуменный вопрос и подозрение в наличии здесь описки[152]. В именном указателе «Василей Ивановичь» этих документов отнесен одновременно и к В. И. Голенину, и к Василию Ивановичу, сыну Ивана III[153]. Ни в одном из анализируемых текстов фамилии «Голенин» не встречаем, хотя указание фамилии — обычное явление для документов, где действительно речь идет о В. И. Голенине[154].

Прослеживая случаи упоминания Василия Ивановича в рассматриваемых источниках, можно убедиться, что он принимал участие в разборе белозерских земельных дел дважды: во-первых, за несколько лет до того времени, когда были составлены документы,— видимо, при приеме наследства Михаила Андреевича Белозерского[155], во-вторых в период оформления дошедших документов[156].

На первом из этих этапов при Василии Ивановиче находился дьяк Василий Долматов, который собирал относящуюся к тяжбам документацию[157]. Как доказывалось выше, Василий Долматов был приставлен к Василию Ивановичу вскоре после присоединения Твери, т. е. в конце 1485 — начале 1486 г., когда Василий получил великокняжеский титул и Кострому. Практическая реализация духовной Михаила Андреевича, начатая, по-видимому, сразу по присоединении Тверского княжества, потребовала от Ивана III большого умения маневрировать. Отдав одному своему сыну, «великому князю», Тверь, он послал другого своего сына, тоже

---

150 Л. В. Черепнин. Указ. соч., ч. 2, стр. 238, 308.
151 АСЭИ, т. II, № 290, стр. 225, л. 14.
152 Там же и стр. 591.
153 Там же, стр. 591, 593.
154 АФЗиХ, ч. 1, № 22, 39; АСЭИ, т. I, № 624, 628, 643, 649; т. II, № 336—338, 418, 419, 421; т. III, № 25, 26, 46, 48з (гр. 6 доп.), 50.
155 АСЭИ, т. II, № 285, стр. 194; № 290, стр. 212, 215, 216, 221, 222, 225, 226.
156 Там же, № 289, стр. 204, 206; № 290, стр. 244.
157 Там же, № 285, 286, 290, стр. 211, 215, 216 и др.

«великого князя», для оформления приема белозерского наследства, вызывавшего ревнивые чувства у Андрея Углицкого. При ссылке на решения середины 80-х годов, шедшие от имени Василия, авторы документов начала 90-х годов старательно заменяли его великокняжеский титул княжеским, однако в одном месте старый титул случайно выплыл, предоставив тем самым драгоценнейший материал для идентификации личности князя Василия Ивановича. В отличие от Ивана Ивановича, Василий Иванович не получил «государевых» прав на вновь присоединенную территорию. Судя по тому, что Иван III отменил многие из его решений [158], он здесь не был даже судьей высшей инстанции.

Вторичное пребывание Василия Ивановича на Белоозере относится, по всей вероятности, к периоду после ликвидации Углицкого княжества, т. е. к концу 1491—1492 гг. Само упорядочение земельных дел в Белозерском крае находится в несомненной связи с присоединением соседнего Углицкого удела.

Ранее мы показали, что присоединение Углицко-Можайского княжества изменило роль Василия в Тверской земле. Теперь можно уточнить этот вопрос. От 7000 (сентября 1491 — августа 1492 г.) не сохранилось каких-либо свидетельств о правах Василия в отношении Тверской земли, зато имеются данные, характеризующие его причастность к разбору земельных тяжб в Костромском уезде (упомянутая указная грамота Свиньину [159]) и на Белоозере (рассматриваемые источники). Напрашивается вывод, что после присоединения Углича Василий был лишен Тверского княжения [160] и получил в ведение

[158] Там же, № 290, стр. 222, 225, 226.

[159] Там же, т. III, № 244.

[160] Возможно поэтому, что монеты тверского происхождения с надписью «Князь Василе Ивановичь» (А. Орешников. Русские монеты до 1547 г., стр. 55, № 331—332, стр. 80, № 447; ср. он же. Две древнерусские деньги, стр. 384) относятся к периоду между осенью 1490 г. и весной 1491 г. А. В. Орешников датировал их временем до 1502 г., когда, согласно летописи, Василию был пожалован титул великого князя всея Руси (А. Орешников. Две древнерусские деньги, стр. 384). Но после 1497 г. монеты с надписью «Князь Василе Ивановичь» не могли появиться, так как в 1498 г. Василий был в опале и монеты не чеканил, в 1499 г. он стал великим князем, в 1500 г. бежал в Вязьму, в том же году вновь получил великокняжеский титул и больше его уже не терял. Таким образом, широкими рамками для датировки

те территории, которые он имел в 1485/86 г.: Кострому (его права здесь, видимо, приближались к «государевым», о чем говорит факт выдачи им указной грамоты[161]) и Белоозеро (где полномочия молодого князя носили, скорее всего, чисто судейский характер). Очевидно, под давлением сил, группировавшихся вокруг великой княгини Софьи, а возможно, и для нейтрализации волоцкого князя Бориса Васильевича[162] Иван III весной 1493 г. отправил Василия в Тверь, но фактически лишь в роли князя Кашинского. Таким образом, задержаться на Белоозере Василий мог максимум до начала 1493 г.[163]

В первом томе АСЭИ документы № 582—595 (две правые грамоты, два судных списка и 11 докладных судных списков) датированы 1495—1499 гг., поскольку в большинстве из них имеются сведения о докладе дел князю Василию Ивановичу, которого издатели отождествляют с В. И. Патрикеевым, имевшим боярское звание в указанный промежуток времени[164].

В документах № 583—594 в качестве судьи фигурирует одно и то же лицо — Андрей Перелешин, а объектами тяжбы являются спорные земли Залесской и Березовской волостей Костромского уезда. Следовательно, все эти документы относятся к одному сравнительно узкому хронологическому отрезку. Все дела были начаты по «грамоте» или «слову» великого князя (Ивана III), во всех случаях судья «рекся доложити государя своего великого князя», выслушивал же дело каждый раз князь Василий Иванович, который и выносил приговор (исключение — № 593, где сведений о докладе нет). В документах № 585, 587, 588, 590, 591, 592, 594 находим подпись дьяка Олешки Безобразова. В четырех документах (№ 585, 587, 590, 591) сказано, что князь Василий Ивано-

этих монет надо признать осень 1490 — осень 1497 гг., более узкими и наиболее вероятными — осень 1490 — осень 1491 гг.

[161] Аналогичную указную грамоту выдал Иван III в 1493/94 г., когда Василий, кажется, уже не ведал Костромой (АСЭИ, т. III, № 245).

[162] О политических планах этого князя весной 1493 г. свидетельствует довольно необычная для практики волоцких князей попытка установить тесный контакт с влиятельнейшим духовным феодалом — Троице-Сергиевым монастырем (АСЭИ, т. I, № 572).

[163] Последние по времени данные о работе на Белоозере писцов, которым давал указания Василий, относятся к весне 1493 г. (АСЭИ, т. II, стр. 246, прим к № 290).

[164] АСЭИ, т. I, стр. 494, прим. к № 595.

вич «велел дьяку своему Олешке Безобразову» сделать выписки из костромских писцовых книг 1464/65 г. Это определение Ал. Безобразова как дьяка князя Василия Ивановича служит наиболее прочным основанием для отождествления последнего с сыном Ивана III, ибо боярин Патрикеев не мог иметь «своего» дьяка. Источники начала 90-х годов XV в. подтверждают, что Ал. Безобразов действительно состоял дьяком при князе Василии Ивановиче. Наконец, район, к которому относятся судные списки,— Костромской уезд — находился в компетенции Василия Ивановича именно в тот период, когда у него был дьяк Ал. Безобразов.

Поскольку все исследуемые документы начинаются со ссылки на «грамоту» или «слово» великого князя Ивана Васильевича, первая стадия процессов могла иметь место еще до перехода Костромы в ведение князя Василия Ивановича, т. е. до осени 1491 г. Участие же князя в решении этих дел следует, очевидно, отнести ко времени выдачи от его имени указной грамоты, касавшейся земель Костромского уезда[165] (сентябрь 1491 — август 1492 гг.).

Документы № 582 и 595 — это правые грамоты, посвященные спорным делам: первая — в Переславль-Залесском уезде, вторая — в волости Воре-Корзеневе Московского уезда. Остановимся сначала на № 595, поскольку здесь упоминается дьяк «Олешец» (он же «Александр») Безобразов. В грамоте говорится, что князь Василий Иванович, слушавший дело, велел подписать судный список «великого князя дияку Александру Безобразову». Приведенная формулировка еще не дает нам права видеть в Василии Ивановиче В. И. Патрикеева. Скорее всего, грамота относится к послетверскому периоду деятельности князя Василия Ивановича, когда он де-юре уже был лишен «своего» дьяка, но де-факто тот продолжал исполнять при нем свои обязанности по поручению великого князя. Среди датированных текстов этот документ на ворьско-корзеневские земли Московского уезда (не фигурирующие в других источниках, связанных с именем князя Василия) лучше всего помещается в «промежуточный» период (конец 1493 — первая половина

---

[165] Там же, т. III, № 244.

1495 г.), от которого не дошло никаких сведений о карьере Василия Ивановича.

К этому же времени, как нам кажется, нужно отнести и документ № 635 — докладной судный список на пожню около двора Троице-Сергиева монастыря в Ростове. Суд был начат «по грамоте княже Васильеве Ивановичя», дело докладывалось князю, и список подписал дьяк Олешка Безобразов. В издании документ без всяких обоснований приписан В. И. Голенину и по времени его пребывания в должности дворецкого датирован 1500/01 г. С нашей точки зрения, наличие подписи Ал. Безобразова на документе, составленном с санкции князя Василия Ивановича,— почти безошибочный признак того, что в последнем надо видеть сына Ивана III.

Какое политическое значение мог иметь акт наделения князя Василия Ивановича определенными управленческими полномочиями в отношении Ростова и волости Вори-Корзенева в 1493—1494 гг.? Представляется, что именно в этот период, особенно после смерти 6 ноября 1493 г. князя Андрея Углицкого, усилились удельные притязания князя Бориса Васильевича Волоцкого, домогавшегося титула «князя московского», с которым было связано владение несколькими уделами князей московского дома [166]. Волость Воря-Корзенево принадлежала к числу «Замосковъских» волостей, отданных Василием Темным своему сыну Юрию [167], в чьем уделе они находились до 1472 г.[168] Ростов официально также входил в состав выморочного наследства Юрия Дмитровского (хотя фактически в 60-х — начале 80-х годов им ведала великая княгиня Мария Ярославна).

В договорах Ивана III 1486 г. с Борисом Волоцким и Андреем Углицким имелась специальная статья, запрещавшая Борису и Андрею «подъискивати» территории, на которые прежде простирался суверенитет Юрия и Андрея Меньшого. Среди этих земель названы Ростов и «волости» [169]. Статья показывает направленность удельных притязаний. При нарушении политического

---

[166] С. М. Каштанов. О внутренней политике Ивана Грозного в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича.— «Труды МГИАИ», т. 16. М., 1961, стр. 432—434.

[167] ДиДГ, стр. 194.

[168] АСЭИ, т. I, № 401.

[169] ДиДГ, стр. 316, 320, 323, 326.

равновесия великим князем (а таким нарушением было присоединение Углицкого удела в 1491 г., означавшее разрыв договора 1486 г. с Андреем) до известной степени «законно» теряли силу и обязательства удельных князей по отношению к великому князю [170]. Характер политики Бориса Волоцкого в 1493—1494 гг. довольно ясен — ставка на Троице-Сергиев монастырь, по роли равный (особенно при неустойчивом положении Зосимы) митрополичьей кафедре, и стремление распространить свое влияние на восточное замосковье [171].

Предоставление Василию в 1493—1494 гг. каких-то полномочий в области Ростова и Вори-Корзенева, по-видимому, преследовало цель нейтрализации с помощью одного «наследника» притязаний другого «наследника». Наиболее вероятное время выдачи рассматриваемых грамот — период между смертью Андрея Углицкого (6 ноября 1493 г.) и Бориса Волоцкого (29 мая 1494 г.).

Вернемся к документу № 582. Суд был начат по грамоте Ивана III, судья «рекся доложити осподаря великого князя», но слушал и решал дело князь Василий Иванович. Существенное отличие этого документа от № 583—594 состоит в иной географической приуроченности (Верхдубенский стан Переславль-Залесского уезда) и в отсутствии подписи дьяка Ал. Безобразова. Как мы помним, указная грамота князя Василия Ивановича о расследовании земельной тяжбы в Кинельском стане Переславль-Залесского уезда датирована 7005 (1496/97) годом [172]. Можно полагать, что переславские

---

[170] В Шумиловском списке Никоновской летописи в идиллическом свете представлены отношения между Иваном III и Борисом Волоцким в момент поимания Андрея Углицкого: «Брата же своего князя Бориса Василиевичя Волотцскаго и детей его неухыщренаго их ради нрава не вреди ничим же» (ПСРЛ, т. XII, стр. 231—232). Гораздо ближе к действительности лаконичное сообщение одного летописца, показывающее напряженность обстановки и стремление великого князя нейтрализовать Бориса: «Того же дни послал по брата своего на Волок по князя Бориса» (Я. С. Лурье. Краткий летописец Погодинского собрания.— «Археографический ежегодник за 1962 год». М., 1963, стр. 442).

[171] Борис выдал Троице-Сергиеву монастырю три грамоты на деревню Подкинскую и пустошь Черньцовскую на р. Клязьме (АСЭИ, т. I, № 572, 575, 576). Дер. Подкинская находилась между с. Черкизовым (на Клязьме) и с. Звягиным (АСЭИ, т. I, стр. 631, прим. к № 572) — северо-восточнее Москвы.

[172] ГПБ, Погод. 1905, л. 83—83 об.

дела Василий Иванович стал рассматривать не раньше этого времени, поскольку еще в апреле 1496 г. он был ярославским «государем».

Отнесение документа № 582 к 1496/97 г. вполне согласуется с отсутствием на нем подписи Ал. Безобразова. Однако, скорее всего, процесс, отраженный в правой грамоте, начался до получения Василием судебных полномочий в отношении Переславля-Залесского. Инициативным документом послужила здесь грамота Ивана III, а, судя по указной грамоте Василия 1496/97 г., он сам был наделен правом давать указы о производстве суда («а о чем ся сопрут, и вы б их и судили, а суд свой скажите мне, князю Василью Ивановичю»). Мы знаем правую грамоту на переславские земли, в которой объявлено, что суд начался «по грамоте княж Васильеве Ивановичя»; князь Василий слушал доклад, и судный список подписал дьяк Кобяк; однако, поскольку Василий не вынес окончательного приговора, а присудил сторонам «поле» (судебный поединок), процесс затянулся, и о его дальнейшем ходе было доложено уже великому князю Дмитрию Ивановичу, закончившему рассмотрение дела в марте 1498 г.

В первом томе АФЗиХ, где напечатан этот документ (№ 117), под князем Василием Ивановичем подразумевается В. И. Голенин[173]. Никаких данных для такого отождествления нет. Перед нами текст, рисующий последовательные этапы процесса: его начало и ход до опалы князя Василия Ивановича, завершение после опалы Василия и коронации Дмитрия-внука. То, что именно Дмитрий довел до конца дело, начатое по инициативе и под контролем Василия, указывает на преемственность как территориальных, так и функциональных прав этих соперничавших претендентов на престол[174] и тем самым подтверждает возможность отождествления фигурирующего здесь Василия Ивановича с сыном Ивана III. Таким образом, начальная дата этого документа — 1497 г.

[173] АФЗиХ, ч. I, именной указатель, стр. 339.

[174] Об этой преемственности свидетельствует и другая правая грамота 1498 г., где, впрочем, Василий Иванович не упоминается: объект суда находился в Костромском уезде, дважды побывавшем в ведении Василия; дело докладывалось вел. кн. Дмитрию Ивановичу; его приговор подписал дьяк Ал. Безобразов (АФЗиХ, ч. I, № 259).

В первом томе АСЭИ привлекает внимание документ № 427: купчая без даты, на которой имеется более поздняя запись о судебном приговоре, вынесенном на основании этой купчей. Купчая касается земель Верхдубенского стана Переславль-Залесского уезда. Запись сделана от имени князя Василия Ивановича и подписана дьяком «великого князя» Федором Курицыным. В примечании издателя сказано, что в записи «разумеется кн. Вас. Ив. Голенин, писец Переяславля-Залесского 1504 г., который судил Уполовниковых с троицким старцем Варлаамом. По указанию старца Варлаама Баракова, до момента тяжбы монастыря с Уполовниковыми от покупки пустоши Мельничище прошло 30 лет; отсюда примерная дата купчей: ок. 1474—1475 гг.»

Исходная посылка приведенного рассуждения произвольна: почему князь Василий Иванович — именно В. И. Голенин? Откуда известно, что писец В. И. Голенин судил в 1504 г. Уполовниковых с троицким старцем Варлаамом Бараковым? Известно лишь то, что писец В. И. Голенин занимался межеванием в Шеренской волости в 1504 г.[175], но никаких данных о его суде по тяжбе между Уполовниковыми и старцем Варлаамом Бараковым в документах 1504 г. нет. Наличие в приговорной записи князя Василия Ивановича подписи дьяка Федора Курицына, который не встречается в источниках позже 1500 г.[176], заставляет еще решительнее отклонить предложенную в АСЭИ датировку записи и ее атрибуцию. Скорее всего, перед нами запись, сделанная по приговору князя Василия Ивановича, сына Ивана III.

При датировке этой записи надо иметь в виду, что князь Василий Иванович фигурирует здесь в роли просто судьи (он не «велел судье» «оправити» и «обвинити», а сам «оправил» и «обвинил»). Сохранилась правая грамота суда князя Василия Ивановича, за подписью дьяка Ал. Безобразова, на земли Романовской волости Переславль-Залесского уезда. В этой грамоте Василий Иванович исполняет ту же функцию непосредственного судьи, что и в троицкой приговорной записи. В первом томе АФЗиХ «князь Василей Иванович» рассматриваемого документа (№ 129) расшифровывается как

---

[175] АСЭИ, т. III, № 46.

[176] Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Указ. соч., стр. 204.

В. И. Патрикеев, а грамота датируется годами его боярства — 1495—1499. Однако эта идентификация и датировка ничем не подтверждены. Интересна фраза грамоты: «А на суде было у князя Василья Ивановичя бояр: князь Иван Юрьевич, да Юрьи Захарьичь». Если Иван Юрьевич — действительно И. Ю. Патрикеев, отец В. И. Патрикеева, то его присутствие во вспомогательной роли при собственном сыне кажется странным. Кроме того, «князь Василей Иванович» достаточно ясно противопоставлен «боярам». Наконец, здесь имеется типичная для грамот Василия подпись Ал. Безобразова. Все эти признаки позволяют видеть в Василии Ивановиче сына Ивана III.

Совпадение функциональных и территориальных прав Василия в троицкой приговорной записи и в правой грамоте говорит о хронологической близости этих текстов. Весь вопрос в дьяках. Выше мы выяснили, что в самом конце 80-х годов дьяк Федор Курицын был приставлен к великому князю Ивану Ивановичу. Не перешел ли он вскоре после смерти последнего к князю Василию? Дьяк Ал. Безобразов в изучаемой правой грамоте назван дьяком «великого князя». Не значит ли это, что он был непосредственным преемником Федора Курицына, тоже дьяка «великого князя» при князе Василии, который не получил еще владетельных, «государевых» прав? Иными словами, не относятся ли оба документа к периоду между мартом и сентябрем 1490 г.?[177].

Мы помним, что исполнение роли судьи первой инстанции в Переславль-Залесском уезде было одним из самых ранних функционально-территориальных поручений князя Ивана Ивановича Молодого. В аналогичном использовании Василия проявилось сознательное следование определенной традиции. Возможно, сразу после смерти Ивана Молодого Иван III не хотел допускать Василия к тверскому наследству (тем более, что с 1488 г. оно фактически находилось в руках самого великого князя), отослав его с верными боярами и дьяком в Переславль-Залесский уезд, традиционную область обучения юных отпрысков московской династии делам

[177] Эта датировка не противоречит известным данным о карьере Ф. Курицына, который в 1492—1500 гг. занимался по преимуществу дипломатической деятельностью (Л. В. Черепнин. Указ. соч., ч. 2, стр. 311, прим. 6).

государственного управления, и лишь под воздействием церковных иерархов и великой княгини Софьи, а также учитывая возросшую политическую активность Андрея Углицкого, великий князь был вынужден ввести Василия в права преемника Ивана Ивановича как князя тверского. О вынужденности этого назначения свидетельствует быстрая отставка Василия от тверского княжения (в конце 1491 г.) и превращение его в дальнейшем в князя кашинского (1492/93 г.).

Во втором томе АСЭИ опубликована правая грамота на земли Суздальского уезда; суд начался по грамоте Ивана III; о процессе «судьи реклися доложити осподаря великого князя»; на обороте судного списка — запись, свидетельствующая, что в последней инетанции дело слушал князь Василий Иванович: он вынес приговор, который был подписан великокняжеским дьяком Никифором Кобелевым (№ 492). Издатель отождествляет князя Василия Ивановича с В. И. Патрикеевым и датирует документ 1497/98 г. Обоснование датировки следующее: «Ввиду аналогичности разбирательства и ряда общих старожильцев и мужей на разъезде с актом № 491 можно датировать правую грамоту тем же временем, что и запись о разъезде (7006—1497/98 г.); учитывая, что кн. Вас. Ив., которому делался доклад, вероятно, Патрикеев, а годами его боярства были 1495—1498 гг., принимаем предположительную дату: ок. 1497/98 г.»[178].

Датировка по аналогии с датированным документом № 491 кажется убедительной, однако принять предположение о В. И. Патрикееве нельзя. В самом деле, мы уже знаем, что осенью 1497 г. князь Василий Иванович ведал Гороховецкой волостью[179]. Может быть, и весь Суздальский уезд входил в это время в его компетенцию. Анализ правой грамоты показывает, что Василий Иванович не имел владетельных прав на Суздальский уезд, а был лишь судьей второй инстанции. Следовательно, выдача льготной по его «слову» в Гороховецкой волости не определялась суверенным положением молодого князя в районе Суздаля — Гороховца. То же самое, очевидно, можно сказать, судя по аналогичным

---

[178] АСЭИ, т. II, стр. 535.
[179] Там же, № 489.

льготным грамотам дворских Жабенской волости 1496—1497 гг., о характере власти Василия в Кашинском уезде в это время. Не случайно сам он не выдавал иммунитетных грамот феодалам (подписание Василием грамоты Калязину монастырю, предположительно отнесенное нами к 1497 г., являлось, как было показано выше, превышением его «законных» полномочий). Вероятно, Василий Иванович занимал положение, среднее между статусом служебного князя и судьи второй инстанции (по земельным тяжбам) в отношении Кашинского, Ярославского уездов в первой половине 1496 г., Кашинского и Переславль-Залесского уездов — в 1496—1497 гг., к которым осенью 1497 г. был прибавлен Суздальский уезд (сохранил ли Василий за собой Кашинский уезд после июля 1497 г., неизвестно).

О положении Дмитрия-внука в 1490—1497 гг. источники по истории внутреннего управления не содержат никаких сведений.

В работе 1948 г. Я. С. Лурье писал: «...Дмитрия Иван III и признал своим наследником после смерти Ивана Ивановича, отдавая, таким образом, предпочтение внуку перед вторым сыном Василием»[180]. В книге 1955 г. автор высказывается осторожнее, полагая, что после смерти Ивана Ивановича «Дмитрий мог считаться законным наследником престола»[181]. Предположение Я. С. Лурье о назначении Дмитрия-внука наследником престола применимо только к марту — сентябрю 1490 г., однако и такое допущение весьма сомнительно, ибо две тверские монеты Дмитрия, если их приурочить тоже к этому времени, показывают его лишь в роли «князя». С октября 1490 г., когда тверское наследство Ивана Ивановича получил Василий, Дмитрий едва ли мог считаться наследником престола.

Некоторые наблюдения, касающиеся политической роли сыновей и внука Ивана III в 90-х годах XV в., сделаны Дж. Феннелом при анализе посольских книг, посвященных сношениям с Литвой. В приветственной части ряда документов упоминаются поклоны и челобитья от членов правящего великокняжеского дома ли-

[180] Я. С. Лурье. Первые идеологи московского самодержавия.— «Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 78. Кафедра истории СССР. Л., 1948, стр. 81.

[181] Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Указ. соч., стр. 164—165.

товскому великокняжескому семейству и наоборот. Этот ценный материал позволяет до известной степени судить о месте того или иного члена великокняжеской фамилии на ступенях семейной иерархии. Однако получение такого рода данных сопряжено с известными трудностями. В некоторых случаях перечень поклонов не приводится, а указывается лишь, что после поклонов была вручена грамота и т. п. Недостаточная источниковедческая изученность формы посольских книг и в частности различий в типах записи разных видов документов не дает возможности использовать их материал с уверенностью, что все данные действительно сопоставимы и что извлеченные сведения представляют собой систему, пригодную для исторического построения.

Дж. Феннел, ссылаясь на перечень поклонов в трех документах (одном 1494 г.[182] и двух 1495 г.[183]), пишет: «Обычный порядок был такой: Иван III, Софья, Елена Стефановна, первые три сына Софьи — Василий, Юрий и Дмитрий, сын Елены Дмитрий. Практика была, однако, следующей: сначала старший член московского посольства передавал поклон от великого князя; затем второй по старшинству [посол] передавал приветствия от трех сыновей Софьи; наконец, старший член посольства передавал приветствие от сына Елены Дмитрия... Софья и Елена Стефановна упоминались либо вторым по старшинству [послом] перед сыновьями Софьи или старшим членом [посольства] сразу после великого князя. Отметим, что Елена Стефановна не упоминается до 1495 г. в списке поклонов»[184].

Вместе с тем вывод автора мало утешительный: «В ходе дипломатических сношений с Литвой делалось все для того, чтобы скрыть от литовского ведомства иностранных дел, кому отдается первенство — Василию или Дмитрию. Нельзя вывести никакого заключения из того порядка, в котором передавались приветствия Александру, а позднее и его жене от членов великокняжеского семейства. Если Софья даже и была в немилости в 90-х годах, едва ли Иван III демонстрировал бы это, опуская ее имя в депешах, посылаемых в Вильну, ибо в это время он имел все основания представлять глазам западно-

[182] «Сб. РИО», т. 35, стр. 138.
[183] Там же, стр. 164—165, 204—205.
[184] J. Fennell. Op. cit., p. 335, note 2.

русских [подданных великого князя литовского] картину гармонии и согласия в Кремле»[185].

Нам кажется, что привлекаемые дипломатические материалы требуют более систематического обследования. Прежде всего этими источниками подтверждаются уже сделанные при анализе актов наблюдения относительно титула наследников Ивана III в 90-х годах XV в. Его сыновья Василий, Юрий, Дмитрий и внук Дмитрий фигурируют в дипломатических документах 1491—1497 гг. только как князья. Любопытно, что дочери великого князя Федосья и Авдотья, упомянутые в документах 1495—1497 гг., названы великими княжнами[186]. Их великокняжеский титул ничем не грозил Ивану III. Закрепление же титула великого князя за кем-либо из потомков Ивана III по мужской линии имело бы весьма серьезное политическое значение.

После 19-месячного периода упоминания поклонов от великого князя Ивана Ивановича (с июля 1488 по февраль 1490 г.) в дипломатической документации образуется трехмесячный перерыв, в течение которого поклоны идут только от самого Ивана III[187]. В июне 1490 г. литовский посол «детем великого князя от королевичев поклон правил»[188]. Это поклон на более низком уровне, чем поклоны Ивану Ивановичу, который получал приветствия не только от королевичей, но и от короля. К тому же поименно дети здесь не названы. Дмитрий-внук не упомянут — или он находился в Твери, или занимал слишком незаметное положение при дворе. В ноябре 1491 г. литовский посол «сыну великого князя, князю Василью Ивановичу, правил поклон от короля и от королевичев поклон же»[189]. Это первый и самый торжественный из всех поклонов, полученных Василием в 1491—1497 гг. Двенадцатилетний князь выступает тут как единственный наследник Ивана III; имя его пишется, в отличие от последующих случаев, с отчеством (даже в поклонах Ивану Ивановичу последний назывался просто великим князем Иваном). К ноябрю 1491 г. Василий, как мы полагаем, потерял тверское княжение и, очевид-

[185] J. Fennell. Op. cit., p. 335.
[186] «Сб. РИО», т. 35, стр. 189, 194, 239.
[187] Там же, стр. 42.
[188] Там же, стр. 47.
[189] Там же, стр. 53.

но, находился непосредственно при особе Ивана III. Он имел в это время большой политический вес, что, по-видимому, и отразилось в формуле поклона.

Уже в мае 1492 г. положение заметно меняется: наряду с именем Василия в списке поклонов появляются имена Юрия и двух Дмитриев (сына и внука Ивана III). Литовский посол «детем великого князя, князю Василью и князю Юрью, от короля и от королевичев правил поклон... А внука великого князя, князя Дмитрея, и сына великого князя, князя Дмитрея, в ту пору у великого князя не было, и он им от короля и от королевичев у стола поклон правил»[190]. Бросается в глаза, что в этом документе Дмитрий-внук занимает третье по старшинству место среди потомков Ивана III, хотя Дмитрий-сын был на два года старше его[191]. Та же иерархия соблюдается в сентябре 1493 г., когда литовский посол «правил великому князю поклон, а князю Юрью, сыну великого князя, и князю Дмитрию, внуку, и князю Дмитрею, сыну ж великого князя, правил поклон же»[192].

В документах, исходивших от русской стороны, в 1492 г. устанавливался иной порядок передачи поклонов. В наказе мая 1492 г. русскому послу Ивану Беклемишеву было предписано передать поклоны сначала от детей великого князя — Василия, Юрия и Дмитрия, затем — отдельно от Дмитрия-внука[193] (посольство не состоялось из-за смерти Казимира). В записи о приеме литовских послов 4 ноября 1492 г. говорится: «А у великого князя были дети его: князь Василей, и князь Юрьи, и князь Дмитрей, и внук великого князя; и он (посол.— *С. К.*) им правил поклон же»[194].

Возможно, что в 1492—1493 гг. имело место реальное возвышение Дмитрия-внука, которое Иван III еще не афишировал и не закреплял в церемониале, литовские же послы, зная о действительной роли Дмитрия-внука, передавали ему поклон раньше, чем Дмитрию-сыну. В ряде летописных сводов под 7000 (1492) г. сообщается: «Тоя же весны, априля в 5, в четверток, вышол князь великий из своего двора из старого в княж

---

[190] Там же, стр. 57.
[191] Дмитрий-сын родился 6 октября 1481 г. (ПСРЛ, т. VIII, стр. 213).
[192] «Сб. РИО», т. 35, стр. 108.
[193] Там же, стр. 61.
[194] Там же, стр. 72.

Иванов двор Юрьевича в новой, и с великою княгинею Софьею и с детми, и с невесткою с великою княгинею с Еленою, и со князем Дмитрием с внуком»[195]. Упоминание Дмитрия-внука в этом известии о переезде великокняжеской семьи в другой двор само по себе кажется мало показательным. Однако, если сопоставить его с данными дипломатических документов и учесть, что имя «внука» в летописной статье названо, а «дети» фигурируют без имен, получится комплекс косвенных наблюдений, служащих намеком на увеличение в 1492 г. политического значения доселе мало заметного и не отмечаемого источниками наследника князя Ивана Ивановича Молодого.

Возвышение Дмитрия в 1492 г. явилось результатом изменения политической обстановки после ареста Андрея Углицкого в сентябре 1491 г. Очевидно, когда отпала необходимость в нейтрализации углицкого князя, Иван III прежде всего лишил Василия тверского княжения, а затем начал постепенно выдвигать Дмитрия-внука в качестве политического противовеса старшему сыну. Вероятно, эта политика вызывала сопротивление со стороны Софьи и поэтому проводилась пока еще весьма осторожно. Где находились оба Дмитрия в мае 1492 г. (их «в ту пору у великого князя не было»), нам неизвестно, однако нет никаких оснований считать, что в это время Дмитрий-внук мог получить Тверь. В сентябре 1493 г. при дворе отсутствовал Василий. О его посылке в Тверь в 1492/93 г. сообщается, как уже упоминалось, в разрядах.

В январе 1494 — мае 1495 г. литовские посольства передавали поклоны в следующей очередности: первый посол — Ивану III, второй посол — «детем великого князя, князю Василью, князю Юрью, князю Дмитрею, и внуку великого князя, князю Дмитрею»[196].

В марте 1494 г. русское посольство должно было передавать приветствия в таком порядке: 1) первый посол — поклон от Ивана III; 2) второй посол — поклон от Софьи и челобитья от ее детей — Василия, Юрия и

---

[195] ПСРЛ, т. IV. СПб., 1848, стр. 160—161; т. VI, стр. 39, 240; т. VIII, стр. 224; т. XII, стр. 233; т. 20, первая половина, стр. 357; т. 27, стр. 291; т. 28, стр. 157, 322.

[196] «Сб. РИО», т 35, стр. 112, 157 (посол был один), 160, 188 (посол был один).

Дмитрия; 3) первый посол — челобитье от Дмитрия-внука [197]. В январе 1495 г. во втором пункте был добавлен поклон от «снохи» великого князя — великой княгини Елены (после поклона от Софьи) [198]. В августе 1495 г. в этой церемонии наблюдается еще одно изменение: поклоны от великих княгинь (Софьи и Елены) передаются первым послом (сразу после поклона от великого князя) [199].

Таким образом, если литовские посольства в 1494—1495 гг. просто ставили Дмитрия-внука на последнее место в ряду потомков Ивана III, то русский церемониал показывает, скорее, дальнейшее укрепление его позиций при великокняжеском дворе. Будучи последним в перечне, Дмитрий тем не менее возвышался до великокняжеского уровня, ибо его приветствие передавалось первым послом — тем же самым, который передавал поклон от Ивана III. Уже одно это ставило его как бы над детьми великого князя.

В отличие от детей, названных только по имени, Дмитрий-внук в рассматриваемых наказах русским послам 1494—1495 гг. именовался с отчеством, что также подчеркивает качественно иной уровень его положения по сравнению со статусом Василия, Юрия и Дмитрия-сына. Наконец, о возвышении Дмитрия в это время свидетельствует и включение Елены Волошанки в список лиц, передающих приветствия литовскому великому князю. Софья появляется в этом списке впервые в марте 1494 г., вероятно, как будущая теща Александра, в связи с начавшимися в январе — марте 1494 г. переговорами о женитьбе великого князя литовского на дочери Ивана III Елене. Елена Волошанка включается в список в январе 1495 г., очевидно, для нейтрализации усиливающейся политической роли Софьи и для укрепления позиций Дмитрия-внука. В январе 1495 г. обе великие княгини стоят в известном смысле ниже Дмитрия-внука, ибо их поклоны передаются вторым послом.

Росту политического авторитета Дмитрия-внука в 1494 — начале 1495 гг. соответствует почти полное исчезновение в это время с политической арены князя Василия Ивановича, которое прослеживается по актам.

[197] Там же, стр. 138.
[198] Там же, стр. 164—165.
[199] Там же, стр. 204—205.

По-видимому, со смертью Андрея Углицкого в 1493 г. и Бориса Волоцкого в мае 1494 г. отпала или резко уменьшилась потребность в использовании Василия для противодействия удельным князьям. Возникла новая задача — ограничить территориальные притязания и власть самого Василия. Осуществление этой задачи и выдвинуло на передний план Дмитрия-внука.

С 1495 г. борьба между «партиями» Василия и Дмитрия приобретает острый характер. Выход дочери Ивана III и Софьи, великой княжны Елены Ивановны, замуж за литовского великого князя Александра усилил позиции Софьи. Свадьба состоялась в Вильне 15 февраля 1495 г.[200], но уже с 3 февраля 1495 г. заметно меняется церемониал приветствий Александру: поклоны теперь, как правило, идут только от самого великого князя и поставленной с ним на один уровень великой княгини Софьи [201]. Правда, Иван III стремился не допустить существенного политического преимущества Софьи перед Еленой: из приветствий августа 1495 г. мы видим, что Елена тоже была поднята до уровня великого князя (поклон от нее передавал первый посол). Однако усиление позиций Софьи отразилось на положении Дмитрия. Сравним записи о передаче поминков в январе и августе 1495 г.

Январь	Август
«..:Поминки явити от великого князя и от внука князю Семену [202] по записи. А от великих княгинь и от детей поминки явити Михайлу [203] по записи» [204].	«...Поминки явити от великого князя и от великих княгинь Борису [205]. А после великих княгинь поминков Майку [206] явити поминки от детей великого князя. А опосле детиных поминков явити поминки Борису от внука великого князя» [207].

[200] ПСРЛ, т. 27, стр. 366.
[201] «Сб. РИО», т. 35, стр. 172, 173, 178 (март), 196 (май), 201—202 (июль).
[202] Первый посол.
[203] Второй посол.
[204] «Сб. РИО», т. 35, стр. 165.
[205] Первый посол.
[206] Второй посол.
[207] «Сб. РИО», т. 35, стр. 205; ср. стр. 207.

Можно заметить, что если в январе 1495 г. очередность передачи поминков отступает от очередности передачи поклонов, чем дается преимущество Дмитрию-внуку, то в августе 1495 г. обе церемонии вполне согласуются и Дмитрий-внук в обоих случаях отделяется от великого князя великими княгинями и детьми [208] (в перечне челобитий Елене Ивановне Дмитрий-внук занимает последнее место, после великих княжон Федосьи и Авдотьи) [209].

Кроме того, в августе 1495 г. великие княгини были представлены первым послом, что нарушало исключительность положения Дмитрия при особе великого князя.

Став мужем дочери Ивана III и Софьи, литовский великий князь Александр, очевидно, усилил борьбу за уменьшение авторитета Дмитрия. В 1492—1493 гг., как мы помним, наблюдалось скорее обратное. Но тогда по существу еще велась война с Иваном III и не было брачного союза. Уже с самого начала 1494 г., когда Александр задумал жениться на Елене Ивановне, отношение Литвы к Дмитрию изменилось, что было показано выше при сравнении литовских и русских приветствий 1494—1495 гг. Особенно примечательно приветствие, переданное Ивану III литовским гонцом в июле 1495 г.: «Великому князю и детем правил поклон; да от великие княгини от Олены правил отцу челобитье, а братье поклон» [210]. Внук Ивана III здесь даже не упомянут.

Соотношение сил между Василием и Дмитрием в конце 1495 г. вырисовывается из известия ряда летописных сводов о походе Ивана III в Новгород, откуда русские воеводы совершили в начале 1496 г. поход в Финляндию: «Октября 20, в вторник, поиде князь великый Иван Васильевич с Москвы в вотчину свою в Великый Новгород, а с ним внук его князь Дмитрей, да сын князь Юрьи; а на Москве оставил у великые княгини Софьи сына

---

[208] Ср. речь Ивана III литовскому послу в мае 1495 г.: «За поминки от нас... поклонися... А дети великого князя, князь Василей и князь Юрьи и князь Дмитрей, и внук великого князя приказали... за поминки челобитье»; затем следуют поклоны от великих княгинь Софьи и Елены и челобитье от великой княжны Федосьи («Сб. РИО», т. 35, стр. 194).

[209] «Сб. РИО», т. 35, стр. 207.

[210] Там же, стр. 199.

своего князя Василья с меншею братьею»[211]. Интересно, что Дмитрий-внук указан в этом тексте раньше Юрия. Возможность принятия этой версии до конца не ясна, ибо в некоторых летописях и в хронографе сначала указан Юрий, а потом Дмитрий[212]. Тем не менее, судя по тексту посольской книги и большинства летописных сводов, у нас есть все основания предположить, что если в 1492—1493 гг. Дмитрий-внук стоял выше Дмитрия-сына, то в 1495 г. он стоит, вероятно, уже и выше Юрия. Его единственным соперником являлся в это время Василий.

Картина получилась примерно такая: Иван III отправился в поход с любимым внуком, а Софью оставил в Москве с любимым сыном. С формальной точки зрения Дмитрий-внук оказался в более привилегированном положении (при великом князе), чем Василий (при великой княгине). Но по существу, оставляя Софью фактической правительницей в Москве, Иван III возвышал и Василия до роли соправителя матери (недаром в грамоте на ярославские земли он фигурирует как человек «стариший») [213]. При распределении ролей в октябре 1495 г. известное значение имели, может быть, и внешнеполитические соображения. Отправляясь в поход против северного соседа — Швеции, великий князь оставлял Москву на лиц, пользовавшихся симпатией западного соседа — великого князя литовского.

В 1496—1497 гг. великому князю Александру поклоны обычно передавались от Ивана III и Софьи[214], реже — только от Ивана III (в начале 1496 г., когда Иван еще не вернулся в Москву из новгородского похода) [215]. Поклоны Елене Ивановне в это время шли, как правило, от них же. В мае 1496 г. Елена получила, наряду с родительскими поклонами, поклон от своей «снохи» — великой княгини Елены Волошанки[216], но в июле 1497 г. поклоны по-

[211] ПСРЛ, т. VI, стр. 40; т. VIII, стр. 230; т. XII, стр. 241; т. 20, первая половина, стр. 363; т. 24, стр. 213; т. 28, стр. 327.

[212] «...а с ним князь Юрьи, сын его, да внук его князь Дмитрей» (ПСРЛ, т. 26, стр. 290; ср. т. 28, стр. 160; т. 30, стр. 138; т. 22, ч. 1, стр. 512; С. О. Шмидт. Указ. соч., стр. 270—271).

[213] Позднейший интерпретатор событий — Степенная книга — прямо указывает: «На Москве же остави сына своего, князя Василья» (ПСРЛ, т. 21, вторая половина, стр. 571).

[214] «Сб. РИО», т. 35, стр. 220, 235, 237.

[215] Там же, стр. 213; ср. стр. 218.

[216] Там же, стр. 223.

ступили только от родителей [217]. Александр в 1497 г. ограничивался поклоном одному Ивану III [218].

Все это свидетельствует, по-видимому, о том, что Софье в 1496 — начале 1497 гг. удалось добиться определенного политического преобладания. Акты показывают и новое возвышение Василия в 1496—1497 гг. (получение им удельных и судебных прав в отношении ряда территорий). Вероятно, скрытая борьба между «партиями» Софьи — Василия и Елены — Дмитрия носила в 1496—1497 гг. крайне напряженный характер, но Иван III способствовал формальной нейтрализации этой борьбы, в частности он перестал упоминать в дипломатических документах имена своих сыновей и внука.

Перемена наступает в ноябре 1497 г. Специальный посыльный Ивана III, отправленный только к Елене Ивановне, должен был передать приветствия в следующей очередности: поклоны от Ивана III, Софьи, Елены Волошанки; поклоны от детей Ивана III, братьев Елены,— Василия, Юрия и Дмитрия; поклон от внука великого князя — князя Дмитрия Ивановича; челобитья от дочерей Ивана III, сестер Елены,— великих княжон Федосьи и Авдотьи [219]. В целом тут заметен возврат к церемониалу 1495 г., но сыновья и внук поставлены на более высокую ступень иерархии, чем раньше (от них идут не челобитья, а поклоны), внук же упоминается, в отличие от августовского расписания 1495 г., до великих княжон. Следовательно, анализ дипломатической документации позволяет говорить о наличии косвенных признаков возвышения Дмитрия-внука во второй половине 1497 г.

По летописям возвышение Дмитрия-внука ясно наблюдается уже в августе 1497 г. Описывая встречу в это время в Москве рязанской великой княгини Анны, ряд сводов указывает: «Князь же великый стретил ее честно велми... со внуком и з детми и з боляры, такожде и великая княгиня София и с невесткою с великою княгинею Еленою и с болярынями» [220]. Поскольку внук упомянут раньше детей и великих княгинь, можно думать, что он в августе 1497 г. стоял ближе всех к великому князю.

[217] Там же, стр. 236.
[218] Там же, стр. 227, 232.
[219] Там же, стр. 239.
[220] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 535; т. VI, стр. 42—43, 241; т. VIII, стр. 234; т. XII, стр. 245; т. 20, первая половина, стр. 366; т. 28, стр. 329—330.

3. Политические причины выдачи жалованных и указных грамот

Посмотрим с точки зрения выясненных фактов на обстановку, в которой были выданы грамоты 1493 г. о провозе хлеба Кирилло-Белозерского и Троице-Сергиева монастырей. Грамота Кирилло-Белозерскому монастырю появилась в марте 1493 г., когда близилась к концу большая работа по закреплению Белоозера в составе великокняжеского домена. В это время Василий был оттуда, повидимому, уже отозван и готовился к поездке в Тверь. Намерение послать Василия в Тверь — землю, смежную с уделом князя волоцкого, — до известной степени вскрывает характер опасений Ивана III. Претензии Бориса Волоцкого могли касаться и Ростова — наследия дмитровского князя. Борис пользовался идейной поддержкой Иосифа Волоцкого [221] и, возможно, как последний удельный князь — ростовского архиепископа Тихона. В свою очередь Тихон находился в контакте с Кирилло-Белозерским монастырем. В январе 1493 г. он освободил кирилловских священников от натуральных и денежных поставок белозерскому десятиннику и данщику [222].

Задача Ивана III состояла в том, чтобы привлечь Кириллов монастырь на свою сторону и тем укрепить идейно-политические позиции великокняжеской власти в Ростовской епархии. Здесь уместно высказать еще и следующее соображение: лишение Василия в конце 1491 г. прав князя тверского поставило под сомнение действительность его подтвердительной подписи 1490/91 г. на грамоте 1486 г. о беспошлинном проезде торговых экспедиций Кирилло-Белозерского монастыря. Это наносило серьезный ущерб материальным интересам монастыря и настраивало его не в пользу великого князя. Таким образом, как разрешение беспошлинного провоза хлеба в грамоте марта 1493 г., так и отправка Василия в Тверь в апреле 1493 г. входили в число действий, которые должны были успокоить кирилловских старцев.

Но предоставление Василию в удел Кашина требовало от великого князя и известной перестраховки: соседний Ростов следовало крепко держать в своих руках,

---

[221] Я. С. Лурье. Послание вельможе Иоанну о смерти князя.— «Slavia», XXVII/2, 1958, стр. 222—223.

[222] АСЭИ, т. II, № 291.

особенно при неустойчивости уездных границ в то время (недаром впоследствии, при передаче Кашина в удел Юрию Ивановичу, Кашинский уезд был специально отмежеван от Ростова [223]). Наконец, водный путь из Ярославля в Кириллов монастырь проходил мимо Углицкого уезда. Таким образом, главная цель выдачи грамоты заключалась в укреплении великокняжеских позиций на недавно присоединенных и спорных землях.

Грамота Ивана III Троице-Сергиеву монастырю появилась в декабре 1493 г., через месяц после смерти Андрея Углицкого. К этому времени уже со всей определенностью выявилась тактика Бориса Волоцкого — прежде всего его стремление найти опору в Троицком монастыре. Великий князь счел целесообразным принять контрмеры в направлении сближения с этим крупнейшим духовным феодалом. Необходимо обратить внимание на одно дополнительное обстоятельство. В конце 1493 г. Иван III, по-видимому, отозвал своего сына из Твери и лишил его прав князя кашинского, что было практически равнозначно отмене подтвердительных подписей Василия 1492/93 г. к грамотам Ивана Ивановича, касавшимся кашинских владений Троице-Сергиева монастыря. Выдача грамоты о невзимании пошлин с троицкого вотчинного хлеба должна была в какой-то мере ограничить недовольство монастырских властей акциями великого князя.

В 1492/93 г. Иван III уделял внимание также Московскому Чудову монастырю, хотя конкретные формы его политики по отношению к этой корпорации из-за отсутствия сохранившихся источников изучить трудно. В описи казны Чудова монастыря 1755 г. упоминается «розьезжая Семена... Товаркова с. Лушков з дер. Прудищем в. кн. Ив. Васильевича, 7001 году» [224]. Местоположение села Лужков не установлено [225]. Интересно, что данная (Чудову монастырю?) на с. Лужки относится только к 7015 (1506/07) г. [226] Лужки, приобретенные в 7015 г., находились в стане Сурожик Московского уезда [227]. Не вполн-

---

[223] ДиДГ, № 93.
[224] АСЭИ, т. III, № 48а, стр. 73, гр. 367.
[225] Там же, стр. 604.
[226] Там же, № 48а, стр. 73, гр. 515.
[227] В. Б. Кобрин. Две жалованные грамоты Чудову монастырю (XVI в.).— «Записки отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина», вып. 25. М., 1962, стр. 295.

не ясно, на каких правах владел Чудов монастырь этим селом до 1506/07 г. У Савво-Сторожевского монастыря в 70-х годах XV в. было селище Лушки в Звенигородском уезде[228] (на р. Истре[229]?). Прямых данных для отождествления Лужков Савво-Сторожевского монастыря с Лужками Чудова монастыря нет, но следует отметить крайнюю близость стана Сурожик к Звенигородскому уезду. Сурожик был расположен по среднему течению р. Истры и ее притоков и граничил со звенигородскими землями с севера[230]. Если Лужки, упомянутые в описи казны Чудова монастыря, находились в 1492/93 г. в Звенигородском уезде (а это вполне возможно, ибо границы между порубежными станами отличались крайней неустойчивостью), в акте разъезда можно видеть проявление политики, направленной на закрепление в составе великого княжения территорий, входивших в удел Андрея Углицкого (Звенигород принадлежал к их числу). Грамота была выдана между сентябрем 1492 г. и августом 1493 г., т. е. до смерти Андрея Углицкого[231].

Попытка великого князя заручиться поддержкой Чудова монастыря, тесно связанного с новгородским архиепископом Геннадием, являвшимся до 1484 г. чудовским архимандритом[232], отчасти определялась, по-видимому,

[228] АСЭИ, т. III, № 59а.

[229] Там же, стр. 604. На рубеже XV—XVI вв. имелось еще великокняжеское Лужское село в районе реки Горетовки (АСЭИ, т. III, № 50). Горетовский стан был расположен юго-восточнее Сурожика.

[230] В. Н. Дебольский. Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник, [1]. СПб., 1901, стр. 15, 19 и общая карта в конце книги; Ю. Готье. Замосковный край в XVII веке. М., 1906, стр. 578; Е. Д. Сташевский. Московский уезд по писцовым книгам XVI в. Киев, 1907, карта в конце книги.

[231] Считая Лужки звенигородским селом, мы относим грамоту к осени 1492 — началу 1493 г., ибо после 11 января 1493 г. Звенигород «со всеми пошлинами» был пожалован татарскому царевичу Абдыл-Летифу (ПСРЛ, т. IV. СПб., 1848, стр. 162; т. VI, стр. 39, 240; т. 24, стр. 211; т. 28, стр. 158, 323; в ряде летописей и в хронографе сообщается только о приезде Абдыл-Летифа, но умалчивается о пожаловании ему Звенигорода: ПСРЛ, т. VIII, стр. 225; т. XII, стр. 235; т. 20, первая половина, стр. 358—359; т. 22, стр. 509; т. 27, стр. 293, 363; «Псковские летописи», вып. II. Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955, стр. 252—253; С. О. Шмидт. Указ. соч., стр. 266).

[232] Кто был в Чудове монастыре архимандритом между 1484 и 1501 гг., в литературе не установлено. П. М. Строев, а за ним и

ослаблением позиций митрополита Зосимы. Противодействуя удельным притязаниям, Иван III в какой-то мере искал поддержки представителей воинствующей иосифлянской церкви. Пожалование в 1493 г. Звенигорода татарскому царевичу Абдыл-Летифу было вызвано, по-видимому, стремлением Ивана III нейтрализовать претензии Бориса Волоцкого или Василия на эту часть углицкого наследства.

От 1494—1495 гг. не сохранилось иммунитетных грамот Ивана III. Это показывает, что смерть Бориса Волоцкого в мае 1494 г. смягчила обостренность внутриполитической ситуации и позволила великому князю не прибегать к традиционным способам политического маневрирования.

В 1496 г. Иван III пожаловал нового митрополита Симона [233], занявшего кафедру в сентябре 1495 г. вместо сведенного с митрополичьего престола Зосимы. По своему содержанию грамота 1496 г. тесно примыкает к грамотам 1493 г. В ней Иван III запрещает своим мытчикам взимать мыт с митрополичьей рыбы (опять-таки вид продуктовой ренты), провозимой из Череповца к Москве, а также с людей, сопровождающих эту рыбу. В грамоте подчеркивается, что беспошлинность проезда гарантируется лишь если «товару с ними не будет никакова, опричь рыбы». Имеется и санкция: «а с товару бы есте пошлину имали». Следовательно, в данном случае, как и в 1493 г., стремление великого князя к союзу с влиятельнейшим иерархом не приводит к щедрому иммунитетному пожалованию.

В описи казны Чудова монастыря 1755 г. упоминается жалованная грамота Ивана III 7004 (1495/96) г., «чтоб корму не давать» [234]. Может быть, грамота была несудимой, содержавшей статью о неуплате наместничьего корма, или заповедной, разрешавшей не давать корм

И. А. Голубцов считали неизвестным имя чудовского архимандрита, наказанного в 1487/88 г. за подделку документа (П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, стб. 162; АСЭИ, т. III, стр. 652). Согласно Ермолинскому списку Ермолинской летописи, его звали Макарием (ПСРЛ, т. 23, стр. 162). Оставался ли Макарий на своем посту в 1492/93 г., сказать трудно. В 1498 г. архимандритом был уже Феогност (АСЭИ, т. III, № 48а, стр. 73, гр. 73).

[233] АФЗиХ, ч. I, № 292; Л. В. Черепнин. Указ. соч., ч. 2, стр. 224.

[234] АСЭИ, т. III, № 48а, стр. 73, гр. 365.

ездокам. Во всяком случае, судя по ее заголовку, едва ли в ней имелись отступления от основного курса финансовой политики Ивана III.

Политические мотивы выдачи грамоты 1496 г. митрополичьему дому угадываются при сопоставлении территорий, к которым она относилась, со сферой влияния князя Василия Ивановича. Грамота адресовалась «в Луковесь, да на усть-Шехсны, да на усть-Мологи, да на Углечь, да в Кашин, да на усть-Дубны, да в Дмитров мытшиком всем». Документ датирован 9 июля. Напомним, что имеется свидетельство марта 1496 г. о подведомственности Василию Кашинского уезда [235]. Подтвержденная Василием в 1490/91 г. грамота 1486 г. содержала статью, где фиксировалась таможенная компетенция дателя грамоты в отношении «усть-Дубны» [236]. Углич и Дмитров — это недавние удельные центры; усть-Шексны и усть-Мологи — места в пределах бывшего Углицкого княжества. Таким образом, грамота касалась территорий, куда входили, во-первых, реальная сфера влияния князя Василия Ивановича (Кашин, усть-Дубны), во-вторых, выморочное удельное наследство. Очевидно, приход к церковному руководству Симона (бывшего игумена Троице-Сергиева монастыря) значительно усилил позиции князя Василия Ивановича.

Если в 1493—1494 гг. Василий по существу лишился всех территорий и, может быть, лишь получил судебные права в районах Ростова и Вори-Корзенева, то почти сразу после поставления Симона он сначала был оставлен в Москве, по-видимому в роли соправителя великой княгини, затем сделался ярославским «государем», вновь приобрел права на Кашин и т. д. В этих условиях выдача грамоты митрополиту Симону определялась стремлением Ивана III связать материальные интересы митрополичьей кафедры с заинтересованностью в укреплении великокняжеской власти в той области, которая была отчасти сферой влияния, отчасти объектом возможных притязаний поддерживаемого церковью князя Василия Ивановича.

Что касается грамоты Чудову монастырю, то ее выдача, вероятно, означала новый шаг по линии контактиро-

[235] АСЭИ, т. III, № 163.
[236] Там же, т. II, № 271.

вания с прогеннадиевской корпорацией — на этот раз для сужения политической базы «придворной партии» Софьи — Василия.

В январе 1497 г. Иван III выдал две жалованные грамоты: Пильемовым на их село в Ростовском уезде[237] и Углицкому Покровскому монастырю[238]. По содержанию пожалований обе грамоты не отступают от принятых Иваном III принципов иммунитетной политики. В грамоте Пильемовым фиксировался только судебный иммунитет. Правда, из их юрисдикции не была исключена татьба, как это часто делалось раньше в грамотах светским феодалам. В грамоте Покровскому монастырю Иван III подтвердил установленное Андреем Большим право монастыря на получение 13 рублей из углицких таможенных доходов. Легко понять, почему такой порядок вещей был приемлем для великого князя. Когда-то (дата в грамоте не указана) Василий Темный разрешил монастырю сбор «пудового веса» (вид пошлины за взвешивание товаров) в Угличе. Эта привилегия делала монастырь хозяином положения, представителем власти на углицком рынке, не говоря уже о том, что обеспечивала ему неконтролируемые доходы. Вероятно, в условиях феодальной войны второй трети XV в. этот шаг великого князя имел большое политическое значение, превращая Покровский монастырь в последовательного сторонника московского правительства в Угличе, являвшемся одним из оплотов галицких князей. Андрей Большой, получивший Углич в удел, естественно, не был заинтересован в сохранении независимой роли Покровского монастыря и отменил эту привилегию. Иван III, которому Углич принадлежал с 1491 г. на правах «отчины», не имел оснований возрождать таможенную деятельность Покровского монастыря. Монастырь, в свою очередь, едва ли мог надеяться на такой поворот в своей судьбе и, скорее, опасался отмены при новом государе назначенной ему Андреем компенсации за прежнюю привилегию.

В переписной книге Вологодского Корнилиева Комельского монастыря 1676 г. упоминается под 7005 (1496/97) г. «государева» (Ивана III?) жалованная грамота, содержание которой изложено в трех словах: «тор-

[237] Там же, т. I, № 611.
[238] Там же, т. III, № 81.

говать солью безпошлинно»[239]. Учитывая общий курс таможенной политики 90-х годов XV в., известной по сохранившимся грамотам, мы вправе усомниться в точности передачи содержания грамоты переписной книгой. Однако сам факт выдачи грамоты (проезжего типа) Корнильевой пустыни указан, по-видимому, правильно. По данным В. В. Зверинского, Корнилиев монастырь был основан в 1498 г.[240] Между тем в житии Корнилия сказано: «В лето 7005-го (1495/96.— *С. К.*) прииде блаженный Корнилие на Комельский лес, бе бо тогда непроходим, и ту обрете храмину разбойническу и вселися в ню, и начят отреблять место то»[241]. Если основание Корнилиева монастыря произошло между сентябрем 1496 и августом 1497 г., то выдачу грамоты 7005 г. вероятнее отнести к 1497 г., чем к концу 1496 г.

Почему в начале 1497 г. иммунитетная политика Ивана III обратилась в сторону Ростова, Углича и, возможно, Вологды?

Прежде всего необходимо отметить устойчивый для великокняжеской политики 1496—1497 гг. интерес к району бывшего Углицкого княжества: стремление опереться здесь на самый влиятельный местный монастырь (Покровский) и на крупнейших духовных феодалов центра, связанных с этим краем либо транзитом (митрополичий дом), либо землевладением (Троице-Сергиев монастырь[242]). Учитывая, что в сферу влияния князя Василия Ивановича в 1496—1497 гг. входили Кашинский и Переславль-Залесский уезды, окружавшие Углицкий уезд с юга, и что 1497 г.— это время нарастания конфликта между Иваном III и Василием, можно предположить наличие претензий последнего на выморочное углицкое наследство — претензий, очевидно, поддержанных в высших церковных кругах.

Притязания Василия касались, по-видимому, не только Углича, но и соседнего Ростова, где молодой князь некоторое время ведал земельными делами. К тому же,

[239] ГПБ, Q. IV, № 395, л. 85.

[240] Зверинский, т. II, стр. 187, № 884.

[241] ГБЛ, Троицк. собр. (ф. 304), № 676, л. 513; И. У. Будовниц. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI веках (по «житиям святых»). М., 1966, стр. 281—282.

[242] В июле 1497 г. по грамоте Ивана III осуществлялся разъезд троицких и великокняжеских земель в Бежецком Верхе (АСЭИ, т. I, № 613).

смежный с Ростовом Кашинский уезд входил в сферу влияния Василия. Весьма показательно то, на ком из ростовских феодалов остановил свой выбор Иван III при выдаче иммунитетной грамоты. Это были Пильемовы-Сабуровы, ветвь тех самых Сабуровых, которым Иван III доверял настолько, что за полтора месяца до своей смерти женил на представительнице их рода своего уже назначенного великим князем сына Василия.

О возможных претензиях Василия на выморочные удельные территории говорит передача Иваном III в удел Мухаммед-Эмину (свергнутому казанскому хану, который получил приют в России) Серпухова и Хотуни (в мае 1497 г.) [243]. В договорах Ивана III 1486 г. с Борисом Волоцким и Андреем Углицким «Дмитров, Ростов, Медынь, Серпохов, Хотунь» фигурируют в качестве районов, являвшихся наследством Юрия и представлявших, видимо, объект удельных притязаний. Внимание к Угличу и Ростову, входившим в одну епархию, характеризует стремление Ивана III помешать союзу между Василием и архиепископом ростовским.

С 1497/98 г. Иван III стал больше считаться и с фактом существования Волоцкого и Рузского удельных

[243] ПСРЛ, т. VI, стр. 41, 240; т. XII, стр. 244; т. 20, первая половина, стр. 364; т. 28, стр. 328. В Воскресенской, Типографской и Вологодско-Пермской летописях это событие указано под 7004 г. (ПСРЛ, т. VIII, стр. 232; т. 24, стр. 213; т. 26, стр. 290). В этих летописях, так же как в Псковской 3-й и в хронографе («Псковские летописи», вып. II, стр. 253; ПСРЛ, т. 22, ч. 1, стр. 512; С. О. Шмидт. Указ. соч., стр. 271), само свержение Мухаммед-Эмина с казанского престола и посажение Абдыл-Летифа отнесено к 7004 г. Ошибочность этой даты выясняется из Разрядной книги, где сказано: «7005-го сентября... согнал с Казани Магмедеминя царя Мамук, царь нагайской...», после чего Мухаммед-Эмин приехал к Ивану III, который «из свейского походу воевод убавил, а приговорил на весну послати на Казань воевод» («Разрядная книга 1475—1598 гг.», стр. 27. Разрядка моя). Весна 7005 г.— это и есть апрель — май 1497 г., указанные в Софийских, Никоновской и других летописях. 1497 г. называли в своих работах В. В. Вельяминов-Зернов («Исследование о касимовских царях и царевичах», ч. 1. СПб., 1863, стр. 190) и И. И. Смирнов («Восточная политика Ивана III».— «Исторические записки», т. 27, стр. 20), в то время как К. В. Базилевич, основывавшийся на тексте Воскресенской летописи, неправильно писал, что Абдыл-Летиф был послан в Казань на царство (вместо свергнутого Мухаммед-Эмина) «в апреле 1496 г.» (К. В. Базилевич. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952, стр. 399).

княжеств, где начали править сыновья Бориса Васильевича Федор и Иван (до их совершеннолетия княжеством, еще не разделившимся, управляла вдова Бориса княгиня Ульяна) [244]. В июле 1497 г. Иван III выменил у своих племянников принадлежавшие им вотчины в разных уездах Московской земли (замену они получили в Тверской земле) [245]. Великий князь, вероятно, стремился ограничить влияние волоцких князей в пределах великого княжения. Возможно также, что с помощью этого пожалования он хотел нейтрализовать претензии Василия на земли бывшего Тверского княжества.

Относительно вологодского направления иммунитетной политики, не имея достоверных данных, сказать что-либо трудно. Нужно учитывать принадлежность Вологды к выморочному удельному наследству. Следует иметь в виду также и определенную активность в это время мелкого удельного князя Данила Александровича, выдавшего в августе 1497 г. жалованную грамоту Вологодскому Спасо-Каменному монастырю [246]. Не лишено вероятия, что его выступление было каким-то образом связано с попытками Василия найти опору в среде вологодских феодалов. Но чьи интересы выражал Данил Александрович — Ивана III или Василия, решать не беремся.

Социальная подоплека иммунитетной политики 1497 г. раскрывается, к сожалению, далеко не полностью. Характер пожалования Покровскому Углицкому монастырю наводит на мысль о каких-то переменах в системе таможенного управления Угличем в 1497 г. Очевидно, эти перемены и заставляли монастырь добиваться гарантии в отношении старых доходов. Возможно, порядок сбора таможенных пошлин в Угличе перекраивался в духе принципов, отраженных в белозерской таможенной грамоте мая 1497 г. [247]

---

[244] Факты выдачи и подтверждения ею иммунитетных грамот относятся к 1494—1495 гг. (АСЭИ, т. I, № 575; АФЗиХ, ч. II, № 18, 21).

[245] ДиДГ, № 85.

[246] АСЭИ, т. III, № 272; ср. № 271.

[247] Там же, № 23.

Глава II

«ДИНАСТИЧЕСКИЙ КРИЗИС» 1497 — 1500 гг.

*

1. Заговор 1497 г. и коронация Дмитрия-внука

Взятые в целом, грамоты 1497 г. проливают свет на предпосылки заговора 1497 г., в котором приняли участие В. Гусев, Ф. Стромилов и другие сторонники князя Василия Ивановича.

Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, И. И. Смирнов и в начале 50-х годов XX в. А. А. Зимин считали, что заговор 1497 г. являлся прогрессивным движением детей боярских и дьяков, направленным против сил боярской реакции, группировавшихся вокруг Дмитрия-внука [1]. В летописях участники заговора действительно названы детьми боярскими, а В. Гусев долгое время рассматривался в литературе в качестве составителя Судебника 1497 г., где воплотились централизаторские тенденции великокняжеской политики. Однако оба аргумента были подвергнуты серьезной критике в трудах Я. С. Лурье, Л. В. Черепнина и других исследователей. Я. С. Лурье первый показал, что мнение о Гусеве как составителе Судебника основано на неправильном понимании одного неясного места в Типографской летописи [2].

---

[1] И. И. Смирнов. Классовая борьба в Московском государстве в первой половине XVI в.— «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 9—10, стр. 81; он же. Рецензия на книгу К. В. Базилевича «Внешняя политика Русского централизованного государства».— «Вопросы истории», 1952, № 11, стр. 142—143; А. А. Зимин. Рецензия на книгу Л. В. Черепнина «Русские феодальные архивы XIV—XV веков», ч. 2.— «Советская книга», 1952, № 4, стр. 66—67.

[2] Я. С. Лурье. Из истории политической борьбы при Иване III.— «Ученые записки [ЛГУ]», № 80. Серия исторических наук, вып. 10. Л., 1941, стр. 90—91.

Точку зрения Лурье поддержал Л. В. Черепнин[3]. Гусев, согласно исследованиям Лурье и Черепнина, никакого отношения к составлению Судебника не имел.

С. Б. Веселовский (1939 г.) показал, что Гусевы происходили из знатного рода бояр Добрынских, отец В. Гусева Елизар служил удельным князьям, а некоторые другие видные участники заговора являлись потомками измельчавших удельных князей[4].

Рассматривая заговор 1497 г. как одно из следствий изменения взаимоотношений между великокняжеской властью и боярством, С. Б. Веселовский считал, что Гусев с товарищами «по неосторожности или из побуждений карьеры вмешались в семейное дело великого князя»[5]. Таким образом, автор по существу отказался от выяснения социальных причин и политических целей заговора 1497 г., хотя и видел в нем проявление недовольства «служилого класса» (боярства) ростом самодержавия.

Я. С. Лурье, подобно С. Б. Веселовскому, обратил внимание на родовитость Гусева (1941 г.)[6]. По мнению автора, в первой половине 80-х годов XV в. Гусев «был представителем феодального блока, пытавшегося привлечь Тверь на свою сторону»[7]; «...фактические данные о Владимире Гусеве совершенно опровергают взгляд на него как сторонника самодержавия»[8]. В статье, вышедшей в 1948 г., Я. С. Лурье указал на политические связи Софьи с «княжичем-эмигрантом» Вас. Мих. Верейским и на отсутствие достоверных известий о связи Елены с боярами[9]. В работах 1941 и 1948 гг. Я. С. Лурье развил антитезу традиционной концепции заговора 1497 г. В литературе, писал он, можно часто встретить указание, что Софья и Василий были окружены дворянами, а

---

[3] Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 2. М., 1951, стр. 294.

[4] С. Б. Веселовский. Владимир Гусев — составитель Судебника 1497 года.— «Исторические записки», т. 5, стр. 31—47; ср. И. И. Смирнов. Указ. рец., стр. 143, прим. 2.

[5] С. Б. Веселовский. Указ. соч., стр. 47.

[6] Я. С. Лурье. Указ. соч., стр. 91.

[7] Там же, стр. 92; ср. Л. В. Черепнин. Указ. соч., ч. 2, стр. 301.

[8] Я. С. Лурье. Указ. соч., стр. 91.

[9] Я. С. Лурье. Первые идеологи московского самодержавия.— «Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 78. Кафедра истории СССР. Л., 1948, стр. 96—97.

Елена и Дмитрий — боярами: «Факты показывают обратное» [10].

К. В. Базилевич согласился с Я. С. Лурье в том, что «заговорщики... принадлежали к феодально-оппозиционным кругам» [11].

На базе сравнительного изучения летописных, актовых источников и Судебника 1497 г. Л. В. Черепнин выдвинул и блестяще обосновал гипотезу о проуглицкой направленности заговора 1497 г. Кардинальные выводы автора сформулированы следующим образом: заговор Гусева — «попытка возродить феодальную раздробленность» [12]; «Гусев и его товарищи были выразителями оппозиционных боярских настроений, которые шли из бывших уделов Московского княжества. Эти настроения использовали в своих целях Софья Палеолог и ее сын Василий Иванович» [13]; «Казнь Владимира Гусева и других заговорщиков в декабре 1497 г. была непосредственным продолжением удара, нанесенного Иваном III по угличкой самостоятельности в 1491 г.» [14]

В последнее время и А. А. Зимин, говоря о силах, стоявших за спиной «княжича Василия», подчеркнул «проуглицкие симпатии» Владимира Гусева [15]. Кроме того, он отметил, что Софью поддерживал новгородский архиепископ Геннадий [16]. Сторонники тверских вольностей, по мнению А. А. Зимина, напротив, возлагали свои надежды на Дмитрия-внука [17]. Таким образом, стержень династического вопроса А. А. Зимин усматривает в борьбе сил децентрализации за восстановление прежней незави-

---

[10] Я. С. Лурье. Из истории политической борьбы..., стр. 91.

[11] К. В. Базилевич. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952, стр. 364.

[12] Л. В. Черепнин. Указ. соч., ч. 2, стр. 318.

[13] Там же, стр. 303.

[14] Там же, стр. 294.

[15] А. А. Зимин. Основные проблемы реформационно-гуманистического движения в России в XIV—XVI вв.— «История, фольклор, искусство славянских народов». Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963). М., 1963, стр. 106; он же. О политических предпосылках возникновения русского абсолютизма.— «Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.)». М., 1964, стр. 36.

[16] А. А. Зимин. Основные проблемы..., стр. 106—107; он же. О политических предпосылках..., стр. 37.

[17] А. А. Зимин. Основные проблемы..., стр. 105 он же. О политических предпосылках..., стр. 34.

симости различных недавно присоединенных областей. Взгляд А. А. Зимина на события 1497 г. близок к представлению Л. В. Черепнина о заговоре Гусева как рецидиве феодальной войны середины XV в. Отличие их концепций состоит в том, что А. А. Зимин и Дмитрия-внука считает не столько последовательным сторонником самодержавия, сколько представителем определенной (тверской) линии местного сепаратизма.

Весьма осторожен в своих выводах Дж. Феннел, который в целом ближе к точке зрения Я. С. Лурье и Л. В. Черепнина, чем И. И. Смирнова. Он пишет: «Но даже если эти исследования генеалогии заговорщиков не доказывают окончательно, что Гусев и его партия являлись активными поборниками сепаратизма и противниками великокняжеской политики централизации, они, по крайней мере, показывают, что эти люди никоим образом не были типичными представителями того, что И. И. Смирнов называет „нетитулованным средним слоем класса феодалов", который поддерживал централизованное государство, т. е. типичными детьми боярскими, резко враждебными „удельнокняжеским кругам"» [18].

Особенно слабо изучены конкретные причины и непосредственные движущие пружины событий 1497 г. По мнению С. Б. Веселовского, сам Иван III «не мог разобраться в сложном клубке интриг, возникших вокруг вопроса о престолонаследии» [19]. Я. С. Лурье считает, что в еретиках, близких к Елене, Иван III нашел более верных поборников самодержавия, чем в «партии» Софьи Палеолог, поэтому он и назначил Дмитрия-внука своим наследником [20]. Однако автор не объясняет, почему «династический кризис» разразился именно в 1497 г.

Интересные соображения относительно развития «кризиса» в 1497 г. высказал Л. В. Черепнин. С его точки зрения, в сентябре 1497 г. (дата, указанная в тексте Судебника) была рассмотрена лишь первая часть подготавливаемого кодекса, весь же Судебник в целом был обнародован в феврале 1498 г., одновременно с коронацией Дмитрия-внука. Начала централизации, проводившиеся в Судебнике, и вызвали, согласно Черепнину, вы-

---

[18] J. Fennell. Ivan the Great of Moscow. London, 1961, p. 346—347.
[19] С. Б. Веселовский. Указ. соч., стр. 47.
[20] Я. С. Лурье. Первые идеологи..., стр. 97—98, 106.

ступление «представителей боярства», во главе которых стоял В. Гусев[21]. Таким образом, здесь заговор расценивается как форма борьбы против конкретного политического мероприятия великого князя: приступ к изданию Судебника в сентябре 1497 г. вызывает заговор, заговорщики гибнут в декабре 1497 г., а в феврале 1498 г. происходит коронация Дмитрия-внука и обнародование Судебника. При этом Л. В. Черепнин проводит водораздел между интересами Софьи — Василия, с одной стороны, заговорщиков — с другой, считая, что жена и сын великого князя только использовали в своих целях заговорщиков, и наоборот[22].

Еще дальше по пути противопоставления интересов и мотивов действия оппозиционного «боярства» и Софьи — Василия пошел К. В. Базилевич, согласно концепции которого расхождение между Софьей и Иваном III ограничивалось проблемой отношения к Литве, в то время как поведение заговорщиков являлось реакцией на ломку «феодально-удельного строя»[23] и антилитовскую политику великого князя[24] (в последнем пункте автор, очевидно, признавал возможность совпадения политических взглядов заговорщиков и Софьи).

Вывод К. В. Базилевича сводится к тому, что главной причиной заговора 1497 г. был «не династический вопрос»; недовольство, приведшее к заговору, «возникло независимо от династического дела, но борьба, поднявшаяся вокруг вопроса о престолонаследии, захватила и оппозиционно настроенную часть боярства»[25]. Этот вывод основан в значительной мере на представлении о незыблемости власти Ивана III: «Вряд ли эти лица (заговорщики. — *С. К.*) могли связывать с приходом к власти Софьи и ее сына Василия надежды на ослабление централизации и укрепление феодально-удельного

---

[21] Л. В. Черепнин. Указ. соч., ч. 2, стр. 308. Ср. возражения А. А. Зимина («Советская книга», 1952, № 4, стр. 67).

[22] Л. В. Черепнин. Указ. соч., ч. 2, стр. 294.

[23] Под этой ломкой автор подразумевает «уничтожение мелких уделов, ограничение иммунитетов и системы кормлений, почти полное прекращение раздачи земель на вотчинном праве, прекращение вольной службы бояр и детей боярских, кодификацию права в „Судебнике" 1497 г. с ясно выраженной тенденцией в централизации суда и прочее» (К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 369).

[24] К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 365—370.

[25] Там же, стр. 369—370.

порядка. Это становится тем более ясным, что ни Елена Волошанка, не игравшая сколько-нибудь значительной политической роли, ни ее сын Дмитрий, которому к моменту династического заговора исполнилось только 14 лет, не могли вызывать серьезное опасение в смысле усиления самодержавной политики, ибо вся полнота власти находилась в руках великого князя, обладавшего независимым и властным характером»[26].

И. И. Смирнов в своей рецензии на книгу К. В. Базилевича высказал противоположную точку зрения, считая, что власти Ивана III грозила серьезная опасность: «В ходе династического кризиса 1497—1502 гг. удельно-княжеские круги, очевидно, рассчитывали использовать малолетство внука Ивана III, Димитрия, для захвата власти в свои руки (в форме регентства и т. д.). Напротив, заговор 1497 г. представлял собою попытку детей боярских и дьяков изменить ход событий в свою пользу путем насильственного устранения „внука великого князя" Димитрия и передачи власти Василию»[27].

По-видимому, в основе этого мнения И. И. Смирнова лежит вполне правильное представление о недостаточной прочности единодержавной власти в конце XV в., однако противоречия между группировками Дмитрия и Василия автор рассматривает вне связи с позицией самого Ивана III. Почему было решено использовать малолетство Дмитрия в 1497 г., а не раньше? Знал ли Иван III об этих планах? Почему Иван III возвысил Дмитрия, если знал, что именно от него исходит угроза его владычеству? На эти вопросы читатель не находит ответа.

Следует обратить внимание на мысль К. В. Базилевича, получившую затем развитие в труде Дж. Феннела. По мнению К. В. Базилевича, коронация Дмитрия-внука проводилась как средство укрепления антилитовского русско-молдавского союза: «... Выступление Ивана III в защиту Стефана совпало с моментом разрыва с Софьей и с провозглашением Дмитрия Ивановича наследником великокняжеской власти»[28].

---

[26] К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 364.

[27] И. И. Смирнов. Рецензия на книгу К. В. Базилевича «Внешняя политика Русского централизованного государства».— «Вопросы истории», 1952, № 11, стр. 143.

[28] К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 369.

Дж. Феннел критически отнесся к тезису Л. В. Черепнина об использовании Софьей и Василием заговорщиков в своих целях et vice versa. Он думает, что это слишком большая натяжка[29]. Аргумент К. В. Базилевича, призванный доказать расхождение между Софьей и Иваном III в 1497 г. по вопросу о Литве, — отсутствие в письмах Софьи к дочери политических наставлений — Феннел считает крайне слабым[30]. Сам автор пытается рассмотреть события 1497 г. в динамике. Первоначальный толчок он видит, в соответствии с летописными известиями, в решении Ивана III назначить Дмитрия великим князем. Отсюда и заговор — как реакция на это решение[31].

Намерение Ивана III короновать Дмитрия-внука Феннел вслед за К. В. Базилевичем связывает с политикой по отношению к молдавскому воеводе Стефану (отцу Елены и деду Дмитрия со стороны матери). Иван III хотел иметь в Стефане надежного союзника против Литвы. В августе 1497 г. в Москву вернулись отправленные к Стефану в июне 1496 г. послы Ивана III Ив. Ив. Ощерин и Лука Волошенин, вместе с ними прибыл молдавский посол Иван Питарь[32]. Как полагает Феннел, великий князь мог получить от них сообщение о том, что Стефан в случае вступления в Молдавию польско-литовских войск решил объявить себя вассалом султана и сопротивляться Ягеллонам. Ответным условием (которое выдвинул Стефан или которое ему было предложено Иваном III?[33]) являлось назначение Дмитрия-внука наследником престола[34]. Эту концепцию Феннела поддержал Я. С. Лурье[35].

С нашей точки зрения, в пользу мнения Феннела свидельствует ряд фактов: 1) в летописной статье о встрече рязанской великой княгини Анны в августе 1497 г. внук

---

[29] J. Fennell. Op. cit., p. 348.
[30] Ibid., p. 356.
[31] Ibid., p. 343.
[32] ПСРЛ, т. VI, стр. 41, 241; т. VIII, стр. 232—233; т. XII, стр. 244; т. 20, первая половина, стр. 364—365; т. 24, стр. 243; т. 26, стр. 290—291; т. 28, стр. 328—329. Краткое упоминание об этом: «Сб. РИО», т. 41, стр. 240.
[33] Автор просто говорит «a condition» (J. Fennell. Op. cit., p. 345).
[34] J. Fennell. Op. cit., p. 345.
[35] Рецензия Я. С. Лурье на книгу Дж. Феннела «Ivan the Great of Moscow» («История СССР», 1962, № 4, стр. 206).

упомянут сразу после великого князя, раньше детей и великих княгинь; 2) сообщению о встрече Анны непосредственно предшествует рассказ, описывающий столкновение Ягеллонов со Стефаном и вмешательство великого князя в этот конфликт[36]; 3) упомянутая в летописях посылка к Александру Петра Лобана Заболотского и дьяка Ивана Волка Курицына, которые должны были отговорить литовского великого князя от войны со Стефаном, имела место в августе 1497 г.[37]; 4) в Вологодско-Пермской летописи в известии о коронации Дмитрия Ивановича говорится: «Стефанова внука Воложского»[38].

Гипотезу Базилевича — Феннела необходимо учесть при установлении всего комплекса причин, обусловивших коронацию Дмитрия-внука. Но внешнеполитическая причина не была, на наш взгляд, единственной. В схеме Феннела есть одно слабое место: если она хорошо объясняет возвышение Дмитрия в августе 1497 г., то из нее трудно вывести мотивы коронации Дмитрия-внука в феврале 1498 г. Согласно наблюдениям автора, после октября 1497 г. Ивану III «нечего было беспокоиться» о судьбе Молдавии, поскольку 26 октября 1497 г. Стефан разбил вторгнувшиеся в его страну польско-литовские войска[39]. Обещание Стефану, если оно и было дано в августе 1497 г., могло быть выполнено в случае острой внутриполитической необходимости в коронации Дмитрия-внука. Вместе с тем внутриполитические мотивы назначения Дмитрия великим князем Феннел представляет таким образом, что трудно приурочить их именно к 1497 г.: «С внутриполитической точки зрения это могло быть задумано как демонстрация его (Ивана III. — *С. К.*) неодобрения боярских симпатий и связей Софьи»[40].

Сохранившийся документальный материал позволяет дать следующее объяснение событиям династической

---

[36] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 534—535; т. VI, стр. 42, 241; т. VIII, стр. 233—234; т. XII, стр. 245; т. 20, первая половина, стр. 365—366; т. 28, стр. 329.

[37] «Сб. РИО», т. 35, № 48, стр. 236—238.

[38] ПСРЛ, т. 26, стр. 291.

[39] J. Fennell. Op. cit., p. 344. Об этом событии подробнее см.: L. Kolankowski. Dzieje Wielkiego księstwa Litewskiego za Jagiellonów, t. 1. W-wa, 1930, str. 437; J. Szujski. Historyi polskiéj treściwie opowiedzianéj ksiąg dwanaście. W-wa, 1880, str. 150.

[40] J. Fennell. Op. cit., p. 345.

борьбы 1497 г. «Партия» Софьи — Василия, позиции которой весьма пошатнулись в конце 1493—1494 гг., после смерти Андрея Углицкого и Бориса Волоцкого, начала усиливаться с середины 90-х годов, во-первых, благодаря браку Елены Ивановны и Александра Литовского, во-вторых, благодаря приходу к церковной власти умеренного ортодокса Симона, в-третьих и в основном, потому, что тенденции удельной децентрализации были еще крайне сильны и претензии Василия на известную территориальную независимость выражали одну из объективных закономерностей экономического и политического развития в этот период. В 1496—1497 гг. Василий обладал некоторыми уездами на правах удела, над другими осуществлял судебный контроль. Существование политического соперника в лице Дмитрия-внука, поддерживаемого Иваном III, заставляло Василия особенно активно добиваться все новых территориальных прав и особых преимуществ, возможно, титула великого князя «всея Руси».

Выдача Иваном III иммунитетных грамот в 1497 г. показывает, что уже с самого начала года великого князя крайне беспокоила судьба Углича и Ростова. В мае 1497 г. выдается белозерская таможенная грамота. В июле 1497 г. великий князь идет даже на расширение владений волоцких князей в Тверской земле. В промежутке между осенью 1496 г. и августом 1497 г. уделялось внимание Вологодскому уезду.

Таким образом, Углич, Ростов, Белоозеро, Вологда, Тверь — вот примерный круг территорий, вызывавших наибольшие опасения Ивана III еще до приезда послов от Стефана в августе 1497 г. Мы знаем, что заговорщики 1497 г. подговаривали Василия захватить Белоозеро и Вологду, Василий являлся недавним сувереном Твери, он имел Кашин, вероятно претендовал на Углич и мог рассчитывать на поддержку своих сторонников в Волоколамском уезде [41]. «Заговор Гусева пустил корни не только в Углицком княжении. Нити заговора захватили и другие уезды...: Вологду, Белоозеро, Волок Ламский» [42].

---

[41] Близкие к Василию Еропкины принадлежали к окружению волоцких князей (Л. В. Черепнин. Указ. соч., т. 2, стр. 295). С Иосифом Волоцким Василий был связан через бояр Челядниных (Я. С. Лурье. Первые идеологи..., стр. 83, прим. 4).

[42] Л. В. Черепнин. Указ. соч., ч. 2, стр. 294.

Реальная опасность со стороны Василия и обусловила новое возвышение Дмитрия-внука в августе 1497 г., при этом внешнеполитические события могли быть лишь поводом или благовидным предлогом для проведения в жизнь созревшего решения. Согласно тексту Степенной книги, начало «гнева» Ивана III на Софью и Василия нужно отнести к первой половине 1497 г. Сообщая о пожаловании Василию титула великого князя 21 марта 1499 г., Степенная книга указывает, что Иван III имел гнев на жену и сына «малым бо пред сим, яко за два лета»[43].

Борьба с сепаратистскими тенденциями Василия велась Иваном III в расчете на поддержку средних слоев класса феодалов и посадских людей соответствующих уездов (грамота Пильемовым, грамота Покровскому Углицкому монастырю, белозерская таможенная грамота). Не случайно именно в сентябре 1497 г. правительство приступило к выработке Судебника, в котором не предусматривался суд удельных князей[44].

Все эти меры в сочетании с решением объявить Дмитрия-внука великим князем вызвали взрыв недовольства группировавшихся вокруг Василия сторонников прежней автономии различных областей. Степень агрессивности заговорщиков нам неизвестна. Насколько решительно собирались они претворить слова в дело, неясно. Однако легко понять, что разоблачение заговора было для Ивана III удобным способом официально оправдать и узаконить возвышение Дмитрия-внука, создать новую политическую систему. Коронация 1498 г. только внешне явилась результатом разгрома заговора в декабре 1497 г. Фактически же, судя по социальной направленности внутриполитического курса второй половины 1497 г., Иван III связывал с возвышением Дмитрия-внука проведение определенной социально-политической программы.

Посмотрим же, какой характер носила внутренняя политика в 1498 г. Оказывается, великий князь Дмитрий Иванович не выдавал и не подтверждал жалованных грамот. Он выдавал только грамоты о производстве суда по земельным тяжбам и о разъезде спорных земель, су-

---

[43] ПСРЛ, т. 21, вторая половина, стр. 571—572.
[44] С. Б. Веселовский. Владимир Гусев..., стр. 42.

дил в последней инстанции земельные дела[45]. Дмитрий-внук, по-видимому, не имел каких-либо территорий на правах удела[46]. И в этом состояло его качественное отличие от князя Василия Ивановича, который обычно сочетал судебные функции в отношении одних уездов с удельными правами на те же или другие уезды. Иными словами, по объему полномочий Дмитрий-внук, несмотря на свой великокняжеский титул, был менее полноправным, чем Василий. Он являлся лишь соправителем, фактически помощником великого князя, а не самостоятельным удельным сувереном.

Этот характер власти Дмитрия был отлично понят на Западе. Кенигсбергский командор Людвиг фон Занс-гейм, посланец хохмейстера, писал императору Максимилиану, что со своим внуком «старый государь один держит в своих руках управление землей и не хочет допустить собственных двух сыновей к управлению или разделу земли. Это для магистра Ливонии и для почтенного Ордена во многих отношениях тяжело и невыгодно: Орден не может противостоять столь большой силе, сосредоточенной в одних руках, в отличие от того положения, когда земля поделена между

---

[45] АФЗиХ, ч. I, № 117, 259, 308, 309 (стр. 362); АСЭИ, т. I, № 619; т. II, № 416; Л. В. Черепнин. Указ. соч., ч. 2, стр. 238 (о правых грамотах суда Дмитрия Ивановича).

[46] В одной из своих работ А. А. Зимин высказал предположение, что «коронация в 1498 г. Дмитрия Ивановича означала полное признание его прав на Тверь» (А. А. Зимин. Основные проблемы.... стр. 105); однако в статье, вышедшей позднее, это предположение снято (А. А. Зимин. О политических предпосылках..., стр. 34). Действительно, данных о передаче Дмитрию Твери в источниках нет. Правда, в «Чине», венчания Дмитрия по списку Погод. 280 говорится, что он был пожалован «княжеством Володимерским и Московским и Новгородцким и Тферским» (Я. С. Лурье. Идеологическая борьба..., стр. 385). Однако Я. С. Лурье не относит этот список к числу отражающих первоначальную редакцию. Кроме того, здесь приведен титул, а не перечень реально перешедших к Дмитрию областей. Обычно, говоря о венчании Дмитрия, источники указывают только две территориальные атрибуции, фигурирующие в великокняжеском титуле: «володимерский и московский» или «московский и новгородский». В Погод. же 280 заимствование из великокняжеского титула пошло дальше. В дипломатических документах 1498 г. Иван III выступает, как и прежде, с титулом великого князя «володимерского и московского и новогородского и псковского и тферского и югорского и болгарского и иных» («Сб. РИО», т. 35, стр. 250, 254. Разрядка моя).

государями»[47]. Не следует, конечно, абсолютизировать это высказывание, поскольку оно содержится в недатированном источнике, но так или иначе, коронация Дмитрия-внука имела, по-видимому, ясно выраженную антиудельную направленность и означала торжество самодержавия[48]. Дмитрий-внук был политической фигурой нового типа. Его последовательное возвышение на всем протяжении 90-х годов (по крайней мере, с 1492 г.) не сопровождалось предоставлением ему каких-либо земель в удел[49]. Вполне естественно, что именно он оказался у трона рядом с Иваном III после разгрома проудельного заговора.

Однако нельзя путать первоначальный замысел, приведший к коронации, с ее объективными последствиями. Появление второго более или менее наделенного реальной властью великого князя едва ли могло в течение сколько-нибудь продолжительного времени способствовать росту самодержавия. Было бы модернизацией предполагать для конца XV — начала XVI в. сугубо функциональный характер власти Дмитрия как соправителя Ивана III. В условиях еще живой удельной действительности роль второго великого князя могла быть только функционально-территориальной, т. е. само приобщение Дмитрия к государственному управлению уже предопре-

---

[47] Разрядка моя. «Supplementum ad Historica Russiae Monumenta». Petropoli, 1848, № 121, S. 312 (датируется предположительно 1498 годом); Я. С. Лурье. Первые идеологи..., стр. 97; LEKUB, 2-te Abt., Bd. 1, № 1023, S. 772 (датируется временем не позднее августа 1500 г.). На последнее издание как на источник сведений о династической борьбе в России конца XV — начала XVI в. мое внимание любезно обратила А. Л. Хорошкевич.

[48] Я. С. Лурье. Первые идеологи..., стр. 97—98; он же. Идеологическая борьба..., стр. 384—385; Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.—Л., 1955, стр. 194; ср. Л. В. Черепнин. Указ. соч., ч. 2, стр. 304—305 и след.; А. А. Зимин. Основные проблемы..., стр. 105; он же. О политических предпосылках..., стр. 34—35.

[49] Такое отношение Ивана III к Дмитрию могло быть следствием идейной близости между группой Елены Волошанки и великим князем. Воспитанный на идеях «еретиков», Дмитрий, возможно, был менее проникнут удельной психологией, чем Василий, и поэтому больше годился на роль соправителя великого князя. Нам кажется правильным тезис Я. С. Лурье о крупном вкладе еретиков в идеологию самодержавия (Я. С. Лурье. Первые идеологи..., стр. 106; ср. противоположную точку зрения И. И. Смирнова — «Вопросы истории», 1952, № 11, стр. 143, прим. 3).

деляло размежевание полномочий деда и внука в территориальном отношении.

Сохранившиеся грамоты показывают, что Дмитрию были подведомственны следующие уезды: может быть (хотя отнюдь не наверняка), Вологодский [50]; кроме того, Белозерский (в феврале 1498 г. [51] и позднее [52]), Переславль-Залесский (в марте 1498 г. [53]), Костромской (даты нет [54]), Бежецкий (в 7007 г. [55]).

В это же время Иван III проводил активную земельную политику в уездах Суздальском (известия мая 1498 г. [56] и 7006 г. [57]), Юрьев-Польском (даты нет, предположительно в 1497/98 г. [58]), Коломенском (даты нет, предположительно в 1497/98 г. [59]), Нижегородском (в октябре 1498 г. [60]), Московском (в декабре 1498 г. [61] и в 7007 г.).

Очевидно, раньше других территорий Дмитрий получил в управление Белозерский и (предположительно) Вологодский уезды. Возможно, передача их ему состоялась незадолго до официальной опалы Василия [62] и в какой-то мере, по-видимому, в силу претензий последнего на эти области [63]. Недаром дьяк Федор Стромилов в

---

[50] АСЭИ, т. III, № 279. Однако у нас нет уверенности в том, что подписавший грамоту «князь Дмитрей Ивановичь» действительно Дмитрий-внук. Может быть, грамота относится к августу — сентябрю 1499 г. и фигурирует в ней другой Дмитрий — третий сын Ивана III от брака с Софьей Палеолог.

[51] АСЭИ, т. II, № 416.

[52] АФЗиХ, ч. I, № 308; см. также № 309, стр. 262.

[53] Там же, № 117.

[54] Там же, 259.

[55] АСЭИ, т. I, № 619.

[56] Там же, т. II, № 494 (уп.: АСЭИ, т. III, стр. 479, гр. 53).

[57] Там же, т. II, № 491, 493.

[58] Там же, т. I, № 615.

[59] Там же, т. II, № 414.

[60] Там же, т. III, № 305.

[61] АФЗиХ, ч. I, № 32.

[62] Грамота, касающаяся волости Чавцы в Закубенье Вологодского уезда, исходила от Ивана III, но была подписана «князем» Дмитрием Ивановичем. И. А. Голубцов относит ее ко времени, непосредственно предшествовавшему пожалованию Дмитрия великокняжеским титулом (АСЭИ, т. III, № 279). Это предположение нельзя рассматривать иначе, как догадку.

[63] О возможных претензиях и надеждах Василия и Софьи на Белоозеро см.: J. Fennell. Op. cit., p. 345; ср. А. А. Зимин. Основные проблемы..., стр. 106; он же. О политических предпосылках..., стр. 36

своих предложениях Василию связывал план набега на Вологду и Белоозеро с «израдой» над князем Дмитрием-внуком.

Коронация Дмитрия состоялась 4 февраля 1498 г., но еще в феврале 1498 г. (до или после 4 числа, мы не знаем) Переславль-Залесским уездом ведал князь Юрий Иванович [64], второй сын Ивана III от брака с Софьей Палеолог, которому Переславль был поручен, видимо, сразу после опалы Василия. Белозерский, Переславский и Костромской уезды являлись бывшей сферой влияния князя Василия.

Дмитрий мог предъявить права и на другие уезды, входившие ранее в число подведомственных Василию земель. Не этим ли объясняется стремление Ивана III утвердить свой суверенитет в Ярославле, где Василий имел в 1496 г. полномочия «государя»? В марте 1498 г. Спасский Ярославский монастырь получил от Ивана III жалованную грамоту, ставившую все население монастырской вотчины, а также архимандрита и братию под опеку и контроль великокняжеского пристава С. Одинцова (по линии судебных дел с посторонними лицами). Иные приставы не имели права «наметывать» сроки явки в суд и давать на поруки архимандрита, старцев и крестьян [65]. Именно в целях нейтрализации притязаний Дмитрия великий князь поставил под контроль своего пристава всю вотчину наиболее влиятельного в Ярославле Спасского монастыря. Грамота 1498 г. ограничивала, по-видимому, юрисдикцию ростовского архиепископа: до 1498 г. не встречается грамот, закрепляющих подсудность настоятелей и монахов ярославских монастырей великому князю (вероятно, их судил архиепископ). Мера Ивана III была стимулирована остротой внутриполитической ситуации 1498 г., когда противопоставление интересов архиепископа и монастыря могло усилить позиции великого князя.

В том, что отношения между Иваном III и Дмитрием развивались отнюдь не гладко, сомневаться не приходится. Так, переход в сферу влияния Дмитрия Бежецкого Верха, который представлял собой часть выморочного

---

[64] АСЭИ, т. I, № 617.
[65] Там же, т. III, № 216.

Углицкого удела, едва ли входил в первоначальные расчеты Ивана III.

Рост претензий Дмитрия отражает эволюция его титула.

В большинстве летописных сводов говорится, что Дмитрий был пожалован «великим княжением Володимерским и Московским всеа Руси»; в летописном рассказе о церемонии венчания он несколько раз называется великим князем «всея Руси»[66]. Лишь в кратких сообщениях Ермолинской, Типографской, Вологодско-Пермской летописей и хронографа отсутствуют слова «всея Руси»[67]. В «Чине» поставления Дмитрий трижды именуется великим князем «всея Руси»[68].

В литературе широко распространилось мнение о присвоении Дмитрию в 1498 г. титула великого князя «всея Руси». Судя по летописным известиям и «Чину» венчания, он и в самом деле был назван при коронации великим князем «всея Руси». Однако документальный материал показывает, что Дмитрий сразу после поставления на великое княжение пользовался только титулом великого князя, но не великого князя «всея Руси».

В грамотах первых месяцев 1498 г. в титуле великого князя Дмитрия Ивановича нет слов «всея Руси». Это дополнение появляется в бежецкой грамоте, выданной не раньше сентября 1498 г.[69], и в недатированном белозерском судном списке, который начинается словами «по государеве грамоте великого князя Дмитреа Ивановичя» и кончается фразой «И о сем судьа рекся доложити государя великого князя (какого? — *С. К.*) всеа Руси, а старцу Игнатью грамоту велел положити перед великим князем»[70]. Если весной 1498 г. Иван III уделял большое внимание территориям, бывшим некогда в ведомстве Ивана и Василия Ивановичей (Суздальский,

---

[66] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 531; ПСРЛ, т. VI, стр. 241—242; т. VIII, стр. 234—235; т. XII, стр. 234—235; т. 20, первая половина, стр. 366—368; т. 28, стр. 330—331.

[67] ПСРЛ, т. 22, стр. 513; т. 23, стр. 196; т. 24, стр. 213; т. 26, стр. 291; С. О. Шмидт. Продолжение хронографа редакции 1512 года.— «Исторический архив», т. VII. М., 1951, стр. 273.

[68] ЛЗАК, 1864 г., вып. III. СПб., 1865. Приложения, стр. 10, 12, 15; «Чтения ОИДР», 1883, кн. 1, [отд.] 1, стр. 36, 38. О «Чине» см. подробнее: Я. С. Лурье. Идеологическая борьба..., стр. 384—387.

[69] АСЭИ, т. I, № 619.

[70] АФЗиХ, ч. I, № 308, стр. 257, 261.

Ярославский уезды), то присвоение Дмитрием во второй половине 1498 г. титула великого князя «всея Руси» и его дальнейшие территориальные претензии заставляли Ивана III усиливать свои позиции в центре, в Московском уезде.

В августе 1498 г. Иван III выдал жалованную грамоту Чудову монастырю на с. Марьино в Вышегородском уезде (на Поротве). Текст этого документа не сохранился. В описи 1755 г. грамота определяется как «судная» (несудимая?), «на крестьян и на протчее»[71]. С 1473 г. Вышегород находился в составе Волоцкого княжества[72]. Время его перехода в руки великого князя точно неизвестно. В. Б. Кобрин высказал предположение, что возвращение Вышегорода в число великокняжеских владений относится, скорее всего, к 90-м годам XV в., когда состоялся другой обмен землями между Иваном III и волоцкими князьями[73]. Обмен этот имел место в июле 1497 г.[74] Наличие грамоты Ивана III августа 1498 г. на вышегородские владения показывает, что предположение В. Б. Кобрина о времени включения Вышегорода в великокняжеский домен оказалось правильным. Выдача в 1498 г. грамоты Чудову монастырю на его вышегородские земли имела двоякий политический смысл: во-первых, этим актом закреплялся разрыв вассальных отношений между Чудовым монастырем и сыновьями Бориса Васильевича (Федором Волоцким и Иваном Рузским), которые именно с 1498 г. приступили к активной иммунитетной политике[75], во-вторых, установление союза между Иваном III и влиятельнейшим вышегородским вотчинником, каким являлся Чудов монастырь, пресекало претензии на Вышегород Дмитрия-внука, под чьим контролем находилось Белоозеро (Вышегород считался наследством Михаила Андреевича Белозерского, хотя принадлежал ему только в середине XV в.[76]).

---

[71] АСЭИ, т. III, № 48а, стр. 73, гр. 73.

[72] ДиДГ, № 69; ср. ЛОИИ, Колл. 238, оп. 2, картон 264, № 1, л. 3 (уп.: АСЭИ, т. III, стр. 483).

[73] В. Б. Кобрин. Две жалованные грамоты Чудову монастырю (XVI в.) — «Записки отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина», вып. 25. М., 1962, стр. 305.

[74] ДиДГ, № 85.

[75] АСЭИ, т. III, № 64; т. II, № 417.

[76] В 1450—1454 гг. (В. Б. Кобрин. Указ. соч., стр. 304). Факт бывшей принадлежности Вышегорода Михаилу Андреевичу отнюдь

К концу 1498 — началу 1499 г. Дмитрий был фактически отстранен от участия в делах внутреннего управления. Весь комплекс источников 1499—1500 гг. показывает отсутствие у него каких-либо полномочий в отношении уездов, находившихся в его компетенции в 1498 г. Очевидно, в 1499—1500 гг. шел судебный процесс в Белозерском уезде, начатый по грамоте Ивана III [77]. В апреле 1499 г. разъезд земли в Костромском уезде (тоже подведомственном Дмитрию в период его правления и именно по земельным делам) производился «по государеве великого князя Ивана Васильевича всеа Руси грамоте и по списку» (Кострома в это время управлялась великокняжеским дворецким) [78]. В Вологодском уезде, на который, может быть, имел какие-то права Дмитрий, судья руководствовался в 1499/1500 г. грамотой Ивана III и докладывал о процессе великокняжескому казначею [79]. Ясно запечатлен суверенитет великого князя в Вологодском уезде и в льготной грамоте тотемского тиуна от 1 октября 1499 г. [80]. То же показывает жалованная грамота Ивана III начала 1500 г. [81].

Очевидно, еще в первой половине 1499 г. были подвергнуты описанию разные станы Московского уезда. Писец Ивана III В. И. Голенин занимался описанием [82] и выносил решения по земельным тяжбам [83] в Московском уезде в «7007» г. Уточнить датировку позволяют, как нам кажется, разъезжая дворецкого П. В. Великого декабря 1498 г. [84] и его же меновная декабря 1499 г. [85] По-видимому, дворецкий ведал земельными делами в Московском уезде до и после деятельности писца.

От конца 1499 г. имеются данные о суверенитете Ивана III в отношении уездов Нижегородского

не был забыт и постоянно упоминался в междукняжеских договорах до 1486 г. включительно (см., например, договор Ивана III с Борисом Волоцким августа 1486 г.— ДиДГ, № 81, стр. 317).

77 АСЭИ, т. II, № 334.
78 АФЗиХ, ч. I, № 260.
79 АСЭИ, т. III, № 276.
80 Там же, № 280.
81 Там же, т. II, № 300.
82 АФЗиХ, ч. I, № 39.
83 АСЭИ, т. II, № 418, 419.
84 АФЗиХ, ч. I, № 32.
85 АСЭИ, т. I, № 624.

(сентябрь) [86], Юрьев-Польского (декабрь) [87], Московского (декабрь) [88].

В то же время никаких сведений об управленческих полномочиях Дмитрия и о его роли во внутренних делах актовые источники 1499—1500 гг. и более поздние не содержат. Это нельзя объяснить последующим изъятием и уничтожением документов с его именем, поскольку от 1498 г. они дошли. Наличие ясных признаков великокняжеского распоряжения как территориями, бывшими в руках Дмитрия, так и теми, которые оставались за Иваном, показывает, что в 1499 г. Дмитрий не сохранил управленческих функций в отношении своей сферы влияния 1498 г. и не приобрел взамен другой сферы влияния.

Падение влияния Дмитрия с середины 1498 г. косвенно отразилось и в дипломатической документации. Лишь в марте 1498 г. великий князь Дмитрий Иванович фигурирует в списке поклонов (сразу после Ивана III; за ним идут Софья и Елена Волошанка; все они были представлены первым послом; названных после Елены детей великого князя представлял второй посол) [89]. Уже в июле 1498 г. поклоны передавались только от Ивана III и Софьи [90]. Ни Дмитрий-внук, ни его мать Елена не упоминаются на страницах посольской книги в сохранившихся записях церемониалов 1499—1500 гг. (правда, не появляются там в это время и дети великого князя). Надо отметить, что посольские записи за 1498—1500 гг. глухо сообщают о поклонах от литовского великого князя Александра (упоминаются «поклоны» или «поклоны по обычаю»; в записи о приеме посольства 13 января 1501 г. сказано: «а правил от великого князя Александра одному великому князю поклон» [91]).

Фактическое отстранение Дмитрия от власти не выразилось в 1499 г. в формальной опале его или в лишении титула. Когда 21 марта 1499 г. Иван III объявил Василия великим князем Новгорода и Пскова, псковичи послали «бити челом князем великим Ивану Васильевичю и внуку его Дмитрию Ивановичю» о том, чтобы «дер-

---

[86] АСЭИ, т. III, № 306; ср. № 301.
[87] АФЗиХ, ч. I, № 157.
[88] АСЭИ, т. I, № 624.
[89] «Сб. РИО», т. 35, стр. 250, 253.
[90] Там же, стр. 261.
[91] Там же, стр. 308. Разрядка моя.

жали отчину свою в старине»[92]. Согласно Ермолинской летописи, великий князь Дмитрий присутствовал при поставлении нового крутицкого епископа Трифона[93] (14 июля 1499 г.[94]).

Сношения с Псковом относились к области скорее внешней, чем внутренней политики. Крутицкая же епархия ведала присоединенными в середине 90-х годов областями, которые до этого принадлежали Литве[95]. Сохранение за Дмитрием-внуком великокняжеского титула и объясняется отчасти внешнеполитическими соображениями, возможно антилитовским предназначением Дмитрия (ср. его роль в мае 1500 г.).

Обратимся к положению Василия. О его судьбе в 1498 г. нет почти никаких надежных сведений. Сохранился список конца XVII в. с данной записи, составленной от имени Василия и дарующей церкви Николы в Пружках, во-первых, кожаное (пергаменное) евангелие (на котором и была сделана дарственная запись), во-вторых, определенное количество земли «освященному собору на кормление»[96]. Запись датируется 1 мая 1498 г. Василий назван в ней князем великим «всея Русии» (и в intitulatio, и в подписи). Новейший издатель этого документа И. А. Голубцов пишет: «Не имея оснований заподозрить дату записи, не можем не отметить наличия в ней некоторых особенностей языка и структуры записи, как бы позднейшей речи, а также и того, что титулование Василием самого себя „великим князем всея Руси" вскоре после торжественного венчания, с этим же титулом, его племянника кн. Димитрия Ивановича... показывает не только, что Василий не отказывался от этого титула, но что ему, может быть, и не было запрещено им пользоваться»[97].

Насколько известно, в 1490—1497 гг. Василий официально не имел ни титула великого князя «всея Руси»,

---

[92] «Псковские летописи», вып. 1 Приготовил к печати А. Насонов. М.— Л., 1941, стр. 83.

[93] «А на поставленьи его седел с митрополитом на месте князь великий Дмитрей Ивановичь и владык пять» (ПСРЛ, т. 23, стр. 196).

[94] ПСРЛ, т. VIII, стр. 237; т. XII, стр. 249; т. 20, первая половина, стр. 369; т. 28, стр. 332.

[95] И. Покровский. Русские епархии в XVI—XIX вв., т. 1. Казань, 1897, стр. 192—193.

[96] АСЭИ, т. III, № 52.

[97] Там же, стр. 79.

ний вообще великокняжеского титула: он был просто «князем»[98]. Таким образом, говорить о том, что ему не было запрещено пользоваться титулом великого князя всея Руси в 1498 г., не приходится. Речь может идти либо о позднейшей обработке записи, либо о незаконном присвоении Василием титула великого князя всея Руси (последнее допущение мы делаем еще для двух текстов — конца 1497 г.: льготной гороховецкого волостеля и подтверждения к грамоте 1488 г. Калязину монастырю).

Более вероятным, чем титул, кажется сам факт сохранения за Василием относительной свободы[99] и княжеской роли на какой-то очень узкой территории в одной из Замосковских волостей (волость «Шерна-городок», где находилась церковь Николы в Пружках, принадлежала к удельному наследству Юрия Васильевича Дмитровского).

В марте 1498 г. князь Василий Иванович упоминался в списке поклонов литовскому великому князю Александру и великой княгине Елене Ивановне, хотя и занимал в этом церемониале гораздо более низкое место, чем великий князь Дмитрий Иванович (после Василия названы два других сына Ивана III и Софьи — князь Юрий Иванович и князь Дмитрий Иванович)[100]. В переписке с литовским двором Иван III сохранял видимость влиятельного положения великой княгини Софьи. Еще в феврале 1498 г., в период коронации Дмитрия-внука, поклоны шли только от Ивана III и Софьи[101]. После марта 1498 г. и в течение всего периода 1499—1500 гг. внук, дети и невестка великого князя не фигурировали в списке поклонов. Обычной формой приветствия с июля 1498 г. вновь, как и в 1496—1497 гг., стали поклоны от Ивана III и Софьи[102]. Это свидетельствует об известной нейтрализации враждебных «партий» со второй половины 1498 по 1500 г. включительно.

---

[98] См. также: J. Fennell. Op. cit., p. 335; А. А. Зимин. Основные проблемы..., стр. 104, прим. 63; он же. О политических предпосылках..., стр. 33.

[99] Феннел предполагает, что Василий «был посажен под домашний арест» (J. Fennell. Op. cit., p. 336).

[100] «Сб. РИО», т. 35, стр. 250, 253; ср. J. Fennell. Op. cit., p. 338.

[101] «Сб. РИО», т. 35, стр. 243, 244.

[102] Там же, стр. 261, 274, 278, 289, 292, 294; ср. J. Fennell. Op. cit., p. 338.

Очевидно, в судьбе Василия и Софьи большую роль сыграли церковные иерархи. Загадочная по своему смыслу сцена покаяния Ивана III описана в Типографской летописи вслед за рассказом о коронации Дмитрия-внука, после фразы «а уложил суд судити бояром по Судебнику [...] Володимера Гусева писати». Великий князь, согласно тексту, просил прощения «о своем брате князе Андрее Васильевиче, что своим грехом, несторожею, его уморил... Митрополит же и архиепископ и епископи с испытанием и с великым наказанием и понудиша и долго время и едва простиша и и понаказаша его впредь и как бы ему своя душа исправити пред богом» [103]. В т. н. своде 1497 г. этот же текст помещен под 7005 г., причем ему предшествует рассказ о том, как Иван III, посоветовавшись с митрополитом Симоном, послал за архиепископом ростовским, епископами суздальским и тверским; иерархи приехали в указанный срок — «на Дмитриев день» (26 октября); «князь же великий, немного времени пождав, послав ко отцу своему митрополиту Симану боярина своего Дмитрия Володимеровича и дияка своего Андрея Майка, а...» (далее следует текст, сохранившийся и в Типографской летописи: «веля ему быти у себя на дворе...» и т. д.) [104].

Если мы примем дату свода 1497 г., т. е. 26 октября 1496 г., то созыв иерархов едва ли можно будет связать с опалой Ивана III на Василия и казнью его сторонников. Однако связь между церковным собором и опалой существовала. Об этом прямо свидетельствует хронограф, где под 7006 г. говорится, что Иван III «въсполелся... на свою великую княгиню Софью, да и на сына своего князя Василия, да и жалобу сотвори перед митрополитом Симоном и пред архиепископы и епископы и предо всем священным собором, да в той же опале казнил князь велики Володимера Елизаровича с товарищи» [105].

Л. В. Черепнин правильно предположил, что известия Типографской летописи и хронографа взаимно дополняют друг друга, рассказывая об одном и том же собы-

---

[103] ПСРЛ, т. 24, стр. 214.
[104] Там же, т. 28, стр. 160.
[105] С. О. Шмидт. Указ. соч., стр. 272; ПСРЛ, т. 22, ч. 1, стр. 513.

тии [106]. Следовательно, дата «7005» в т. н. своде 1497 г. ошибочная, на самом деле должно быть — «7006». Однако свод 1497 г., если заменить в нем «7005» на «7006», дает нам очень интересное уточнение: оказывается, что собрание иерархов, на котором Иван III обвинял жену и сына и был вынужден покаяться в погублении Андрея Углицкого, имело место в ноябре 1497 г. (вскоре после 26 октября), т. е. до казни заговорщиков (27 декабря 1497 г.). Значит, опала на Софью и Василия была наложена, по-видимому, между сентябрем 1497 г., когда Василий мог распорядиться о выдаче льготной грамоты [107], и 26 октября 1497 г. Эта датировка подтверждает предположение, что Иван III собирался возвысить Дмитрия-внука еще в августе — сентябре 1497 г. Таким образом, прослеживается более тесная связь между началом составления Судебника (сентябрь 1497 г.) и опалой на Софью — Василия.

Хронологическая приуроченность собрания, состоявшегося после 26 октября, и характер прений, в ходе которых митрополиту и епископам удалось вырвать у Ивана III обещание исправиться в будущем, наводят на мысль, что смерть Андрея — событие четырехлетней давности — послужило лишь предлогом для разговора об опальном Василии, чья участь внушала митрополиту серьезные опасения и, возможно, была даже близка к участи Андрея [108]. Очевидно, церковники сумели выговорить для Василия определенные гарантии и право убе-

[106] Л. В. Черепнин. Указ. соч., ч. 2, стр. 302—303; ср. К. Н. Сербина. Из истории русского летописания конца XV в. (Летописный свод 1497 г.).— «Проблемы источниковедения», т. XI. М., 1963, стр. 419—427; Я. С. Лурье. Новые памятники русского летописания конца XV в.— «История СССР», 1964, № 6, стр. 131.

[107] АСЭИ, т. II, № 489.

[108] Впервые на связь покаяния Ивана III с раскрытием заговора 1497 г. указал Л. В. Черепнин, который привел целый ряд остроумных аргументов в пользу того, что Симон и другие церковные иерархи выступили с защитой Гусева, Стромилова и прочих участников заговора (Л. В. Черепнин. Указ. соч., ч. 2. стр. 296—299, 302—303). Это мнение поддержал Я. С. Лурье (Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Указ. соч., стр. 201). Феннел, используя наблюдения Черепнина, говорит о церковном соборе, спасшем жизни Софье и Василию (J. Fennell. Op. cit., p. 337, note 2, 350—351). Нам тоже представляется, что выдвинутая Симоном аналогия с Андреем Углицким намекает больше на защиту церковью князя Василия Ивановича, чем рядовых заговорщиков.

жища (в Шерне-городке или другом месте). Погост Пружки являлся, вероятно, митрополичьим владением. В грамоте 1504 г. митрополиту Симону упоминается деревня «в Пружку» в Московском уезде[109]. Судя по архивной судьбе грамоты 1498 г., церковь Николы в Пружках была митрополичьей.

Итак, попав в немилость, отступив на задний план, Василий все же продолжал сохранять некоторое политическое значение. Очевидно, оно должно было увеличиваться по мере уменьшения влияния Дмитрия.

Каковы же причины падения реальной власти Дмитрия?

Уже после окончательного низложения Дмитрия-внука в 1502 г. Иван III в наказах своим послам предлагал давать следующие объяснения отставки Дмитрия: «...Которой сын отцу служит и норовит, ино отец того боле и жалует; а которой сын родителем не служит и не норовит, ино того за что жаловати?» (1503 г.) [110]; «внука был своего государь наш пожаловал, и он учял государю нашему грубити: ино ведь всякой жалует дитя, которое родителем норовит и служит; а которой не норовит, да еще грубит, ино того за что жаловати?» (1504 г.) [111]. В обеих инструкциях имеются в виду какие-то размолвки великого князя с внуком, неповиновение последнего.

Скорее всего, эти противоречия возникли уже в 1498 г., когда Дмитрий участвовал во внутреннем управлении. Его попытка присвоить себе титул великого князя «всея Руси» проливает свет на характер конфликта между дедом и внуком. Возможно, допуск к власти антиудельно настроенного Дмитрия в условиях фактической неизжитости удельной системы способствовал возникновению планов куда более опасных для Ивана III, чем удельные притязания Василия. Сторонники Дмитрия могли замышлять либо прямое отстранение от власти самого Ивана III, либо грандиозный раздел государства на два самостоятельных великих княжества. Территориальная приуроченность грамот Дмитрия и Ивана III 1498 г. позволяет думать, что Дмитрий хотел включить в сферу своего влияния земли, бывшие в уделе или в ведомстве Василия, а также наследство последних удельных

[109] АФЗиХ, ч. I, № 70, стр. 75.
[110] «Сб. РИО», т. 35, стр. 430.
[111] Там же, т. 41, стр. 535.

князей — вологодского, белозерского и углицкого (нет лишь признаков притязаний Дмитрия на Тверскую землю). Таким образом, на практике «антиудельная» деятельность Дмитрия сочеталась с удельным (при наличии старшего великого князя) стремлением прибрать к своим рукам прежние уделы.

По происхождению и характеру своей власти Дмитрий-внук может рассматриваться как предшественник Симеона Бекбулатовича, посаженного на престол Иваном IV в конце 1575 г. Но если даже в последней четверти XVI в. появление второго великого князя с общерусскими претензиями таило в себе известную угрозу власти главенствующего монарха, то не приходится сомневаться, что такая угроза была и в конце XV в.

2. Возвышение князя Василия Ивановича и новгородская политика в 1499 г.

Мы не можем точно датировать устранение Дмитрия от дел внутреннего управления. Оно имело место, во всяком случае, после сентября 1498 г.[112] Падение влияния Дмитрия, по-видимому, предшествовало опале нескольких крупных государственных деятелей. 31 января 1499 г. были схвачены Иван Юрьевич Патрикеев, его сыновья Василий Иванович (Косой), Иван Манына и зять Ивана Юрьевича — Семен Иванович Ряполовский, из которых последний был казнен 5 февраля[113]. И. Ю. и В. И. Патрикеевых спасло от казни лишь заступничество митрополита: великий князь велел их «постричи в железех» и сослал в заточение — отца в Троице-Сергиев монастырь, сына в Кирилло-Белозерский[114] (Иван Манына был посажен «за приставы»[115]).

Большинство летописных сводов сообщает о расправе с Ряполовским и Патрикеевыми без указания каких-

---

[112] Грамоту о разъезде земель в Бежецком Верхе он выдал в 7007 г., т. е. в период между сентябрем 1498 и августом 1499 г. (АСЭИ, т. I, № 619).

[113] ПСРЛ, т. 24, стр. 214; т. 30, стр. 139.

[114] Там же, т. 26, стр. 291; ср. т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 531; т. VI, стр. 43, 243; т. VIII, стр. 236; т. XII, стр. 248; т. 20, первая половина, стр. 368; т. 23, стр. 196; т. 28, стр. 331.

[115] Там же, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 531. Вероятно, попал в опалу и Аф. Патрикеев (К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 370).

либо причин этой опалы. В Устюжском летописном своде (т. н. Архангелогородском летописце) глухо замечено, что великий князь «поимал в ызмене» Ивана Юрьевича, сына его Василия Косого и С. И. Ряполовского [116]. Концепция измены подробнее развивается в Степенной книге. Говоря, что с 21 марта 1499 г. Иван III «начат жаловати и любити» Василия и Софью, Степенная книга указывает: в течение примерно двух лет до этого великий князь имел гнев на жену и сына «некоих ради людьских крамол»; будучи в гневе на них, он пожаловал великим княжением Дмитрия-внука, но потом «испыта подробну вся преже бывшая крамолы, их же ради повеле князя Симиона Ряполовскаго казнити смертным посечением. Князя же Ивана Юрьевича и сына его князя Василья Косово для моления митрополича и владык милость над ними сотвори: смерти не предаст их... Та же великий князь о внуке своем, великом князе Дьмитрии, нерадети нача...» [117]

Таким образом, здесь Патрикеевы и Ряполовский представлены виновниками бывшей опалы на Василия и Софью; казнь Ряполовского и заточение Патрикеевых соответственно связаны с реабилитацией жены и сына Ивана III и с опалой на Дмитрия-внука.

Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, И. И. Смирнов и в начале 50-х годов А. А. Зимин, принимая версию Степенной книги, считали Дмитрия-внука и группировку Патрикеевых — Ряполовского представителями реакционного боярства, противившегося укреплению самодержавной власти.

Интересны и убедительны доводы И. И. Смирнова в пользу достоверности свидетельства Степенной книги о связи Патрикеевых и Ряполовского с Дмитрием-внуком [118]. Однако вызывает сомнение утверждение автора, что расправа с Патрикеевыми и Ряполовским «предшествовала опале... Димитрия» [119]. Если иметь в виду официальную опалу 1502 г., то это так, но в литературе не было установлено, что к 1499 г. произошло фактическое

---

[116] «Устюжский летописный свод». М.— Л., 1950, стр. 100; К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 371; J. Fennell. Op. cit., p. 338.

[117] ПСРЛ, т. 21, вторая половина, стр. 571—572.

[118] И. И. Смирнов. Классовая борьба..., стр. 79—80; «Вопросы истории», 1952, № 11, стр. 142.

[119] «Вопросы истории», 1952, № 11, стр. 142.

устранение Дмитрия от участия в делах внутреннего управления, и это устранение, по существу близкое к опале, вероятно, предшествовало аресту бояр.

И. И. Смирнов высказывает интересное предположение: «В ходе династического кризиса 1497—1502 гг. удельнокняжеские круги, очевидно, рассчитывали использовать малолетство внука Ивана III, Димитрия, для захвата власти в свои руки (в форме регентства и т. д.)» [120]. Вполне возможно, что определенные политические круги хотели использовать Дмитрия-внука в своих целях, но удельнокняжеская направленность их борьбы автором не доказана.

Нельзя признать аргументированным основной тезис И. И. Смирнова: «Суть стремлений группировки Ряполовских и Патрикеевых: восстановление прежней роли удельных князей» [121]. Характеристика С. И. Ряполовского как ближнего человека Андрея Углицкого [122] не создает правильного представления о нем: именно С. И. Ряполовскому великий князь поручил «поимати» Андрея в 1491 г.[123]

Без аргументации остается также мнение И. И. Смирнова о причинах пожалования Василия в марте 1499 г.: «Иван III не мог, да и не хотел, конечно, противопоставлять себя детям боярским и дьякам, являвшимся социальной опорой и активными проводниками политики строительства централизованного государства» [124].

В 1952 г. А. А. Зимин, видя в Патрикеевых и Ряполовских противников «централизованной политики Ивана III», объяснял их падение «не случайными внешнеполитическими обстоятельствами..., а борьбой Ивана III против реакционного боярства» [125].

Зачинателем противоположной тенденции в историографии выступил Я. С. Лурье. Он выдвинул тезис о недостоверности показания Степенной книги как источника позднего (по сравнению с летописными сводами, где

[120] «Вопросы истории», 1952, № 11, стр. 143.
[121] И. И. Смирнов. Классовая борьба..., стр. 81.
[122] Там же (ссылка на кн.: С. М. Соловьев. История России, кн. 1, стр. 1400 — см. С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. III, тома 5—6. М., 1960, стр. 53).
[123] «Устюжский летописный свод», стр. 98—99; J. Fennell. Op. cit., p. 350, note 1.
[124] «Вопросы истории», 1952, № 11, стр. 143.
[125] «Советская книга», 1952, № 4, стр. 67.

причины опалы Патрикеевых — Ряполовского не раскрываются) и тенденциозного (желавшего угодить Василию III) [126]: «В более ранних летописях (напр., ПСРЛ, т. VI, стр. 43, 243) говорится только об опале на Ряполовского и Патрикеевых в 1499 г.— между известием об опале на Софью и Василия и известием о помиловании Василия,— так что исследователь, склонный к рассуждению по принципу post hoc — ergo propter hoc, может связывать опалу Патрикеевых с любым из этих противоположных событий» [127]. В этой формально-логической выкладке упущено, однако, что между известием об опале Василия и казнью Ряполовского имеется статья о коронации Дмитрия-внука [128] — событии, в корне изменившем политическую ситуацию.

Следовательно, сообщение об опале Патрикеевых — Ряполовского нужно рассматривать не между статьями об опале и пожаловании Василия, а между статьей о коронации внука и статьей о пожаловании Василия, как это и делает Я. С. Лурье в монографии 1955 г., не меняя, однако, своего вывода [129]. Кроме того, в основе этого суждения Я. С. Лурье лежит теоретически неприемлемая посылка о большей достоверности ранних источников по сравнению с поздними, хотя нередко бывает и наоборот — все зависит от конкретного случая. Умолчание ведь тоже разновидность тенденциозности и недостоверности, а именно оно и свойственно в данном вопросе летописным сводам, которым Я. С. Лурье отдает предпочтение по причине их более раннего происхождения. Кстати, автор не коснулся источниковедческих доводов И. И. Смирнова в пользу тезиса о достоверности рассматриваемого известия Степенной книги.

Расправа с Ряполовским и Патрикеевыми, полагает Я. С. Лурье, «была вызвана... (по утверждению самого Ивана III в инструкции послам) тем, что Патрикеев и Ряполовский, будучи послами в Польше, „высокоумничали“ — действовали вопреки указаниям великого

---

[126] Я. С. Лурье. Из истории политической борьбы..., стр. 91, прим. 1.
[127] Я. С. Лурье. Первые идеологи..., стр. 97, прим. 2.
[128] ПСРЛ, т. VI, стр. 43.
[129] Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Указ. соч., стр. 166—167.

князя...»[130]. Однако в инструкции послам «высокоумие» В. И. Патрикеева и С. И. Ряполовского вовсе не связывается с опалой на них в 1499 г.[131] Кроме того, неясно, за что пострадали И. Ю. Патрикеев и его сын Иван Мамына, непричастные к дипломатическому «высокоумию» В. И. Патрикеева и С. И. Ряполовского, а ведь главой опальных являлся скорее всего старый И. Ю. Патрикеев[132].

Согласно Я. С. Лурье, Патрикеевы не только не имели никакой идейно-политической общности со сторонниками Елены — Дмитрия (например, Ф. Курицыным)[133], но скорее даже были близки к группировке Софьи — Василия: автор считает, что «первым делом Василия Ивановича по вступлении его на престол было освобождение и возвышение Василия (Вассиана) Патрикеева»[134]. Последний аргумент едва ли убедителен. По мнению исследователей, освобождение и приближение Василием III В. И. Патрикеева произошло не раньше смерти в заключении бывшего соперника Василия III — Дмитрия-внука, т. е. после 14 февраля 1509 г.[135]

В целом концепция Я. С. Лурье дает как бы два решения вопроса: 1) Патрикеевы — сторонники реакционной группировки Василия; 2) Патрикеевы политически нейтральны. В обоих случаях отрицается их связь с Дмитрием-внуком. Ни одно из этих решений не убедительно.

В отличие от Я. С. Лурье, Л. В. Черепнин принимает объяснения Степенной книги в той части, где устанавливается связь Патрикеевых с группировкой Дмитрия-внука: Патрикеевы «поддерживали кандидатуру на великокняжеский стол внука Ивана III — Дмитрия Ивановича, противопоставляя последнего Василию Ивановичу (будущему Василию III). Падение Дмитрия и передача Иваном III сначала Новгородского и Псковского княжения,

---

[130] Я. С. Лурье. Из истории политической борьбы..., стр. 91, прим. 1; Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Указ. соч., стр. 168.
[131] «Сб. РИО», т. 35, стр. 428.
[132] Ср. J. Fennell. Op. cit., p. 359.
[133] Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Указ. соч., стр. 168.
[134] Я. С. Лурье. Из истории политической борьбы..., стр. 91, прим. 1.
[135] Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, первая половина. М., 1900, стр. 654, прим. 1; Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.— Л., 1960, стр. 53, 56.

а затем великокняжеского стола своему сыну Василию вызвала в 1499 г. опалу на Патрикеевых и их родственника князя Семена Ивановича Ряполовского»[136]. Приводя факты служебной биографии Патрикеевых и Ряполовского, Л. В. Черепнин вполне обоснованно говорит, что эти деятели, принадлежавшие «к старому московскому боярству, тесно связанному с великокняжеским двором», последовательно боролись «на стороне великокняжеской власти против оппозиции, шедшей из отдельных феодальных центров»[137]. Автор высказывает предположение об участии Патрикеевых в составлении Судебника 1497 г. и считает их деятельность на этом этапе прогрессивной[138].

Весьма интересна попытка Л. В. Черепнина установить близость Патрикеевых к Ф. Курицыну: «Федор Курицын принимал участие в оформлении тех юридических актов, которые совершались с ведома И. Ю. и В. И. Патрикеевых. Так, он писал меновную и отводную грамоту на бывшие тверские волости Буйгород и Колпь, променянные Иваном III Федору и Ивану Борисовичам волоцким. Отвод совершался в присутствии Патрикеевых»[139]. Заметим, что промен тверских волостей состоялся в июле 1497 г. и, вероятно, был связан с попыткой нейтрализовать территориальные притязания Василия в районе Тверской земли. Эта политическая акция могла исходить от сторонников Дмитрия-внука. Поэтому трудно согласиться с Я. С. Лурье и Дж. Феннелом, которые, возражая Л. В. Черепнину, рассматривают сотрудничество Патрикеевых и Ф. Курицына в июле 1497 г. как простое выполнение служебных обязанностей[140].

Причину падения Дмитрия-внука, Патрикеевых и Ряполовского Л. В. Черепнин ищет в изменении внешнеполитической обстановки. Он пишет: «...Опала на Дмитрия и Елену Стефановну была вызвана нежеланием отца Елены — Стефана разрывать молдавско-литовские отношения и вступать в войну против Литовского государства на стороне Ивана III»[141]. На это Черепнину возразил

---

136 Л. В. Черепнин. Указ. соч., ч. 2, стр. 306.
137 Там же, стр. 307—308, 314—315.
138 Там же, стр. 318.
139 Там же, стр. 313—314; ДиДГ, № 85.
140 Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Указ. соч., стр. 168; J. Fennell. Op. cit., p. 349, note 2.
141 Л. В. Черепнин. Указ. соч., ч. 2, стр. 316.

Феннел: в январе 1499 г. еще не было никаких признаков нежелания Стефана вступить в войну против Литвы (Иван III впервые услышал о договоре Стефана с Александром в августе 1499 г.) [142].

Л. В. Черепнин связывает между собой такие факты, как 1) опала Патрикеевых и Ряполовского; 2) предоставление Василию Новгорода и Пскова в великое княжение; 3) отправка посольства в Литву с предложением «не нудить» Елену Ивановну к католичеству; 4) прием на русскую службу из Литвы С. И. Бельского, С. И. Можайского и В. И. Шемячича [143]. Антилитовская направленность двух последних действий не вызывает сомнения, менее ясен характер двух первых.

Цель пожалования Василия Новгородом и Псковом Л. В. Черепнин видит в «укреплении западных границ Русского государства на случай предстоящей войны с Литвой» [144]. Участие Патрикеевых и Ряполовского в переговорах с литовцами в первой половине 90-х годов дает автору основание для вывода, что эти вельможи были сторонниками мира с Литвой: «Они, как можно думать, были против приема на московскую службу князей-эмигрантов — потомков Шемяки и Ивана Можайского — и не желали, чтобы из-за этих князей возникал конфликт с Литвой в 1499 г.» [145]

Таким образом, согласно Л. В. Черепнину, «опала на Патрикеевых имела связь с намечавшейся русско-литовской войной»: она «была вызвана их оппозицией московскому правительству по вопросу о необходимости вступления в войну с Литовским государством...». «Патрикеевы принадлежали к партии Елены Стефановны, высказывавшейся против войны с Литвой» [146].

Объяснение опалы Дмитрия-внука и Патрикеевых исключительно переменами во внешней политике не представляется исчерпывающим и вполне убедительным. Трудно доказать факт поддержки группировкой Софьи — Василия планов войны с Литвой, а сторонниками Дмит-

---

[142] J. Fennell. Op. cit., p. 330; «Сб. РИО», т. 35, стр 281. Правда, еще в мае 1499 г. Иван III интересовался, заключен ли мир между Александром и Стефаном («Сб. РИО», т. 35, стр. 276).
[143] Л. В. Черепнин. Указ. соч., ч. 2, стр. 315.
[144] Там же.
[145] Там же, стр. 318—319.
[146] Там же, стр. 315—316.

рия-внука — тенденцией мирного урегулирования [147]. Сомнительны и некоторые частные аргументы, прежде всего предположение о сопротивлении Патрикеевых переходу Шемячича и др. Уже Феннел подчеркнул, что Шемячич и Можайский перешли на сторону Москвы только через 15 месяцев после ареста бояр [148].

Во взглядах К. В. Базилевича на опалу 1499 г. мы находим, с одной стороны, высказанное Л. В. Черепниным представление о Патрикеевых как верных сподвижниках московских великих князей, но противниках войны с Литвой [149], с другой стороны,— выдвинутое в работах Я. С. Лурье мнение о недостоверности версии Степенной книги относительно борьбы между Патрикеевыми и группировкой Софьи — Василия [150]. Перенося всю проблему во внешнеполитическую плоскость, К. В. Базилевич усматривает в расправе 1499 г. продолжение казней 1497 г., имевшее целью сломить до конца «существовавшую в области внешней политики оппозицию» [151]. Поскольку К. В. Базилевич соединяет события 1497 и 1499 гг. в одну линию, он фактически следует идее Я. С. Лурье о том, что и заговорщики 1497 г. и Патрикеевы играли на руку «партии» Софьи — Василия.

К. В. Базилевич обратил внимание на следующее известие. Вологодско-Пермская летопись после рассказа об опале Патрикеевых и казни С. И. Ряполовского сообщает: «Того же лета [152], апреля, поимал князь великий Иван Васильевич князя Василья Ромодановского да Ондрея Коробова тферитина» [153]. Базилевич объединяет опалу Патрикеевых, казнь Ряполовского, арест Ромодановского и Коробова в одно дело, считая связующим звеном обеих расправ причастность всех этих лиц к сношениям с Литвой. Но автор по существу опровергает себя своим наблюдением о том, что Ряполовский и Патрикеевы в

---

147 J. Fennell. Op. cit., p. 360.
148 Ibidem.
149 К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 372—373.
150 Там же, стр. 371, 375.
151 Там же, стр. 370.
152 Все эти факты в Вологодско-Пермской летописи изложены под 7006 (1498) г., вслед за кратким сообщением о коронации Дмитрия-внука.
153 ПСРЛ, т. 26, стр. 291; К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 370—371.

1496—1498 гг. «никакого участия в переговорах с литовцами больше уже не принимали»[154].

По справедливому замечанию И. И. Смирнова, расправа 1499 г. (через 5 лет после переговоров) не могла явиться карой за их «высокоумничанье»[155]. Как указывает Феннел, мнение о примиренческих тенденциях И. Ю. Патрикеева в отношении Литвы нельзя вывести из того факта, что Заберезинский и Радзивил выбрали его для переговоров в 1492 г.: просто он являлся старшим боярином и поэтому был наиболее способен повлиять на своего государя; коллега И. Ю. Патрикеева Яков Захарьин, к которому Заберезинский и Радзивил тоже обращались, не только пережил чистку 1499 г., но и продолжал вести аналогичную корреспонденцию в 1501 г.— и снова с Заберезинским; ссылка Ивана III на «высокоумие» С. И. Ряполовского и В. И. Патрикеева, очевидно, не имеет ничего общего с их «изменой» или причиной наказания в 1499 г. и относится, скорее всего, к какому-либо частному случаю: 1) она дается в контексте, где послам запрещается пить слишком много и бесчестить своего государя; 2) в ней не упомянут Патрикеев-старший, чья вина в 1499 г. была, по-видимому, та же, что и сына; 3) в случае, если бы В. И. Патрикеев и С. И. Ряполовский совершили большую политическую ошибку в 1494 г., они едва ли были бы назначены воеводами — первый в Финляндию зимой 1495/96 г., второй — в Казань в 1496 г.[156]

О конкретной причине ареста Ромодановского и Коробова К. В. Базилевич высказывается весьма гипотетически: «Известно, что в конце XV в. тверские купцы часто посещали Вильно по торговым делам. Возможно, что при посредстве Андрея Коробова Василий Ромодановский лично или по поручению великой княгини Софьи поддерживал тайные сношения с Еленой Ивановной, что и могло послужить непосредственным поводом к аресту князя Василия Ромодановского и Андрея Коробова»[157]. Встает вопрос, почему В. Ромодановский был арестован «через несколько месяцев после его возвращения в Москву».

---

[154] К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 373. Это противоречие в схеме автора отметил уже И. И. Смирнов («Вопросы истории», 1952, № 11, стр. 142).

[155] «Вопросы истории», 1952, № 11, стр. 142—143.

[156] J. Fennell. Op. cit., p. 358—359.

[157] К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 373—374.

Таким образом, К. В. Базилевичу не удалось доказать, что опала Патрикеевых и казнь Ряполовского, с одной стороны, и поимка Ромодановского и Коробова, с другой, были расправами по одному и тому же делу. Остался недоказанным и его главный тезис — о связи наказания группы Патрикеевых — Ряполовского исключительно с внешнеполитическими проблемами и об отсутствии связи между этой расправой и династическим кризисом.

Дж. Феннел подошел к изучению проблемы с большой источниковедческой строгостью. По его мнению, в источниках нет данных, свидетельствующих, что арест бояр был прямо связан с династическим кризисом; еще меньше оснований думать, что к этому имели отношение вопросы внешней политики, а именно, что Патрикеевы или Ряполовский возражали против планов войны с Литвой или против намерения Ивана III принять возможных перебежчиков (Шемячича и др.) [158].

Феннел отвергает доказательства И. И. Смирнова и Л. В. Черепнина в пользу мнения о Патрикеевых и Ряполовском как сторонниках Дмитрия-внука, приводя три аргумента, которые мы уже встречали у Я. С. Лурье и которые нельзя признать безупречными ни с точки зрения текстологического анализа летописных сводов, ни с точки зрения анализа конкретной исторической обстановки 1497—1499 гг.: 1) из последовательности событий опасно делать какие-либо выводы; 2) Степенная книга недостоверна как поздний и тенденциозный источник; 3) коллеги по профессии (Патрикеевы и Федор Курицын) — не обязательно политические партнеры [159].

Позитивная сторона концепции Феннела состоит в развитии мельком брошенной в работах Лурье и невысказанной Базилевичем (хотя и вытекающей из его построения) идеи о близости интересов группы Патрикеевых — Ряполовского и «партии» Софьи — Василия. Считая убедительным мнение Л. В. Черепнина относительно многолетнего сотрудничества Патрикеевых и Ряполовского с великокняжеской властью в ее борьбе с удельными князьями, автор тем не менее полагает, что из этого наблюдения вовсе не обязательно должен следовать вывод, будто названные вельможи являлись сторонниками

---

[158] J. Fennell. Op. cit., p. 351.
[159] Ibid., p. 349.

самодержавного правления и противниками «феодального сепаратизма» [160].

Приближение Вассиана Патрикеева ко двору Василия III в XVI в. и заступничество за Патрикеевых митрополита Симона в 1499 г.— вот факты, которыми автор стремится доказать наличие симпатий Софьи и Василия к группе Патрикеевых — Ряполовского [161]. Оба эти аргумента мало убедительны. Сомнительность первого была показана выше, при рассмотрении точки зрения Я. С. Лурье. Надо учитывать компромиссность позиции митрополита Симона.Он не только защищал опальных в 1499 и, возможно, в 1497 гг., но и санкционировал коронацию Дмитрия-внука в 1498 г. и секуляризацию церковных земель в Новгороде в 1499—1500 гг. Это не та фигура, поведение которой могло бы быть четким критерием для опознания вполне определенной политической линии [162].

Далее Феннел вслед за Базилевичем объединяет в одно дело опалу Патрикеевых — Ряполовского и арест Ромодановского: «Допуская, что Ромодановский был арестован по той же причине, что и другие бояре, мы можем указать на еще более тесные связи между „боярской группой" в целом и партией..., возглавляемой Василием и Софьей», ибо В. В. Ромодановский до своей дипломатической службы был старшим боярином удельного князя Михаила Андреевича Верейского, с которым Софья имела тесный политический контакт. «Политические склонности бояр совпадали с политическими склонностями Софьи и Василия» [163].

Отсутствие связи между двумя опалами Феннел считает мало вероятным, так как, во-первых, по своей дипломатической службе Ромодановский был близким коллегой Патрикеевых и Ряполовского, во-вторых, Ромодановский и Ряполовский находились в родстве, принадлежа к одной и той же ветви Рюриковичей. Доводы автора кажутся нам лишенными доказательной силы. Ромодановский продолжал выступать на дипломатической арене в период (1498 г.), когда Патрикеевы и Ряполовский были

[160] J. Fennell. Op. cit., p. 350.
[161] Ibidem.
[162] А. И. Клибанов. Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М., 1960, стр. 219—220.
[163] J. Fennell. Op. cit., p. 351.

уже давно отстранены от этого вида деятельности (после 1495 г.), т. е. Ромодановского и Ряполовского нельзя считать лицами, объединенными во второй половине 90-х годов общностью служебных занятий. Родство их было отдаленным (троюродные братья): дед С. И. Ряполовского И. А. Нагавица-Ряполовский был братом деда В. В. Ромодановского — Ф. А. Стародубского.

Неосновательность объединения двух опал кажущейся общностью их неразгаданной причины позволяет отвергнуть мнение о связи Патрикеевых и Ряполовского с «партией» Софьи — Василия. Напротив, близость к Софье В. В. Ромодановского, бывшего сподвижника Михаила Андреевича, представляется вероятной. Феннел фактически признал слабость своего вывода о связи всех опальных бояр с «партией» Софьи — Василия. Выдвинутая им гипотеза, по его же словам, «не доказывает, что „боярская группа" имела проудельные, просепаратистские тенденции — Черепнин привел свидетельства правильности противоположного [тезиса]» — но эта гипотеза, по крайней мере, «показывает [наличие] какого-то контакта между Софьей, которая, как мы знаем, была тесно связана с Вереей, и одним из бояр, вовлеченных в события 1499 г.» [164]

Полагая, что удаление с политической арены Ряполовского, Патрикеевых, Ромодановского и, возможно, других бояр могло рассматриваться Софьей и Василием как потеря ценной поддержки в высших сферах [165], Феннел видит в обеих опалах (января и апреля 1499 г.) удар по «партии» Софьи — Василия, удар, который великий князь пытался смягчить «прощением» Василия и пожалованием ему Новгорода и Пскова в великое княжение [166]. Это объяснение поражает своей искусственностью. Во-первых, арест Ромодановского был произведен после пожалования Василию великокняжеского титула 21 марта 1499 г. Во-вторых, зачем надо было смягчать удар по интересам Софьи — Василия и прибегать для этого к возвышению Василия? Феннел считает, что пожалование 21 марта означало «слишком мало с точки зрения власти и ничего в смысле будущего» [167]. Эта мысль совпадает с

[164] Ibidem. Разрядка моя.
[165] Ibid., p. 340.
[166] Ibid., p. 352.
[167] Ibid., p. 340.

мнением Я. С. Лурье: «Первая уступка Василию в марте 1499 г. никак не означала его победы»[168]. Как бы ни оценивать мартовское пожалование 1499 г., нельзя отрицать, что оно вновь (после 1485 г.) дало Василию титул великого князя, т. е. поставило его на один уровень с Дмитрием и вернуло из политического небытия на широкую политическую арену. По мнению Феннела, назначение Василия «хотя, по-видимому, и лишало Дмитрия одного из его „великих княжений“[169], однако ни в коей мере не уменьшало его власти как „великого князя всея Руси“, соправителя и наследника престола»; «ничто не показывает, что власть Дмитрия хоть в какой-то мере уменьшилась» после назначения Василия великим князем Новгорода и Пскова[170].

Тут уже сказывается отсутствие у автора фактических данных, характеризующих положение Дмитрия в конце 1498 — начале 1499 г.— отстранение его от дел внутреннего управления. Это изменение роли Дмитрия, установленное выше при анализе грамот 1498—1500 гг., имеет решающее значение для вывода о том, что пожалование Василия в марте 1499 г. было подготовлено если не формальной, то фактической опалой Дмитрия.

Следовательно, объяснение событий начала 1499 г., предложенное Феннелом и поддержанное Я. С. Лурье[171] (исходные посылки которого были приняты Феннелом), противоречит показаниям всего комплекса источников и не может считаться убедительным.

А. А. Зимин в работах 1963—1964 гг. не касается специально вопроса о причинах событий 1499 г. Он обращает внимание главным образом на связи Дмитрия и Василия с определенными политическими кругами и с определенными территориями. Признавая, как и раньше, Патрикеевых и Ряполовского сторонниками Елены и Дмитрия, А. А. Зимин разделяет точку зрения Л. В. Черепнина и К. В. Базилевича о стремлении этих бояр к сближению с Литвой. Их позицию он связывает с тем обстоятельст-

---

[168] Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Указ. соч., стр. 167.

[169] В другом месте автор говорит, что Дмитрий, может быть, был отныне вынужден делить титул великого князя новгородского со своим дядей — Василием (J. Fennell. Op. cit., p. 340).

[170] J. Fennell. Op. cit., p. 339—340.

[171] «История СССР», 1962, № 4, стр. 206.

вом, что Елена Стефановна находилась в родственных отношениях с князьями литовского дома[172].

Однако пролитовская настроенность Патрикеевых и Ряполовского нуждается в доказательствах. Считая арест 1499 г. (в соответствии с Вологодско-Пермской летописью — под 1498 г.) продолжением опалы против Патрикеевых и Ряполовского как сторонников Дмитрия-внука, автор придает значение лишь факту поимки тверитина А. Коробова, поскольку видит в этом факте намек на действие тверских сил в пользу Дмитрия[173]. Но одновременный арест В. В. Ромодановского, связанного скорее всего с Софьей, заставляет усомниться в принадлежности А. Коробова к «партии» Елены — Дмитрия.

Назначение Василия великим князем Новгорода и Пскова было подготовлено, по мнению А. А. Зимина, «предшествующими контактами княжича с новгородцами» (имеется в виду позиция новгородского архиепископа Геннадия, поддерживавшего Софью)[174]. Это соображение представляет значительный интерес, хотя и не объясняет до конца причины возвышения Василия.

Чтобы лучше понять смысл событий 1499 г., проследим ход политической борьбы в 1499—1500 гг.

Провозглашение Василия великим князем и предоставление ему в великое княжение Новгорода и Пскова большинство летописных сводов относит, как уже говорилось, к 21 марта 1499 г.[175] За неделю до этого, 14 марта 1499 г., Иван III выдал грамоту о беспошлинном провозе в Москву митрополичьей рыбы из двух северных домовных монастырей митрополита — Воскресенского Череповецкого и Никольского с Ковжи[176]. В грамоте фиксировались те же права проезда, что и в предшествующей грамоте 1496 г.[177], только состав территорий, через которые разрешался проезд, был расширен.

---

[172] А. А. Зимин. Основные проблемы..., стр. 106; он же. О политических предпосылках..., стр. 35.

[173] А. А. Зимин. Основные проблемы..., стр. 106, прим. 69; он же. О политических предпосылках..., стр. 35, прим. 69.

[174] А. А. Зимин. Основные проблемы..., стр. 106—107; он же. О политических предпосылках..., стр. 37.

[175] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 531; т. VI, стр. 43, 243; т. VIII, стр. 236—237; т. XII, стр. 249; т. 20, первая половина, стр. 368; т. 21, вторая половина, стр. 571; т. 28, стр. 332.

[176] АФЗиХ, ч. I, № 293; Л. В. Черепнин. Указ. соч., ч. 2, стр. 224.

[177] АФЗиХ, ч. I, № 292.

Грамота адресовалась «в Луковесь, да на усть-Шексны, да на усть-Мологи, да на Углеч, да в Кашин, да на усть-Дубны, да в Ярославль, да в Ростов, да в Переславль, да в Дмитров мытником всем». По сравнению с грамотой 1496 г. здесь дополнительно упомянуты Ярославль, Ростов и Переславль (через них, может быть, везли рыбу из Никольского с Ковжи монастыря, не фигурирующего в грамоте 1496 г.). Грамота 1499 г. по существу делала митрополита заинтересованным в утверждении суверенных прав Ивана III в отношении Белозерского, Углицкого, Кашинского, Ярославского, Ростовского, Переславль-Залесского и Дмитровского уездов. Почему нуждался Иван III в такого рода поддержке со стороны митрополичьей кафедры накануне поставления Василия великим князем?

Грамота показывает, что Белоозеро и Переславль-Залесский (территории, которыми в 1498 г., как мы знаем, ведал Дмитрий) в марте 1499 г. подчинялись распоряжениям самого Ивана III. Но отсюда едва ли можно сделать вывод о направленности грамоты против притязаний Дмитрия на уезды, недавно входившие в сферу его влияния. Во-первых, он не обладал удельными (в том числе таможенными) правами на эти территории и контролировал их только в отношении судебных тяжб; во-вторых, грамота по времени ближе не к опале Патрикеевых и Ряполовского (когда еще было возможно какое-то выступление Дмитрия), а к пожалованию Василия титулом великого князя.

Нужно отметить, что районы, упомянутые в грамоте, входили в разные периоды до 1498 г. в удел Василия (Кашин, Ярославль) или в сферу его судебных полномочий (Переславль-Залесский, Ростов, Белоозеро), являлись опорными пунктами заговорщиков в 1497 г. (Углич, Белоозеро, Ростов). Не случайно грамота 1499 г. была выдана по грамоте 1496 г., направленной в свое время против территориальных претензий Василия. При этом грамоте 1499 г. придавали, кажется, еще большее политическое значение, чем грамоте 1496 г. (отсюда распространение сферы действия прежней грамоты дополнительно на Переславль-Залесский, Ростовский и Ярославский уезды).

Вероятно, незадолго до 21 марта 1499 г. обсуждался вопрос о том, каковы будут права и функции Василия.

Возможно, существовал проект восстановления его в роли удельного правителя Кашина, Ярославля и др.

Выдача митрополичьему дому 14 марта 1499 г., за неделю до объявления Василия великим князем, грамоты, утверждавшей суверенные права Ивана III в отношении Белоозера, Кашина, Углича и других объектов удельных притязаний и бывших сфер влияния Василия, показывает, что Иван III не хотел возвращать сыну его удельные полномочия в Северо-Восточной Руси и стремился добиться поддержки митрополита в этом вопросе. Своей цели великий князь достиг. 21 марта он назвал в качестве области, предоставляемой Василию в княжение, не его прежние уделы, а совершенно другую территорию — Новгород и Псков. Сторонники молодого князя не только понимали номинальный характер этого пожалования, но и были разочарованы крахом надежд на реставрацию Белозерского и Кашинско-Тверского княжений. Таковы вероятные причины движения или заговора, в котором приняли участие В. В. Ромодановский и А. И. Коробов, арестованные в апреле 1499 г.

Мы присоединяемся к предположению Феннела, что арест Ромодановского — событие, шедшее вразрез с интересами Софьи и Василия. Если рассматривать В. В. Ромодановского как выразителя настроений верейско-белозерской знати, а «тферитина» А. И. Коробова как представителя оппозиционных Ивану III тверских кругов, то их предполагаемая «вина» станет очевидной: они олицетворяли силы, боровшиеся за реальное предоставление Василию прав на Тверское и Белозерское княжения.

Одновременность ареста Ромодановского и Коробова нельзя считать случайностью. Их связывали как общность политических устремлений, так и служебные узы. В сентябре 1498 г. они были воеводами одного войска: Ромодановский возглавлял передовой полк, а Коробов — полк левой руки[178]. А. И. Коробов, конечно, не был купцом, как предполагал К. В. Базилевич. С конца 80-х годов он принимал участие в великокняжеских походах: в 1488/89 г. — на Вятку (в передовом полку)[179], в 1495/96 г.— в Финляндию (в левой руке) [180], в 1498 г.—

[178] «Разрядная книга 1475—1598 гг.». М., 1966, стр. 28, л. 27.
[179] Там же, стр. 21, л. 17.
[180] Там же, стр. 27, л. 25.

в Казань (в левой руке)[181]. На некоторое время после ареста 1499 г. А. И. Коробов исчезает из разрядов и появляется вновь в осеннем разряде 1505 г., первом после смерти Ивана III[182]. Это показывает, что А. И. Коробов был связан с Василием[183], который сразу же по занятии престола позаботился о его карьере. С Василием был связан и В. В. Ромодановский. Уже в сентябре 1501 г. он был назначен в сторожевой полк[184]. С приходом Василия к власти В. В. Ромодановский получил повышение, став воеводой полка правой руки (сентябрь 1507 г.)[185].

Итак, заговор Ромодановского и Коробова объясняется, по-видимому, отказом Ивана III осуществить тот вариант пожалования, который был наиболее желателен «партии» Софьи — Василия.

По иным причинам объявление Василия великим князем Новгорода и Пскова встретило отрицательную

---

[181] «Разрядная книга...», стр. 28, л. 27.

[182] Там же, стр. 37, л. 39.

[183] Интересно, что и выдвинулся он с 1488/89 г., т. е. после удаления Ивана Ивановича из Твери.

[184] «Разрядная книга...», стр. 33, л. 33 (в сторожевом полку он был и в сентябре 1502 г.— там же, стр. 35, л. 36; J. Fennell. Op. cit., p. 256, note 3). Возможно, В. В. Ромодановский добился прощения еще раньше. Ряд летописных сводов указывает под 7008 (1499/1500) г., будто Иван III, получив сведения о принуждении его дочери Елены «к римскому закону» (католичеству), послал к литовскому великому князю Александру В. В. Ромодановского и дьяка В. Кулешина (ПСРЛ, т. VI, стр. 45, 243; т. VIII, стр. 238; т. XII, стр. 251; т. 20, первая половина, стр. 370; т. 21, вторая половина, стр. 572; т. 26, стр. 292; т. 28, стр. 333; ср. т. IV, ч. 1, вып. 2. Л., 1925, стр. 531). Согласно посольской книге, В. В. Ромодановский и В. Кулешин ездили в Литву в марте 1498 г., но в их функции не входил разговор о «римском законе» («Сб. РИО», т. 35, № 53). Поскольку темы посольств 1498 и 1499/1500 гг.— разные, можно было бы предположить, что перед нами известия о двух разных посольствах. Однако этому мешают два обстоятельства: 1) отсутствие в летописях сообщения о посольстве Ромодановского и Кулешина 1498 г., 2) совпадение личного состава обоих посольств. Не является ли известие летописей ошибочным, т. е. не имеют ли они в виду посольство 1498 г., когда говорят о посольстве под 7008 г. и приписывают ему вероисповедную тематику? Если в 7008 г. действительно состоялось посольство В. В. Ромодановского и В. Кулешина, то это могло произойти лишь после декабря 1499 г., а именно в первой половине 1500 г., ибо еще в декабре 1499 г. В. Кулешин находился в Москве (АСЭИ, т. I, № 624; ср. АСЭИ, т. III, № 276).

[185] «Разрядная книга...», стр. 38, л. 42 об.

реакцию в Пскове. Очевидно, назначение это расценивалось псковской верхушкой как попытка присоединения Пскова к Новгороду, т. е. фактически к Москве, поскольку Новгород уже входил в состав централизованного государства. Из Пскова в Москву было направлено посольство. Оно настаивало на сохранении «старины», предполагавшей 1) номинальное признание псковичами верховным сюзереном — «государем» Пскова того великого князя, который являлся великим князем «на Москве» [186]; 2) его невмешательство во внутренние и в значительной мере во внешние дела Пскова; 3) наличие собственного «князя псковского».

Дальнейшее развитие событий Псковская I летопись изображает в следующем виде: Иван III «опалился» на псковичей и арестовал двух членов посольства; в пользу Василия стал активно действовать новгородский архиепископ Геннадий, который приехал в Псков 30 мая, псковичи не дали ему «соборовати», зная, что он хочет «молити бога за князя великого Василья», и ждали приезда своих послов из Москвы с решением Ивана III; Геннадий уехал из Пскова через 4 недели после своего прибытия, т. е. в конце июня, перед этим он с разрешения посадников и бояр «зборовал при князе псковском Александре Володимеровичи»; «по том» псковичи направили в Москву второе посольство «бити челом великому князю Ивану Васильевичю новгородцкому и псковскому, чтобы государи наши доржали отчину свою в старине...»; Иван III отпустил это посольство, дав неопределенный ответ: «А за моим боярином все будет указано»; затем в Псков приехал обещанный боярин (Иван Чеботов) и объявил, что Иван III «отчину свою (Псков.— *С. К.*) держить в старине». После этого, в 7008 г., в Москву отправилось третье псковское посольство с

[186] Слова «новгородский и псковский» входили в полный титул великого князя московского (см. ГВНиП, № 347). Дмитрию-внуку летописи и «Чин» поставления приписывают титул великого князя владимирского и московского, в некоторых случаях и новгородского, а в одном случае также тверского (Я. С. Лурье. Идеологическая борьба..., стр. 384—386). Таким образом, Дмитрий, в отличие от Ивана III, едва ли считался сюзереном Пскова, хотя после поставления Василия великим князем Новгорода и Пскова взоры псковичей обратились как раз к нему как соправителю Ивана III. Он был для них хорош именно тем, что не имел в своей специальной компетенции Псков.

челобитьем «к великим князем» Ивану III и Василию Ивановичу об освобождении двух посадников — членов первого посольства, арестованных в начале этой эпопеи. Великие князья их простили, и псковские посадники вернулись в Псков 24 сентября 1499 г. В Пскове остался свой «князь псковской». Известия о событиях зимы 1500 г., весны и осени 1501 г. показывают характер отношений между Псковом и Москвой. Верховными сюзеренами Пскова являлись в эти отрезки времени Иван III и Василий, с которыми псковичи имели дело по вопросам войны с Литвой и Ливонским орденом [187].

Некоторые поворотные моменты борьбы 1499 г. остаются не вполне ясными. Сообщение летописи, указывающее, что Геннадий «зборовал при князе псковском Александре Володимеровичи», надо, очевидно, расценивать как свидетельство об отказе новгородского архиепископа от своего первоначального плана привести Псков к «присяге на верность» Василию. Под влиянием каких факторов уступил Геннадий псковичам? До или после возвращения в Псков участника первого посольства — посадника Стефана — была сделана эта уступка? Имел ли Геннадий секретную информацию из Москвы?

Другой вопрос: когда прибыло и когда отбыло из Москвы второе посольство? Когда приехал в Псков Иван Чеботов? Поскольку отъезд вторых послов состоялся после отъезда Геннадия, их прибытие в Москву нужно отнести, по-видимому, к июлю 1499 г. В письме из Рюгена от 28 июля 1499 г. ливонский магистр (орденмейстер) сообщал хохмейстеру, что Василий посажен великим князем Новгорода и Пскова, псковичи против этого и снарядили в Москву посольство, двух членов которого Иван III арестовал, после чего псковичи направили к великому князю второе посольство с большими дарами; одни считают, что оно вернется в Псков на св. Варфоломея (24 августа), другие думают, что не раньше дня св. Андрея (30 ноября) [188]. Между Псковом и Рюгеном расстояние больше, чем между Псковом и Москвой. Поэтому если там стало известно о втором посольстве

---

[187] «Псковские летописи», вып. 1, стр. 83—86.

[188] LEKUB, 2-te Abt., Bd. 1, № 848, S. 647 (указала и перевела со старонемецкого А. Л. Хорошкевич).

псковичей около 28 июля, можно полагать, что само посольство прибыло в Москву до 28 июля — по-видимому, в середине месяца. Тогда еще не было официального решения, во всяком случае, Иван III не объявил его послам. Иван Чеботов приехал в Псков, вероятно, не раньше августа, ибо третье посольство, отправившееся в Москву вскоре после приезда Чеботова, вернулось только 24 сентября.

Для уточнения картины, нарисованной в Псковской I летописи, большое значение имеют сообщения двух других летописных источников: Вологодско-Пермской летописи и Краткого летописца, опубликованного Я. С. Лурье. Известия эти близки между собой, но расходятся в некоторых существенных деталях, поэтому приведем их параллельно.

Вологодско-Пермская летопись	Краткий летописец
«Того же лета (7007. — *С. К.*), июня в 29, князь великий Иван Васильевич пожаловал своего сына князя Василья великим княжением, Новым городом и Пьсковом, и нарече его великим князем, и благословиша его митрополит Симан и епископи на великое княжение Новогородцкое»[189].	«Того же лета (7007.—*С. К.*), месяца июля 29 ден. князь великий Иван Васильевич пожаловал своего сына князя Василья Новым городом на великое княжение и нарече его великиим князем, и благословиша его митрополит Симон, и поступи на великое княжение на Наугородское, а князя Юрья на Дмитров, а князя Дмитрея Угличем»[190].

Оба источника согласны в том, что Василий реально получил только «княжение Новогородцкое». Расхождение состоит в определении территории, «пожалованной» Василию. Вологодско-Пермская летопись в соответствии с мартовским известием других летописных сводов говорит о пожаловании Новгорода и Пскова. Краткий летописец в соответствии с фактическим результатом «пожалования» упоминает и здесь лишь Новгород.

Кроме того, летописи указывают разные месяцы пожалования. Во всех списках Вологодско-Пермской летописи — июнь, в Кратком летописце — июль. Имеющаяся

[189] ПСРЛ, т. 26, стр. 291.

[190] Я. С. Лурье. Краткий летописец Погодинского собрания.— «Археографический ежегодник за 1962 год». М., 1963, стр. 443.

и реконструируемая хронология событий, описанных в Псковской I летописи, дает основания думать, что в июне решения о поставлении Василия на Новгородское княжение не было. Только после возвращения второго посольства (а оно находилось в Москве около середины июля) и приезда в Псков Ивана Чеботова псковичи обратились к великим князьям Ивану Васильевичу и Василию Ивановичу. 14 июля 1499 г. в качестве великого князя фигурировал еще Дмитрий-внук [191]. Жалованные грамоты на новгородские земли, составленные от имени Ивана III и Василия, появились лишь в августе 1499 г.[192]

Все это позволяет считать июль, а не июнь месяцем, когда Иван III объявил о пожаловании Василию Новгородского княжения [193]. При переписке источников нередко путали июнь и июль. Однако Краткий летописец в части, касающейся событий конца XV — начала XVI в., не был списан с Вологодско-Пермской летописи. Судя по дополнительным известиям, которые в нем содержатся (в рассматриваемой статье — о пожаловании уделов Юрию и Дмитрию), он имел особый источник. Примечательно, что последнее событие, упомянутое в летописце,— Псковское взятие 1510 г. (ошибочно под 7017 г.). Связь между этой концовкой и более точным, чем в Вологодско-Пермской летописи, изложением обстоятельств пожалования Василия в 1499 г., по-видимому, заслуживает специального изучения.

Иммунитетные грамоты августа 1499 г. новгородским монастырям помогают понять характер пожалования Василия Новгородом и политические цели этого шага.

В смысле титула Василий, безусловно, выиграл. Он впервые стал на законных основаниях великим князем

---

[191] ПСРЛ, т. 23, стр. 196; ср. т. VIII, стр. 237; т. XII, стр. 249.

[192] ДАИ, т. I, № 48, стр. 67—68; Г. Г о й д у к о в. Краткое описание Клопского Троицкого монастыря. М., 1815, стр. 17—18.

[193] Ссылаясь на Вологодско-Пермскую летопись, А. А. Зимин высказал предположение, что «возможно, только 29 июня Василий Иванович был официально провозглашен великим князем» (А. А. З и м и н. Основные проблемы..., стр. 107, прим. 76; о н ж е. О политических предпосылках..., стр. 37, прим. 79). Однако данными Вологодско-Пермской летописи и Краткого летописца Лурье не перечеркивается известие других летописей о пожаловании 21 марта 1499 г., ибо Псковская I летопись показывает, какое сопротивление вызвало мартовское пожалование. Пожалование Василия 29 июля 1499 г. было вторичным.

всея Руси. Хотя обе грамоты дошли в составе актов второй половины XVI в., не приходится сомневаться в правильности передачи последними intitulatio грамот 1499 г. Именно сношения с Новгородом были той почвой, на которой возник титул великого князя «всея Руси» еще в XIV в.[194] Вместе с тем только Новгородской областью его применение долгое время и ограничивалось[194а]. Договорные грамоты Василия II и Ивана III с Новгородом 1456 и 1471 гг. составлены от объединенного лица великого князя и его старшего сына, причем оба фигурируют с титулом великого князя «всея Руси»[195]. Этот же титул употребляется при имени Ивана Ивановича в двух других новгородских документах[196]. Но ни в междукняжеских договорах[197–200], ни в грамотах, которые выдал сам Иван Молодой, к его титулу никогда не прибавлялись слова «всея Руси». Нет их и в титуле Василия Ивановича середины 80-х годов. В 1490—1497 гг. Василий, как мы знаем, официально был только «князем». Дмитрий-внук в выданных и подписанных им грамотах первой половины 1498 г. называется «великим князем». Без определения «всея Руси» упоминаются Иван Иванович, Василий и Дмитрий и в посольских книгах.

Вероятно, не только с внутриполитической, но и с внешнеполитической точки зрения присвоение этого титула сыном или внуком не устраивало Ивана III, ибо в 90-х годах литовский великий князь, имевший в своем владении западную «Русь», не хотел признавать московского великого князя государем «всея Руси»[201], а появление еще одного или двух великих князей «всея Руси» дало бы Литве дополнительные основания для непризнания Ивана III великим князем «всея Руси». Употребление слов «всея Руси» в документах, исходивших от соправителей, означало в глазах Ивана покушение на его высшие прерогативы и немедленно пресекалось (мы

---

194 ГВНиП, № 16, 19, 21, 86, 88; АСЭИ, т. III, № 2.

194а Подчинение именно Новгорода, а не Твери послужило исходным моментом распространения титула великого князя «всея Руси» (АФЗиХ, ч. 1, № 316; АСЭИ, т. I, № 516; т. II, № 254, 256, 266; т. III, № 291).

195 ГВНиП, № 22—23, 26—27.

196 Там же, № 25; АСЭИ, т. III, № 17.

197–200 См. ДиДГ, указатель.

201 См. «Сб. РИО», т. 35, № 64.

думаем, что домогательство титула великого князя «всея Руси» было одной из причин опалы Василия в конце 1497 г. и Дмитрия-внука в конце 1498 г.).

В грамотах августа 1499 г. intitulatio заимствовано из новгородско-московских договоров 1456 и 1471 гг. Формально Василий оказался в роли, схожей с положением Ивана Молодого начала 70-х годов, когда тот еще не имел никаких самостоятельных функций. Василий не приобрел права распоряжаться Новгородом, но, выступая в грамотах вкупе с отцом, он как бы подписывался под той политической линией, которую проводил Иван III. Следовательно, сам Иван нуждался в союзе с Василием (может быть, лишь в его имени) для проведения новгородской политики.

В чем состояла эта политика, если судить по августовским грамотам? Интересный материал дает грамота Коневскому монастырю [202], который был расположен на острове около западного побережья Ладожского озера. Анализ формуляра грамоты позволяет выделить четыре основные темы, разработанные автором документа: 1) резкое ограничение юрисдикции и финансовых полномочий новгородского архиепископа; 2) фиксация значительного объема прав наместников и других представителей великокняжеской власти; 3) проведение общерусских принципов таможенной политики; 4) укрепление административного иммунитета монастыря и обеспечение его экономических интересов. Политически наиболее острыми были первые два вопроса.

Согласно грамоте, архиепископ и его наместники лишались права суда над игуменом, братьею, а также людьми и крестьянами монастырской вотчины в делах, подведомственных светскому суду (за архиепископом сохранялось право суда лишь по духовным делам — «опричь духовных дел»); архиепископу и его представителям не разрешалось брать с монастырских вотчин «откупа... и пошлин... никаких», а также ставить «кормити» архиепископских коней в монастырских владениях; десятильникам и «людям владычним» запрещался въезд в монастырские земли, постой, взимание кормов, подвод и проводников. В статье о смесном суде оговаривалось неучастие архиепископа в исполнении пригово-

[202] ДАИ, т. I, № 48, стр. 67—68.

ра относительно монастырского человека. Наконец, в исковых делах с посторонними лицами, выходящих за пределы компетенции наместников, игумен, братия, монастырские люди и крестьяне были подведомственны не архиепископу, а московскому правительству («и мы даем на них своих приставов с Москвы...»).

Известно, что уже в последний период новгородской независимости юрисдикция архиепископа вытеснялась юрисдикцией светских властей [203], однако ограничить судебные права архиепископа в отношении монастырей было не легко. Сохранились грамоты, относимые по архиепископам к 1434—1458 [204], 1459—1470 [205] и 1471—1482 гг. [206], в которых кафедра запрещает представителям новгородских судебных органов вызывать игумена, чернецов и крестьян Спасского Верендовского (близ Новгорода) монастыря в суд по исковым делам, считая это исключительной прерогативой архиепископа: «А каково будет кому до них дело, и он (истец.— *С. К.*) их зовет нашею позовною, а суд им предо мною в Новегороде».

Мы почти ничего не знаем об эволюции архиепископской юрисдикции после присоединения Новгорода. В декабре 1477 г. Иван III обещал новгородским боярам и владыке выполнить их просьбу относительно того, чтобы «и позва московскаго [207] и суду быти по старине» [208]. «Старина» эта, очевидно, сформулирована в договоре 1471 г., где сказано: «А позов по волостем новогородским позывати позовником великих князей да новугородским; а в городе позывати князей великих подвойской, а новугородцкой подвойской» [209]. Из грамот 1499—1500 гг. видно, что вместо новгородских позовников появились приставы новгородских наместников, но как

[203] ПРП, вып. II, стр. 229—231.
[204] ГВНиП, № 94.
[205] Там же, № 97.
[206] Там же, № 100.
[207] Далее издатели Софийской II и Воскресенской летописей вставляют слова «не было б» (ПСРЛ, т. VI, стр. 215; т. VIII, стр. 194), очевидно, заимствуя их из правленого Львовского (Спасо-Евфимьевского) списка XVIII в. Львовской летописи (ПСРЛ, т. 20, первая половина, стр. 330). Эта вставка, отсутствующая во всех летописях, искажает смысл текста.
[208] ПСРЛ, т. VI, стр. 215; т. VIII, стр. 194; т. XII, стр. 182; т. 20, первая половина, стр. 330; т. 25, стр. 318.
[209] ГВНиП, № 27, стр. 49.

это повлияло на судебные права архиепископа до 1499 г., можно только догадываться. Существенную роль сыграл, по-видимому, Судебник 1497 г., который вводил в централизованном порядке подсудность по исковым делам либо московскому правительству, либо местной светской администрации. В ст. 37 Судебника говорилось, что если оба тяжущихся (по исковым делам) являются жителями одного и того же города или волости, то недельщик должен ставить их перед наместником или волостелем. В ст. 30 Новгород Великий был включен в перечень городов, куда посылались из Москвы недельщики с судебным вызовом.

По мнению В. Н. Автократова, т. н. «Правосудие митрополичье» возникло в кругах новгородского духовенства в период между 1497 г. и началом XVI в. и имело целью «заменить основные положения Судебника 1497 года нормами устаревшего новгородского права»[210]. В этом памятнике есть статья, гласящая: «Что ся дееть в монастырех ли в монастырских людех, да не вступаеться князь ли властелин: то ведает их епископ»[211]. Статья основана на тексте Устава Ярослава Восточнорусской редакции Пространной группы[212], причем интересно, что она не берет из своего источника понятие «церковные люди», сосредоточивая все внимание на монастырях и монастырских людях и тем самым придавая понятию «монастырские люди» то содержание, которое оно имеет в жалованных грамотах монастырям, где термином «люди» обозначается крестьянское население. Такая редакция статьи о епископской юрисдикции вполне соответствует притязаниям в духе грамот о подсудности игумена, старцев, людей и крестьян Спасского Верендовского монастыря новгородскому архиепископу.

В какой мере была ограничена юрисдикция архиереев в других районах Руси к 90-м годам XV в.?

Светские обитатели монастырских вотчин (крестьяне, приказчики[213] и др.) в исковых делах подлежали ве-

[210] ПРП, вып. III, стр. 438—439.

[211] Там же, стр. 428, ст. 38; АСЭИ, т. III, № 8, ст. 38.

[212] ПРП, вып. I, стр. 271, ст. 54, 9.

[213] Социальное происхождение приказчиков и их юридическое положение до получения должности изучены недостаточно; в XVI в. среди приказчиков имелись и «старцы»; жалованные грамоты XV—XVI вв. проводят, однако, четкую грань между «братьею» и теми, «кому прикажут», или «приказщиками».

дению великокняжеского (или удельнокняжеского) суда (очевидно, кроме дел, отнесенных к компетенции церкви уставами Владимира и Ярослава). На священников и причты монастырских сельских церквей, т. е. «людей церковных» в узком смысле слова, распространялось действие монастырской или епископской юрисдикции (их статус определялся во владычных жалованных грамотах — источнике, пока еще мало изученном). В особенно спорном положении находились настоятели монастырей и монахи («братия»), которые, с одной стороны, формально причислялись к разряду «церковных людей» (по уставу Владимира), но, с другой стороны,—как феодалы-землевладельцы — являлись вассалами князя-сюзерена.

Корпорации, возникшие в качестве княжеских монастырей, имели особый статус. На суде у митрополита Геронтия, когда разбирался спор между князем Михаилом Андреевичем Белозерским и ростовским архиепископом Васьяном (около 1478/79 г.)[214], представитель князя сделал следующее заявление: «...Истарины прежние архиепископы ростовские во государя моего в Кирилов монастырь не вступалися, приставов своих не слали, а игумена и братьи не судили, и десятилников своих к ним не въсылали, и пошлин не имали — при Кириле и после Кирила — при государя моего княже Михайлове отце, при князе Андрее Дмитриевиче, и до сех мест, а судил ...того Кирилова монастыря игумена государя моего княж Михайлов отец — князь Андрей Дмитриевичь, а братью свою — старцев Кирилова монастыря — судил игумен; а после отца своего того Кирилова монастыря игумена судил государь мой князь Михайло Андреевичь и до сих мест, опрочь духовных дел, а в духовных... делех игумена ведает архиепископ, занеж... тот Кирилов монастырь у государя моего, как у государя у великого князя его монастыри — Спас на Москве, да Пречистая на Симонове, да Никола на Угреше»[215].

---

[214] Об этой тяжбе см.: Л. В. Черепнин. Указ. соч., ч. 2, стр. 191—194 (ср. стр. 183—184); Я. С. Лурье. Идеологическая борьба..., стр. 54—58.

[215] АСЭИ, т. II, № 315, стр. 280.

Действительно, в жалованных грамотах Кирилло-Белозерскому[216] и Симонову[217] монастырям встречается статья о подсудности настоятеля князю-сюзерену[218]. Архиепископские грамоты показывают, что если еще в 50-х годах XV в. игумены и попы сельских церквей Кириллова монастыря были де-юре подсудны владыке, очевидно, по всем вопросам[219], то уже в 60-х годах суд над ними оказался в руках кирилловского игумена, а на долю владычнего суда осталось одно «духовное дело»[220]. Вероятно, и суд над старцами не был с момента основания монастыря бесспорной привилегией игумена, хотя перешел к нему раньше, чем суд над причтами сельских церквей.

Грамоты первой половины XV в., провозглашающие право княжеского суда в отношении настоятелей, крайне немногочисленны (известны всего две) и касаются лишь Кирилло-Белозерского монастыря[221].

Во второй половине XV в. круг корпораций, настоятели которых судились князем, не ограничивался только «княжескими» монастырями[222]. Очень энергично рас-

---

[216] Впервые в грамоте князя Михаила Андреевича 1435—1447 гг. (АСЭИ, т. II, № 79), затем в его же грамотах 1473 г. (там же, № 223), 1476—1482 гг. (там же, № 239, 243 — здесь речь идет уже и о подсудности старцев князю), в грамоте великой княгини Софьи 1448—1451 гг. (там же, № 98) и в грамотах Ивана III 1488 г. (там же, № 278), 1500 г. (там же, № 300, 301).

[217] В грамоте великого князя Василия Васильевича 1460 г., подтвержденной Иваном III (АСЭИ, т. II, № 360).

[218] В жалованной грамоте Дмитрия Донского чернецу Савве на монастырек Спаса-Преображения (ок. 1380—1382 гг.— включенный акт в составе документа XVII в.) настоятель ставится под совместную юрисдикцию великого князя и митрополита (АСЭИ, т. I, № 340). О смесном суде митрополита и великого князя в исковых делах светских лиц против представителей духовенства см. в договорной грамоте великого князя Василия Дмитриевича и митрополита Киприана (ПРП, вып. III, стр. 422, ст. 7).

[219] АСЭИ, т. II, № 161.

[220] Там же, № 174—176, 183.

[221] Т. н. грамота Василия Васильевича на с. Шухобалово, имеющая статью о подсудности игумена, братии и слуг великому князю (АСЭИ, т. I, № 176), является подделкой конца XVI в. (см. А. А. Зимин. Актовые подделки Троице-Сергиева монастыря 80-х годов XVI в.— «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России». Сб. статей к 70-летию А. А. Новосельского. М., 1961, стр. 250—251, особенно прим. 25).

[222] Таким был, кроме уже названных, Троицкий на Березнике в волости Воре; патроном и судьей его игумена являлся князь Юрий Васильевич Дмитровский (АСЭИ, т. I, № 401; ср. там же, № 416).

пространяли свою юрисдикцию удельные князья. Настоятели следующих монастырей были подведомственны удельнокняжескому суду: Троице-Сергиева[223], митрополичьего Новинского[224] (по грамотам Юрия Васильевича Дмитровского 60-х — начала 70-х годов), Савво-Сторожевского[225], Покровского Углицкого[226] (по грамотам Андрея Большого 70-х годов), Спасо-Каменного[227] (по грамоте Андрея Меньшого 1479 г.[228]). Татарский служебный царь Мухаммед-Эмин, получивший в удел Каширу, установил подсудность себе игумена Троицкого Белопесоцкого монастыря[229]. Статья о подсудности настоятеля великому князю неоднократно включалась в грамоты Ивана III. Ее находим в грамотах митрополичьим монастырям — Сновидскому и Любецкому (1465 г.[230]), а также в грамотах монастырям Спасо-Евфимьеву (1472[231], 1473[232], 1479 гг.[233]), Никольскому Мокрому (1482 г.[234]), Троице-Сергиеву (1492 г.[235]), Спасскому Ярославскому (1498 г.[236]) и Устюжскому Успенскому Богородицкому собору (1490 г.[237]). Судя по тому, где находились указанные монастыри, можно сказать, что светская власть активно ограничивала юрисдикцию митрополита, ростовского архиепископа и суздальского епископа[238]. Грамоты 1479 и 1482 гг. вологодским

[223] АСЭИ, т. I, № 291, 305.
[224] АФЗиХ, ч. I, № 86.
[225] АСЭИ, т. III, № 58.
[226] Там же, № 77.
[227] Там же, № 269.
[228] Князь судил также и братию.
[229] АСЭИ, т. I, № 618.
[230] АФЗиХ, ч. I, № 193.
[231] АСЭИ, т. II, № 466 (великий князь судил также и братию).
[232] Там же, № 473.
[233] Там же, № 475.
[234] Там же, т. III, № 278.
[235] Там же, т. I, № 567, 568; ГПБ, Погод. 1905, лл. 80 об.— 81 об., № 71.
[236] АСЭИ, т. III, № 216 (великий князь судил также и братию).
[237] Там же, № 282 (великий князь судил протопопа, священников и причт церковный). Еще в грамоте 1467—1481 гг. этому собору постановление было иное: «А кому на них будет чего искати, ино их сужю яз сам, князь велики, или сам архиепископ» (там же, № 281).
[238] Грамота Каширскому Белопесоцкому монастырю ограничивала, очевидно, юрисдикцию митрополита, а не коломенского епископа. И. Покровский считает, что Кашира входила в Коломенскую епархию с XIV в. (И. Покровский. Указ. соч., т. 1, стр. 214).

Спасо-Каменному и Никольскому Мокрому монастырям ограничивали юридикцию новгородского архиепископа, однако с 1492 г. Вологда перешла в Пермскую епархию [239]. В источниках, правда, речь идет о церквах в самом г. Вологде и на посаде. Может быть, уездные монастыри оставались еще некоторое время в составе Новгородской епархии.

В двух грамотах Ивана III (1467 и 1475 гг.), относящихся к одному и тому же митрополичьему Воскресенскому монастырю «на Пеняге», устанавливается подсудность игумена в исковых делах митрополиту [240]. Монастырь был расположен в Двинской земле [241], где действовало смешанное московско-новгородское право. Очевидно, этим определилось предоставление митрополиту юрисдикции над игуменом в исковых делах. В грамотах волоцких князей конца XV — начала XVI в., выданных Иосифо-Волоколамскому монастырю, нет статьи о подсудности игумена князю, хотя князья оговаривают свое право судить в исковых делах монастырского приказчика. Волоколамский уезд находился в Новгородской епархии. Следовательно, есть основания думать, что новгородский архиепископ в конце XV в. оставался в исключительном положении, сохраняя за собой право суда над настоятелями монастырей Новгородской епархии.

По данным П. М. Строева, к титулу коломенских владык слово «коширский» стало прибавляться только с 1542 г. (П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877, стб. 1031). В 20-х годах XVI в. ставленую грамоту на постройку новой церкви в монастырском селе Воргасове Белопесоцкий монастырь получил не от коломенского епископа, а от митрополита (АГР, т. I, стр. 102).

239 ПСРЛ, т. XII, стр. 232; т. 26, стр. 287—288; т. 27, стр. 291; ср. «Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года». Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960, стр. 32, л. 300—300 об. (ААЭ, т. I, № 289, стр. 346, ящик 150); И. Покровский. Указ. соч., т. 1, стр. 66 (прим. 2), 116.

240 АФЗиХ, ч. I, № 315, 316.

241 В заголовках, данных этим актам в АФЗиХ, речь идет о Вологодском уезде, однако в самих грамотах Вологодский уезд не упоминается, а в копийной книге XVI в. они выделены в особую главу (17), помещенную после вологодского раздела. Поскольку грамоты выданы Иваном III, их нельзя отнести к Вологодскому уезду, который до 1481 г. принадлежит Андрею Меньшому. О переходе Пинеги в ведение митрополита в 1471 г. и о смешанных владениях новгородской архиепископии и митрополии в этой области см.: И. Покровский. Указ. соч., т. 1, стр. 62.

Отсюда понятным становится явно ограничительный характер статьи коневской грамоты 1499 г., запрещавшей архиепископу судить игумена и братию («опричь духовных дел», т. е. кроме чисто канонических вопросов) [242].

В грамоте 1499 г. Троицкому Клопскому монастырю [243] мы видим только статью о сроке вызова в суд монастырских людей и крестьян наместничьими или великокняжескими приставами, однако в подтверждении 1551 г. к этой грамоте восстанавливается право архиепископского суда над игуменом и братьею. Необходимость такого восстановления, формально говоря, не диктовалась сохранившимся текстом грамоты. Поэтому возникают два предположения: 1) либо при подтверждении исходили из реального состояния дел, сложившегося к 1551 г.; 2) либо текст грамоты 1499 г. был включен в грамоту 1564 г. не полностью. В грамоте 1500 г. Новгородскому Волотову монастырю [244] имеется точно такая же статья о сроке, как и в грамоте 1499 г. Клопскому монастырю, но она находится в плотном окружении других статей: ей, в частности, предшествует статья, устанавливающая подсудность игумена в исковых делах новгородским наместникам; грамота 1500 г., подобно грамоте 1499 г. Коневскому монастырю, начинается с ограничения юрисдикции новгородского архиепископа в отношении игумена и братии («опричь духовных вещей»).

Имелись ли в октябре 1564 г. мотивы для невключения этих антивладычных статей в список с грамоты Клопскому монастырю 1499 г.? После смерти в 1563 г. митрополита Макария право святительского суда, восстановленное в 1551 г., стало постепенно снова отменяться. Вероятно, включение в грамоту 1564 г. текста грамоты 1499 г. со статьями, ограничивающими архи-

---

[242] О «духовном деле» источники говорят без раскрытия этого понятия. В формулярном наказе митрополита Ионы, относящемся к западнорусским территориям, «дела духовныя», как и дела церковные, поручены митрополичьему наместнику (АЮБ, т. II, № 167, стб. 524). В «Правосудии митрополичьем» говорится, что поп, игумен и дьякон могут быть свидетелями только по духовному делу «своему брату: игумну, попу, дьякону» (ПРП, вып. III, стр. 428, ст. 28). По определению В. Н. Автократова, «духовное дело — дела, связанные с отправлением религиозного культа, нравственностью духовенства и т. д.» (там же, стр. 452).

[243] Г. Гойдуков. Указ. соч., стр. 17—18.

[244] Амвросий. История российской иерархии, ч. VI. М., 1815, стр. 474—481; АИ, т. I, № 111.

епископскую юрисдикцию, было бы воспринято как покушение на нее[245]. Грамота появилась накануне опричнины, когда Иван IV, по-видимому, стремился не ухудшать отношений с новгородской кафедрой. О выборочном характере цитирования грамоты 1499 г. в грамоте 1564 г. говорит и декларированная цель выдачи последней: оградить монастырскую вотчину от частых наездов царских недельщиков, не признававших прежнего срока вызова крестьян в суд. Текст грамоты 1499 г. в составе грамоты 1564 г. являлся выпиской тематического характера (выпись была сделана из «книг», так как подлинник сгорел), причем тема выписки определялась темой грамоты 1564 г.

Таким образом, можно думать, что в полном виде текст грамоты 1499 г. Троицкому Клопскому монастырю был близок к тексту грамоты 1500 г. Успенскому Волотову монастырю, т. е. содержал статьи, ограничивающие архиепископскую юрисдикцию.

Из грамоты Коневскому монастырю создается впечатление, что юрисдикция архиепископа над монастырскими людьми и крестьянами до 1499 г. была еще реальностью, в то время как грамота Волотову монастырю (очевидно, повторяющая в несудимой части формуляр грамоты Клопскому монастырю) говорит применительно к людям и крестьянам лишь о юрисдикции светских властей. Возможно, на отдаленных окраинах Новгородской земли остатки старины сохранялись прочнее, чем в центре.

Рассмотрим пределы наместничьих полномочий. В грамоте Коневскому монастырю сказано: «...Наместницы наши и дворетцкие и конюшие и волостели их и тиуни игумена с братьею и их людей и крестьян не судят ни в чом, оприч душегубства и розбоя и татьбы с поличным...» Этой статьей признается подсудность местным властям — по делам о душегубстве, разбое и татьбе с поличным — не только монастырских крестьян, но и игумена с братьею. По другим видам преступлений игумен и братия не были подсудны наместнику и сами судили своих крестьян. В случаях, когда возникали тяжбы с посторонними лицами, не подлежащие смесному суду, игу-

[245] Тем более, что в грамоте этому же монастырю 1560 г. содержалась статья о подсудности игумена архиепископу (ХП, II, № 796).

мен, братия, люди и крестьяне Коневского монастыря оказывались вне компетенции наместников, попадая в сферу действия великокняжеского суда. Напротив, согласно клопской и волотовской грамотам, иски против монастырских крестьян могли рассматриваться как великокняжеским, так и наместничьим судом.

Волотовская грамота показывает, что в исковых делах игумен и братия были подсудны наместникам. Вместе с тем, определяя объем наместничьей юрисдикции над населением монастырской вотчины, эта грамота не включает в пункт о подсудимых — игумена и братию, в пункт о составе преступлений, подведомственных наместникам,— татьбу.

Итак, соотношение между властью наместников в центре и на окраинах Новгородской земли получается следующее. В центре вотчинная юрисдикция фиксируется в духе общерусской нормы, поэтому не признается судебная власть наместников над игуменом и братьею в пределах монастырских владений, зато наместники оказываются для игумена судьями в исковых делах, заменяя таким образом архиепископа и пользуясь чисто княжеской прерогативой, при этом полностью отрицаются судебные полномочия низших звеньев наместничьего управления (тиунов) в отношении игумена и его приказчиков; монастырские крестьяне в исковых делах могут судиться не только великокняжеским, но и наместничьим судом. На окраине вотчинная юрисдикция суживается вплоть до исключения из нее татьбы с поличным, причем к числу ответственных за преступления, совершенные внутри монастырской вотчины, привлекается и монастырское начальство, подсудное по главным видам преступлений местным органам (очевидно, от наместников до тиунов); одновременно сводится к нулю роль наместника как судьи по исковым делам, ибо функция арбитра закрепляется, согласно общерусской норме, за великокняжеским правительством.

Другими словами, в центре Новгородской земли наместник выступает по отношению к феодальной вотчине в роли органа местного управления, типичного для Северо-Восточной Руси, но, будучи судьей-арбитром в Новгороде, он осуществляет непосредственно княжескую, правительственную функцию, отличаясь этим от наместников других уездов России. На окраине же

наместничий аппарат, не имея арбитражной роли, усиливается путем активного наступления на вотчинную юрисдикцию. Уравнение в формально-юридическом плане вотчинников и крестьян по линии ответственности за главные уголовные преступления свидетельствует о недостаточном развитии частнособственнического характера феодальной вотчины в некоторых районах северной окраины.

Это своеобразие социально-экономического развития и определяло, с одной стороны, возможность предоставления здесь местным органам более широких полномочий, чем в центре, с другой стороны, необходимость сохранения арбитражной роли великого князя как верховного «вотчинника» всея Руси. Прямая связь с Москвой была важна и по причине близости Коневского монастыря к шведской границе.

Стремление усилить контроль наместничьего аппарата над различными сторонами общественной жизни проявилось в коневской грамоте еще в трех постановлениях. 1) В статье, декларировавшей отсутствие денежной и административной ответственности жителей монастырской вотчины за смерть кого-либо на их территории в результате несчастного случая или самоубийства, имелась оговорка, согласно которой наместничьим агентам возмещались издержки, связанные с приездом на место происшествия («езд поверстный»). 2) Сбор пятна[246], входивший обычно в число монастырских привилегий, здесь был передан в руки наместничьего аппарата: «А пятна наместником нашим и волостелем их и пошлинником давати с купца по денге по московской, а с продавца по денги ж». Мы знаем только две грамоты, которые можно рассматривать как прецедент цитированного правила. Одна из них (1466 г.) относится к Ярославскому уезду: «А купят лошадь или менят, и они лошадь пятнят, а дают пятенщику от пятна с лошади по денге, а боле того от пятна не дают ничего»[247]; другая грамота (1479 г.) касается Волоколамского уезда: «А кто тех людей купит лошадь или продаст или менит, и они те кони пятнят у моих пятенщиков, а от пятна не дают ничего»[248]. Коневская грамота идет дальше яро-

[246] Пятно — пошлина с купли-продажи лошадей.
[247] АСЭИ, т. III, № 203.
[248] АФЗиХ, ч. II, № 4.

славской и волоцкой, требуя уплаты наместничьим агентам всей пятенной пошлины сполна. 3) Проезд монастырской ладьи с солью из Руссы в монастырь или из монастыря в Новгород и Руссу «с каким монастырским запасом нибуди» облагался особой пошлиной в пользу наместника Ладожского порога: «И они с тое лодьи дают наместнику нашему Ладожского порога образ Пречистые да ставец, да две ложки, да посох, а поромщиком тяглецом, вверх идучи, дают с лодьи по десяти алтын, а вниз идучи, спускного дают по гривне по ноугородцкой».

Принуждение к уплате этой пошлины определялось не только трудными условиями передвижения по данному участку пути, но и особым положением наместника Ладожского порога, ибо волость «Порог Ладожьской» входила в число бывших архиепископских владений, конфискованных в 1478 г.[249]. Сама пошлина наместнику Ладожского порога по своему происхождению была, видимо, пошлиной в пользу архиепископа и носила в значительной мере символический характер, выражая вассальную преданность духовному сюзерену и признание его власти (образ, посох и т. д.).

Общерусские принципы таможенной политики проявились в грамоте Коневскому монастырю в запрещении беспошлинно покупать и провозить товар «на продажу». Грамота регламентировала количество соли (80 лубов в год), которое разрешалось покупать в Руссе и везти в монастырь без уплаты мыта, тамги, явки, перевоза, мостовщины и других пошлин, кроме пошлины наместнику Ладожского порога. Монастырь мог купить также «всякой запас на монастырскую потребу». Количество его не определялось.

Разумеется, эффективность проведения великокняжеского курса в известной мере зависела от заинтересованности монастыря в соблюдении норм, установленных в грамоте. Поэтому Иван III сочетал ограничительные принципы судебной и таможенной политики с укреплением основ административного иммунитета монастыря в пределах его владений. В грамоте фиксировались: 1) один срок вызова в великокняжеский суд по исковым

---

[249] ПСРЛ, т. VI, стр. 216; т. VIII, стр. 195; т. XII, стр. 183; т. 20, первая половина, стр. 330; т. 25, стр. 319.

делам — наиболее льготное правило[250], благодаря которому и крестьяне не отрывались от сельскохозяйственных работ[251], и монахи были избавлены от частых и дорогостоящих поездок в Москву; 2) запрещение ловцам и ездокам ставиться в монастырской вотчине, а незваным гостям и попрошатаям входить и въезжать в нее.

Кроме того, в целях подъема монастырского хозяйства монастырю обеспечивалось право на монопольное использование островного леса (ловцам было запрещено сечь его под угрозой заповеди) и предоставлялось право безоброчной ловли рыбы в Ладожском озере «на манастырскую потребу».

Каковы были политические мотивы выдачи грамот Коневскому и Клопскому монастырям в августе 1499 г.? Судя по содержанию этих актов, правительство имело в виду резко ограничить судебные полномочия и подорвать влияние новгородского архиепископа. Это намерение понятно в свете мероприятий Ивана III 1499—1500 гг., когда была проведена частичная секуляризация архиерейских и монастырских земель в Новгороде. Противопоставление одной части духовных феодалов другой для облегчения антицерковной борьбы в ближайшем будущем — такова главная внутриполитическая цель выдачи рассматриваемых грамот. Великий князь, конечно, знал, кому он выдает грамоты. Клопский монастырь еще в первой половине XV в. был проводником московского влияния в Новгородской земле. «Борясь с новгородским боярством и ратуя за великого князя московского, Клопский монастырь помог делу объединения Новгорода с Москвой»[252]. Вскоре после новгородских конфискаций 70—80-х годов XV в. Иван III пожаловал новые земли Клопскому монастырю. В переписной книге Шелонской пятины 7006 (1497/98) г. отмечено, что деревни в Дубровенском погосте, принадлежавшие ранее одному лицу, были разделены между великим князем, двумя помещиками и Клопским монастырем[253]. Таким образом, ставка на Клопский монастырь в 1499 г. являлась естественным

[250] Иногда устанавливалось два или три срока.

[251] Судя по клопской грамоте, сроком явки было Крещение, 6 января.

[252] Л. А. Дмитриев. Повести о житии Михаила Клопского. М.—Л., 1958, стр. 35.

[253] НПК, т. IV, стб. 182; Л. А. Дмитриев. Указ. соч., стр. 34—35.

выводом из многолетнего сотрудничества между этой корпорацией и московским великокняжеским правительством.

Коневский монастырь до присоединения Новгорода входил, очевидно, в число мало привилегированных корпораций, подчиненных непосредственно архиепископской кафедре[254]. Монастырь, по-видимому, желал разорвать узы прежней зависимости и обрести хозяйственную и административную самостоятельность, вследствие чего он был заинтересован в тесном союзе с великокняжеской властью. Возможно также, что московское правительство давно установило контакты с этим монастырем, принимая во внимание его пограничное положение (в 1496 г., во время похода русских воевод в Финляндию, маршрут войск проходил по соседству с Коневским монастырем).

Выдача грамот имела, как нам кажется, не только внутриполитическое, но и внешнеполитическое значение. В писцовых и переписных книгах 1498—1500 гг. указаны два комплекса вотчин Троицкого Клопского монастыря: один — расположенный недалеко от Новгорода (в Григорьевском Кречневском погосте Водской пятины[255], в Косицком погосте[256], в Поверяжье и Заверяжье[257] Шелонской пятины), другой—поблизости от псковской границы, северо-восточнее Пскова (в Курецком[258] и Дубровенском[259] погостах Шелонской пятины).

Таким образом, и с этой точки зрения Клопский монастырь был выбран не случайно. Выдача от имени Ивана III и Василия грамоты на все вотчины монастыря, владевшего землями в пограничных со Псковом районах, демонстрировала псковской верхушке, Ливонии и Швеции реальность пожалования Новгорода Василию и подготавливала общественное мнение к перспективе более тесного подчинения Пскова сыну великого князя московского. Следовательно, отказ Ивана III от своего первоначального плана присоединения Пскова не означал

[254] Впрочем, определенных данных об устойчивых связях Коневского монастыря с архиепископской кафедрой нет (Зверинский, т. I, № 255).
[255] НПК, т. III, стб. 11.
[256] Там же, т. V, стб. 153.
[257] Там же, т. IV, стб. 14—16; т. V, стб. 292.
[258] Там же, т. IV, стб. 14—16.
[259] Там же, стб. 186.

полной и устойчивой победы последнего. Великий князь искал новые способы воздействия на непокорную псковскую госпóду.

Судя по переписной окладной книге Водской пятины 7008 (1499/1500) г., Коневский монастырь имел земли в Городенском, Кирьяжском, Сакульском, Ровдужском, Куйвошском, Корбосельском и Келтушском погостах [260], расположенных вдоль западного побережья Ладожского озера и непосредственно граничивших с владениями Швеции.

Местонахождение вотчин обоих монастырей имеет большое значение для уточнения вопроса о внешнеполитических причинах выдачи грамот.

Еще в середине 90-х годов, через два года после заключения русско-датского союза 1493 г., правитель Швеции Стен Стуре получил из Нарвы известие, что датский король Ханс обещал Ивану III обширную часть шведской территории в награду за войну со Швецией, а именно всю финскую Карелию: погосты Эйрепя (Äygärää), Яскис (Jäskis) и Саволакс (Savolaks) [261]. Этими

[260] «Временник ОИДР», кн. XI. М., 1851, стр. 11, 142, 193—195, 234—235, 251—252; кн. XII. М., 1852, стр. 32, 69—73, 114—117, 141.

[261] Г. В. Форстен. Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях. СПб., 1884, стр. 159—160, прим. 3; К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 380—381. Это обещание могло быть дано летом 1495 г., после съезда в Кальмаре, не оправдавшего надежды Ханса на признание его шведским королем. Уже 6 августа 1495 г. Иван III приказал своим воеводам идти «на свейского короля неметцкого» (ПСРЛ, т. 26, стр. 289; ср. т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 534; ср. также «Разрядная книга...», стр. 24, л. 21; в большинстве летописных сводов под 7004 г., без месяца — ПСРЛ, т. IV. СПб., 1848, стр. 165; другие тома указаны ниже). В сентябре 1495 г. русские войска обложили Выборг, но не смогли взять его и пришли в Новгород 25 декабря 1495 г. («Разрядная книга...», стр. 26; Г. В. Форстен. Указ. соч., стр. 157). В первой половине 1496 г. было совершено три похода, начало которых относится к январю (на Каянскую землю), апрелю (под Выборг), июню (на Каянскую землю) (ПСРЛ, т. 26, стр. 290; ср. т. VI, стр. 39—40, 240; т. VIII, стр. 230—231; т. XII, стр. 240. 242; т. 20, первая половина, стр. 362—363; т. 24, стр. 241—242; т. 28, стр. 160, 326; Г. В. Форстен. Указ. соч., стр. 157—158; К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 387—392). Направления русских походов подтверждают характер обещания, данного Ивану III королем Хансом летом 1495 г. Еще в конце 1494— начале 1495 г. речь шла о русских претензиях на земли в другом районе шведского королевства — епископстве Абосском (собственно Финляндии) (Ю. Н. Щербачев. Копенгагенские акты, отно-

землями издавна владел Новгород, но по Ореховецкому договору 1323 г. они были уступлены Швеции[262]. Если верить источнику начала XVI в., территории, которые король Ханс соглашался отдать Ивану III, простирались на 200 миль в длину и 20 в ширину[263]. Наиболее южный из упомянутых районов — Эйрепя — занимал пространство между Финским заливом на западе, реками Сестрой и Саей на востоке и граничил с Келтушским, Корбосельским, Куйвошским, Ровдужским и Сакульским погостами Водской пятины. Яскис, расположенный севернее Выборга, граничил с Городенским погостом на востоке и Кирьяжским погостом на севере. Дальше к северо-западу лежала обширная область Саволакс, доходившая до «Каяна моря» (Ботнического залива)[264].

Таким образом, Эйрепя и Яскис непосредственно примыкали к тем погостам, где находились вотчины Коневского монастыря; иначе говоря, грамота Коневскому монастырю укрепляла права Ивана III и Василия на земли, расположенные рядом со шведскими владениями.

Вотчины Клопского монастыря в Курецком и Дубровенском погостах Шелонской пятины были сосредоточены в районе, лежавшем на близких подступах к Ливонии и Финскому заливу, возле которого находилась русская крепость Ивангород, построенная Иваном III в 1492 г. напротив ливонской крепости Нарвы и преграждавшая путь ливонским немцам и шведам в русские владения на южном побережье Финского залива[265]. В августе 1496 г. Ивангород подвергся нападению шведов и был разрушен ими почти до основания[266]. Тем самым

сящиеся к русской истории, вып. 1. М., 1915, № 3). Поэтому мнение, будто Ханс обещал Ивану III Карелию в 1493 г., при заключении союзного договора (Г. В. Форстен. Указ. соч., стр. 160, прим.; К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 380—381, 395, ср. стр 387), нельзя считать вполне доказанным.

262 ГВНиП, № 38 («Севилакшю, Яскы, Огребу»).

263 Г. В. Форстен. Указ. соч., стр. 160, прим.; ср. I.EKUB, 2-te Abt., Bd. 2, № 151a, S. 99.

264 С. Гадзяцкий. Карелы и Карелия в новгородское время. Петрозаводск, 1941, приложение [№ 2] — «Схематическая карта к истории Карелии XIV—XV вв.»; ср. также К. А. Неволин. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке. СПб., [1853], карта в конце книги; ГВНиП, № 38 (описание рубежей).

265 Подробнее см.: К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 383—384.

266 «Псковские летописи», вып. 1, стр. 82; ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 534; т. VI, стр. 42; т. VIII, стр. 233; т. XII, стр. 244; т. 24,

территории Курецкого и Дубровенского погостов Шелонской пятины как бы приблизились к сфере возможных ливонско-шведских вторжений.

Какова была международная обстановка к моменту выдачи рассматриваемых грамот?

В марте 1497 г. Швеция заключила с Россией перемирие, причем границы предполагалось определить на новом съезде уполномоченных, который, по словам Г. В. Форстена, «кажется, не состоялся»[267]. 26 ноября 1497 г. король Ханс был коронован шведской короной в Стокгольме[268] и объединил в своих руках власть над Данией, Норвегией и Швецией. Несмотря на перемирие и переход шведской короны к союзнику Ивана III—датскому королю, пограничные конфликты между русскими и шведами продолжались и особенно обострились в 1499—1500 гг.[269] Ханс не спешил передать великому князю обещанные земли, видимо, не только потому, что он «опасался вызвать раздражение со стороны шведского рата и увеличить число сторонников Стен Стуре, который продолжал действовать против короля»[270]. Став шведским королем, Ханс едва ли был заинтересован в потере этих территорий. Весной 1498 г. Стокгольм посетило русское посольство, имевшее задачей урегулирование пограничных споров[271]. В скибской хронике под 1499 г. рассказано о прибытии в Данию послов из России и об отправке после этого датских послов в Москву[272]. Поскольку еще 6 июня 1499 г. орденмейстер Ливонского ордена писал из Вендена хохмейстеру, что датский король собирается снарядить посольство к великому князю[273], можно полагать, что русское посольство было в Дании до июня 1499 г. Датское же посольство во

стр. 244 (в Софийской II, Львовской и т. н. Своде 1518 г.— под 7005 г.: ПСРЛ, т. VI, стр. 241; т. 20, первая половина, стр. 365; т. 28, стр. 329); Г. В. Форстен. Указ. соч., стр. 158; К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 392.

267 Г. В. Форстен. Указ. соч., стр. 159.

268 C. F. Allen. De tre nordiske Rigers Historie, Bd. I. Kbh., 1864, s. 154.

269 Г. В. Форстен. Указ. соч., стр. 159.

270 К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 395.

271 C. F. Allen. Op. cit., Bd. I, s. 198.

272 «Monumenta Historiae Daniae», I, 1873, s. 22, 409; LEKUB, 2-te Abt., Bd. 1, S. 623, Anm. 2.

273 LEKUB, 2-te Abt., Bd. 1, № 823, S. 623.

главе с епископом Оденсейским Енсом Андерсеном [274] прибыло в Москву только в феврале 1500 г. [275]

Русское посольство 1499 г. должно было выполнить два поручения Ивана III: 1) добиться признания за Россией обещанных территорий; 2) посватать сына великого князя — Василия — к дочери датского короля — принцессе Елизавете. По первому вопросу король обратился к шведскому совету за разъяснениями и документальными подтверждениями территориальных прав шведской короны. На второй вопрос он ответил, по-видимому, также уклончиво [276]. Скорее всего, Ханс заявил, что отправит в Москву специальное посольство, которое передаст великому князю его окончательное мнение.

Датский король вел сложную игру. В июне 1499 г. он дружественно принял в Стокгольме посольство Ордена, предлагавшего ему союз против России. Король выразил готовность принять в Копенгагене новое полномочное посольство Ливонии в том же 1499 г. [277] Ханс хотел, чтобы Орден признал права Дании на некогда принадлежавшие ей области Хариен и Вирланд в Эстляндии [278]; вместе с тем он не желал уступать России обещанные Ивану III земли в Карелии. Поэтому, зная заинтересованность Ливонии и России в союзе с Данией, король стремился столкнуть их интересы и путем лавирования добиться для себя наивыгоднейших условий.

В свете приведенных данных выясняется внешнеполитическое значение выдачи в августе 1499 г. от объединенного лица Ивана III и Василия грамот новгородским монастырям на земли, соседние с Карелией и близкие к Ивангороду.

---

274 В латинской транскрипции «Joannes Andree deputatus episcopus Ottoniensis», в изложении русских летописей «каплан, именем Иван». О нем см.: C. P. Paludan-Müller. Iens Andersen Beldenak Biskop i Fyen. Odense, 1837, s. 4 (знакомством с этой книгой я обязан любезности проф. Р. Э. Ф. Смита).

275 ПСРЛ, т. VI, стр. 44, 243; т. VIII, стр. 238; т. XII, стр. 250; т. 20, первая половина, стр. 369; т. 28, стр. 332. Сведения о сношениях России с Данией в конце XV — начале XVI в. см. в Описи архива Посольского приказа 1614 г., лл. 266—267 об. («Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года». Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960, стр. 116).

276 C. F. Allen. Op. cit., Bd. I, s. 198.

277 W. Lenz. Die auswärtige Politik des livländischen Ordensmeisters Walter von Plettenberg bis 1510. Riga, 1928, S. 81.

278 Ibidem; C. F. Allen. Op. cit., Bd. I, s. 200.

В датской, немецкой и русской литературе неоднократно упоминалось известие скибской хроники о предпринятом Иваном III в 1499 г. сватовстве Василия к дочери датского короля. Однако это известие не было поставлено в связь с сообщением русских летописей о пожаловании Василию 21 марта 1499 г. Новгорода и Пскова в великое княжение. Аллен, правда, предполагал — и вполне резонно,— что путем брака Василия с Елизаветой Иван III стремился добиться перехода к России спорных земель, которые могли быть приобретены в качестве приданого за датской принцессой [279]. Таким образом, назначая Василия великим князем Новгорода и Пскова и намереваясь женить его в ближайшем будущем на дочери короля Ханса, Иван III рассчитывал присоединить к владениям своего сына смежные с Новгородской землей области Эйрепя, Яскис и Саволакс, издавна принадлежавшие Новгороду (до 1323 г.), а в 1495 г. обещанные Ивану III королем Хансом. Очевидно, уже во второй половине 1498 — начале 1499 г., после безрезультатного посольства в Стокгольм, Иван III понял, что с помощью обычных дипломатических переговоров не удастся заполучить желаемые земли. Когда у него возникла идея брачного союза, сказать трудно — во всяком случае, до 21 марта 1499 г., ибо, если русское посольство было в Дании до июня 1499 г., то отправилось туда оно, по-видимому, сразу или вскоре после пожалования Василия.

Обратим внимание, что пожалование Василию Новгорода и Пскова в великое княжение совпало с двумя другими крупными акциями Ивана III — отправкой в Венецию через Польшу и Венгрию ответственного посольства Дмитрия Ралева-Палеолога [280], родственника Василия по матери, и посылкой воевод на Югру и вогуличей [281].

---

[279] C. F. Allen. Op. cit., Bd. I, s. 198.

[280] В летописях отъезд посольства из Москвы датируется мартом 1499 г. (ПСРЛ, т. VI, стр. 43, 243; т. VIII, стр. 236; т. XII, стр. 249; т. 20, первая половина, стр. 368; т. 28, стр. 332).

[281] В Вологодско-Пермской летописи датируется 12 марта 1499 г. (ПСРЛ, т. 26, стр. 291). В других сводах месяц не указан, а само известие помещено после статьи от 14 июля 1499 г. и говорится, что воеводы вернулись в марте 1500 г. (ПСРЛ, т. VI, стр. 43, 243; т. VIII, стр. 237; т. XII, стр. 249; т. 20, первая половина, стр. 369; т. 28, стр. 332; ср. «Устюжский летописный свод», стр. 100;

Посольство преследовало, по-видимому, цель определенной политической демонстрации. Венеция находилась во враждебных отношениях с другими итальянскими государствами. В марте 1499 г. она заключила мир с Турцией[282]. Интересно, что наряду с отправкой посольства в Венецию Иван III направил своего посла к султану[283]. Показывая королям Польши и Венгрии, которые были родными братьями Александра Литовского, свое намерение сблизиться с Венецией, Иван III демонстрировал идею создания могущественной коалиции[284]. Возложение посольской миссии на приближенного Софьи Палеолог, чей сын назначался великим князем Новгорода и Пскова, должно было доказать Ягеллонам внутреннее укрепление противника, отсутствие в Москве политических сил, могущих сопротивляться Ивану III, действуя в пользу великого князя литовского, т. е. бесперспективность ставки на Василия как брата литовской великой княгини, недовольного поведением своего отца.

Попытка завоевания обширной территории к востоку от Новгородской земли означала тенденцию к расширению владений новгородского великого князя, делала его заинтересованным в военных успехах Ивана III, ослабляла в какой-то мере возможность претензий Василия на внутренние районы России, а также придавала ему

«Разрядная книга...», стр. 29). Подробнее об этой экспедиции см.: К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 403—407.

282 К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 426.

283 В летописях сказано, что посол уехал в марте 1499 г. (ПСРЛ, т. VI, стр. 43 и др.). Более точную дату — 16 марта 1499 г.— находим в посольских книгах («Сб. РИО», т. 41, № 60, стр. 280—282; К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 429—430).

284 Какую политическую миссию надлежало выполнить послам в самой Италии, сказать трудно. Они имели верительную грамоту от Ивана III к папе Александру VI (P. Pierling. La Russie et le Saint Siège, v. I. Paris, 1896, p. 197—198; глухое упоминание об этом документе: П. О. Пирлинг. Россия и папский престол, кн. 1. М., 1912, стр. 235), 11 марта 1500 г. присутствовали на заседании консистории, где папа произносил проповедь против турок (P. Pierling. Op. cit., v. I, p. 208; П. О. Пирлинг. Указ. соч., стр. 247; Е. Ф. Шмурло. Рим и Москва. Начало сношений Московского государства с Папским престолом.— «Записки Русского исторического общества в Праге», кн. III. Прага Чешская — Нарва, 1937, стр. 93, сн. 2). О содержании их переговоров с венецианцами нам ничего неизвестно, но, вероятно, послы Ивана III не разрушали иллюзий относительно возможного участия России в антитурецком союзе (П. О. Пирлинг. Указ. соч., стр. 247).

больший вес в глазах иностранных монархов и прежде всего датского короля, который, пожертвовав Карелией и став тестем Василия, мог бы рассчитывать на укрепление датского влияния на огромном пространстве северной России и подчиненных ей областей вплоть до Урала и Западной Сибири.

Не удивительно поэтому, что противодействие решению о назначении Василия великим князем Новгорода и Пскова Иван III воспринял с большим раздражением и постарался как можно быстрее пресечь. Отсюда — арест Ромодановского и Коробова, двух членов первого псковского посольства и последующая борьба со Псковом.

Когда, наконец, Ивану III удалось добиться признания Василия великим князем и формального закрепления за ним Новгорода (29 июля 1499 г.), великий князь, очевидно, уже знал о более или менее обнадеживающем ответе короля Ханса относительно брака Василия и Елизаветы и сознавал еще яснее невозможность приобретения Карелии другим путем. Знал он, скорее всего, и о дипломатических сношениях между Данией и Ливонским орденом[285]. Вот почему в августовских грамотах 1499 г. новгородским монастырям подтверждались великокняжеские права Василия на земли, смежные с районами Яскиса и Эйрепя, и на близкие к Ливонии территории Шелонской пятины.

Правда, Иван III не доверял Василию и не отдал ему в фактическое обладание Новгородскую землю. Василий был лишь формальным соправителем Ивана III по части дел, касавшихся Новгородской земли. Эта тактика Ивана, предусмотрительная с внутриполитической точки зрения, вероятно, снизила внешнеполитический эффект пожалования Василию Новгорода в великое княжение, так как продемонстрировала подставной характер роли второго великого князя.

Привлекая Василия в качестве великого князя всея Руси к участию в иммунитетной политике по отношению к Новгороду, Иван III преследовал цель, во-первых, связать с его именем борьбу против прерогатив новгородского архиепископа, во-вторых, создать видимость согласия между великим князем и его старшим сыном.

---

[285] Ливонское посольство вернулось на родину в конце июля 1499 г. (W. Lenz. Op. cit., S. 81).

3. «Мятеж» князя Василия 1500 г.

Возможно, план урегулирования конфликтов внутри великокняжеского семейства был шире и включал в себя, если верить сообщению Краткого летописца, проект раздачи уделов двум младшим сыновьям великого князя — Юрию и Дмитрию (следующим по старшинству после Василия)[286]. Краткий летописец сообщает, что Юрию предназначался Дмитров, а Дмитрию — Углич. Пожалование состоялось не раньше 29 июля 1499 г.

О существовании проекта духовной Ивана III, выработанного до 1500/01 г., мы уже говорили на основании сравнительного анализа трех источников: духовной и данной Ивана III 1504 г. и приписной грамоты к духовной Василия Темного[287]. Теперь обратимся к другим материалам. В декабре 1499 г. Иван III променял светским феодалам (Козодавлям) некоторые дмитровские земли, приобретя взамен земли в Московском уезде[288]. 17 февраля 1500 г. он выдал жалованную грамоту Кирилло-Белозерскому монастырю на два села в Дмитровском уезде[289]. Это свидетельствует, с одной стороны, о том, что в конце 1499 — начале 1500 г. Юрий не имел Дмитровского удела, однако, с другой стороны, такое внимание Ивана III к Дмитрову, возможно, является показателем каких-то притязаний на него. Маловероятно, хотя источниками прямо и не опровергается (но и не подтверждается), допущение, что Юрий получил удел в августе и владел им до ноября 1499 г.

Интересна локализация земельно-иммунитетной политики Ивана III в отношении Дмитровского уезда в конце 1499 — начале 1500 г. Иван III отдал светским вотчинникам земли в восточной части Дмитровского уезда (с. Сущово, по соседству с Переславль-Залесским уездом), а взамен взял земли в северо-западной части Московского уезда (в Быкове стане). Грамота Кирилло-Белозерскому монастырю касалась сел в западном, Каменском стане Дмитровского уезда. Быков стан Московского уезда и Каменский стан Дмитровского уезда

[286] Я. С. Лурье. Краткий летописец Погодинского собрания.— «Археографический ежегодник за 1962 год». М., 1963, стр. 443.
[287] С. М. Каштанов. Дипломатика как специальная историческая дисциплина.— «Вопросы истории», 1965, № 1, стр. 42—43.
[288] АСЭИ, т. I, № 624.
[289] Там же, т. II, № 301.

были обращены в сторону удела Федора Борисовича Волоцкого, активно укреплявшего свои политические позиции в это время: в марте 1500 г. Федор выдал жалованную грамоту Иосифо-Волоколамскому монастырю на двор в г. Волоколамске [290]. Меры предосторожности против волоцкого князя, принятые в конце 1499—начале 1500 г., до известной степени подтверждают версию о проекте или факте кратковременной отдачи Юрию Дмитровского уезда.

Переход Углича и Углицкого уезда в руки Дмитрия в 1499 или 1500 г. не подкрепляется даже намеками. Может быть, память о мятежном Андрее Углицком удерживала Ивана III от передачи Углича в удел. Вместе с тем выдача Кирилло-Белозерскому монастырю одновременно с грамотой на дмитровские села грамоты на владения в Вологодском уезде [291] наводит на мысль, не предназначалась ли Дмитрию Вологда вместо Углича [292]. Впрочем, укрепление великокняжеских прав в Вологде могло определяться опасением претензий на нее со стороны Василия.

Проведение суда по спорному земельному делу в Можайском уезде, некогда принадлежавшем Андрею Большому, является косвенным показателем того, что его наследство привлекало к себе внимание великокняжеского правительства (правая грамота была подписана 27 ноября 1500 г. [293], начался же процесс, возможно, за несколько месяцев до этого).

Проект раздачи уделов младшим сыновьям во второй половине 1499 г. преследовал, вероятно, цель нейтрализации притязаний Василия на удельные территории Северо-Восточной Руси.

---

[290] АФЗиХ, ч. II, № 26.

[291] АСЭИ, т. II, № 300.

[292] Пока ничем определенным нельзя доказать, что к этому времени относится и кормленая грамота на вологодскую волость Чавцу в Закубенье, выданная Иваном III и подписанная князем Дмитрием Ивановичем (АСЭИ, т. III, № 279; см. также в примечании И. А. Голубцова и в настоящей работе о возможности отождествления упоминаемого здесь князя Дмитрия Ивановича с Дмитрием-внуком).

[293] АСЭИ, т. II, № 422. Связана ли активизация великокняжеской политики в отношении Можайска с переходом на службу к Ивану III весной 1500 г. князя Семена Ивановича Можайского, сына давнишнего владетеля Можайска Ивана Андреевича, сказать трудно.

По своему содержанию иммунитетная политика в феврале 1500 г. была строго ограничительной: из монастырской юрисдикции изымались две категории дел (о душегубстве и разбое с поличным). Одновременно в грамотах фиксировалось право великого князя судить игумена по исковым делам. Это постановление носило антивладычный характер, подтверждая зависимость кирилловского игумена от великого князя и независимость от ростовского архиепископа.

От марта — августа 1500 г. не сохранилось иммунитетных грамот московского великокняжеского правительства. 30 сентября 1500 г. была выдана уже упоминавшаяся нами ранее в другой связи грамота Волотову монастырю[294]. В intitulatio этой грамоты стоят имена великих князей Ивана Васильевича и его сына Василия Ивановича «всеа Русии». О деятельности Василия после августа 1499 г. и до сентября 1500 г. никаких сведений в известных нам грамотах не сохранилось. В Кратком летописце под 7008 г. (сентябрь 1499 — август 1500 гг.) сообщается: «Князь Василей, сын великого князя Ивана, хотя великого княжения, и хотев его истравити на поле на Свинском у Самьсова бору, и сам побежа вь Вязьму своими[295] и советники. А князь великий нача думати со княгинею Софиею, и возвратиша его, и даша ему великое княжение под собою, а князя Дмитрея поимаша и с материею княгинею Еленою»[296].

Я. С. Лурье, впервые введший в научный оборот известие о бегстве Василия в Вязьму, справедливо заметил, что «далеко не все в этом известии представляется ясным»[297]. Неясно несколько моментов: 1) местонахождение Свинского поля и Самьсова бора; 2) соотношение глагола «истравити» с местоимением «его»; 3) точная дата побега (месяц); 4) временно́е соотношение между намерением «его истравити» и бегством Василия в Вязьму, а также степень (наличие каких-то действий) и время (до или после побега) осуществления замысла, выраженного словами «хотев его истравити».

---

[294] АИ, т. I, № 111.

[295] Нельзя согласиться с новым словоразделением, предложенным Я. С. Лурье: «с воими и». Ранее Я. С. Лурье читал «своимии» (Я. С. Лурье. Первые идеологи..., стр. 99).

[296] Я. С. Лурье. Краткий летописец..., стр. 443.

[297] Я. С. Лурье. Первые идеологи..., стр. 99.

По мнению Я. С. Лурье, «Свинь или Свень — река в районе Брянска»[298]. Иное отождествление находим у Феннела, который предполагает, что «Самьсов бор»— это Самсонов луг под Москвой, неоднократно упоминаемый в духовных грамотах великих князей[299].

Современное состояние исторической географии не позволяет дать уверенного ответа на вопрос о местоположении Свинского поля и Самьсова бора.

Свинь (Свина, Свиная), упоминающаяся в летописных статьях середины XII в.[300],— речка, впадавшая в Десну под Черниговом, западнее р. Снови[301]. Кроме того, в летописях фигурирует г. Свинеск (в числе городов рязанских[302] и волынских[303]), с. Свинухи в Волынском княжестве[304], г. Свиноград в Подолии[305], Свинторог (Швинторог) — место при впадении р. Вильны в Велю[306], Свинорт в Новгородской земле, у р. Шелони[307].

Географических понятий, напоминающих выражение «Самьсов бор», в летописях нет (упоминаются город Самбор и Самборская епархия в Волынской земле[308]).

В актах Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. встречается название «Самсоново» (но не «Самьсово») и производные от него в Рузском, Новоторжском, Кашинском, Вологодском и Белозерском уездах[309]. Самсонов

---

298 Я. С. Лурье. Первые идеологи..., стр. 100.

299 J. Fennell. Op. cit., p. 341, note 1.

300 ПСРЛ, т. II, стр. 70, 81, 118; т. VII, стр. 58, 59, 66; т. IX, стр. 208; т. 20, первая половина, стр. 119; т. 23, стр. 41; т. 25, стр. 56, 57, 63; т. 28, стр. 33, 189.

301 Там же, т. 25, стр. 444; А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, стр. 221, 225, 230.

302 ПСРЛ, т. VII, стр. 241; т. 23, стр. 164.

303 Там же, т. 23, стр. 163.

304 Там же, т. II, стр. 80; т. VII, стр. 65; т. 25, стр. 62.

305 Там же, т. XVII, стб. 452.

306 Там же, стб. 235, 251, 261, 305, 314, 367, 374—375, 440, 493—494.

307 «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов». Под ред. и с предисловием А. Н. Насонова. М.—Л., 1950, стр. 239; ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 179; ср. А. Н. Насонов. «Русская земля»..., стр. 118, прим. 6.

308 ПСРЛ, т. II, стр. 361; т. V, вып. 1, стр. 16; т. VII, стр. 240; т. IX, стр. XIII, XV; т. XVII, стб. 112; т. XVIII, стр. 22; т. 23, стр. 163.

309 АФЗиХ, ч. II, стр. 265, 317; АСЭИ, т. II, стр. 663 (ср. стр. 642); т. III, стр. 618.

луг[310] тянул к с. Семчинскому[311], которое впоследствии, кажется, слилось с Москвой[312]. В Московском уезде отмечены дер. Свинкино, тянувшая к с. Иевлю (в волости Воре-Корзеневе)[313], и Свинкино озерко вблизи Тешиловских деревень (в районе московско-дмитровского рубежа)[314]. Свинуховский овраг упоминается в Рязанском княжестве[315].

В писцовых книгах XVI в. неоднократно попадаются «Свинки» и «Самсоновы» (не «Самьсовы») в разных уездах Русского государства[316].

Обращаясь к источнику второй половины XIX — начала XX в. — «Спискам населенных мест», мы находим пункты с названием «Самсоново», «Самсониха» и т. п. в губерниях Архангельской, Владимирской, Вологодской, Вятской, Калужской, Костромской, Нижегородской, Псковской, Рязанской, Смоленской, Тверской, Тульской, Черниговской, Ярославской[317], т. е. во всех тех губерниях, территория которых целиком или частично входила в состав русского государства конца XV в. В Черниговской губернии фигурируют еще Самбур, Самбор Великий и Самбор Малый, в Смоленской губернии — Самцово, Самцова. Названия типа Свинь, Свень, Свиная, Свинка, Свинкино, Свинухи, Свиненки, Свиная дуброва, Свиная гора, Свиная нога и др. имеются во всех указанных губерниях, кроме Архангельской и Тульской, а также в губерниях Курской, Минской, Московской, Орловской[318].

Отсутствие названия «Самьсов» в просмотренных нами историко-географических материалах XVI—XX вв.

---

310 ДиДГ, стр. 554.

311 Там же, стр. 58 и др.

312 В. Н. Дебольский. Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник, [I]. СПб., 1901, стр. 16.

313 АСЭИ, т. I, стр. 568.

314 ДиДГ, стр. 394.

315 АСЭИ, т. III, стр. 618.

316 «Писцовые книги Московского государства, издаваемые имп. Русским географическим обществом», ч. 1. Указатель. СПб., 1895; НПК, Указатель к первым шести томам (I—VI). Пг., 1915.

317 «Списки населенных мест Российской империи», I, VI, VII, X, XV, XVIII, XXV, XXXIV, XXXV, XL, XLIII, XLIV, XLVIII, L. СПб., 1861—1885.

318 «Списки населенных мест...», XX, XXIV, XXIX. СПб., 1862—1871; «Список населенных мест Минской губернии». Минск, 1909.

показывает, что это написание очень редкое и может быть даже принято за искаженное «Самьсонов». В любом случае едва ли правильно искать «Свинское поле», отвлекшись от «Самьсова бора», и наоборот. Когда Я. С. Лурье предлагает отождествлять Свинское поле с каким-то местом на Брянщине, он не учитывает отсутствия там названий «Самьсово», «Самсоново» и т. п. Дж. Феннел, видящий в «Самьсове бору» Самсонов луг под Москвой, не принимает во внимание, что рядом с этим лугом не удается найти признаков «Свинского поля».

Не имея здесь возможности выяснить случаи географической близости объектов с названием типа «Самсоново» и объектов с названием типа «Свиная», «Свень», «Свинка» и т. п., мы исходим из допущения (нуждающегося в дальнейшей проверке), что в «Самьсово» — не описка, а правильное написание. Тогда можно указать одно единственное (известное нам) сочетание искомых названий — в Самцовской волости Дорогобужского уезда Смоленской губернии, в районе между Вязьмой и Дорогобужем, к северу от Ельни. Тут на сравнительно небольшом расстоянии друг от друга находятся пункты «Самцово» («Самцова») и «Свинная» (Сенная» при рч. Свинке (Сенной) [319]. «Самцов» или «Самьсов» бор мог простираться с севера на юг до рч. Свинки. Конечно, предложенное отождествление не претендует на окончательное решение вопроса и носит гипотетический характер.

Обратимся к соотношению глагола «истравити» с местоимением «его». Я. С. Лурье не дает перевода фразы и не останавливается на значении глагола «истравити». Дж. Феннел переводит «истравити» как «опустошить» и относит это слово к «великому княжению»: «to lay it waste». Понимая абсурдность такой интерпретации, он пишет: «Между словами „великого княжения...“ и „...сам побежа“ есть непонятная фраза: „желая его опустошить (? истравити) на Свинском поле возме Самсова бору“» [320].

---

[319] «Сборник статистических сведений по Смоленской губернии», т. V. Дорогобужский уезд. Смоленск, 1889, карта в конце книги; «Смоленская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года». СПб., 1868, № 4963, 4964.

[320] J. Fennell. Op. cit., p. 341, note 1.

В словарях русского языка «истравить» переводится как истребить, извести, попортить, поранить, нанести урон и т. п.[321] В этом значении «истравити» великое княжение Василий не мог. Предполагать другое значение глагола «истравити» (а именно — получить, добиться) словари не дают оснований[322]. Лингвисты, с которыми консультировался автор настоящей работы, единодушно считают, что «его» относится не к великому княжению, а к великому князю Ивану. Понимать под «его» Василия нельзя, поскольку он в этом предложении выступает в качестве субъекта, а не объекта действия, другой же действователь не указан; кроме того, следующее предложение, где субъектом действия является Иван, начинается с противительного союза «а», т. е. действия Ивана противопоставляются предшествующим действиям Василия.

По мнению Г. И. Белозерцева (Институт русского языка АН СССР), в рассматриваемом тексте речь может идти как о попытке прямого покушения Василия или его агентов на жизнь Ивана III, так и о намерении нанести ему поражение, извести не в физическом, а в военно-политическом смысле (при втором варианте допускается, что сам Иван мог и не участвовать в сражении).

Попробуем теперь уточнить время бегства Василия. Я. С. Лурье относит выступление Василия к периоду войны с Литвой (начавшейся в мае 1500 г.): «Все это происходило в разгар военных действий как раз в том районе, куда отправился недовольный княжич»[323].

Размышляя о дате и причинах бегства Василия, Феннел говорит: «Даже „7008" год — слишком неопределен-

---

321 И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 1. СПб., 1893, стр. 1153; В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. II. СПб.— М., 1881, стр. 62; «Опыт областного великорусского словаря». СПб., 1852, стр. 76; «Дополнение к Опыту областного великорусского словаря». СПб., 1858, стр. 74; рукописные картотеки для словаря древнерусского языка: 1) составленная под руководством С. Г. Бархударова; 2) составленная под руководством Р. И. Аванесова (Институт русского языка АН СССР).

322 Нами были выборочно просмотрены также специальные работы, где приводятся местные слова и местные значения слов (по библиографическому списку, содержащемуся в кн.: Ф. П. Филин. Словарь русских народных говоров, вып. 1. М.—Л., 1965, стр. 21—99), однако о глаголе «истравити» ничего найти не удалось.

323 Я. С. Лурье. Первые идеологи..., стр. 100.

ная дата, чтобы ее использовать, ибо между сентябрем 1499 и сентябрем 1500 гг. произошло так много важных событий — отъезд [в Россию] западнорусских князей, секуляризация новгородской церковной собственности, объявление войны Литве и попытки Стефана Молдавского сохранить мир,— что невозможно оценить истинное значение бегства Василия, не зная точно, когда оно имело место. Было ли оно связано с переходом Бельского, Можайского и Шемячича [на сторону Ивана III]? Не согласились ли эти князья поступить на русскую службу только после того, как Василий был „возвращен" из Вязьмы и снова стал пользоваться милостью [отца]? Не решил ли Василий бежать накануне объявления войны Литве наподобие того, как братья Ивана III „отъехали" накануне вторжения Ахмата, выбрав наиболее затруднительный для великого князя момент? На все эти и многие другие вопросы нельзя, к сожалению, ответить из-за отсутствия точных данных»[324].

В другом месте своей работы Феннел более всего связывает бегство Василия с секуляризацией церковно-монастырских земель в Новгороде: «Хотя это [мероприятие] было осуществлено „по благословению митрополита Симона", оно могло быть истолковано если не как триумф еретической партии, то, по крайней мере, как поражение Геннадия и Иосифа Волоцкого, а косвенно — Софьи и Василия.

Результатом всех этих событий явилось... бегство Василия в 1500 г.»[325]

Мы бы не связывали столь определенно бегство Василия с новгородской секуляризацией по трем причинам. Во-первых, Василий не был убежденным сторонником сохранения церковно-монастырской собственности[326], хотя в данном случае, наверное, поддерживал Геннадия как своего политического союзника; во-вторых, дата новгородской секуляризации не установлена уверенно: январь 1499 г. или январь 1500 г.[327]? В-третьих, из источ-

[324] J. Fennell. Op. cit., p. 341.

[325] Ibid., p. 352.

[326] В 1503 г. он поддержал секуляризационные планы Ивана III (Ю. К. Бегунов. «Слово иное» — новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением церкви.— «Труды ОДРЛ», т. XX. М.—Л., 1964, стр. 351).

[327] В Никоновской летописи известие об этом приведено внутри статьи 7007 г., но после сообщения о возвращении воевод из

ников можно заключить, что после января 1500 г. Василий еще в течение довольно продолжительного периода времени находился в Москве.

После известия от 27 января 1500 г. Псковская I летопись сообщает, что «тоя же зиме» Иван III прислал в Псков своего посла с требованием поставить вооруженную силу для намечавшейся войны с Литвой. «И псковичи не ослушалися великих князей Ивана Васильевича и Василья Ивановича...»[328]. Следовательно, еще в январе — феврале Василий сохранял свои позиции, по крайней мере формально. Но уже к официальному открытию военных действий он не имел отношения. В Новгородской II летописи под 7008 г. читаем: «Посылал князь велики Иван Васильевич и внук его князь велики Дмитрей Ивановичь воеводы свои и князи на великого князя Александра Литовского...»[329]. Посылка воевод датируется в других сводах 3 мая 1500 г.[330] В это время на сцене и появляется вновь Дмитрий-внук.

Итак, Василий бежал, очевидно, после февраля, но не позже начала мая 1500 г.

Югорской земли в 7008 г.: «...И приидоша на Москву... лета 7008, марта. Того же (?) лета... поимал князь великий... в Новегороде в Великом церковные земли за себя...» (ПСРЛ, т. XII, стр. 249). В Архивском 2-м списке Псковской 3-й летописи то же известие помещено в конце статьи 7007 г., с указанием месяца («генваря»), но после сообщения о наречении Василия великим князем и отправке воевод в Югорскую землю (март 1499 г.) и перед статьей 7008 г. о посылке воевод в Литовскую землю (май 1500 г.); можно допустить, что здесь имеется в виду январь 7008, а не 7007 г. (см. «Псковские летописи», вып. II. Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955, стр. 252). В исторической литературе нет обоснованного ответа на вопрос, когда была произведена эта секуляризация. Я. С. Лурье сначала называл 1500 г. (Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Указ. соч., стр. 201), затем 1499 г. (Я. С. Лурье. Идеологическая борьба..., стр. 244, 403), Н. А. Казакова и А. И. Клибанов указывают 1500 г. (Н. А. Казакова. Борьба против монастырского землевладения на Руси в конце XV — начале XVI в.— «Ежегодник Музея истории религии и атеизма», т. II. М.— Л., 1958, стр. 157; А. И. Клибанов. Указ. соч., стр. 224, 225), Дж. Феннел — 7008 г. (J. Fennell. Op. cit., p. 341) и конец 1499 г. (ibid., p. 352), А. А. Зимин — 1499 г. (А. А. Зимин. Основные проблемы..., стр. 103).

328 «Псковские летописи», вып. 1, стр. 84.

329 ПСРЛ, т. 30, стр. 172.

330 Там же, т. VI, стр. 45, 243; т. VIII, стр. 239; т. XII, стр. 252; т. 20, первая половина, стр. 371; т. 26, стр. 293; т. 28, стр. 333.

Нам кажется, что время бегства Василия можно еще больше уточнить. Посольство Енса Андерсена («каплана Ивана») прибыло в Москву в феврале, а отбыло 2 апреля 1500 г., вместе с русским посольством в Данию [331]. Согласно скибской хронике, датские послы от имени короля Ханса сделали Ивану III весьма обнадеживающее заявление относительно женитьбы Василия на принцессе Елизавете и были отпущены с великой честью [332].

Естественно предположить, что во время пребывания датского посольства в Москве, т. е. с февраля по 2 апреля 1500 г., Василий присутствовал на церемониях их приема и в какой-то мере участвовал в переговорах с ними как заинтересованное лицо. Следовательно, его бегство могло состояться, скорее всего, между 2 апреля и началом мая 1500 г.

Бегство Василия именно в Вязьму объясняется, повидимому, тем, что это был пограничный город, недавний литовский удел [333], и, кроме того, на Вязьму Василий имел, возможно, какие-то владетельные права. В жалованной грамоте Ивана III 1504 г. «окольничему» Н. П. Сатину (о степени подлинности ее текста см. ниже) обращает на себя внимание выражение: «в Вязме, своею великих князей Слинковою слободою» [334]. Здесь проступает намек на совместное управление Вязьмой «великих князей» (Ивана III и Василия Ивановича). В посольских книгах сношений с Литвой — единственном источнике русского происхождения, где часто упоминается Вязьма 90-х годов XV в., нет никаких намеков на существование двойного управления этим городом и уездом в 1494— июне 1499 гг. [335] Сведений о Вязьме за июль 1499— январь 1501 гг. в посольских книгах вообще не имеется [336]. Можно высказать догадку, что Василий был приобщен к управлению Вязь-

[331] ПСРЛ, т. VI, стр. 44, 243; т. VIII, стр. 238; т. XII, стр. 250; т. 20, первая половина, стр. 369; т. 28, стр. 332—333.

[332] «Monumenta Historiae Daniae», I, s. 22, 409; LEKUB, 2-te Abt., Bd. 1, S. 623, Anm. 2.

[333] Я. С. Лурье. Первые идеологи..., стр. 100; J. Fennell. Op. cit., p. 341.

[334] АСЭИ, т. III, № 186.

[335] «Сб. РИО», т. 35, стр. 152, 153, 155, 194, 199, 229, 231, 257, 259, 260, 263, 264, 276, 278.

[336] Они появляются с февраля 1501 г. («Сб. РИО», т. 35, стр. 325 и др.).

мой в конце июля — августе 1499 г. в связи с получением прав на Новгород и в целях наглядной демонстрации великому князю литовскому полного политического единодушия внутри московского великокняжеского семейства.

К Вязьме относятся еще два известия летописных источников: 1) Иван III послал к Александру с разметной грамотой «Афанаса Шеенька вязметина» (жителя Вязьмы) [337]; 2) согласно свидетельству Устюжского летописного свода, «князь великий литовский Александр послал рать к Вязме» [338].

Первое известие дает как будто основания думать, что Иван III знал о бегстве Василия в Вязьму: послав с разметной к литовскому великому князю «вязметина», он, возможно, хотел показать, что Вязьма верна ему, Ивану, и что Литве нечего рассчитывать на отпадение Вязьмы от Москвы.

Второе известие еще более интересно, но нуждается в тщательной источниковедческой проверке.

В существующей литературе нет удовлетворительного анализа военных действий русской и литовской армий в 1500 г. Показания же источников довольно противоречивы. Общую картину расстановки русских сил дал Герберштейн. Согласно его описанию, первый отряд был направлен на юг против Северской земли, второй на запад — против Торопца и Белы (Белого), третий находился посредине и был обращен против Дорогобужа и Смоленска [339].

Большинство летописных сводов начинает с сообщения о действиях южной группы войск под командованием воеводы Якова Захарьича, который двинулся из Москвы 3 мая, взял Брянск, затем по ходу дальнейшего продвижения привел к присяге северских князей (С. И. Можайского и В. И. Шемячича) и 6 августа 1500 г. занял Путивль. Затем говорится о действиях войск центрального направления под командованием Юрия Захарьича, посланного Иваном III «тоя же весны» к Дорогобужу. После

---

[337] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 532; т. VI, стр. 45, 243; т. VIII, стр. 239; т. XII, стр. 252; т. 20, первая половина, стр. 370; т. 26, стр. 293; т. 28, стр. 333.

[338] «Устюжский летописный свод», стр. 101.

[339] С. Герберштейн. Записки о московитских делах. Введение, перевод и примечания А. И. Малеина. СПб., 1908, стр. 13—14.

захвата Юрием Дорогобужа великий князь литовский послал против него большое войско во главе с воеводами князем Константином Острожским, паном Григорьем Остюковичем, маршалком Литоваром. Иван III в свою очередь отправил на помощь Юрию боярина Данила Васильевича Щеню «со тверскою силою». Русские и литовские войска сошлись 14 июля 1500 г. «на Миткове поле на речке на Ведроши», где русские одержали победу и взяли в плен названных литовских воевод[340].

Типографская летопись и Владимирский летописец дополнительно указывают в южной группе войск особый отряд под командованием служебного татарского хана Мухаммед-Эмина и подчиненных ему воевод Федора и Ивана Палецких (Герберштейн ошибочно считал Мухаммед-Эмина начальником всей южной группы войск[341]). В числе взятых на юге городов эти летописи называют, кроме Брянска и Путивля, Почап, Радогощ, Любец. Наконец, здесь дается более полный перечень литовских вельмож, попавших в плен при Ведроше[342].

Вологодско-Пермская летопись прибавляет известие о количестве «убиеных литвы и ляхов» и о взятии г. Торопца (без даты)[343].

Особняком стоит большая статья Ермолинской летописи, где читаем: «В лето 7008. Бысть бой с Литвою великого князя Ивана Васильевича воеводам, князю Данилу Васильевичу Щеняти, да Юрью Захарьичу, да князю Петру Васильевичю Оболенскому, да князю Михаилу Феодоровичю Микулинскому, князю Иосифу Дорогобужскому, князю Феодору Васильевичю Телепню Оболенскому и иным многим воеводам, а с ними были князи и бояре и дети боярские из Московскиа земли и из Тферскиа, с великого князя литовскаго Александра воеводами, с князем Констянтином Иваовичем с Остроцким, до з Григорьем Евстикувичем, да с Юрьем Зиновьевичем, да с Лютором и с инеми многими воеводами, и великого князя двор из Вилны и из Подолиа и из Волынские земли, а из Смоленска воевода Ян Станислав, а с ним многиа

[340] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 533; т. VI, стр. 45—46, 243; т. VIII, стр. 239—240; т. XII, стр. 252; т. 20, первая половина, стр. 371; т. 22, ч. 1, стр. 514; т. 26, стр. 293; т. 28, стр. 333—334; С. О. Шмидт. Указ. соч., стр. 273—274.

[341] С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 214.

[342] ПСРЛ, т. 24, стр. 214; т. 30, стр. 139.

[343] Там же, т. 26, стр. 294.

воеводы и вси смолняне лучшие люди, на реце на Полме». Далее говорится о победе русского войска, пленении «болших воевод» и т. д.

После этого летописец обращается к событиям, происшедшим «тогда же наперед», и дает наиболее подробный, отсутствующий в других летописных сводах рассказ о действиях южной группы войск под командованием Мухаммед-Эмина и Якова Захарьича. Затем идет столь же уникальное по сведениям известие о взятии Дорогобужа: «Того же лета князь великий посылал своих воевод Юрьа Захарьича, князя Петра Васильевича Оболенского, князя Федора Васильевича Телепня, князя Ивана Перемышльскаго да Ивана Шадру с многими людми на град Дорогобужь. Они же шедше, град Дорогобужь взяша и людей всех дорогобужцев к целованью приведоша за великого князя».

Заканчивается все это описание военной эпопеи 1500 г. рассказом о взятии Торопца [344].

В середине статьи 7008 г. Ермолинской летописи нарушена хронология событий, в чем признается и сам летописец, употребляя выражение «тогда же наперед». Взятие Дорогобужа произошло, по всей видимости, раньше битвы на р. Полме. Сравним приведенный в Ермолинской летописи состав русских воевод, участвовавших во взятии Дорогобужа и в битве на Полме.

Воеводы	
при взятии Дорогобужа	в битве на р. Полме
	Данила Васильевич Щеня
Юрий Захарьич	Юрий Захарьич
Петр Васильевич Оболенский	Петр Васильевич Оболенский
	Михаил Федорович Микулинский
	Иосиф Дорогобужский
Федор Васильевич Телепень	Федор Васильевич Телепень Оболенский
Иван Перемышльский	
Иван Шадра	

Мы знаем из большинства других летописей, что Дан. Вас. Щеня прибыл на помощь Юрию Захарьичу после взятия последним Дорогобужа, когда стало известно, что

[344] ПСРЛ, т. 23, стр. 196—197.

к Дорогобужу идет литовское войско во главе с князем К. И. Острожским. Таким образом, хронологическое соотношение взятия Дорогобужа и битвы на р. Полме становится вполне ясным: Дорогобуж был взят до указанной битвы.

Сомнение вызывает то место рассказа Ермолинской летописи, где описывается исход битвы на р. Полме: пленение литовских «болших воевод» и привод их в Москву. В качестве больших воевод, участвовавших в этом сражении, в Ермолинской летописи ранее названы К. И. Острожский, Григорий Евстикувич и др. В ряде летописных сводов, как уже говорилось, сообщается, что они были взяты в плен после разгрома литовских войск на р. Ведроше. Встает вопрос: Полма или Ведроша?

Еще больше запутывает дело известие Устюжского летописного свода. Под 7009 г. здесь рассказано: «Князь великий литовский Александр послал рать к Вязме: воеводу Костентина Ивановичя Острожского, а с ним много князей литовских и панов служивых, а с ними силы много»; узнав об этом, Иван III послал «противу его» воеводу Данила Васильевича (Щеню), оба войска сошлись у р. Тросны «и стояша много дни», после чего произошло кровопролитное сражение, литовцы бежали, князь К. И. Острожский и другие воеводы были взяты в плен. В Устюжском своде приводятся уникальные сведения о ходе битвы и позднейшем содержании в плену литовских воевод [345].

Конечно, дата этого известия — 7009 г.— неправильная, ибо уже после 14 июля 1500 г. (битва при Ведроше) К. И. Острожский находился в русском плену. Значит, сражение на Тросне имело место в 7008 (1500) г. Устюжский летописный свод вообще отличается несколько смещенной хронологией в известиях конца XV в.

Однако суть дела состоит не в дате, а в появлении еще одной битвы, результатом которой было пленение К. И. Острожского,— битвы на Тросне. Сколько раз мог этот воевода попадать в плен, отправляться в заточение в глухие районы северной России и снова участвовать в битвах? Опять-таки встает вопрос: Тросна или Ведроша?

Обратимся к Разрядным книгам. В Краткой редакции Разрядных книг записи о русско-литовской войне начина-

[345] «Устюжский летописный свод», стр. 101.

ются под 7008 г. с разряда войск северо-западного направления (воеводы Федор и Иван Борисовичи Волоцкие, новгородский наместник Андрей Федорович Челяднин и др.); затем идет разряд войск южного фронта (воеводы Яков Захарьич, Иван Михайлович Репня и др.), после чего расписан состав войск центрального фронта (воеводы Юрий Захарьич, Иван Шадра Вельяминов и др.). Следующая запись гласит: «Того же лета посылал князь великий в Литовскую землю князя Семена Ивановича Стародубского да князя Василья Ивановича Шемячина, да с ним воевод своих, князя Данила Васильевича Щеня да Якова Захарьича и иных воевод. И они ходили к Рословлю и к Ельне, и бой им был на Ведрошке» [346].

В указанном далее разряде войск, участвовавших в Ведрошской битве, нет, однако, имени Якова Захарьича, который, как известно, воевал на юге и 6 августа занял Путивль. В Разрядной книге имеется лаконичное замечание: «а иные воеводы еще не сошлися» [347]. Русские летописи не отмечают участия Якова Захарьича в Ведрошском сражении.

В Разрядной книге Пространной редакции под 7007 г. говорится: «Того же году ходили воеводы в Литовскую землю на короля Александра Литовского, Яков Захарьич, изо Твери князь Данило Васильевич Щеня, а из Новагорода Андрей Федорович Челяднин, изо Пскова князь Александр Володимерович Ростовской, и был им бой с литовскими людьми на р е к е н а П о л м е н е в Т и ш и н о в е, и Литву побили и воевод литовских поимали» [348]. В другом списке [349] вместо слов «Полмене в Тишинове» читаем «Полме на поле в Тишнове».

«7007» год нас не должен смущать, ибо, во-первых, дальше под тем же годом рассказывается о переходе на службу к Ивану III князей Можайского и Шемячича, а это произошло в 7008 г., во-вторых, в известии о сражении на Полме Ермолинская летопись указывает 7008 г. Зато состав воевод, перечисленных в Разрядной книге,

[346] «Разрядная книга...», стр. 30, л. 29 об.
[347] Там же, стр. 31, л. 30.
[348] ГПБ, Эрмит. 390, л. 20.
[349] ГИМ, Щук. 496 (пользуюсь случаем выразить благодарность В. И. Буганову, предоставившему в мое распоряжение машинописный текст публикации Разрядной книги Пространной редакции).

вызывает большие сомнения. Здесь фигурируют командующие войсками всех фронтов — северо-западного, центрального и южного, хотя факт их объединения не подкрепляется другими источниками (лишь Новгородская II летопись содержит аналогичное известие, относя сражение к району Смоленска [350]). Более достоверно, значит, сообщение Ермолинской летописи, называющей участниками сражения на Полме воевод центрального (дорогобужского) направления. В то же время в Пространной редакции Разрядной книги, наряду с известием о битве на Полме, имеется известие о битве на Ведроше.

В хронике Быховца указывается, что великий князь Александр послал К. И. Острожского и других к Смоленску после получения известия о взятии Брянска войсками Якова Захарьича и переходе на русскую службу князей Можайского и Шемячича [351]. В Смоленск пришла весть, будто Юрий Захарьич стоит на Ведроше с очень небольшим войском. Тогда К. И. Острожский двинулся в направлении Дорогобужа, но, очевидно, желая приступить к нему с юга, остановился в Ельне. Пойманный литовцами язык, по имени Герман, сообщил, что до недавнего времени Юрий Захарьич располагал небольшим войском, «treteho że dnia» («третьято же дня») к нему на помощь пришли другие большие воеводы — Дан. Вас. Щеня и Ив. Мих. Перемышльский. Литовские воеводы не поверили языку и решили дать бой. Пройдя деревню Лопатино и не дойдя две мили до деревни Ведроши, они узнали, что русские ожидают их на Ведроше (далее следует описание сражения) [352]. Аналогичные сведения содержатся в хрониках Стрыйковского и Бельского, только в них вместо Юрия Захарьича по ошибке фигурирует во всех случаях Яков Захарьич [353].

Таков известный нам круг источников, характеризующих действия войск дорогобужского направления.

Для выяснения вопроса о Полме, Тросне и Ведроше необходимо представить себе их расположение на карте.

---

[350] ПСРЛ, т. 30, стр. 172—173.

[351] Там же, т. XVII, стб. 558; «Хроника Быховца». Предисловие, комментарии и перевод Н. Н. Улащика. М., 1966, стр. 111.

[352] ПСРЛ, т. XVII, стб. 559—560; «Хроника Быховца», стр. 111—113.

[353] «Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiéj Rusi, Macieja Stryikowskiego», t. II. W-wa, str. 309—310; «Kronika Marcina Bielskiego», t. II. Sanok, 1856, str. 907—908.

Во многих справочниках Ведрошу называют притоком Днепра, впадающим в него близ Дорогобужа[354]. Наиболее проверенные данные находим у Н. Н. Улащика[355].

Действительно, юго-западнее Алексина расположена деревня Лопатино[356], очевидно, тождественная Лопатину, упомянутому в хрониках Быховца, Стрыйковского и Бельского. Между Лопатином и Алексином по прямой больше 10 км, а дорога могла занимать и около 15 км. Это соответствует указанию хроник о том, что от Лопатина до деревни Ведроши 2 мили пути лесом (литовская миля XVI в. равнялась 5 литовским или 7,28 русским верстам[357]).

В экономических примечаниях и атласах Генерального межевания имеются прямые показания о Ведроше: 1) «Алексино Ведроши тож»[358]; 2) «Селы Громова и Ведроши с селцом (Алексиным) з деревнями». В селе (погосте) Ведроши имелась деревянная церковь Георгия Победоносца[359] (построенная, вероятно, в честь Ведрошской победы). Этот погост был ограничен с севера р. Селней, с запада — впадающим в Селню безымянным ручьем, который следует отождествить с речкой Ведрошей; несколько восточнее Ведроши Селня впадает в Росну (Расну), а чуть южнее устья Селни в Росну впадает Полна, протекающая вблизи погоста Ведроши[360]. Видимо, Росна — «Тросна» Устюжского летописного свода[361]; Полна — Полма Ермолинской летописи и Пространной редакции Разрядной книги.

---

354 «Указатель к первым осьми томам ПСРЛ», отд. II. СПб., 1907, стр. 27; ПСРЛ, т. XIV, вторая половина, стр. 182; «Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона», 10, стр. 700; БСЭ, изд. 2-е, т. 7, стр. 95; см. также S. Herbst. Bitwa nad Wiedroszą 1500 roku.— «Wieki średnie». W-wa, 1962, str. 280.

355 «Хроника Быховца», стр. 137, прим. 213.

356 «Специальная карта Европейской России», л. 44. СПб., 1912.

357 «Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона», 37, стр. 324.

358 ЦГАДА, ф. 1355, № 1483, л. 1; ф. 1356, Смоленская губ., № 35, 37а. Но Алексино на левом (северном) берегу Селни, а Ведроши — на правом (южном); см. сн. 360.

359 Там же, ф. 1355, № 1479, л. 7 об., § 63; № 1480, лл. 50 об.— 52 об., § 63; № 1482, лл. 7 об.— 8, § 63; № 1485, л. 7, § 63; № 1486, л. б/н, § 63; ср. № 1481, лл. 18 об.— 19 об., § 63 (110).

360 Там же, ф. 1356, Смоленская губ., № 33, 34.

361 Для жителя Северо-Восточной Руси написание «Тросна» было более привычным, чем «Росна». Речка Тростьна (Тростная, Тростенка) имелась в районе Рузы — Звенигорода («Указатель к

Вероятно, готовясь к встрече с литовцами, русские воеводы выслали часть войск за р. Ведрошу, в направлении к западу от Ведроши, основные же силы были сконцентрированы, по-видимому, восточнее реки Ведроши. Отступление передового отряда русских на восточный берег Ведроши привело к спешной переправе туда же литовского войска, и бой был продолжен[362].

Сравним далее тексты хроники Быховца и Устюжского летописного свода.

Хроника Быховца	Устюжский свод
«Москвичи думали, что литовцы идут на них из леса с большой силой и что они так смело идут, надеясь на свою силу, и оттого не рисковали с ними биться смело, и едва не побежали все, но затем увидели, что уже все вышли в поле, что литовцев немного. Литовского войска было не больше, чем три с половиной тысячи конных, кроме пеших, а москвичей было сорок тысяч хорошо вооруженных конных, кроме пеших, и, видя мужественное и смелое наступление такого небольшого литовского войска, удивлялись, а потом, когда увидели всех, москвичи все единодушно и крепко пошли навстречу им. Литовцы же бились, но увидев, что москвичей много, а их мало, не могли более стоять перед ними и побежали. Москвичи же погнались за ними, многих побили, а других живыми забрали.	«И сретошася обои полки о реце о Тросне, и стояша много дни, и последи литва перелезли по мосту за Тросну. И ступишася обои полцы на бою, и бишася до шти часов обои полцы; имающеся за руки, сечахуся. И по удолиям яко река, в трупу конь не скочит. И поможе бог великому князю Ивану Васильевичу и воеводе его князю Данилу Васильевичу и всей силе московской. А литва побеже, и мало их утече за Тростну за реку, зане же великаго князя сила пешая зашли да мост посекли на Тростне. И много в реце истопе.
Тогда был взят в плен гетман князь Константин Иванович Острожский»...[363]	А воеводу болшаго литовскаго, князя Коньстянтина Острожского, поимали»...[364]

первым осьми томам ПСРЛ», отд. II. СПб., 1907, стр. 484; ПСРЛ, т. XIV, вторая половина, стр. 260; АФЗиХ, ч. II, № 78, стр. 76, № 347, стр. 380; АСЭИ, т. III, № 54, стр. 82). Другая Тросна отмечена источниками в Городском стане Козельского уезда (АФЗиХ, ч. II, № 400, стр. 448).

[362] ПСРЛ, т. XVII, стб. 559—560; «Хроника Быховца», стр. 12.

[363] «Хроника Быховца», стр. 112—113; ср. ПСРЛ, т. XVII, стб. 560.

[364] «Устюжский летописный свод», стр. 101.

Можно думать, что, переправившись через Ведрошу, литовцы вели бой не с основными силами русских, а с остатками передового отряда, не успевшими отойти к основным полкам. Последние стояли, скорее всего, за рекой Тросной. Не случайно, говоря о битве при Тросне, Устюжский свод оперирует именем только одного воеводы — Данилы Васильевича: именно он являлся в это время командующим и возглавлял «большой полк»[365].

Сравнение хроник с Устюжским летописным сводом позволяет сделать вывод, что после отхода части русских войск от Ведроши наступил какой-то значительный перерыв в военных действиях («стояша много дни», по словам Устюжского свода). По-видимому, разгром литовского войска состоялся на восточном берегу р. Тросны, куда «литва перелезли по мосту». Остатки литовского войска побежали «за Тростну» — вероятно, на юго-запад, но были добиты на р. Полме, где, надо полагать, и удалось взять в плен литовских воевод.

Предложенное объяснение хода военных действий 1500 г. является не более, чем гипотезой. На данной стадии исследования эта гипотеза удовлетворяет нас, поскольку она примиряет противоречия различных источников и показывает, почему, упоминая или повествуя о сражениях на Ведроше, Тросне и Полме, каждый источник считает конечным результатом пленение литовских воевод: все эти три сражения были этапами одной большой битвы. Понятным становится также вынесение на передний план известия о сражении при Полме в Ермолинской летописи и Пространной редакции Разрядной книги: Полменская операция завершала разгром литовского войска.

Мнение, что Ведроша — река, впадающая в Днепр западнее Дорогобужа, основано, по-видимому, на домысле. Согласно большинству летописных сводов, К. И. Острожский шел из Литвы к Дорогобужу, и сражение произошло под Дорогобужем. Отсюда, как можно думать, и возникло предположение о местонахождении Ведроши западнее Дорогобужа. В действительности же, по свидетельству хроник, косвенно подтверждающемуся разрядами, Острожский пошел на Дорогобуж не прямо из Смоленска, а из Ельни. Если бы при этом русские войска

[365] «Разрядная книга...», стр. 30; К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 453—454.

сосредоточились где-то западнее Дорогобужа, весь город оказался бы полностью незащищенным с юга, откуда двигалось литовское войско. Ст. Хербст помещает р. Ведрошу между безымянным ручьем на востоке и р. Ужей на западе, однако в атласах XVIII — начала XIX в. в этом районе указаны лишь следующие левые притоки Днепра (с востока на запад): Серебренка, Искожа, Черногрязья, Хатычка, Ужа. Среди притоков Искожи, Хатычки и Ужи — Ведроши тоже нет. Нет здесь и признаков Тросны, Полмы, Лопатина [366].

В связи с Ведрошской битвой в обеих редакциях Разрядных книг говорится о походах русских воевод к Рославлю и Ельне: «И они ходили к Рословлю (в Пространной редакции — „Ростиславлю") и к Ельне, и бой им был на Ведрошке» [367].

Под «Рословлем» надо понимать, скорее всего, Рославль, расположенный к югу от Ельни, тем более, что в Пространной редакции он фигурирует в старинном написании «Ростиславль». Это отождествление наиболее вероятное, но не единственное, ибо еще один «Рословль» удается найти в Дорогобужском уезде на речке Рословке, протекающей несколько юго-восточнее речки Свинной (Сенной) [368], где, по нашему предположению, находилось Свинское поле. Так или иначе, но можно думать, что на Свинском поле состоялось какое-то столкновение войск, поддерживавших Василия, с частью войск Ивана III. Василий мог опираться только на литовские войска; его бегство из Москвы «с воими», как уже говорилось, мало вероятно (и с грамматической точки зрения выражение «с воими» трудно допустимо: скорее было бы «с вои»). Правда, не исключено, что в Вязьме к нему примкнула какая-то часть местного гарнизона и местных феодалов с их вооруженными слугами.

В словах Устюжского летописного свода об отправке литовским великим князем рати (К. И. Острожского)

---

[366] S. Herbst. Op. cit., str. 280; ЦГАДА, ф. 1356, Смоленская губ., № 34, 35.

[367] «Разрядная книга...», стр. 30; ГПБ, Эрмит. 390, л. 22 (по машинописи, предоставленной мне В. И. Бугановым).

[368] «Смоленская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г.» СПб., 1863, № 4700; ср. № 4699; «Специальная карта Европейской России», л. 44. СПб., 1912. Деревня Рословль была и в XVIII в. (ЦГАДА, ф. 1356, Смоленская губ., № 33—37а).

«к Вязме» мы видим отражение определенного стратегического плана. Острожский, возможно, послал отряд на соединение с Василием и его людьми. Столкновение этого объединенного отряда с русским войском на Свинском поле окончилось поражением Василия, который попал в Москву, вероятно, уже в качестве пленного.

Итак, мы принимаем вторую (не буквальную) трактовку того места Краткого летописца Лурье, где говорится о намерении Василия «его (Ивана III.—*С. К.*) истравити на поле на Свинском у Самьсова бора»: дело заключалось в попытке Василия одержать победу над войсками Ивана III.

В пользу такого понимания свидетельствует ряд соображений: 1) если бы Василий покушался непосредственно на жизнь Ивана III, едва ли последний решился бы его простить и вновь назначить великим князем; 2) само упоминание в тексте «поля» показывает, что речь идет о боевом поле — месте сражения (ср. «Митково поле» в районе Ведроши, «поле в Тишнове» у реки Полмы); 3) вероятность какого-либо сражения между Василием и Иваном III во внутренних районах России исключается: а) у Василия не было собственного войска; б) здесь не отыскивается примерный район расположения Свинского поля и Самсова бора; 4) предположительное отнесение Свинского поля к Самцовской волости Дорогобужского уезда укладывается в независимо от этого предположения воссозданную картину военных действий. Столкновение на Свинском поле могло произойти в период стояния основных войск на Тросне, когда литовцы особенно стремились найти помощь и, возможно, отправили отряд к Вязьме на соединение с Василием, но были разбиты вместе с ним на Свинском поле подоспевшим русским войском. Место, куда мы предположительно относим Свинское поле, находилось сравнительно недалеко от места сражения при Ведроше — северо-восточнее деревни Алексина.

Таким образом, временно́е соотношение событий в тексте Краткого летописца представляется в следующем виде: Василий, желая великого княжения, хотел добиться поражения Ивана. Он побежал со своими советниками в Вязьму. Сражение между поддерживавшими его войсками и войсками Ивана III произошло на Свинском поле у Самьсова бора.

12 апреля 1500 г. в Москву из Литвы приехал князь С. И. Бельский, перешедший на русскую службу. Измена С. И. Бельского настолько встревожила Александра, что он прислал по этому поводу к Ивану III специальное посольство, которое возглавлял смоленский наместник Станислав Петряшкович Кишка [369]. Это посольство прибыло в Москву 23 апреля 1500 г. Александр признавал за Иваном III титул великого князя «всея Руси», но предъявлял ряд претензий, на которые Иван III ответил отказом [370–371]. В апреле 1500 г. в Москву приехали послы С. И. Можайского и В. И. Шемячича. Вопрос о войне с Литвой был окончательно решен [372].

Можно предположить, что имел место какой-то сговор между Василием и послом литовского великого князя — смоленским наместником Станиславом Петряшковичем, т. е. бегство состоялось в самом конце апреля — начале мая 1500 г. Возвращен же был Василий, наверное, к августу, после разгрома литовских войск.

Основной причиной бегства Василия было, по-видимому, отстранение молодого князя от участия в управлении Новгородской землей. После августа 1499 г. нет никаких признаков его владетельной роли в отношении Новгорода. Вместе с тем участие Василия в выдаче антивладычных грамот новгородским монастырям поставило его в ложное положение и в глазах Геннадия. Сватовство к датской принцессе в феврале—марте 1500 г. могло укрепить надежды Василия на реальное получение Новгорода в великое княжение.

Однако эта надежда оказалась весьма шаткой. 5 февраля 1500 г. в королевском замке в Киле состоялась заочная помолвка 14-летней принцессы Елизаветы, которую представлял король Ханс, ее отец, с 16-летним курфюрстом Бранденбургским Иоахимом I [373]. Аллен считает, что

---

[369] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 532; т. VI, стр. 45, 243; т. VIII, стр. 239; т. XII, стр. 251; т. 20, первая половина, стр. 370; т. 26, стр. 293; т. 28, стр. 333.

[370–371] «Сб. РИО», т. 35, № 64.

[372] К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 451.

[373] C. F. Allen. Elisabet, Prindsesse af Danmark, Kurfyrstinde af Brandenborg. Kbh., 1855, s. 5 (знакомством с этой книгой я обязан любезности проф. Р. Э. Ф. Смита, Д. Торнера и Р. Кюрьеля); F. Wagner. Der Schatz der Kurfürstin Elisabeth von Brandenburg.—«Hohenzollern-Jahrbuch», VI. Berlin—Leipzig, 1902, S. 70—71;

срочность помолвки определялась стремлением закрыть дорогу дальнейшим русским предложениям, ибо женитьба Василия на Елизавете могла вызвать у шведов, датского духовенства и папы недовольство политикой Ханса[374]. Как предполагает названный автор, посольство Енса Андерсена в Москве должно было извиниться за задержку брака, ссылаясь на очень юный возраст принцессы[375]. Тем временем Ханс пытался на деле поставить крест на этом сватовстве.

В скибской хронике говорится, что датским послам грозило поплатиться свободой, если не жизнью, в случае, если бы слухи об обручении Елизаветы дошли до России в период, когда посольство находилось еще там[376]. Не знаем, получил ли Василий соответствующую информацию до своего бегства в Вязьму, т. е. в апреле 1500 г. Получение ее, конечно, могло повлиять на решение князя. С потерей надежды на новгородское великое княжение Василий оказывался заинтересованным в сближении с великим князем литовским, который был союзником Стена Стуре и его «партии», следовательно,— врагом датского короля.

Но поведение Василия обусловливалось в первую очередь спецификой внутреннего положения России в 1499—1500 гг. Как уже отмечалось выше, отдельные исследователи (Я. С. Лурье, Дж. Феннел и др.) считают, что в 1499 г. произошло лишь некоторое уменьшение власти Дмитрия, своеобразное разделение власти между Дмитрием и Василием, нечто вроде уступки Василию титула князя новгородского и псковского и сохранение за Дмитрием титула князя владимирского и московского[377]. Это построение вызывает у нас возражения. Во-первых, мы знаем о фактическом отстранении Дмитрия к 1499 г. от участия в делах внутреннего управления. Во-вторых,

---

«Dansk biografisk Leksikon, grundlagt af C. F. Bricka», VI. Kbh., 1935, s. 291; ср. G. Liebusch. Elisabeth von Dänemark, Kurfürstin von Brandenburg, 1873.

374 C. F. Allen. Elisabet..., s. 3—4.

375 Ibid., s. 4.

376 «Monumenta Historiae Daniae», I, s. 22, 409; LEKUB, 2-te Abt., Bd. 1, S. 623, Anm. 2; C. F. Allen. Elisabet..., s. 4; он же. De tre nordiske Rigers Historie, Bd. 1. Kbh., 1864, s. 199.

377 См. такую же трактовку в кн.: «Очерки истории СССР». Период феодализма. Конец XV в.— начало XVII в. М., 1955, стр. 106.

строго хронологический подход к источникам показывает, что в 1499—1500 гг. не наблюдается одновременного появления Василия и Дмитрия в роли великих князей. Сравним хронологию упоминаний о Василии и Дмитрии в источниках 1499 — первой половины 1500 гг.

Василий	Дмитрий
21 марта 1499 г. объявлен великим князем.	
Между 21 марта и 29 июля 1499 г. его положение неопределенно.	После 21 марта 1499 г. упоминается псковичами как великий князь — соправитель Ивана III.
	14 июля 1499 г. присутствует при поставлении крутицкого епископа.
29 июля 1499 г. получает в великое княжение Новгород.	
В августе 1499 г. выдает вместе с Иваном III грамоты новгородским монастырям.	
Зимой 1500 г. Иван III и Василий отдают распоряжение псковичам о поставке войска для войны с Литвой.	
В конце апреля — начале мая 1500 г. бежит в Вязьму.	
	3 мая 1500 г. Иван III и Дмитрий посылают воевод на Литву [378].

Из сопоставления данных видно, что Дмитрий-внук оказывается на политической арене тогда, когда с нее исчезает Василий, т. е. в действительности не было разделения власти между Иваном III, Василием и Дмитрием. Иван пытался сосредоточить всю власть в своих руках. Не дав реальной политической власти Василию, он и Дмитрия сохранил лишь как подставную фигуру, от-

[378] В издании LEKUB к периоду до августа 1500 г. отнесен уже цитированный нами документ, где говорится, что Иван III, правя вместе с внуком, сосредоточил всю власть в своих руках (LEKUB, 2-te Abt., Bd. 1, № 1023, S. 772). Возможно, эта характеристика отражает положение, создавшееся в мае — июле 1500 г.

части как пугало для Василия[379] и выдвигал его на политическую арену в моменты отстранения Василия от выполнения формальной роли соправителя. Великий князь поддерживал видимость системы соправления, но по существу стремился ее ликвидировать. Благоприятный исход бегства Василия в Вязьму — возвращение его к власти — был в значительной мере связан с крайне слабой позицией Дмитрия.

---

[379] Уже зимой 1500 г., когда отношения между Иваном III и Василием были крайне напряженными, а датские послы еще не прибыли, Иван, очевидно, грозил сыну новым возвышением Дмитрия. 10 февраля 1500 г. хохмейстер получил от орденмейстера донесение, где говорилось, что великий князь враждебен с сыном и весьма желал бы держать внука в своих городах как великого князя, чего ему не хочет разрешить его собственный сын; эта ссора удерживает великого князя, иначе бы он попытался «на нас» напасть (LEKUB, 2-te Abt., Bd. 1, № 923, S. 704; указала и перевела со старонемецкого А. Л. Хорошкевич).

Глава III

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В 1500—1505 гг.

*

1. Иммунитетная политика в 1500—1502 гг.

Новое пожалование Василия великокняжеским титулом и правом принимать участие в новгородской политике отражено в сентябрьской грамоте 1500 г. Новгородскому Волотову монастырю [1].

Жалованная грамота от 30 сентября 1500 г. Волотову монастырю показывает, что Иван III не собирался предоставлять Василию единоличных прав на Новгород (как сказано в Кратком летописце, «даша ему великое княжение под собою») и не думал отказываться от использования его для борьбы с новгородским архиепископом. К волотовской грамоте были привешены две печати: Ивана III и Василия. Иван фигурирует в надписи на печати со всеми своими территориальными атрибуциями, в числе которых указаны «Нов.» и «Пск.». Василий же назван только великим князем, даже без «всея Руси» — слов, имеющихся в тексте грамоты. Мы думаем, что Василий и в 1499 г. не имел специального титула князя новгородского и псковского.

Волотовская грамота весьма близка по содержанию к коневской грамоте 1499 г. Как и там, здесь отменяются: 1) юрисдикция новгородского архиепископа в отношении игумена и братии, «опричь духовных вещей»; 2) откуп и пошлины в пользу архиепископа и всего дома св. Софии; 3) въезд в монастырскую вотчину десятильников и владычных людей. По сравнению с коневской волотовская грамота дает архиепископской кафедре некоторые несущественные преимущества: 1) если в коневской грамоте полностью отменялось право архиепископа ставить в мо-

[1] АИ, т. I, № 111.

настырских владениях коней на прокорм, то в волотовской грамоте разрешается ставить одну лошадь, но за плату; 2) подтверждается право «попа софейскаго да диакона» быть приглашенными в монастырь «на праздник на Успение Пречистые» для совершения церковной службы, за которую им причиталась с игумена гривна новгородская и еда. Сохранение этих элементов прежней зависимости монастыря от архиерейского дома обусловливалось, возможно, не только устойчивостью местных традиций, но и тем, что Иван III больше, чем в 1499 г., считался с позицией Василия и шел ему на уступки.

Ограничивая юрисдикцию архиепископа, волотовская грамота усиливала власть игумена, которому предоставлялось право суда над монахами монастыря.

Интересно решался в грамоте вопрос о судебных полномочиях наместников. Монастырь имел владения в двух различных административных единицах: в Руссе на посаде (варницы) и в Деревской пятине (деревни). В связи с этим в грамоте различаются «наместницы наши русские» и «наместницы наши новгородские и пригородские и волостели». Первые получали право суда над монастырскими людьми по трем видам преступлений: душегубству, разбою и татьбе с поличным, вторые лишь по двум — душегубству и разбою с поличным. Вместе с тем только новгородские наместники обладали правом судить самого игумена в исковых делах. «Руские» наместники по объему юрисдикции близки к наместникам, фигурирующим в грамоте 1499 г. Коневскому монастырю. Там не определяется их уездная принадлежность, но, вероятно, имелись в виду не собственно новгородские, а корельские наместники. В присоединенной Новгородской земле только «новгородские наместники» в узком смысле слова были наделены княжеским арбитражным правом, наместники же окраинных областей Новгородской земли (Корела на севере, Русса на юге) ничем по своему положению не отличались от наместников других уездов русского государства. Правда, степень ограничения в их пользу монастырской юрисдикции над людьми и крестьянами была максимальной, из чего можно заключить, что правительство придавало большое значение укреплению своего местного аппарата на окраинах Новгородской земли.

Несколько иначе обстояло дело с собственно новгородскими наместниками. Сохраняя их арбитражную

роль, правительство стремилось ликвидировать другие прерогативы княжеского типа, воспринятые наместниками от эпохи новгородской независимости. В волотовской грамоте отменялось наместничье право ставить коней на прокорм в монастырской вотчине. Если в великокняжеских жалованных грамотах 90-х годов на земли в уездах Северо-Восточной Руси, а также в коневской грамоте нет статьи, запрещающей наместникам взимать свой корм с иммунитетных владений, то в грамоте Волотову монастырю подобная статья имеется: «А что пошлины шло с Волотовского монастыря наместником новгородским и их тиуном и их людем, и им тех пошлин наместником нашим новгородским и их тиуном и их людем не давати ничего».

Как и в коневской грамоте, в изучаемом источнике укрепляется административный иммунитет монастыря-вотчинника (один срок вызова в суд по исковым делам, статьи против ездоков и незваных гостей, усиленные по сравнению с коневской грамотой угрозой «опалы», «казни» и денежных штрафов).

К сожалению, мы не имеем данных о характере взаимоотношений между Волотовым монастырем и архиерейским домом в конце XV в. Монастырь был основан в середине XIV в. и, очевидно, находился в тесной зависимости от кафедры [2]. Судя по факту выдачи ему жалованной грамоты, резко ограничивающей архиепископскую юрисдикцию, можно заключить, что монастырь сблизился с московским правительством и стремился порвать узы вассального подчинения архиепископу.

При выдаче жалованной грамоты Иван III, очевидно, учитывал и местоположение вотчин Волотова монастыря, примыкавших к озеру Ильмень главным образом с юга и востока.

Эти районы были обращены, с одной стороны, к Торопецкому уезду (Русса, Налюцкий погост Деревской пятины), с другой — к озеру Селигер и Кличенской волости Ржевского уезда (Тухольский, Ручьевский погосты [3]).

---

[2] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 285; «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов». Под ред. и с предисловием А. Н. Насонова. М.— Л., 1950, стр. 368; ср. ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 346; Зверинский, т. II, № 1312.

[3] К северо-востоку от озера Ильмень находился упомянутый в грамоте 1500 г. Боженский погост.

Согласно Пространной редакции Разрядных книг, Торопец был взят русскими войсками 9 августа 1500 г.[4] Правда, Псковская I летопись сообщает, что князь Александр, посадники и войско вернулись в Псков из Торопца на Покров богородицы 7009 г., т. е. 1 октября 1500 г., «а были там 11 недель»[5]. Но в счет 11 недель, очевидно, входит не одно лишь время пребывания их в Торопце, а весь период отсутствия псковского войска в г. Пскове в связи с торопецким походом.

Московское правительство, по-видимому, опасалось претензий Пскова на завоеванные торопецкие территории и поэтому укрепляло свои права на смежные с ними новгородские земли (грамота была выдана 30 сентября, вскоре после ухода псковичей из Торопца).

Что касается района, близкого к озеру Селигер, то тут опасность исходила от волоцкого князя Федора Борисовича, который еще в марте 1500 г. выдал жалованную грамоту Иосифо-Волоколамскому монастырю на половину слободки Тимофеевской — в будущем Осташковской — и на рыбные ловли в Селигере, причем грамота создавала льготные условия для перехода в эти места крестьян «из зарубежья»[6]; ближайшим «зарубежьем» являлась как раз Деревская пятина Новгородского уезда[7]. Вспомним еще, что Федор и Иван Борисовичи, так же как и псковский князь, участвовали во взятии Торопца и в военных действиях в этом районе.

Пожалование грамоты Волотову монастырю превращало эту корпорацию в проводника великокняжеской политики, материально заинтересованного в сохранении прочного суверенитета московского правительства на границах с недавним театром военных действий и сферой влияния Пскова, а также с уделом волоцкого князя, стремившегося, очевидно, к расширению своих владений на северо-западе, чему в сентябре — октябре 1500 г. могла благоприятствовать война с Литвой.

---

[4] ГПБ, Эрмит. 390, л. 21 (пользуюсь машинописной копией, любезно предоставленной мне В. И. Бугановым).

[5] «Псковские летописи», вып. I. Приготовил к печати А. Насонов М.—Л., 1941, стр. 84.

[6] АФЗиХ, ч. II, № 25; ср. его же грамоту 1498/99 г. Симонову монастырю на земли и воды в Ржевском уезде (АСЭИ, т. II, № 417).

[7] На карте К. А. Неволина само озеро Селигер показано в Деревской пятине (К. А. Неволин. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке. СПб., [1853], карта в конце книги).

Привлечение Василия к управлению Новгородом имело, таким образом, большое внутри- и внешнеполитическое значение. Оно способствовало укреплению за Иваном III западных областей государства, близких к Литве, смежных с владениями волоцкого князя и Пскова.

Само прощение Василия нельзя объяснить только внешнеполитическими мотивами (боязнью его союза с литовским великим князем или желанием показать православным подданным Александра солидарность ортодоксального Василия с политикой Ивана III) [8]. Дело заключалось еще в потребности поставить под контроль и регламентировать развитие объективно пролагавших себе дорогу центробежных тенденций внутри России. Дмитрий-внук, как, видимо, показало его правление в 1498 г., для этой цели не годился. Пожалование Василия и противопоставление его волоцким князьям и Пскову оставалось единственным выходом.

В исторической литературе поставлен вопрос о дате приобретения Василием титула великого князя «всея Руси». Игнорирование клопской и коневской грамот помешало исследователям установить, что этот титул Василий имел еще в августе 1499 г. С нашей точки зрения, правильнее говорить не о приобретении Василием титула великого князя всея Руси после возвращения из района Вязьмы, а о вторичном (после 1499 г.) пожаловании ему этого титула.

В соответствии с наблюдениями И. А. Голубцова [9] Я. С. Лурье считал, что Василий Иванович именовался великим князем «всея Руси» с августа 1501 г. [10] Дж. Феннел отметил упоминание Василия с титулом великого князя всея Руси в грамоте марта 1501 г. [11] и высказал

[8] Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. М.—Л., 1960, стр. 408—409.

[9] АСЭИ, т. I, № 637, стр. 550.

[10] Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.—Л., 1955, стр. 205; Я. С. Лурье. Идеологическая борьба..., стр. 408.

[11] АСЭИ, т. II, № 305; J. Fennell. Ivan the Great of Moscow. London, 1961, p. 341—342; ср. А. А. Зимин. Основные проблемы реформационно-гуманистического движения в России в XIV—XVI вв.— «История, фольклор, искусство славянских народов». Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963 г.). М., 1963, стр. 107, прим. 77; он же. О политических предпосылках возникновения русского абсолютизма.— «Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.)». М., 1964, стр. 37, прим. 80.

предположение, что, поскольку литовский посол называл Василия великим князем в феврале 1501 г.[12], а верительные грамоты посольству были выданы в Вильне в декабре 1500 г., Василий мог в декабре 1500 г. носить титул великого князя[13].

Однако, согласно волотовской грамоте, Василий имел титул великого князя всея Руси еще в сентябре 1500 г. Титул Василия в волотовской грамоте сентября 1500 г. и в грамотах марта и августа 1501 г. совершенно одинаков: «великий князь всея Руси» в тексте и «князь велики» (без слов «всея Руси») на печатях.

Из Краткого летописца известно, что возвращение Василия сопровождалось «опалой» Дмитрия-внука. В феврале 1501 г. литовский посол передал поклон «великому князю Василью, и князю Юрью, и князю Дмитрею, и князю Семену, и внуку великого князя, великому князю Дмитрею»[14]. Следовательно, даже посольский церемониал отразил возвышение Василия и понижение Дмитрия-внука, который хотя и сохранил титул великого князя, но вновь оказался на последнем месте в перечне поклонов, как до 1498 г. Опала Дмитрия носила, по-видимому, полуофициальный характер.

Очевидно, после возвращения Василия, со второй половины 1500 г., Дмитрий перестал допускаться к какому бы то ни было, даже формальному участию в государственных делах. С мая 1500 по апрель 1502 гг. (когда Дмитрий попал в официальную опалу) он не упоминается в летописях. Никаких сведений о нем за это время нет и в актовых источниках. В посольских записях 1501—1502 гг. (кроме упомянутой февральско-мартовской записи 1501 г.) не фигурируют поклоны детям и внуку.

В феврале — марте 1501 г. наблюдается дальнейшее укрепление позиций Василия. В это время возрождается проект женитьбы его на принцессе Елизавете, дочери датского короля. Намеченная на весну 1501 г. свадьба Елизаветы и Иоахима I, курфюрста Бранденбургского, в указанный срок не состоялась по причине несовершеннолетия жениха (ему исполнилось 18 лет только 21 февраля

[12] «Сб. РИО», т. 35, стр. 310; ср. А. А. Зимин. Основные проблемы..., стр. 107, прим. 77; он же. О политических предпосылках..., стр. 37, прим. 80.
[13] J. Fennell. Op. cit., p. 342.
[14] «Сб. РИО», т. 35, стр. 310.

1502 г.) и осложнений со Швецией [15]. Иван III снова выступил с претензией на карельские волости Эйрепя, Яскис и Саволакс [16] и одновременно подтвердил предложение о женитьбе Василия на Елизавете [17]. Датский король стремился отклонить под благовидным предлогом территориальные [18] и, очевидно, матримониальные планы великого князя (весной 1502 г. Елизавета вышла, наконец, замуж за Иоахима [19]).

Иван III не ограничился предоставлением Василию прав соправителя в отношении Новгородской земли. Уже в марте 1501 г. Василий, сохранивший вновь полученный в 1500 г. титул великого князя «всея Руси», распоряжался земельными делами в Белоозере, которое он называл «нашей очиной» [20]. В описной книге Романовского Богоявленского монастыря 1743 г. упоминается «государева грамота князя великого Василья Иоановича за красною веслою печатью...» от 18 марта 1501 г. [21] Таким образом, в марте 1501 г. Василий владел частью бывшего Верейско-Белозерского княжества — Белоозером и небольшим

---

[15] C. F. Allen. Elisabet, Prindsesse af Danmark, Kurfyrstinde af Brandenborg. Kbh., 1855, s. 5; «Dansk biografisk Leksikon...», VI. Kbh., 1935, s. 291—292.

[16] Ю. Н. Щербачев. Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории, вып. 1. 1326—1569 гг. М., 1915, № 4, стр. 5—8; LEKUB, 2-te Abt., Bd. 2, S. 99, № 151a (указала и перевела со старонемецкого А. Л. Хорошкевич).

[17] Ю. Н. Щербачев. Датский архив. Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене. 1326—1690 гг.— «Чтения ОИДР», 1893, кн. 1, [отд.] 1, стр. 2—3, № 3 (указал Б. Н. Флоря); он же. Копенгагенские акты..., № 4, стр. 6, 8. В обеих работах Щербачева сообщается о датском переводе наказной речи русских послов датскому королю; в этом переводе путаница: говорится о дочери великого князя и сыне короля, хотя должно быть наоборот, как предполагал уже и Ю. Н. Щербачев. В послании шведского рейхсрата Данцигу от 1 августа 1501 г. указывается, что зимой речь шла о женитьбе Василия (Basilium Magnum) на королевской дочери (LEKUB, 2-te Abt., Bd. 2, S. 99, № 151a).

[18] Ю. Н. Щербачев. Копенгагенские акты..., № 4. Шведский рейхсрат писал, правда, что король поклялся великому князю вернуть спорные земли (LEKUB, 2-te Abt., Bd. 2, S. 99, № 151a), однако эта интерпретация событий едва ли вполне достоверна.

[19] C. F. Allen. Op. cit., s. 6; F. Wagner. Der Schatz der Kurfürstin Elisabeth von Brandenburg.— «Hohenzollern-Jahrbuch», VI. Berlin — Leipzig, 1902, S. 71; «Dansk biografisk Leksikon...», VI, s. 291.

[20] АСЭИ, т. II, № 305.

[21] ГПБ, Титов 4638, л. 90.

куском бывшего Углицкого удела — Романовским уездом [22].

До 1501 г. Белоозеро находилось в управлении Василия, очевидно, дважды — в 1485 и 1492 гг., но в обоих случаях не как «очина». В 1498 г. Белоозером ведал Дмитрий-внук. Что касается Углицкого удела, то Василий ранее не владел никакими его частями, а Дмитрий-внук имел в 1498 г. права на Бежецкий Верх, входивший в состав княжества Андрея Большого. В 1501 г. впервые Василий получил одновременно часть белозерского и углицкого наследства в полное удельное обладание. Это было началом удовлетворения давнишних притязаний Василия и его «партии».

Интересна территориальная направленность внутренней политики Ивана III в изучаемый отрезок времени. В декабре 1500 — январе 1501 г. Иван проявлял внимание к Гороховцу [23] и Ярославлю [24], очевидно, стремясь нейтрализовать возможные претензии Василия на эти уезды, удельно подведомственные ему в 1496 и 1497 гг.

В 7009 г. (между сентябрем 1500 и августом 1501 г.) Иван III выдал жалованную грамоту Троице-Сергиеву монастырю на села Малоярославецкого уезда [25]. Появление этой грамоты следует рассматривать в свете данных о получении Василием Белоозера, поскольку Малый Ярославец был составной частью удела Михаила Андреевича Белозерского. Иван III, не желая отдавать Василию все территории выморочного белозерского удела, укреплял свои права на те из них, которые в условиях русско-литовской войны имели важное стратегическое значение (Малый Ярославец). Скорее всего, выдача грамоты состоялась около марта 1501 г., ибо до этого Василий, по-видимому, не имел белозерского наследства, а в период между апрелем и июнем он отбыл в Тверь [26]. Вероятно, в 1500 г. владения в уезде Малого Ярославца получил перешедший на службу к Ивану III князь Василий Ива-

---

[22] О принадлежности Романова Андрею Большому см.: ДиДГ, № 82.
[23] АСЭИ, т. III, № 114.
[24] Там же, № 221.
[25] Там же, т. I, № 631.
[26] «Разрядная книга 1475—1598 гг.». М., 1966, стр. 31; ГПБ, Эрмит. 390, л. 25—25 об. (пользуюсь машинописной копией, предоставленной мне В. И. Бугановым).

нович Шемячич[27]. В какой мере была вызвана выдача грамоты стремлением ограничить его политическое влияние в этом районе, сказать трудно.

Грамота вводила новую, применявшуюся с 1500 г. норму ограничения монастырского судебного иммунитета, изымая из него душегубство и разбой с поличным. Фиксация подсудности монастырского приказчика и крестьян в исковых делах великокняжескому правительству сопровождалась установлением двух сроков вызова крестьян в суд. Значит, троицкие малоярославецкие села ставились под более строгий контроль центральной власти, чем владения новгородских монастырей, о которых шла речь выше.

В мае — июне 1501 г. Иваном III проводилась довольно активная политика в Галицком[28] и Московском[29] уездах. Внимание к Галичу можно объяснить двояко: с одной стороны, он находился, очевидно, в сфере интересов Василия, управлявшего в 1485 и 1491/92 гг. соседней Костромой; с другой стороны, права на Галич мог предъявить перешедший в 1500 г. под сюзеренитет Ивана III князь Василий Иванович Шемячич, прадеду которого некогда принадлежал этот старинный удельный центр. В Московском уезде политика локализовалась в районе Пехорского стана, окруженного с востока волостями, прежде входившими в удел Юрия Васильевича Дмитровского и впоследствии перешедшими к Андрею Старицкому согласно духовной Ивана III (Гжель, Вохна и др.). Возможно, в 1501 г. эти волости стали объектом претензий Василия или младших удельных князей, в связи с чем и наводился порядок в земельных делах близкого к спорным территориям стана.

К январю 1501 г. относится выдача правой грамоты на земли Ярославского Толгского монастыря[30]. В роли судьи высшей инстанции в этой грамоте выступает Иван III. В 1500/01 г. Иван, видимо, опасался за судьбу Ярославля, который в 1496 г. был отдан в удел Василию.

---

[27] В 1505 г. проводился разъезд его земель в Малоярославецком уезде с землями Троице-Сергиева монастыря (АСЭИ, т. I, № 659).
[28] Там же, т. III, № 250, 251.
[29] Там же, т. II, № 424.
[30] Там же, т. III, № 221.

Несмотря на отправку великого князя Василия в Тверь в 1501 г., Тверского княжения он, очевидно, не получил. Как и в 1492/93 г., сфера проявления удельных полномочий Василия Ивановича в Тверской земле ограничивалась Кашинским уездом. Однако сами эти полномочия были выражены более определенно, чем в 1492/93 г., когда Василий только подтверждал иммунитетные грамоты. В 1501 г. он выдал жалованную грамоту Троице-Сергиеву монастырю на двор с поляной в Кашине на посаде[31]. Это была вторая по счету (после грамоты Романовскому монастырю) самостоятельно выданная Василием жалованная грамота. Она касалась тех же объектов, что и грамота Ивана Ивановича 1487 г., подписанная на имя Василия в 1492/93 г.[32]

Нормы иммунитета, зафиксированные в грамоте 1501 г., находятся в явном противоречии с принципами иммунитетной политики Ивана III 90-х годов XV — начала XVI в. Хотя по сравнению с предшествующей грамотой на кашинский двор (1461—1466 гг.[33]) податной иммунитет предоставлялся монастырю в грамоте 1501 г. в ограниченном объеме (в числе отмененных налогов и пошлин не упоминаются ям, «дело», мыт, тамга, пятенное и др.), однако он оставался все еще значительным (освобождение от дани, посошной службы и «пошлин»), а судебный иммунитет резко расширялся (в грамоте 60-х годов из вотчинной юрисдикции исключались разбой, душегубство и татьба с поличным, в грамоте 1501 г.— только душегубство, причем к этому присоединялось освобождение от наместничьих кормов и поборов праведчиков и доводчиков).

Василий укреплял свою власть введением в грамоту статьи о подсудности ему игумена и его приказчика. Эта статья посягала на прерогативы не митрополита, а великого князя, который являлся для троицкого игумена судьей высшей инстанции согласно грамотам 1492 г.

Сохранившийся материал позволяет думать, что, получив Кашинский удел, Василий временно потерял Белоозеро и, возможно, Романов. В правой грамоте на белозерские земли апреля 1502 г. в роли судьи высшей

---

[31] Там же, т. I, № 637.
[32] ГПБ, Погод. 1905, л. 64 об., № 47.
[33] АСЭИ, т. I, № 298.

инстанции выступает Иван III[34]; из правой грамоты августа 1502 г. следует, что суд был начат при Василии, но закончен при Иване III[35]. Соединение всех актовых и летописных данных о Василии за 1501—1502 гг. в единую хронологическую цепь дает следующую картину: в марте 1501 г. Василий имел в удельном владении Белоозеро и Романов; 24 марта в Москву выехал псковский князь Александр Владимирович, а тем временем в марте — апреле и, очевидно, позже псковичи неоднократно обращались к Ивану III и Василию Ивановичу с просьбами о военной помощи в борьбе с Ливонским орденом[36]; в какое-то время между апрелем и июнем Василий уехал в Тверь с воеводами и дворецким В. И. Голениным; в августе 1501 г. он выдал грамоту Троице-Сергиеву монастырю на кашинский двор; в октябре 1501 г. «великие князи Иван Васильевичь и Василей Ивановичь» прислали псковичам новое подкрепление для продолжения войны с ливонцами[37]; 11 апреля 1502 г. состоялась официальная (и окончательная) опала Дмитрия-внука, который был лишен великокняжеского титула[38], 13 апреля Иван III и Василий совместно выдали две жалованные грамоты помещикам Шелонской пятины Новгородского уезда[39], эти грамоты касались земель в Дегожском погосте, обращенном к литовскому театру военных действий[40], и имели не только внутриполитическую, но и внешнеполитическую направленность; 14 апреля Иван III «пожаловал сына своего Василиа, благословил и посадил на великое княжение Володимерское и Московское и всеа Русии самодръжцем, по благословению Симона митрополита всеа Русии»[41]; 12 мая 1502 г. повелением Ивана III и Василия началось крупное оборонное строитель-

[34] АСЭИ, т. II, № 336.
[35] Там же, № 337.
[36] «Псковские летописи», вып. I, стр. 84—85.
[37] Там же, стр. 86.
[38] ПСРЛ, т. VI, стр. 48, 243; т. VIII, стр. 242; т. XII, стр. 255; т. 20, первая половина, стр. 373; т. 23, стр. 197; т. 26, стр. 295; т. 28, стр. 336.
[39] Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, [т. I]. М., 1905, отд. II, стр. 7, 8.
[40] Дегжо — погост на р. Шелони, недалеко от ее истоков, к юго-востоку от этого погоста находился Холм, к северо-западу — Порхов (см. карту К. А. Неволина).
[41] См. сн. 38, а также т. 30, стр. 139.

ство в Новгороде[42]; 16 июня 1502 г. Василий выдал жалованную грамоту Покровскому Углицкому монастырю на вотчины в Бежецком Верхе[43]; летом 1502 г. (до августа) Василий владел Белоозером.

Такое распределение сведений говорит не столько о совмещении Василием различных функций и территориальных прав, сколько о частых переменах в его положении, которое остается стабильным лишь в одном отношении: с 1500 г. Василий неизменно пользуется титулом великого князя всея Руси. Мартовский эксперимент 1501 г.— передача Василию некоторых частей Верейско-Белозерского и Углицкого княжеств,— очевидно, уже в апреле уступает место использованию его в роли соправителя отца, являвшегося «князем новгородским и псковским» (возможно, в связи с новыми претензиями Ивана на карельские волости и предложением женить Василия на Елизавете), затем Василий отправляется в Тверь, на какой-то срок получает Кашинский удел, снова возвращается к исполнению функций соправителя князя новгородского и псковского и только через два месяца после поставления на великое княжение «Владимерское и Московское» (14 апреля 1502 г.) опять приобретает часть Углицкого удела (Бежецкий Верх), а вскоре и Белоозеро.

Характер внутриполитической борьбы накануне опалы Дмитрия-внука не вполне ясен. Возможно, отъезд Василия в Тверь и назначение его князем кашинским весной — летом 1501 г.— меры, вызванные притязаниями на Тверское княжение Дмитрия-внука, отец которого правил Тверью в 1485—1488 гг.

Больше можно сказать о политической борьбе после опалы Дмитрия. Очень интересно наличие двухмесячного промежутка между событиями середины апреля 1502 г. и реальным проявлением прав Василия на Бежецкий Верх в июне. Неслучайный характер этого разрыва подтверждается сопоставлением правых грамот 1502 г., из которого следует, что в апреле 1502 г. Василий еще не распоряжался Белоозером, но до августа уже имел права на него. Особенно симптоматична выдача грамот от объединенного лица Ивана III и Василия на новгородские земли буквально через день после опалы Дмитрия.

---

[42] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 3, стр. 611.
[43] АСЭИ, т. III, № 82.

Привлечение Василия к рассмотрению вопросов, связанных с Новгородом, засвидетельствовано и в летописном тексте под 12 мая 1502 г. Создается впечатление, что, посадив Василия на великое княжение Владимирское и Московское, Иван III стремился хотя бы некоторое время удержать сына в ограниченной роли своего соправителя по новгородским делам [44].

В середине апреля — середине июня 1502 г. проблема разделения сфер влияния приобрела большую остроту. Возможно, именно к этому времени относится второй проект раздачи уделов младшим сыновьям, отмеченный в летописце Лурье опять-таки как совершившийся факт: «Вь лето 7010 отпустил князь великий дете своих князя Юрья да князя Дмитрея на удел вь Дмитров и на Углеч» [45].

Проект, по всей вероятности, не был проведен в жизнь, но возник он, видимо, для нейтрализации территориальных претензий Василия, грамота которого Покровскому Углицкому монастырю показывает, что великому князю Василию Ивановичу достался в удел Бежецкий Верх. Наверное, Иван III предполагал предоставить Углич Дмитрию. Два факта позволяют считать проект раздачи уделов в 1502 г. неосуществленным: 21 июня 1502 г. Иван III выдал жалованную грамоту Троице-Сергиеву монастырю на проезд монастырских экспедиций по Дмитровскому уезду [46]; 14 июля 1502 г. Иван III отправил в смоленский поход Дмитрия [47], претендента на

---

[44] В начале 1503 г. орденмейстеру доносили из Полоцка, что один пленный, бежавший из Москвы, сказал, будто Василий заключил союз с некоторыми влиятельнейшими вельможами и хотел извести великого князя; узнав об этом, последний арестовал сына, а других безжалостно и разными способами казнил; старый великий князь никому не разрешает ни въезжать в страну, ни выезжать из нее; он стал подозрителен и боится, что в стране произойдет большая распря. Однако представители ордена выразили крайнее недоверие к этому известию (LEKUB, 2-te Abt., Bd. 2, № 441, S. 333; указала и перевела со старонемецкого А. Л. Хорошкевич). Действительно, ничего подобного по русским источникам не наблюдается, а события, описанные пленным, напоминают заговор 1497 г.

[45] Я. С. Лурье. Краткий летописец Погодинского собрания.— «Археографический ежегодник за 1962 год». М., 1963, стр. 443.

[46] ГПБ, Погод. 1905, л. 57—57 об., № 33.

[47] ПСРЛ, т. VI, стр. 48; т. VIII, стр. 242—243; т. XII, стр. 256; т. 20, первая половина, стр. 373; т. 23, стр. 197; т. 24, стр. 214; т. 26, стр. 295—296; т. 28, стр. 336; «Разрядная книга...», стр. 34.

углицкий престол. Маршрут, по которому разрешался беспошлинный проезд монастырской «лодки с порубнем», охватывал не только Дмитровский уезд (Дмитров — Яхрома — Сестра — Дубна — Волга), но и Углицкий («Волгою вниз до устья до Шохонского»), а также Белозерский («и в Шокстну»). На всем протяжении этого пути грамоту должны были соблюдать «наши» (Ивана III) наместники, волостели, их тиуны, приказчики, мытчики и все пошлинники.

Иван III нуждался в союзе с Троице-Сергиевым монастырем для удержания за собой Дмитрова, Углича и отчасти Белоозера. В описных книгах Троицкого белозерского Усть-Шехонского монастыря 1678/79 г. упоминается «грамота жалованная проезжая полустолпцовая за красною вислою печатью в. кн. Вас. Ивановича всеа Росии 7010 г.» [48]. Список с этой грамоты включен как будто в один из сборников, хранящихся в рукописном отделе ГПБ, но в настоящее время сведений о нем мы не имеем. Грамота могла быть выдана, судя по хронологии других источников, не раньше июня 1502 г. (и не позже августа, согласно указанной в описи дате).

Грамота Усть-Шехонскому монастырю 1539 г. [49] ссылается на проезжую грамоту Василия, в которой санкционировался беспошлинный проезд игумена, старцев или их людей «по нашей отчине, по Ноугородцкой земле и по Тферской и по Белозерской». Если грамота 1539 г. цитирует действительно грамоту 1502 г., а не какую-то более позднюю, перед нами чрезвычайно интересное свидетельство, характеризующее попытку Василия в 1502 г. объединить под своей властью три главные территории, к управлению которыми он неоднократно имел отношение в предшествующие отрезки времени.

Обратим внимание еще на следующее обстоятельство. В 1498 г. владетель Рузы князь Иван Борисович выдал жалованную грамоту Симонову монастырю на села Кортинское, Кусакинское и Богородицкое [50]; в июле 1502 г. он заново — и без всякой видимой причины — выдает грамоту аналогичного содержания на те же села [51]. Эту

---

[48] АСЭИ, т. III, № 272а, стр. 287, гр. 1 (после гр. 12).
[49] ГБЛ, Румянц. кн. 53, лл. 10—13.
[50] АСЭИ, т. II, № 415.
[51] Там же, № 426.

повторную выдачу можно объяснить, вероятно, лишь существенными переменами в политической обстановке. Интересно, что села, являвшиеся объектом пожалования грамот 1498 и 1502 гг., были расположены в Вышковском стане, поблизости от Можайского уезда [52]. Не связана ли выдача Иваном Борисовичем грамоты Симонову монастырю с переходом соседнего Можайска в руки Василия? Вопрос этот остается открытым.

Наступательный характер политики Василия вызывал у Ивана III серьезные опасения за судьбу Костромы, принадлежавшей ранее (в 1485 и 1491/92 гг.) Василию на правах удела. Посланный туда Иваном III писец Г. Р. Застолбский действовал, вероятно, в период между апрелем и августом 1502 г. (его грамоты датированы 7010 г., без указания месяца [53]).

Очевидно, с политической борьбой 1501/02 г. связана тенденция новгородского архиепископа Геннадия восстановить власть кафедры в объеме, близком к тому, которым она обладала до присоединения Новгорода. Геннадий выступил в роли государя, подтвердив в 7010 г. жалованную данную и заповедную грамоту архиепископа Феофила 1471—1482 гг. Соловецкому монастырю на Бобровую гору (четыре сельца с водами и лесами в Двинской земле) [54]. В подтверждении мы видим ограничительный пункт, где специально оговариваются особые прерогативы архиепископа: «...Вступатися не велел никому, опроце того, коли кого пошлет архиепископ на свою ловлю». Этот демарш Геннадия мог иметь место скорее всего в тот период, когда Василий претендовал на единоличное управление Новгородом, Тверью и Белоозером, т. е. в мае — августе 1502 г.

Содержание иммунитетной политики 1502 г. раскрывается при анализе апрельских грамот Ивана III и Василия новгородским помещикам, грамоты Василия от

[52] О местонахождении объектов пожалования этих грамот — сел Кортинского, Кусакинского и Богородицкого (Старого) — см.: АСЭИ, т. II, стр. 649, 650, 665. Вышковский стан граничил с Можайским уездом непосредственно, в то время как от Волоколамского уезда его отделяли станы Льняников и Рахов (Е. П. Мамматова. Карта 20-х гг. XVII века как источник по истории административного деления и феодального землевладения Рузского уезда. М., 1957, дипломная работа. МГИАИ).

[53] АСЭИ, т. I, № 639, 640; т. III, № 45; АФЗиХ, ч. I, № 169, 254, 258.

[54] ГВНиП, № 99.

16 июня Покровскому Углицкому монастырю, его же грамоты Усть-Шехонскому монастырю и грамоты Ивана III от 21 июня Троице-Сергиеву монастырю.

Апрельские грамоты жаловали землю многочисленным братьям Мосеевым. Деревни передавались им в поместье «з доходом з денежным и с хлебным и с мелким доходом, оприч наше великих князей и обежные дани». Эта статья была основана на формуле грамоты Ивана III 1482 г. помещикам Трусовым [55]. В грамотах 1502 г., так же как и в грамоте 1482 г., фиксировалась раздача в поместье конфискованных владений новгородского боярина и посадника Богдана Есипова, который еще в 1476 г. был отправлен в Москву, а затем в Коломну в заточение [56]. Укрепляя свои позиции в Новгородской земле в наиболее острые моменты политической борьбы, правительство вместе с тем придерживалось общерусской линии ограничения податного иммунитета. Дань (обежную) поместные земли должны были платить. Из отдельной грамоты на пожалованное 13 апреля поместье Аф. Мосеева мы узнаем, что, помимо дани, требовалось выполнение посошной службы [57]. Новгородская политика Ивана III резко отличалась от кашинской политики Василия, освободившего двор Троице-Сергиева монастыря от дани и посошной службы.

Отдельная грамота отчетливо показывает классовый характер иммунитетной политики великого князя. С одной стороны, помещикам было запрещено брать «на крестьянех» «доход» с тех земель, которые пускались под барскую запашку и, очевидно, обрабатывались трудом холопов. Но, с другой стороны, помещики получали великокняжескую санкцию на увеличение ренты в рамках, приемлемых для государства, т. е. при условии, что крестьяне не будут разорены и земля не запустеет: «А доспеют пусто, а Офонасю да его сыну Федору платити великих князей дан и посошная служба самим, а от великих князей в том быти им в опале».

Грамота Василия Покровскому Углицкому монастырю резко ограничивает монастырский судебный иммунитет.

---

[55] Д. Я. Самоквасов. Указ. соч., [т. I], отд. II, стр. 3.
[56] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 449; т. VI, стр. 18, 33, 204; т. VIII, стр. 182; т. XII, стр. 107.
[57] Д. Я. Самоквасов. Указ. соч., [т. I], отд. II, стр. 9.

передавая в руки наместников рассмотрение дел о душегубстве, разбое и татьбе с поличным. Вместе с тем, в ней содержатся статьи, освобождающие от наместничьего корма и от поборов доводчиков и праведчиков. Пункт о подсудности игумена Василию был направлен, как и в грамоте 1501 г. Троице-Сергиеву монастырю, на подрыв судебных прерогатив Ивана III (игумен Покровского Углицкого монастыря еще в 70-х годах XV в. подлежал ведению княжеского, а не владычного суда [58]).

В целом же бежецкая грамота Василия 1502 г. отличается от его кашинской грамоты 1501 г. большей степенью ограничения судебного иммунитета и отсутствием податных привилегий. Стремление установить союз с крупным духовным феодалом ценой значительных уступок ему сменяется в политике Василия сознанием государственной необходимости дальнейшего ограничения феодального иммунитета. Это признак того, что положение молодого князя стало довольно устойчивым и он уверенно чувствовал себя в роли единственного преемника отца.

Текст грамоты 1539 г. Усть-Шехонскому монастырю сохранился плохо. Встречаются лакуны и в той части его, где излагается грамота Василия. Речь в ней шла, по-видимому, о провозе монастырского «запаса» (на пяти возах и в судне летом и на пяти санях зимой) без уплаты мыта и других проезжих пошлин. Объем предоставленного монастырю иммунитета вполне соответствует ограничительным принципам таможенной политики Ивана III 90-х годов XV в.

В грамоте Ивана III Троице-Сергиеву монастырю от 21 июня 1502 г. предусматривались монастырские поездки, совершаемые, очевидно, с целью продажи ржи и соли и покупки на вырученные деньги рыбы и икры. Однако торговые сделки не подлежали освобождению от пошлин. Грамота разрешала лишь безмытный и беспошлинный проезд монастырских торговых людей и провоз продуктов, причем транспорт и количество провозимого продажного товара были строго регламентированы (лодка с порубнем, 100 четвертей ржи, 30 пудов соли).

---

[58] АСЭИ, т. III, № 77.

2. Классовые и политические противоречия накануне и во время собора 1503 г.

Период между серединой 1502 и серединой 1503 г. слабо представлен источниками. Во второй половине 1503 г. заседал церковный собор, обсуждавший, в частности, проблему секуляризации. Какова была иммунитетная политика накануне собора?

За это время мы не находим иммунитетных грамот на церковно-монастырские земельные владения.

Выданная Иваном III в 1502/03 г. грамота нижегородским соборам — Спасскому и Михаило-Архангельскому — фиксировала их право получать денежную ругу «из нижегородских таможенных доходов» [59]. Такого рода пожалование, при отсутствии у духовной корпорации достаточного количества земель, ставило ее в тесную финансовую зависимость от великокняжеского правительства. Грамота демонстрировала наиболее компромиссный путь решения вопроса о материальном обеспечении духовенства — перевод его на государственное довольствие, что позволило бы морально оправдать секуляризацию. Согласно «Слову иному», Иван III, собираясь предложить собору свой план секуляризации, имел намерение «митрополита же и владык и всех манастырей из своея казны деньгами издоволити и хлебом изооброчити из своих житниц» [60].

Очень симптоматично, что дошедшие от первой половины 1503 г. судные списки посвящены не земельным тяжбам, как большинство сохранившихся судных списков и правых грамот. Нам известно всего два судных списка, выданных в первой половине 1503 г. В марте 1503 г. дворецкий К. Г. Заболотский, судивший «по... слову» Ивана III, закончил рассмотрение дела о воровстве сена [61]. Обвинители — крестьяне Троице-Сергиева монастыря Полуевы — жили в Прилуцком округе Углицкого уезда (в самом с. Прилуцком или в одной из его деревень,

---

[59] ГБЛ, ф. 29 (собр. И. Д. Беляева), № 1618, л. 45.

[60] Ю. К. Бегунов. «Слово иное» — новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением церкви. — «Труды ОДРЛ», т. XX. М.— Л., 1964, стр. 351. О возможности существования такого проекта писал еще А. Павлов (А. Павлов. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России, ч. 1. Одесса, 1871, стр. 49).

[61] ГПБ, Погод. 1846, лл. 7—10 об.

неясно); обвиняемый — крестьянин Гридька Тевелга — жил в деревне, тянувшей к великокняжескому селу Павловскому. Кроме вещественных улик[62], существенное влияние на решение судьи оказали заявления свидетелей о воровском прошлом Гридьки. В отличие от большинства споров, в которых каждая сторона отстаивала интересы своей корпорации и защищала честь своего мундира, здесь монастырские и великокняжеские крестьяне объединились против нарушителя общего спокойствия: «Да так ркли павловские ж хрестьяня Олфор Шабала с товарищи, да и прилуцкие хрестьяня, сотцкой Микифор с товарищи: „Тот, господине, Гридка Тевелга лихой человек, тать и поклепца, а то ему не первая татьба. Искали, господине, на том Гридке Тевелге перед князем Ондреем Васильевичем те бы ж хрестьяня Павловского села Сенка Бортников с товарищи, и князь Ондрей, господине, Васильевич, судивши его, велел, на нем исцево доправив, бить кнутьем. И били его, господине, в той татьбе кнутьем...“» [63]. К. Г. Заболотский «ищей Федка да Костю Полуевых оправил, а Гридку Тевелгу обвинил и судил его в тати и выдал его исцем на казнь по Судебнику, а истцево велел доправити поселскому из его ста[т]ков» [64].

В данном случае мы имеем дело не с классовой, а с внутриклассовой борьбой крестьян, причем поскольку крестьянство было классом феодального общества, т. е. классом феодальным (в нашей литературе нередко «феодальный класс» выступает как синоним «класса феодалов», что теоретически неверно), постольку государство, защищая устои феодального правопорядка, не могло не защищать в известной мере и интересы крестьян, живших по правилам феодального общежития. Содержание и терминология судного списка 1503 г. подтверждают уже высказанную отдельными советскими историками[65] мысль, что понятие «лихой человек» и «поклепца» применялось не только к тем крестьянам, которые вели «классовую борьбу» в прямом смысле слова [66].

---

[62] Сенная «труха» привела от места, где находился украденный стог, во двор к Гридьке, а сличение остатков сена, взятых с этого места, с сеном, найденным у Гридьки, показало их идентичность.

[63] ГПБ, Погод. 1846, л. 10.

[64] Там же, л. 10 об.

[65] Например, Н. Е. Носовым, А. И. Копаневым и др.

[66] Ср. Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 2. М.—Л., 1951, стр. 304, 327.

Судный список, датированный 30 июня 1503 г., касался поджога монастырской деревни двумя крестьянами, вышедшими из монастырской вотчины [67]. Здесь можно усмотреть действительное проявление классовой борьбы крестьян, которые мстили своему бывшему феодалу — Спасо-Евфимьеву монастырю — за наложенные на них экономические санкции (старец Александр взял с одного из ушедших крестьян «пожилого» за двор полполтины [68], а покинутую им землю засеял рожью «на монастырь»). Крестьянин, представший на суде, не смог заплатить штраф в размере $9^1/_2$ рубля и был отдан монастырю «до искупа». Второй крестьянин, соучастник поджога, находился в бегах, поэтому судья его «велел заповедати и поимати, да поставити его перед великим князем».

Вероятно, активизация борьбы крестьян и секуляризационные планы правительства были явлениями взаимосвязанными. Отсутствие среди источников сентября 1502 — августа 1503 гг. судных списков, правых и жалованных грамот на земли духовных корпораций показывает, что земельная проблема была в это время искусственно заморожена. Более того, в «Слове ином» рассказывается о земельной тяжбе, решенной не в пользу монастыря [69]. Дело происходило, видимо, незадолго до собора, скорее всего весной — летом 1503 г. [70] «Некотории... человецы» пожаловались Ивану III на троицкого старца Конона, якобы нарушившего межу, отделявшую волость Троице-Сергиева монастыря Илемну (Верейского уезда) от великокняжеской земли: «Конан чернец переорал земленую межу и твою орет землю, великаго князя». Далее в «Слове ином» события излагаются так: после короткого следствия Иван III велел наказать чернеца торговой казнью, а с игумена Серапиона взять 30 рублей; кроме того, великий князь использовал этот случай в качестве повода для затребования в Москву троицких грамот на все села, и только неожиданная болезнь Ивана III,

[67] АСЭИ, т. II, № 495; Л. В. Черепнин. Указ. соч., ч. 2, стр. 330.

[68] В данном случае размер «пожилого» точно соответствовал таксе, установленной Судебником 1497 г. Обвиняемый ушел, прожив в монастырской деревне «два году». В Судебнике говорилось, что крестьянин, проживший два года, «полдвора платит». Поскольку «в лесех» за двор бралась полтина, с «полдвора» требовалось получить полполтины.

[69] Ю. К. Бегунов. Указ. соч., стр. 352.

[70] Ср. там же, стр. 360.

воспринятая им как божья кара, прервала осуществление его секуляризационных намерений в отношении Троице-Сергиева монастыря.

Несмотря на остроту конфликтов между Иваном III и представителями крупного монастырского землевладения, приговоры двух дошедших судных списков 1503 г. свидетельствуют, что правительство, охраняя устои феодальной законности, пресекало попытки крестьян нанести материальный ущерб монастырскому хозяйству и своим собратьям по классу.

Внимание Ивана III в 1502/03 г. к Суздальско-Нижегородскому краю трудно объяснить исчерпывающим образом. Возможно, великий князь искал здесь себе сторонников, предвидя острые споры на соборе. Ведь Суздальщина входила в число территорий, где Иван III, если верить намекам более поздних источников, предполагал запретить княжатам отдачу земель «по душе» в монастыри без доклада великому князю [71]. Иван III считал, по-видимому, важным поддерживать хорошие отношения со Спасо-Евфимьевым монастырем, который был тесно связан с суздальскими и стародубскими князьями.

Более очевидны причины внимания к Угличу и Верее. Не говоря уже о том, что сам Углицкий уезд был объектом домогательств (вероятно, как Василия, так и Дмитрия-сына), земли с. Прилуцкого находились недалеко от Кашинского уезда, сферы влияния Василия. Верейский уезд являлся наследством белозерского князя Михаила Андреевича, на которое претендовал Василий.

В 1502/03 г. велась писцовая работа в Вологодском уезде [72]. Вероятно, этот район оставался предметом удельных притязаний.

23 января 1503 г. Иван III и Василий выдали грамоту С. Огареву на земли в Дегожском погосте Шелонской пятины, некогда принадлежавшие боярину Богдану Есипову [73] (его же владения раздавались в 1482 и 1502 гг.). По содержанию иммунитетной формулы грамота тождественна апрельским грамотам 1502 г. Соответствующая отдельная грамота 1503 г. на поместье Огарева [74] повто-

[71] О вероятности существования такого постановления см.: А. Павлов. Указ. соч., стр. 37, прим. 3.
[72] АФЗиХ, ч. I, № 170.
[73] Д. Я. Самоквасов. Указ. соч., [т. I], отд. II, стр. 6.
[74] Там же, стр. 6—7.

ряет постановления рассмотренной выше отдельной грамоты 1502 г. на поместье Мосеевых. Выдача грамоты Огареву состоялась в условиях затухания русско-литовской войны (в марте 1503 г. в Москву прибыло литовское посольство с предложением перемирия). Очевидно, в конце января 1503 г. требовалось укрепить суверенитет великокняжеского правительства на близкой к рубежу территории Шелонской пятины.

Итак, период с сентября 1502 по август 1503 г. — время большой сдержанности в иммунитетной и земельной политике. Позиция, занятая великокняжеским правительством, откровенно демонстрировала его секуляризационно-ограничительные намерения.

Во второй половине 1503 г. намечаются существенные перемены в политической обстановке. Церковный собор отверг секуляризационную программу Ивана III[75]. Провал планов секуляризации церковно-монастырских земель в России XVI в. и, в частности, провал плана, предложенного в 1503 г., исторически закономерен. Указывая, что церковные имущества составляли религиозную твердыню «традиционных» (феодальных) отношений земельной собственности, Маркс писал: «С падением этой твердыни не могли устоять и эти отношения»[76]. Но падение феодальной собственности возможно только при наличии более или менее готовых форм нового — буржуазного — уклада в недрах феодализма[77]. В русском государстве XVI в. еще не созрели экономические предпосылки для уничтожения феодальной собственности на землю церковно-монастырских корпораций, хотя сама постановка этого вопроса свидетельствует о значительном развитии товарно-денежных отношений и укреплении великокняжеской власти.

Крайне интересно, что и с политической точки зрения существование монастырского землевладения в первой трети XVI в. было в какой-то степени необходимым усло-

---

[75] Подробнее см.: А. Павлов. Указ. соч., стр. 39—52; А. А. Зимин. Об участии Иосифа Волоцкого в соборе 1503 г.— «Послания Иосифа Волоцкого». М.—Л., 1959, стр. 370—374.

[76] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 734.

[77] В Англии, например, секуляризация была произведена, как известно, в XVI в. (1534 г.), т. е. в период становления капитализма. В обстановке развития буржуазных отношений пало церковно-монастырское землевладение и в России (60-е годы XVIII в.).

вием борьбы за дальнейшую централизацию государства. Правительство испытывало заинтересованность в распространении вотчин воинствующих иосифлян в сферах удельнокняжеского землевладения, так как этим, во-первых, уменьшалось число собственно удельнокняжеских земель и земель светских феодалов, являвшихся военными вассалами удельных князей, а во-вторых, укреплялось (через монастыри) влияние московского правительства на территории уделов. Таким образом, расширение монастырского землевладения представляло собой форму развития экономических и политических предпосылок ликвидации последних удельных княжеств.

Касаясь вопроса о географическом размежевании иосифлян и нестяжателей, И. Денисов пытался лишь в истории идей найти факты, объясняющие распространение иосифлянских корпораций в западных уездах. В соответствии со своей общей концепцией Денисов считал идейную сущность иосифлянства проявлением русифицированного Ренессанса. Поэтому возникновение иосифлянских монастырей в рамках именно Новгородской епархии, в которую входил Иосифо-Волоколамский монастырь, рассматривалось им как результат латинизации Новгородской области, теснее всего соприкасавшейся с западной культурой [78]. В нашей историографии, к сожалению, недостаточно исследуется проблема географии иосифлянских и нестяжательских корпораций и идей [79].

Борьба против монастырского землевладения могла начаться только в условиях централизованного государства, где были ликвидированы наиболее крупные уделы и самостоятельные княжества, поэтому лишь во второй половине XV в. нестяжательское учение стало смыкаться в какой-то мере с правительственной концепцией. Однако сохранение уделов между Москвой и Новгородом делало для правительства очень важным укрепление и даже расширение вотчин Иосифо-Волоколамского монастыря как центра, находившегося в гуще удельнокняжеских терри-

---

[78] E. Denissoff. Aux origines de l'église russe autocéphale.— «Revue des études slaves», t. 23, fasc. 1—4. Paris, 1947, p. 86—88.

[79] Ср. А. П. Кадлубовский. Очерки по древнерусской литературе житий святых. Варшава, 1902, стр. 328—329 (о схематизме концепции Кадлубовского см.: Я. С. Лурье. Идеологическая борьба..., стр. 289—291).

торий [80]. Забегая на 60 лет вперед, можно отметить, что ликвидация Старицкого удела во время опричнины сразу же снизила роль Иосифо-Волоколамского монастыря в глазах правительства. А. А. Зимин в исследовании, посвященном этому монастырю, прослеживает общий упадок влияния иосифлян во время опричнины [81].

Наличие в XVI в. уделов между Москвой и Новгородом являлось политическим фактором, мешавшим выработке общерусской программы секуляризации. Симптоматична противоречивость ситуации в самом Новгороде. С одной стороны, Иван III в 1499 или 1500 г. произвел частичную секуляризацию земель архиепископа и, очевидно, близких к нему монастырей, но, с другой стороны, в те же годы укреплялись позиции новгородских монастырей, связанных с великокняжеским правительством. Архиепископ играл в Новгороде роль аналогичную удельнокняжеской, поэтому против него и было направлено острие борьбы. Промосковски настроенные монастыри, напротив, содействовали искоренению новгородского сепаратизма и в награду получили земельные пожалования и иммунитетные привилегии.

Политическая роль монастырей в различной мере сохранялась и в других районах страны. Вот почему нам кажется, что относительно широкие планы секуляризации, которые вынашивал Иван III, были результатом значительной переоценки степени централизации государственной власти, достигнутой к началу XVI в.

Проблема секуляризации и проблема уделов находились в тесной взаимосвязи. Начало тяжелой болезни Ивана III Никоновская летопись относит к 28 июля 1503 г. [82] Однако только 21 сентября 1503 г. Иван III отправился с сыновьями в поездку по северным уездам [83], которая продлилась до 9 ноября 1503 г. Цель поездки состояла, очевидно, в том, чтобы на месте договориться насчет

---

[80] Этому не противоречит то обстоятельство, что первоначально Иосиф Волоцкий видел опору в удельных князьях, а не в московском правительстве (Я. С. Лурье. Идеологическая борьба..., стр. 260—261).

[81] А. А. Зимин. Очерки по истории феодального землевладения и хозяйства в Московском государстве XVI в. М., 1947 (ГБЛ, машинопись), стр. 618—623.

[82] ПСРЛ, т. XII, стр. 257.

[83] Там же, т. VIII, стр. 243; т. XII, стр. 257—258.

размеров и границ будущих уделов [84]. Вероятно, в августе — сентябре великий князь ждал соборного приговора по поводу церковно-монастырского землевладения и откладывал в связи с этим решение вопроса об уделах. Мы знаем, что соборные определения, принятые 6 августа [85] и в сентябре [86] 1503 г., касались других вопросов (о невзимании мзды за хиротонию, о вдовых попах и совместных мужских и женских монастырях), причем два последних решения были иосифлянскими по своей направленности [87].

По мнению Ю. К. Бегунова, уже болезнь Ивана III в последних числах июля 1503 г. положила конец секуляризационным планам великого князя и обсуждению этого вопроса на соборе [88]. Но, очевидно (как предполагает и сам Ю. К. Бегунов), суд по поводу илеменских земель и конфликт Ивана III с троицким игуменом Серапионом, получивший драматическую развязку в виде внезапной болезни великого князя, предшествовали заседаниям собора. Рассказ об этом конфликте в «Слове ином» является исторической справкой, поясняющей причины вражды между Иваном III и Серапионом, события же, изложенные в первой части памятника, следует датировать на основании других свидетельств о соборе. В т. н. «Письме о нелюбках» и в житии Иосифа, составленном Львом Филологом, указываются два этапа заседаний церковного собора или два собора — первый, посвященный вопросу о вдовых попах, и второй — о монастырских и церковных землях [89].

Документальные источники ясно говорят, что первый собор был в августе — сентябре. По предположению А. А. Зимина, Иосиф Волоцкий уехал из Москвы сразу после этого собора в связи со смертью волоцкой княги-

---

[84] С. М. Каштанов. Из истории последних уделов.— «Труды МГИАИ», т. 10. М., 1957, стр. 280.
[85] ААЭ, т. I, № 382.
[86] Там же, № 383/1.
[87] А. А. Зимин. Княжеские духовные грамоты начала XVI в.— «Исторические записки», т. 27, стр. 271; «Послания Иосифа Волоцкого», стр. 372.
[88] Ю. К. Бегунов. Указ. соч., стр. 360.
[89] «Послания Иосифа Волоцкого», стр. 367; «Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным».— «Чтения ОИДР», 1903, кн. III, [отд.] II, стр. 36—37.

ни Ульяны [90], т. е. в начале ноября (она умерла, как установил А. А. Зимин, 4 ноября [91]). А. А. Зимину удалось точно датировать смерть рузского князя Ивана Борисовича (28 ноября 1503 г. [92]). Иосиф Волоцкий, судя по его подписи на духовной грамоте Ивана Борисовича [93] и по известиям жития, составленного Саввою Крутицким [94], находился до смерти Ивана Борисовича у себя в монастыре. Согласно житию Иосифа, составленному Львом Филологом, на собор о монастырских и церковных землях Иосиф Волоцкий был «паки» вызван (из удела?). Отсюда можно как будто заключить, что этот собор происходил во второй половине ноября — начале декабря 1503 г.

Однако отнесение собора, обсуждавшего план секуляризации, к ноябрю — декабрю 1503 г. невозможно, ибо новгородский архиепископ Геннадий, который, если верить «Слову иному» [95] и соборным ответам [96], принимал участие в полемике с Иваном III по вопросу о землях духовенства, уже 12 ноября 1503 г. вернулся из Москвы в Новгород и больше в Москву не вызывался до июня 1504 г. [97]

В «Письме о нелюбках» — источнике более раннем, чем житие Иосифа Волоцкого, составленное Львом Филологом, — ничего не говорится о вторичном вызове

---

[90] А. А. Зимин. Княжеские духовные грамоты..., стр. 271; «Послания Иосифа Волоцкого», стр. 372.

[91] А. А. Зимин. Княжеские духовные грамоты..., стр. 269.

[92] Там же.

[93] ДиДГ, № 88.

[94] «Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное Саввою, епископом Крутицким».— «Чтения в Московском Обществе любителей духовного просвещения», [ч. 2]. М., 1865, стр. 32—33.

[95] Ю. К. Бегунов. Указ. соч., стр. 352.

[96] В первом соборном ответе говорится: «...Симон митрополит всеа Русии и архиепископы и епископы...» («Послания Иосифа Волоцкого», стр. 322); во втором послании сказано: «...Симон митрополит всеа Русии и архиепископ и епископы...» (там же, стр. 325). В 1503 г. был всего один архиепископ на Руси — Геннадий. Должность ростовского архиепископа оставалась незамещенной с января 1503 г. по январь 1506 г. (П. М. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877, стб. 332). Поэтому множественное число («архиепископы») в дошедшем тексте первого соборного ответа надо рассматривать как позднейшее искажение (ср. точные формулировки в соборных постановлениях от 6 августа 1503 г. и сентября 1503 г.— ААЭ, т. I, № 382, 383/1).

[97] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 3, стр. 611.

Иосифа в Москву. Наоборот, текст «Письма» позволяет думать, что секуляризационная программа была выдвинута сразу после принятия постановления о вдовых попах [98]. «Слово иное» и «Письмо о нелюбках» описывают, по-видимому, не разные, хронологически значительно отдаленные друг от друга этапы обсуждения планов секуляризации, а лишь разные перипетии борьбы в течение сравнительно небольшого отрезка времени (общий момент в этих рассказах — выступление Нила Сорского [99]).

В Новгородской II летописи приводится точная дата принятия собором постановления о вдовых попах — 1 сентября 1503 г. [100] (в самом документе сказано «сентября» без указания числа [101]). Эту дату можно взять в качестве terminus ante quem поп собора о церковных землях. Из ряда летописных сводов известно, что 21 сентября Иван III с детьми покинул Москву и вернулся только 9 ноября. 21 сентября — это, очевидно, terminus post quem поп изучаемого собора.

Укладывается ли версия жития Иосифа Волоцкого, составленного Львом Филологом, в эти хронологические рамки? Согласно житию, Иван III на некоторое время после собора о вдовых попах удержал Иосифа в Москве [102]. Предположим, что Иосиф уехал из Москвы около 5 сентября. Если новое заседание собора было созвано через 5 дней или через неделю после этого, Иосиф мог вернуться в Москву до 20-х чисел сентября 1503 г. Хотя такой оборот дела представляется несколько скоропалительным, он, однако, не невозможен. Версия «Письма о нелюбках», где ничего не говорится об отъезде Иосифа из Москвы после первого собора, конечно, лучше согласуется с выдвигаемой хронологией второго собора.

---

[98] «И егда совершися собор о вдовых попех и о дияконех, и нача старец Нил глаголати, чтобы у манастырей сел не было...» («Послания Иосифа Волоцкого», стр. 367).

[99] В житии Иосифа, составленном Львом Филологом, и в житии Серапиона говорится о выступлении нестяжателей, без указания имен: «Некоим бо отцем...» («Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным», стр. 37; Г. Н. Моисеева. Житие новгородского архиепископа Серапиона.— «Труды ОДРЛ», т. XXI. М.— Л., 1965, стр. 156).

[100] ПСРЛ, т. 30, стр. 175—176, 200.

[101] ААЭ, т. I, № 383/1.

[102] «Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным», стр. 36.

Так или иначе, отнесение собора к периоду между 1 и 21 сентября 1503 г. не противоречит показаниям актовых, летописных, житийных и других источников [103]. Датировка же его более поздним временем, очевидно, исключается, поскольку с 21 сентября по 9 ноября в Москве не было Ивана III, а в ноябре — декабре — Геннадия.

3. Возрождение удельной системы

В житиях Иосифа и Серапиона к времени собора приурочено «нечто божественно», случившееся с Иваном III [104]. Ю. К. Бегунов считает, что здесь имеется в виду болезнь Ивана III конца июля 1503 г. [105] Однако место, где об этом сообщается в житиях (после рассказа о соборе, обсуждавшем планы секуляризации), не позволяет согласиться с таким хронологическим приурочением. Учитывая дальнейшую активную деятельность Ивана III в 1504—1505 гг., допустимо предположить, что в житиях речь идет о серьезном улучшении здоровья великого князя в сентябре 1503 г., что дало ему возможность отправиться в поездку 21 сентября [106].

Вполне естественно, что после неудачи на соборе Иван III направился прежде всего к Троице, где следовало окончательно урегулировать конфликт с Серапионом. Вероятно, победа церкви решила проблему уделов.

Только получив отказ церковных иерархов принять план секуляризации и примирившись с этим, Иван III вплотную приступил к выработке духовной, о чем свидетельствует его поездка с детьми по городам к северу от Москвы, расположенным по соседству с будущими Дмитрово-Кашинским и Углицким уделами (Переславль-Залесский, Ростов, Ярославль). Жития Иосифа и Серапиона прямо связывают между собой два события: провал

---

[103] По мнению Я. С. Лурье, вопрос о селах обсуждался на том же соборе, что и вопрос о вдовых попах (Я. С. Лурье. Идеологическая борьба..., стр. 410).

[104] «Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным», стр. 39; Г. Н. Моисеева. Указ. соч., стр. 157.

[105] Ю. К. Бегунов. Указ. соч., стр. 359, прим. 32.

[106] В Степенной книге после известия о болезни Ивана III говорится: «И тако самодержавный не уны, ни обленися, полезная души своей промышляя, сугубо подвиг полагая. И поиде с Москвы и с сыном своим...» (далее о поездке по северным уездам — ПСРЛ, т. 21, вторая половина, стр. 577).

секуляризационной программы и составление духовной Ивана III [107].

Рассуждая чисто теоретически, можно высказать догадку, что в случае, если бы собор одобрил план секуляризации, Иван III отказался бы от распределения земель в уделы младшим сыновьям. Провал секуляризационного плана предопределил раздачу уделов. Иван III был поставлен перед необходимостью руководствоваться старинным правилом предоставления княжеств не только наследнику престола, но и другим сыновьям.

Это вынужденное следование традициям объясняется незрелостью формировавшегося русского самодержавия в конце XV — первой половине XVI в., когда в силу социальных причин (недостаточное развитие дворянского землевладения и городов, сохранение крупного церковно-монастырского землевладения) «единодержавие» еще не могло превратиться в неограниченную монархию. В этих условиях сосредоточение власти над всеми районами государства в руках одного старшего сына — наследника престола неизбежно вызвало бы феодальный мятеж его младших братьев, опиравшихся на значительные группы земельной аристократии в лице оппозиционных слоев боярства и духовенства (не случайно Юрий судя по «Слову иному», занял явно процерковную позицию в вопросе о секуляризации).

Вероятно, какой-то вариант духовной был подготовлен уже к началу ноября 1503 г., однако болезнь рузского князя Ивана Борисовича в ноябре 1503 г. и шаги, направленные Иваном III на получение его наследства [108], заставили изменить эту редакцию завещания, ибо в нее не вошли распоряжения относительно Рузы и половины Ржевы, а кому-либо из сыновей, возможно, предоставлялись территории, взамен которых великий князь хотел теперь дать Рузский удел.

Накануне и после составления духовной Ивана III между членами великокняжеского семейства велась ожесточенная борьба за обладание различными территориями. Духовная грамота Ивана III, сохранившаяся в списке начала XVI в., не имеет даты [109]. Не датированы так-

[107] «Житие преподобного Иосифа, составленное неизвестным», стр. 39; Г. Н. Моисеева. Указ. соч., стр. 157.
[108] А. А. Зимин. Княжеские духовные грамоты..., стр. 268—273.
[109] ДиДГ, № 89.

же данная, отводная и разъезжие грамоты на земли, полученные удельными князьями. Дата указана только в договоре между Василием и Юрием (16 июня 1504 г.) [110]. Данная грамота предоставляет всем удельным князьям (Юрию, Дмитрию, Семену и Андрею) дворы в Москве [111]. Отводная грамота посвящена приобретениям Юрия под Москвой и в Москве — с. Сущеву и дворам [112]. В пяти разъезжих грамотах фиксировались границы, по которым были размежеваны владения Юрия (Кашинский, Дмитровский, Рузский и Звенигородский уезды) с территориями, оставшимися в составе великого княжества [113]. В одной разъезжей грамоте, сохранившейся в списке первой половины XVI в. [114], устанавливался рубеж между Старицким уездом, предназначавшимся Андрею, и Новоторжским [115]. Разъезжие на другие части удела Андрея, а также разъезжие Дмитрию и Семену неизвестны, однако факт существования разъезжей Андрею, самому младшему удельному князю, позволяет предполагать наличие разъезжих на земли Дмитрия и Семена и позднейшее изъятие этих документов из великокняжеского архива.

---

[110] ДиДГ, № 90.

[111] Там же, № 91.

[112] Там же, № 92.

[113] Там же, № 93—97.

[114] Водяной знак — перчатка такого же типа, какую встречаем в бумаге копийной книги Троице-Сергиева монастыря 30-х годов XVI в. (ГБЛ, ф. 303, кн. 518; см. С. М. Каштанов. Копийные книги Троице-Сергиева монастыря XVI в.— «Записки отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина», вып. 18. М., 1956, стр. 8, прим. 30).

[115] «Выпись из великого князя грамоты Ивана Васильевича всея Русии. Пожаловал сына своего князя Андрея городом Старицею. И розъезд Старице от Новоторской земли писма Григорья Федорова сына Иванова, да Обирнишинскою оградою по заполью межею старыю к вымлу, да с вымла на лужек и на вязовой пень старыю межею прямо по ямам до мшары на мху, да к Обернишинским воротцом, а от воротец через луг по ямам в болото на сорок колов до верховья реки Корожи, направе Ласицына пустошь да Обернишина деревня Брыкачевские волости — к Старице городу, налево Подъяблонье и Подлипное и Молоково и Зрезнево — Новоторская земля у Перевицкой губы, а за полотом (болотом? — *С. К.*) за сорок колов деревня Богатырево — Иворовская волость к Старице городу, а от болота рекою Корожею вниз до Корожского водопоя, да ис Корожи реки налево по берег луга по ямам на великой камень на Водник» (ГПБ, Погод. 1564, л. 112).

Документы, вышедшие из удельнокняжеских канцелярий и имеющие дату (жалованные грамоты, судные списки и др.), позволяют установить примерное время перехода определенных уездов в состав того или иного удела, однако, поскольку для разных уездов они показывают разное время перехода в удел, их значение как источников, определяющих дату духовной, нельзя абсолютизировать. Л. В. Черепнин датирует духовную апрелем 1504 г., ибо лишь в 20-х числах апреля появились первые жалованные грамоты князя Юрия Ивановича на земли в Дмитровском и Кашинском уездах [116]. К этой датировке по тем же мотивам склонялись и мы [117]. А. А. Зимин относит составление духовной к марту — апрелю 1504 г. [118]

Однако наиболее ранний документ, показывающий удельнокняжеские полномочия Юрия,— судный список на кашинские земли, подписанный князем 26 января 1504 г. [119],— не был поставлен в связь с апрельскими жалованными грамотами, наоборот, он был противопоставлен им. В нашей статье хотя и говорилось, что из этого документа Юрий предстает как удельный князь [120], однако отсюда не был сделан вывод о существовании в январе 1504 г. Кашинского удела Юрия. Между тем Юрий мог владеть Кашином в январе 1504 г. не по проекту духовной, составленному в начале ноября 1503 г. (до смерти Ивана Борисовича Рузского), а уже по ее окончательному варианту, появившемуся после смерти Ивана Борисовича 28 ноября 1503 г.

В марте 1504 г. Иван III выдал серию жалованных грамот митрополичьему дому. Грамоты касались уездов Московского, Коломенского, Переславль-Залесского, Юрьев-Польского, Владимирского, Вологодского и Белозерского [121]. Не находим грамот марта 1504 г. на митрополичьи владения в уездах Костромском, Ростовском Суздальском, Нижегородском, Муромском, Дмитровском

---

[116] Л. В. Черепнин. Указ. соч., ч. 1. М.— Л., 1948, стр. 221.
[117] С. М. Каштанов. Из истории последних уделов, стр. 280—281.
[118] А. А. Зимин. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв.— «Проблемы источниковедения», т. VI. М., 1958, стр. 319—320.
[119] АСЭИ, т. III, № 172.
[120] С. М. Каштанов. Из истории последних уделов, стр. 281.
[121] АФЗиХ, ч. I, № 70, 113, 134, 150, 224, 311, 313.

и Звенигородском, где у митрополитов имелись вотчины в XV в. Отсутствие грамот на земли Дмитровского и Звенигородского уездов кажется нам признаком того, что в марте 1504 г. Дмитров и Звенигород уже числились за Юрием, хотя неизвестно, управлялись ли им реально.

Составление духовной было исходным моментом, с которого могло начаться распределение уделов. Вторым необходимым этапом являлся, по-видимому, разъезд земель. Вероятно, только после этого князья вступали в управление уделом или какой-то его частью.

Сопоставим кашинский судный список января 1504 г. с разъезжими грамотами на кашинские земли. Судя по дошедшим разъезжим, Кашинский уезд разъезжался двояким образом: 1) от Ростова [122]; 2) вместе с Дмитровом — от Радонежа и Переславля [123]. В разъезжей, фиксирующей границу между Кашинским и Ростовским уездами, речь идет о кашинской волости Жабне Верхней. Именно в этой волости и находились земли, являвшиеся объектом тяжбы, отраженной в судном списке 1504 г. Интересно, что тяжба началась не по грамоте Юрия. Имя князя, выдавшего грамоту о производстве суда, в подлиннике судного списка отсутствует, так как, согласно примечаниям издателя, в левом верхнем углу листа «вырван значительный кусок текста (на 4 строчки вглубь с лицевой стороны, с соответствующим повреждением и оборота)» [124], копий же этого документа не сохранилось.

Князь, распорядившийся начать судебый процесс, был великим князем всея Руси. Это видно из остатка титула в первой фразе судного списка («вича всея Руси»), а также из того факта, что «судья рекся доложити государя великого князя или старешаго человека» [125]. И. А. Голубцов восстанавливает утраченный текст начала грамоты следующим образом: «великого князя Ивана Василье». Однако эта догадка не представляется бесспорной. Последний, кто ведал Кашином перед 1504 г., был великий князь Василий Иванович всея Руси (документально это засвидетельствовано для 1501 г., но «Тферская земля» упоминается как будто и в грамоте Василия 1502 г.). Не случайно во время процесса судья интересовался

[122] ДиДГ, № 93.
[123] Там же, № 94.
[124] АСЭИ, т. III, стр. 187.
[125] Там же, стр. 185.

прежде всего грамотами Василия: «То у вас грамота великого князя Михаила Борисовичя. Есть ли у вас грамота великого князя Василья Ивановичя всеа Руси?» [126]. Очевидно, в тот момент, когда шло расследование, грамоты Василия считались в Кашинском уезде наиболее авторитетными действующими актами.

Если суд начался в 1503 г. при великом князе Василии Ивановиче, то вынесение приговора Юрием 26 января 1504 г. естественнее всего объясняется переходом в его руки Кашинского уезда в соответствии с духовной Ивана III. Трудно предположить, чтобы Юрий выступил здесь в роли просто «старешаго человека», исполнявшего функции боярина на службе у великого князя Василия или даже Ивана. По-видимому, разъезд Кашина от Ростова состоялся в конце декабря 1503 — первой половине января 1504 г. Отсюда примерная дата духовной — декабрь 1503 г.

Реализация духовной оказалась делом не менее, если не более сложным, чем ее составление. С одной стороны, должен был осуществляться переход ряда территорий в руки удельных князей — и это могло делаться, как показывает пример Кашина, в ущерб насущным интересам Василия. С другой стороны, требовалось заново определить отношения между Иваном III и Василием, который, став наследником престола, не приобрел еще реальной великокняжеской власти.

Состав источников, дошедших от конца 1503 — начала 1504 г., довольно скуден. Осенью 1503 г. (после 1 октября) писец Ф. Ф. Липятин «по... слову» Ивана III рассматривал спор о земле в Лоскомской волости Вологодского уезда [127]. Вероятно, тогда же он — опять-таки «по... слову» Ивана III — судил в Брюховской волости [128]. В обоих случаях спор был решен не в пользу волостных крестьян: в первом случае тяжбу выиграл светский феодал, во втором — монастырские крестьяне. В январе 1504 г. закончился выигранный Троице-Сергиевым монастырем земельный процесс в районе Соли Галицкой, у р. Костромы (судьей высшей инстанции был Иван III) [129]. Волостные крестьяне Кашинского уезда проиграли тяжбу Калязину

[126] АСЭИ, т. III, стр. 184.
[127] Там же, т. II, № 307.
[128] Там же, № 306.
[129] Там же, т. I, № 651.

монастырю (см. судный список, подписанный князем Юрием Ивановичем 26 января 1504 г.).

Таким образом, после собора 1503 г. возобновилась практика присуждения монастырям спорных земель.

Чем обусловливался интерес Ивана III к району Вологды — Соли Галицкой в конце 1503 — январе 1504 г.? Никакого сколько-нибудь уверенного ответа на этот вопрос дать нельзя. Думаем, что эту территорию хотел получить Василий, который когда-то владел Костромским уездом, куда входила Соль Галицкая.

От февраля 1504 г. имеется два документа, позволяющих судить о великокняжеской политике: указная грамота Ивана III «в Серпохов и на Перемышль мытчиком» с разрешением Троице-Сергиеву монастырю беспошлинно провозить хлеб на двухстах возах «из Заречья» [130] и разъезжая грамота писца В. И. Голенина на спорные земли Чудова монастыря и великого князя в Замосковской волости Шерне (разъезд состоялся «по... слову» Ивана III) [131]. Таким образом, объектом внимания оказались как Зарецкая, так и Замосковская половины Московского уезда. О причинах такой локализации внутренней политики можно только догадываться.

С 1497 по 1502 г. Серпухов, Хотунь и Каширa находились в руках служебного казанского царя Мухаммед-Эмина. Зимой 1502 г. Мухаммед-Эмин был восстановлен на казанском престоле. С этого времени могли возникнуть удельные притязания на Серпухов и Хотунь, считавшиеся наследством Юрия Васильевича Дмитровского [132]. Серпухов и Перемышль имели общее удельное прошлое: вплоть до середины XV в. они входили в удел серпуховских князей [133]. К этому же уделу принадлежала и «Мушковы горы треть», на проезд через которую Иван III выдал грамоту, очевидно, в начале 1504 г. Речь идет о проезжей грамоте Симонову монастырю [134]. Этой грамоте мы посвятили специальную заметку [135], написан-

---

130 ГПБ, Погод. 1905, л. 64 об., № 46.
131 АСЭИ, т. III, № 46.
132 ДиДГ, стр. 326.
133 Там же, стр. 70, 129, 132, 135, 138, 169, 173.
134 АСЭИ, т. II, № 432.
135 С. М. Каштанов. Нарушил ли Иван III свою духовную грамоту? (Об одной ошибке в датировке грамоты).— «Вопросы архивоведения», 1965, № 2, стр. 59—62.

ную, к сожалению, без учета показаний разъезжей грамоты Ивана III Юрию на Дмитровский, Рузский и Звенигородский уезды [136]. Из разъезжей явствует, что Мушковская треть оставалась в составе великого княжения, а в Дмитровский удел переходила «волость Мушкова» [137] — территория, фигурирующая в проезжей грамоте Юрия от 29 апреля 1504 г. под именем двух третей Мушковских [138]. Поэтому выдача Иваном III грамоты на проезд через Мушковскую треть в период после составления духовной грамоты не может быть расценена как нарушение последней. Следовательно, наша критика датировки И. А. Голубцова, относящего проезжую грамоту к 1505 г. [139], исходила из неверной посылки.

Однако мы продолжаем думать, что грамота Ивана III возникла не после, а до аналогичной по формуляру грамоты Юрия. Об этом свидетельствует 1) уже отмеченный нами подражательный характер иммунитетной политики Юрия в 1504 г.; 2) схожесть грамоты Ивана по содержанию с февральской грамотой 1504 г. о провозе троицкого хлеба. Проезжая грамота Ивана III Симонову монастырю дошла до нас в монастырском списке начала XVI в. И. А. Голубцов указал, что список этот «не вполне точный» (в великокняжеском титуле Ивана III нет слов «всея Руси», в подтверждении Василия отсутствует подпись дьяка). Однако издатель не усомнился в правильности передачи списком имени архимандрита («Варламья»), хотя по данным П. М. Строева Варлаам стал симоновским настоятелем только в 1506 г. [140] (летописи сообщают, что предшественник Варлаама «Васиан архимандрит симановской» был назначен ростовским архиепископом 18 января 1506 г. [141]). По-видимому, Варлаам не являлся настоятелем Симонова монастыря ни в 1504, ни в 1505 гг. Появление его имени в неисправном монастырском списке начала XVI в. с проезжей грамоты Ивана III 1504 г. объясняется скорее всего тем, что список составлялся в период правления Варлаама (1506—

[136] ДиДГ, № 95.
[137] Там же, стр. 387, 388.
[138] АСЭИ, т. II, № 427.
[139] К этому же году относил грамоту и Л. В. Черепнин (Указ. соч., ч. 2, стр. 225).
[140] П. М. Строев. Указ. соч., стб. 149—150.
[141] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 2.

1511 гг.), и переписчик, сознательно или по ошибке, вписал «Варламья» вместо стоявшего в подлиннике «Васьяна».

Что представляла собой Шерна? По духовной Дмитрия Донского она была отдана вместе с Дмитровом удельному князю Петру [142]. В духовной Ивана III Шерна упоминается в числе московских волостей, которые «были к Дмитрову приданы» [143]. До 1472 г. она, по всей вероятности, входила в удел Юрия Васильевича Дмитровского, поскольку Василий Темный завещал Юрию Дмитров «з Замосковъскими волостьми..., как было за княземъ за Петром» [144]. Напомним, что в 1498 г. князь Василий Иванович, сын Ивана III, имел какие-то небольшие владетельные права в районе Шерны, где он предоставил земли и подарил кожаное евангелие митрополичьей церкви Николы в Пружках.

Итак, в феврале 1504 г. Иван III сосредоточил внимание на территориях, являвшихся частью действительного (Шерна) или условного (Серпухов) дмитровского наследства. Однако это были не те районы, которые по духовной Ивана III передавались удельному дмитровскому князю Юрию Ивановичу, а те, которые в составе великого княжения завещались Василию. Черты дмитровского наследства частично перекрывались в них чертами наследства серпуховского и, главное, «царского» [145]. Кроме того, известную роль играли, очевидно, политические связи Шеренской волости с великим князем Василием. Поэтому едва ли можно думать, что главная цель выдачи грамот февраля 1504 г. сводилась к нейтрализации удельных притязаний Юрия.

Видимо, передача Юрию Кашина в январе 1504 г. вызвала резкое недовольство Василия, потребовавшего себе компенсацию в виде Серпухова, Перемышля, Шерны и близких к Дмитровскому уделу волостей. Рассмотренные грамоты февраля 1504 г. были направлены скорее против претензий Василия, чем Юрия. Предпринятая Иваном III в январе — феврале 1504 г. попытка укрепить пожалованиями нарушенный в 1503 г. союз с Троице-Сергиевым монастырем фактически поднимала престиж

[142] ДиДГ, стр. 34.
[143] Там же, стр. 354.
[144] Там же, стр. 194.
[145] Царя Мухаммед-Эмина.

Юрия, который, в отличие от Василия, не высказался в 1503 г. за секуляризацию.

Василий был кровно заинтересован в задержке распределения уделов и, очевидно, проявлял наибольшее беспокойство по поводу районов, смежных с Дмитровским уездом, боясь распространения на них влияния Юрия и, возможно, желая поставить их под свой контроль (до получения всего великого княжения после смерти отца). Об этом, как нам кажется, свидетельствует недатированный судный список на спорные земли Троице-Сергиева монастыря[146]. Документ касался пустошей, расположенных в Мишутинской волости Переславль-Залесского уезда, на границе с Дмитровским уездом. Эти владения тянули к с. Бебякову Дмитровского уезда[147]. Суд осуществлял писец В. И. Голенин. Он докладывал о процессе, очевидно, Ивану III[148], но решение было предоставлено великому князю Василию[149]. Для датировки этого источника решающее значение имеет состав лиц, присутствовавших «на суде» у В. И. Голенина. В документе указаны «Игнатей Федоров сын Слободкин, да Максим Васильев сын Горин, да Власей Ушак Ортемьев сын».

В двух недатированных правых грамотах писца В. И. Голенина на земли в Горетовском стане Московского уезда судными мужами являются Игнатий Слободкин и Максим Горин, но в качестве судьи высшей инстанции выступает только Иван III, о великом же князе Василии Ивановиче упоминаний нет[150]. Горетовский стан Московского уезда граничил с дмитровскими и звенигородскими волостями[151]; следовательно, по своему порубежному положению он напоминает Мишутинский стан Переславль-Залесского уезда. И Мишутинский, и Горетовский станы фигурируют в разъезжих грамотах Ивана III Юрию в

---

146 АСЭИ, т. I, № 628.

147 Там же, стр. 596, комм. к № 61; ср. стр. 634, комм. к № 628.

148 «А князь Василей суд свой сказывал великому князю, а у великого князя были бояре Яков Захарьичь да казначей Дмитрей Володимеровичь» (АСЭИ, т. I, стр. 541).

149 «И по великого князя слову Василья Ивановича всеа Русии...» (там же).

150 Там же, т. II, № 421; т. III, № 50. О принадлежности к Горетовскому стану земель, фигурирующих в № 421, см.: АСЭИ, т. II, стр. 645 (с. Ивановское), 661 (Положимолотовская земля).

151 ДиДГ, стр. 381, 388—389.

числе смежных с дмитровскими владениями территорий. Горетовский стан назван в разъезжей грамоте писца В. И. Голенина, подписанной несколькими должностными лицами, в том числе Максимом Гориным и Игнатием Слободкиным [152]. Отсюда можно заключить, что разъезжая и правые грамоты В. И. Голенина на горетовские земли — документы более или менее синхронные.

Иначе обстоит дело с мишутинским судным списком. Дмитровские земли отмежевывал от мишутинских не В. И. Голенин, а М. В. Тучков [153]. Работавший вместе с Тучковым дьяк Вас. Нефимонов появляется у В. И. Голенина уже в феврале 1504 г., когда Голенин межевал в Шеренской волости [154]. В. И. Голенин и дьяк Вас. Нефимонов совместно проводили межевание также в волости Бели Московского уезда в 7012 (1503/04) г. [155] и в Заборской волости Переславль-Залесского уезда (разъезжая без даты) [156]. Кроме того, в 7012 г. В. И. Голенин описывал Радонеж [157]. Шерна, Радонеж, Бели, Мишутино, Заборская волость — территории, расположенные сравнительно недалеко друг от друга. Горетовский стан, напротив, находился в значительном отдалении от этих районов, в западной части Московского уезда.

Если работа Голенина в Шерне относится к началу февраля 1504 г., то и в остальных волостях, расположенных к северо-востоку от Москвы, он действовал, по-видимому, примерно в то же время (думаем, что не раньше января и не позже марта 1504 г.). Могла ли его горетовская деятельность иметь место после шеренско-радонежской? Это мало вероятно по следующим причинам. В горетовский период при В. И. Голенине находились только те лица, которые вместе с ним участвовали в разъезде Дмитровского удела от великого княжения. В шеренско-мишутинский период у Голенина появляются и те, кто осуществлял разъезд дмитровско-московских территорий вместе с другими писцами (В. Нефимонов — с М. В. Тучковым [158], Ушак — с К. Г. Заболотским [159]). Поскольку

[152] Там же, № 95.
[153] Там же, № 94.
[154] АСЭИ, т. III, № 46.
[155] Там же, № 48а, стр. 73, гр. 6.
[156] Там же, т. I, № 643.
[157] Там же, № 649.
[158] ДиДГ, № 94.
[159] Там же, № 96.

Голенин работал в восточном Замосковье, видимо, после отмежевания Переславля от дмитровских волостей, можно полагать, что Нефимонов оказался сначала помощником Тучкова, а уж потом — Голенина.

Осведомленность в земельных делах восточного Замосковья, приобретенная Нефимоновым за время работы с Тучковым, очевидно, и послужила основанием для его прикомандирования к отправленному в этот район В. И. Голенину. В. И. Голенин и М. Горин межевали горетовско-дмитровские земли скорее всего тогда же, когда М. В. Тучков и В. Нефимонов межевали переславско-дмитровские земли, а К. Г. Заболотский и Ушак устанавливали дмитровско-клинские рубежи. Конечно, рассуждая формально-логически, мы вправе допустить, что и В. Нефимонов и Ушак сначала работали с В. И. Голениным в восточном Замосковье и лишь затем перешли к чрезвычайным писцам, занимавшимся разъездом Дмитровского удела от великого княжения. Против этого, однако, говорит логика писцово-межевой деятельности того времени: не мог В. И. Голенин вместе с Ушаком, М. Гориным и И. Слободкиным судить в Мишутинской волости до проведения здесь межевания М. В. Тучковым, В. Нефимоновым и И. Слободкиным.

И. Слободкин упоминается в ряде источников. В разъезжих грамотах разных писцов Ивана III, отмежевывавших Дмитровский удел от великого княжения, а также в судном списке, подписанном 26 января 1504 г. князем Юрием Ивановичем, Игнатий Слободкин назван дьяком князя Юрия; в горетовских правых грамотах и в мишутинском судном списке В. И. Голенина И. Слободкин фигурирует без всякого звания, что послужило для И. А. Голубцова основанием датировать одну из горетовских правых грамот временем до 1504 г. (1498/99 г.) [160]. В правых грамотах и в судном списке Слободкин выступает в окружении лиц, имевших непосредственное отношение к разъезду Дмитровского удела, поэтому отодвигать дату этих документов далеко от 1504 г. нельзя. И. Слободкин присутствовал на суде, очевидно, как уполномоченный князя Юрия Ивановича, представлявший его интересы. Такое положение дел могло быть в период межевания или вскоре после него. Что касается упоминания И. Слободкина

[160] АСЭИ, т. II, № 421.

без указания его должности, то не связано ли это со спецификой удостоверительной части судебных документов? (Ушак тоже не назван дьяком, хотя в разъезжей грамоте он определяется как дворцовый дьяк [161]).

Максим Горин в январе 1504 г. служил при князе Александре Владимировиче Ростовском, который был, наверное, его сюзереном [162]; в 7012 (1503/04) г. Горин — послух в Ростовском уезде [163], а 30 августа 1504 г. он разъехал земли в Жданском стане Московского уезда [164]. Переход Горина к В. И. Голенину состоялся, по-видимому, не раньше января 1504 г.

Итак, все данные о лицах, упомянутых в разъезжих грамотах и других источниках, ведут нас к январю 1504 г. как наиболее вероятной дате разъезжей и горетовских правых грамот В. И. Голенина и М. Горина. Мишутинский же судный список относится, может быть, к самому концу января или к февралю — марту 1504 г.

Несмотря на разъезд дмитровских волостей от московских и переславских в январе 1504 г., Юрий вступил в обладание дмитровской частью своего удела только в конце апреля 1504 г. Значит, разъезд еще не был гарантией действительного перехода уезда в руки соответствующего удельного князя. Этот вывод подкрепляется тем обстоятельством, что при наличии разъезжей грамоты Ивана III Андрею на Старицкий уезд до 1519 г. нет никаких данных об управлении Андрея Старицей.

Как показывает мишутинский судный список, великий князь Василий стремился контролировать дела, связанные с разъездом спорных порубежных земель. Его активность в этом плане вполне понятна. Разъезжие грамоты Ивана III Юрию заканчивались следующей статьей: «И детем моим, Василью и Юрью, тех городов и станов и волостей ведати рубеж по сему списку по тому, как в сем списку писано». С самого начала межевания Василий и Юрий оказались в положении реальных политических соперников. Задержка в предоставлении уделов младшим сыновьям Ивана III определялась в первую очередь позицией Василия.

---

[161] ДиДГ, № 96.
[162] АСЭИ, т. I, № 651.
[163] Там же, № 648.
[164] Там же, т. II, № 429.

Замосковские волости, в которых в начале 1504 г. действовал В. И. Голенин, концентрировались вокруг Радонежа. Волость Бели непосредственно примыкала к нему с юга, Шерна была расположена к востоку от Радонежа и отделялась от него волостью Ворей-Корзеневым. Сам Радонеж граничил с дмитровскими волостями Вышегородом и Инобажем [165]. Таким образом, с одной стороны, создается впечатление, что работа Голенина имела целью укрепление великокняжеской власти в порубежных с Дмитровским уездом землях. С другой стороны, эти меры можно расценивать и как предохранительные против Василия, стремившегося, по-видимому, утвердиться в соседнем с Дмитровским уделом Радонеже и близких к нему замосковских и переславских волостях. Радонеж некогда входил в Серпуховско-Боровское княжество. Внимание Ивана III в начале 1504 г. к разным частям серпуховско-боровского наследства (Серпухову, Перемышлю, трети Мушковской, Радонежу) кажется неслучайным. Следует учитывать также, что Вышегород, Радонеж и Бели — бывшая сфера влияния Андрея Углицкого [166], чьим наследником в какой-то мере являлся Василий, получивший в 1501—1502 гг. часть его удела.

Рассмотрим состав земель, охваченных грамотами Ивана III марта 1504 г. митрополичьему дому. Грамота на митрополичьи вотчины Московского уезда касается владений в Соболеве, Бохове, Быкове, Сетунском станах, Лучинской волости и Рогожском «уезде» [167]. Волость Рогож находилась в районе нынешнего Ногинска (бывшего Богородска) [168], севернее Вохны и, очевидно, южнее Соболева стана, между Черноголовлем на востоке, Боховым станом и волостью Бели на западе. Соболев стан (возможно, тождественный позднейшему Отъезжему стану) представлял, скорее всего, отделившуюся часть волости Шерны. На юге он граничил, по-видимому, с Рогожем, на севере — с Ворей-Корзеневым, на востоке — с Шерной, на западе — с Бели [169]. Бохов стан был окружен с

---

[165] В. Н. Дебольский. Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник, [вып. I]. СПб., 1901, карта в конце книги; вып. II. СПб., 1902, карта.

[166] Он имел здесь ряд сел (ДиДГ, стр. 327).

[167] АФЗиХ, ч. I, № 70.

[168] Ю. Готье. Замосковный край в XVII веке. М., 1906, стр. 578.

[169] Расположение Соболева стана устанавливается по относимой грамотой к нему «деревне в Пружку». Очевидно, имеется в виду по-

юга и юго-востока Васильцовым станом и Вохной, с юго-запада — Манатьиным станом, с севера — волостью Бели, с востока — очевидно, Соболевым станом, с запада — Быковым. Быков стан примыкал на севере к Вышегородскому стану Дмитровского уезда [170], на северо-востоке — к Радонежу, на юге он граничил с Манатьиным и Боховым станами, на востоке — с волостью Бели, на западе — с дмитровской волостью Зарадомле [171].

Таким образом, в жалованной грамоте речь шла о московских станах, примыкавших с запада и юга к волостям Бели, Шерне и Радонежу, где работал примерно в то же время писец В. И. Голенин.

Сетунский стан и Лучинская волость были расположены в ином районе — к западу от Москвы. Лучинская волость граничила с Мушковской волостью Дмитровского уезда и станом Сурожиком Московского уезда на севере [172], Звенигородским уездом на юге и западе [173] (Лучинское находилось в 19 верстах к северу от Звенигорода [174]), Горетовым станом Московского уезда на юго-востоке. Сетунский стан на севере граничил, по-видимому, с Горетовым и Коровиным станами Московского уезда, на юге — с Сосенским и Таракмановским станами, на востоке примыкал к г. Москве, на западе, возможно, соприкасался частично с Лучинской волостью, частично — со Звенигородским уездом [175].

Следовательно, и этот комплекс земель входил в область, на которую распространялось особенное внимание правительства Ивана III в начале 1504 г. (треть Мушкова, Горетовский стан).

гост Пружки на рч. Пруженке, левом притоке р. Вори (об этом погосте см.: АСЭИ, т. III, стр. 486—488, комментарии И. А. Голубцова к № 28 и 52; рч. Пружонку см. на карте Московской обл. 1939 г.; соседние станы см.: Е. Д. Сташевский. Московский уезд по писцовым книгам XVI в. Киев, 1907, карта в конце книги).

170 ДиДГ, стр. 392.

171 Там же, стр. 390.

172 Там же, стр. 387.

173 Там же, стр. 383.

174 В. Н. Дебольский. Указ. соч., [вып. I], стр. 21.

175 Ср. И. Е. Забелин. Кунцово и древний Сетунский стан. М., 1873. О местонахождении упомянутых в грамоте митрополичьих сел Голенищева и Селятина см.: «История Москвы», т. 1. М., 1952, стр. 73 и карты.

Как расценивать значение такой локализации внутренней политики в Московском уезде? Сводилось ли здесь дело лишь к борьбе с дмитровской опасностью? Мы видели, что одни волости и станы, попавшие в сферу политики в начале 1504 г., граничили с уездами Дмитровским (Радонеж, Быков стан, треть Мушкова, Лучинская волость) или Звенигородским (Лучинская волость и, может быть, Сетунский стан); другие являлись волостями, ранее «тянувшими» к Дмитрову (Рогож, Шерна); однако имелись и территории, только примыкавшие к этим землям (волость Бели, станы Бохов, Соболев, Горетов). Соболев стан представлял собой, очевидно, ту часть древней волости Шерны, где находился погост Пружки — объект владетельных прав Василия в период его опалы 1498 г.

В духовной грамоте Ивана III сказано: «Да что были к Дмитрову приданы волости московские Рогож, Воря, Корзенево, Шерна городок, Сулишин и с Новым селом, и яз те волости даю к Москве со всем по старине сыну своему Василью; да ему ж даю волости Сурожик, да Лучинское, да Радонеж с волостьми и з путми и з селы и со всеми пошлинами, да треть Мушкову с мытом с Лопским»[176]. В цитированной статье перечислены территории, составлявшие ядро очерченного выше круга земель, оказавшихся в центре земельно-иммунитетной политики начала 1504 г. Возникает предположение, не поставил ли Василий перед Иваном III вопрос о немедленной реализации этой статьи и не объясняется ли выдача грамот в феврале — марте 1504 г. попыткой Ивана III сорвать планы Василия и закрепить указанные районы за собой? Это допущение не снимает проблемы московско-дмитровских отношений, а представляет ее в более конкретном свете. Иван III должен был в какой-то мере пойти на уступки Василию. Он пожаловал его правом судьи высшей инстанции в отношении соседней с Дмитровом Мишутинской волости. Горетовские дела Иван III рассматривал сам, но, по-видимому, наделил Василия некоторыми полномочиями в стане Сурожике (пограничном с Мушковской волостью Дмитровского уезда и, вероятно, отчасти со Звенигородским уездом).

Под 7013 г. в описи архива Чудова монастыря указаны две грамоты великого князя Василия Ивановича: одна

[176] ДиДГ, стр. 354.

«судная» на землю с. Лушков, другая без названия — «на сенные покосы по р. Истре» [177]. Мы помним, что около 1506 г. с. Лужки находилось в Сурожике [178]. Река Истра протекала в районе Мушковской трети, Сурожика, Лучинской волости, Горетовского стана и Звенигородского уезда. Сенные покосы лежали, очевидно, недалеко от Лужков. Чудовские свидетельства о судебной (может быть, и межевой) деятельности Василия Ивановича в сентябре 1504 — августе 1505 г. не являются, конечно, доказательством того, что он уже в начале 1504 г. имел судебные права в Сурожике и окрестностях, но они достаточно раскрывают направленность его претензий.

В грамоте митрополичьему дому на коломенские владения объектом пожалования было село Бисерово с деревнями в Брашеве [179], расположенной между средним течением р. Нерской и ее притоком Суханкой [180]. С востока к этой территории примыкала волость Гуслица, входившая в XV в. в состав Дмитровского удела. По духовной Ивана III Гуслица предназначалась Андрею, при этом Юрию было запрещено вступаться в нее, как и в другие завещанные Андрею волости, прежде тянувшие к Дмитрову [181]. Сама волость Брашева являлась наследством великой княгини Марии Ярославны [182], возможно, передавшей ее одному из сыновей. Таким образом, Брашева имела важное значение либо как удельное наследство, либо как территория, соседняя с Гуслицей. Уделы младших князей были для Василия более доступным куском, чем удел Юрия, поэтому Иван III стремился ограничить его аппетиты, укрепляя свою власть на подступах к удельным волостям.

В переславской грамоте митрополичьему дому фигурируют села в Великой слободе, Конюшском и Никицком станах [183]. Великая слобода — юго-западная часть Переславль-Залесского уезда — находилась вблизи Замосков-

---

[177] АСЭИ, т. III, № 48а, стр. 73, гр. 353, 354.
[178] В. Б. Кобрин. Две жалованные грамоты Чудову монастырю (XVI в.).— «Записки отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина», вып. 25. М., 1962, стр. 295.
[179] АФЗиХ, ч. I, № 113.
[180] В. Н. Дебольский. Указ. соч., [вып. I], стр. 5—6.
[181] ДиДГ, стр. 360.
[182] Там же, стр. 196.
[183] АФЗиХ, ч. I, № 134.

ской волости Кунеи[184], которая, как и Гуслица, в XV в. была к Дмитрову «придана», а Иваном III завещана самому младшему сыну — Андрею (граничила с Мишутиным). Конюшский стан, расположенный северо-восточнее Переславского озера, простирался до ростовского рубежа[185]. Никицкий стан примыкал к озеру с юго-востока. Он тянулся по р. Трубежу[186] в сторону Юрьев-Польского уезда. Юрьев-польская грамота называет владения в Шуткине стане[187]. Этот стан занимал центральную часть уезда в бассейне р. Колокши[188]. Шуткин стан входил некогда в сферу влияния удельного дмитровского князя Юрия Васильевича.

Во владимирской грамоте митрополиту перечислены земельные владения в следующих административных единицах: в Опольском, Боголюбском, «Мелехотцком» (Ильмехоцком), Клекове станах, в Сенгу, в Рогу, в волостях Славцове, Баглаче, Содомове, Жагалове, Тиунцове угле, Погорелице, Санниче[189]. Опольский, Боголюбский, Ильмехоцкий и Клеков станы составляли центральную часть Владимирского уезда, причем первые три были расположены к северу от р. Клязьмы и граничили с уездами Суздальским (Опольский, Боголюбский станы) и Юрьев-Польским (Ильмехоцкий стан)[190]. Волость Санниче, вероятно, входила в состав Ильмехоцкого стана и захватывала земли по правому берегу р. Клязьмы[191]. Клеков стан, лежавший к югу от г. Владимира в бассейне рек Бужи и Поли, притоков Оки[192], граничил на западе с владимирскими волостями Шатуром и Вышелесом. Шатур являлся наследством великой княгини Марии Яро-

---

[184] См. с. Б. Каринское западнее г. Александрова (современная карта Подмосковья); ср. В. Н. Дебольский. Указ. соч., вып. II, стр. 21 и карта в конце книги; Ю. Готье. Указ. соч., стр. 577.

[185] Ю. Готье. Указ. соч., стр. 582. О местоположении упомянутого в грамоте с. Милятина Конюшского стана см.: Ю. Г. Алексеев. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI в. Переяславский уезд. М.— Л., 1966, стр. 143.

[186] Ю. Готье. Указ. соч., стр. 583.

[187] АФЗиХ, ч. I, № 150.

[188] Ю. Готье. Указ. соч., стр. 600.

[189] АФЗиХ, ч. I, № 224.

[190] Ю. Готье. Указ. соч., стр. 556—558.

[191] Там же, стр. 558.

[192] Там же, стр. 557.

славны[193], Вышелес — князя Андрея Углицкого[194]. Баглачевская волость была составной частью Клекова стана[195]. Волость Сенег находилась в бассейне р. Сеньги[196], правого притока Клязьмы[197]. На западе к ней примыкала Замосковская область Загарье[198], на юго-западе — Гуслица[199] (обе в XV в. ведались дмитровским удельным князем, а в духовной Ивана III были завещаны Андрею Старицкому). С севера волость Сенег граничила, по-видимому, с волостью Марининской слободой Переславль-Залесского уезда, которая представляла собой наследство великой княгини Марии Ярославны. Рог, расположенный в среднем течении р. Пекши, граничил с Юрьев-Польским уездом на севере[200] и, вероятно, с Марининской слободой Переславского уезда на западе. Волость Жагалова (или Жегаловская) также находилась в бассейне р. Пекши[201]. Местоположение Славцова[202], Содомова, Тиунцова угла и Погорелицы нами не установлено.

Учитывая выявленный состав территорий, оказавшихся объектом внимания Ивана III в жалованных грамотах митрополичьему дому на владения в Переславль-Залесском, Юрьев-Польском и Владимирском уездах, можно констатировать прежде всего, что великий князь подтверждал незыблемость своей власти в центральных частях этих уездов, концентрировавшихся вокруг самих городов Переславля-Залесского, Юрьева-Польского и Владимира. По-видимому, необходимо принять в расчет роль Владимира как бывшей столицы великого княжества (в титуле государей всея Руси слово «владимерский» стояло на первом месте — перед словом «московский»). Это первопрестольное прошлое Владимира, отраженное и увековеченное в великокняжеском титуле, могло явиться основанием для требования Василия предоставить ему Владимирскую землю в качестве временной (до

193 ДиДГ, стр. 197.
194 Там же, стр. 327.
195 Ю. Готье. Указ. соч., стр. 557.
196 Там же, стр. 558.
197 См. карту Московской области 1939 г.
198 Е. Д. Сташевский. Указ. соч., карта в конце книги.
199 Там же; В. Н. Дебольский. Указ. соч., вып. II, карта в конце книги.
200 Ю. Готье. Указ. соч., стр. 558.
201 Там же, стр. 557.
202 О Славецкой волости см.: Ю. Готье. Указ. соч., стр. 558.

смерти Ивана III) области великого княжения. Отмеченное выше участие Василия в разборе тяжбы о земле в Мишутинской волости служит доказательством его претензий на Переславль-Залесский уезд. Естественно, что земли Юрьев-Польского уезда, лежавшие между Переславль-Залесским и Владимирским уездами, могли также рассматриваться как объект притязаний Василия.

Под 7012 г. Владимирский летописец сообщает о выводе Иваном III в Москву из Владимира и Переславля-Залесского «новогородцев гостей» (указан ряд семей) [203]. Удаление из этих городов политически опасного элемента находится, как нам кажется, в связи с возможными претензиями Василия на Владимирскую землю. Вспомним, что Василий был причастен к управлению Новгородом: в новгородских гостях он мог искать себе опору во Владимире и Переславле.

Анализ состава земель, упомянутых во владимирской грамоте, показывает, что, кроме центральных территорий Владимирского уезда, речь здесь идет о станах и волостях, расположенных в его западной части, пограничной с Московским и Переславль-Залесским уездами. По соседству с некоторыми из административных единиц, названных во владимирской и переславской грамотах, мы видим удельные волости, являвшиеся недавним наследством Юрия Васильевича Дмитровского, Марии Ярославны и Андрея Васильевича Углицкого. В сферу бывшего дмитровского влияния входил и непосредственно фигурирующий в юрьевской грамоте Шуткин стан. Однако едва ли основная забота Ивана III в 1504 г. состояла в охране дмитровских волостей, завещанных Андрею Ивановичу Старицкому (Кунеи, Вохна, Гуслица), от посягательств Юрия Ивановича Дмитровского. Судя по объектам внимания великокняжеской политики, Иван III больше опасался распространения власти Василия на эти территории.

Мартовская грамота митрополичьему дому на его белозерские и пошехонские вотчины [204] касалась крайнего юго-восточного угла Белозерского уезда [205] и примыкав-

---

[203] ПСРЛ, т. 30, стр. 139—140.

[204] АФЗиХ, ч. I, № 311.

[205] Село Ильинское, деревни по р. Ковже (впадавшей в р. Шексну) и другие владения митрополичьего Череповецкого монастыря (А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края в XV—XVI вв. М.— Л., 1951, карты в приложении к книге).

шей к нему с юга Арбужевской волости Пошехонского уезда[206], грамота же на вологодские владения кафедры была посвящена деревням в волости Тошне[207], расположенной в западной части Вологодского уезда и смыкавшейся с арбужевско-белозерскими территориями[208]. Таким образом, взятые вместе, эти грамоты демонстрируют вполне определенную локализацию политики Ивана III: внимание великого князя приковали районы, находившиеся на стыке двух сравнительно поздно ликвидированных уделов — Вологодского и Белозерского (волость Арбужевесь являлась наследством великой княгини Марии Ярославны[209]).

Как мы помним, Белоозеро в 1502 г. некоторое время принадлежало Василию. 25 апреля 1504 г. с санкции Ивана III был вынесен приговор по спорному делу между Ферапонтовым монастырем и волостными крестьянами о землях в районе усть-Шелекши[210], на границе Белозерского уезда с Вологодским. В судном списке указывается, что крестьянам назначалось три срока явки в суд: 1) на великое заговенье мясное (но судья не поставил их на этот срок); 2) на Петров день (встали перед князем В. И. Голениным); 3) на великое заговенье мясное «перед великим князем Васильем Ивановичем всея Руси» (встали перед В. И. Голениным, который велел их «оправить»).

Видимо, эти сведения соотносятся с сохранившимися текстами следующим образом: за какое-то время до Петрова дня (29 июня) 1502 г. начался суд по грамоте великого князя Василия[211]; это могло иметь место после апреля 1502 г., ибо в апреле Белоозером ведал Иван III[212]; затем стороны были вызваны в суд высшей инстанции (на Петров день?), но окончательное решение по делу принял в августе 1502 г. не Василий, а Иван III, что как будто свидетельствует о потере Василием в это время прав на Белоозеро. Между тем назначение срока явки

---

206 В. Н. Дебольский. Указ. соч., вып. II, карта в конце книги. О том, что с. Спасское находилось в Арбужевской волости, см.: АФЗиХ, ч. I, № 307—310.
207 АФЗиХ, ч. I, № 313.
208 В. Н. Дебольский. Указ. соч., вып. II, карта в конце книги.
209 ДиДГ, стр. 356.
210 АСЭИ, т. II, № 338.
211 Там же, № 337.
212 Там же, № 336.

«перед великим князем Васильем Ивановичем всея Руси» на мясное заговенье (1503 г.) заставляет задуматься, не получил ли Василий снова Белоозеро в конце 1502 — начале 1503 г. Если это так, то выдачу грамоты 1504 г. митрополичьему дому на белозерско-пошехонские и вологодские владения следует рассматривать как попытку Ивана III утвердить здесь свои суверенные права и устранить Василия от управления Белозерским краем.

Отсутствие грамот марта 1504 г. митрополичьему дому, относящихся к землям в Ростовском, Суздальском, Нижегородском и Муромском уездах, служит, по-видимому, указанием на то, что эти уезды не стали объектом сколько-нибудь настойчивых домогательств Василия. Иначе, кажется, надо оценить отсутствие грамоты Ивана III на костромские вотчины митрополита. В 1506 г., вскоре после занятия престола, Василий выдал митрополичьему дому жалованную грамоту на костромские владения [213], аналогичную по содержанию мартовским грамотам Ивана III 1504 г. Возможно, в марте 1504 г. костромская проблема носила настолько острый характер, что Иван III решил отказаться от прямой демонстрации своих прав на Кострому и сосредоточил внимание на других спорных территориях, в отношении которых Василий имел меньше прав.

Итак, сближение Ивана III с митрополичьим домом весной 1504 г., в период начавшейся реализации духовной грамоты, имело, по всей вероятности, главной целью найти в митрополите союзника против великокняжеских притязаний Василия. Пошел ли Иван III ради этой цели вразрез с выработанными к 90-м годам принципами иммунитетной политики?

4. Феодальный иммунитет в 1504—1505 гг.

Насколько позволяет судить содержание грамот, великий князь продолжал строго придерживаться прежней линии предоставления ограниченных иммунитетных прав. Грамоты, полученные Симоном в марте 1504 г., не закрепляли в какой-либо форме освобождения от уплаты государственных налогов. В них имелись только заповедные статьи (запрещение ездокам ставиться и посторонним ли-

[213] АФЗиХ, ч. I, № 262.

цам приходить в села и деревни митрополии на пиры и братчины), а также судебный раздел, в котором из митрополичьей юрисдикции исключались дела о душегубстве и разбое с поличным.

В выдаче Иваном III грамот митрополичьему дому в 1504 г. некоторые авторы усматривали прежде всего отступление от секуляризационной программы. А. Павлов писал: «В следующем (1504.— *С. К.*) году великий князь как бы в доказательство своего искреннего раскаяния в намерении посягнуть на церковную собственность дал митрополиту Симону две жалованных несудимых грамоты, обнимавшие почти все домовые вотчины митрополии»[214]. По мнению В. Медлина, «великий князь предоставил высшему духовенству еще бо́льшие материальные преимущества: он освободил от своей судебной власти и налогообложения (?!) всех крестьян и других лиц, населявших митрополичьи земли в Московском и Владимирском уездах»[215]. Однако уже Л. В. Черепнин отметил скупость жалованных грамот, выданных Иваном III в 1504 г. митрополиту Симону[216].

Показать действительное значение этих грамот для истории митрополичьего иммунитета может только сравнение их с предшествующими актами на те же владения. М. И. Горчаков, затронувший вопрос о месте жалованных грамот 1504 г. среди других документов, фиксирующих иммунитет кафедры, подошел к решению поставленного вопроса с формальных позиций: он рассматривал грамоты 1504 г. как акты, которые «юридически объединяют участки, доселе разъединенные географически и юридически»[217].

На 13 из 20 сел, упомянутых во владимирской грамоте 1504 г., имелась жалованная грамота Ивана III 1464 г.[218] В случае отсутствия новой грамоты грамота 1464 г. сохранила бы свою силу до самой смерти Ивана III. Она освобождала владимирские владения митро-

---

214 А. Павлов. Указ. соч., стр. 50.

215 W. K. Medlin. Moscow and East Rome. Genève, 1952, p. 85—86.

216 Л. В. Черепнин. Указ. соч., ч. 2, стр. 200.

217 М. И. Горчаков. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. Синода. СПб., 1871, стр. 253.

218 АФЗиХ, ч. 1, № 210. В числе владений были следующие села: Павловское, Бухалово, Старый двор, Житково, Новое-под-березами, Ярославль, Всеславское, Спасское, Порецкое, Кусуново, Сновидское, Мещерка, Нажирово.

поличьей кафедры от яма, подвод, тамги и других государственных податей и повинностей. Из судебного иммунитета кафедры исключался только разбор дел о душегубстве. Еще на два села, упомянутые в жалованной грамоте 1504 г., имелась грамота Ивана III 1465 г., полностью подтвержденная в 1473 г.[219] По содержанию она аналогична отмеченной выше грамоте 1464 г. Исключительно широкие привилегии были зафиксированы в жалованной грамоте Василия II (Темного) на волостку Погорелице, которую называет грамота 1504 г. в числе прочих вотчин кафедры во Владимирском уезде. Грамота Василия II, подтвержденная Иваном III, закрепляла за кафедрой полный судебный и податной иммунитет (освобождение от дани, яма, тамги, мыта и др.) [220]. Ликвидировав фактически все эти податные льготы владимирских владений митрополии и ограничив юрисдикцию кафедры, правительство Ивана III в 1504 г. нанесло серьезный удар по иммунитету митрополичьего дома.

Подобное же сокращение привилегий кафедры можно наблюдать и при изучении материалов, относящихся к другим уездам. Так, из пяти сел, упомянутых в грамоте 1504 г. на митрополичьи вотчины Переславль-Залесского уезда, три были прежде отарханены от яма, тамги, подвод и других пошлин, а судебная власть митрополита ограничивалась лишь передачей в руки великокняжеских наместников суда по делам о душегубстве (согласно великокняжеской грамоте 1463 г.) [221].

Для пяти из семи сел Юрьев-Польского уезда, названных в грамоте 1504 г., судебный иммунитет кафедры санкционировался, «опричь душегубства», еще в грамоте Василия II [222]. Село Добрячево Юрьевского уезда было освобождено в 1474 г. Иваном III от яма, подвод, мыта, тамги и различных дворцово-княжеских повинностей; судебные привилегии митрополита фиксировались в том же объеме, что и в грамоте Василия II на юрьевские села кафедры [223]. Наконец, владения митрополичьего Череповецкого монастыря, упоминаемого в грамоте 1504 г. на

---

[219] АФЗиХ, ч. I, № 193. Села Володимерское и Сновидское.
[220] Там же, № 173.
[221] Там же, № 123. Села Милятино, Никитское, Добрилово.
[222] Там же, № 145. Села Ильинское, Поелово, Андреевское, Богоявленское, Пьяницино.
[223] Там же, № 151.

белозерские вотчины кафедры, пользовались полным судебным иммунитетом по грамоте 1449 г. князя Михаила Андреевича [224], а село Федосовское Белозерского уезда было освобождено от дани в грамоте того же князя, выданной в 1473—1486 гг. [225]

Таким образом, жалованные грамоты 1504 г. митрополичьему дому на владения, по крайней мере, в четырех уездах (Владимирском, Переславском, Юрьевском, Белозерском) заменили старые грамоты, содержавшие чрезвычайно широкие иммунитетные привилегии.

В архиве митрополичьего дома не сохранилось тарханных, льготных или несудимых грамот предшествующего периода на села, перечисленные в грамотах 1504 г., относящихся к Московскому, Коломенскому и Вологодскому уездам.

Известна только заповедная грамота Василия II от ездоков на село Бисерово Коломенского уезда [226]. Содержание этой грамоты фактически подтверждено в одной из статей грамоты 1504 г. на то же село.

В старинных селах Московского уезда иммунитетные привилегии кафедры были, возможно, шире тех, которые закреплены в грамоте 1504 г. Так, в грамоте 1465 г. князя Юрия Васильевича митрополичьи земли в волости Воре Московского уезда (не упомянутые в грамоте 1504 г.) освобождались от всех основных налогов и пошлин, а судебный иммунитет предоставлялся «опричь душегубства» [227].

Объем иммунитета вологодских сел неизвестен. В соседней с Вологдой Двинской земле кафедра пользовалась суженным судебным иммунитетом: «опричь душегубства и розбоя и татьбы с поличным» (по грамотам Ивана III 1467 [228] и 1475 [229] гг.).

Пожалование митрополиту несудимо-заповедных грамот в марте 1504 г. имело двойственное значение для иммунитетного статуса кафедры. С одной стороны, сам факт пожалования укреплял феодальный престиж митрополичьего дома и подтверждал незыблемость его вотчинных

---

[224] Там же, № 277.
[225] Там же, № 284.
[226] Там же, № 112.
[227] Там же, № 71.
[228] Там же, № 315.
[229] Там же, № 316.

прав, а несудимые и заповедные статьи санкционировали судебно-административную независимость митрополичьих владений. С другой стороны, очевидно, в отношении большинства объектов пожалования можно сказать, что грамоты 1504 г. официально подрывали юридические основы их прежних широких привилегий (главным образом податных и судебных). И если силу этого удара кафедра не почувствовала в полной мере, то лишь потому, что, вероятно, с 80—90-х годов XV в. шел процесс фактического нарушения иммунитета, особенно налогового, и грамоты 1504 г., подводя юридическую черту под этими нарушениями, гарантировали крупнейшему церковному иерарху необходимый минимум иммунитетных прав.

В апреле 1504 г. начал выдавать иммунитетные грамоты князь Юрий Иванович на земли в Дмитровском[230] и Кашинском[231] уездах. В мае 1504 г. князь Дмитрий Иванович выдал грамоту на земли в Углицком уезде[232]. От 1504 г. нет никаких данных об управлении Юрием Рузой и Звенигородом. Младшие сыновья Ивана III Семен и Андрей не получили своих уделов — первый до 1509 г., второй — до 1519 г.[233] В 7012 г. разъезды земель в Бежецком Верхе (который по духовной Ивана III пред-

---

[230] АСЭИ, т. I, № 652; т. II, № 427; АФЗиХ, ч. I, № 88.

[231] АСЭИ, т. I, № 653.

[232] Там же, т. III, № 83.

[233] И. А. Голубцов относит к 1503—1504 гг. разъезжую грамоту Дм. Поливанова, разъехавшего земли в Аргуновской волости Переславль-Залесского уезда «по государеве грамоте князя Андрея Ивановича» (АСЭИ, т. III, № 469, стр. 451—452). К сожалению, издатель не учел летописное известие о фактическом получении удела Андреем в 1519 г. (ПСРЛ, т. VI, стр. 262—263) и уже приводившиеся в литературе сведения о его управлении Аргуновской волостью в 1514 г., когда Андрей замещал в Москве великого князя Василия, отсутствовавшего по случаю смоленского похода (С. М. Каштанов. Копийные книги Троице-Сергиева монастыря XVI века.— «Записки отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина», вып. 18. М., 1956, стр. 11; он же. Из истории последних уделов, стр. 293; В. И. Корецкий. Правая грамота от 30 ноября 1618 г. Троице-Сергиеву монастырю.— «Записки отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина», вып. 21. М., 1959, стр. 196—197). Имеется указная грамота Андрея Ивановича Дм. Поливанову от 9 сентября 1514 г. о разъезде земель (ГБЛ, Тр. кн. 518, лл. 182—183 об.). По этой-то грамоте Дм. Поливановым и был произведен разъезд. Следовательно, грамота, опубликованная в АСЭИ (список XVI в. см.: ГБЛ, Тр. кн. 518, лл. 182—183), датируется временем после 9 сентября 1514 г.

назначался Семену) проводились по грамотам великого князя Василия Ивановича [234], получившего этот уезд в 1502 г. Разъезжие касались владений Троице-Сергиева монастыря, расположенных, по-видимому, вблизи кашинского рубежа [235].

Эти документы могли появиться между сентябрем 1503 и августом 1504 г., но когда точно — до или после составления духовной Ивана III,— сказать трудно. Ясно одно: Василий вел активную борьбу за обладание уделами своих братьев. В Типографской летописи после известия о смерти Ивана III сказано: «И дасть великое княжение сынови своему Василию, да сынови своему Юрью Дмитров и иные грады, а князю Дмитрею Углечь да иные городы, а сына своего Семиона да Андрея дасть на руки брату их, великому князю Василию, и повели им дати уделы» [236]. Таким образом, вопрос об уделах Семена и Андрея был оставлен на усмотрение Василия. Однако, судя по духовной и по дошедшему списку разъезжей грамоты Ивана III Андрею на Старицу, великий князь, очевидно, намеревался наделить всех сыновей уделами, и только упорное сопротивление Василия привело к тому компромиссному решению, которое представлено в Типографской летописи как проявление единоличной воли Ивана III.

О попытках Василия укрепить свое влияние в Московском уезде косвенно свидетельствует выдача волоцким князем Федором Борисовичем в июне 1504 г. жалованной грамоты Троице-Сергиеву монастырю на земли в Бохове стане Московского уезда [237], который, как мы помним, еще в марте 1504 г. входил в число станов, пользовавшихся особым вниманием Ивана III. Федор Борисович, очевидно, опасаясь притязаний Василия, передал монастырю в собственность мельницу и земли, находившиеся раньше на оброчном праве. Стремление волоцкого князя добиться расположения Троице-Сергиева монастыря именно в июне 1504 г. было, возможно, связано с

---

[234] АСЭИ, т. I, № 644, 645.

[235] Земли находились в бассейне р. Остречины, притока Мологи (АСЭИ, т. I, № 644), и в Городском стане (там же, № 645 и стр. 710 — Высоковский починок), расположенном по верховьям Мологи и к юго-востоку от Кашинского уезда (Ю. Готье. Указ. соч., стр. 552).

[236] ПСРЛ, т. 24, стр. 215.

[237] АСЭИ, т. I, № 654.

низложением в это время по приказу Ивана III новгородского архиепископа Геннадия, в чьей епархии находился Волоколамский уезд.

В июле — начале августа 1504 г. внутренняя политика была обращена в сторону западных уездов: Можайского и Вяземского. В июле 1504 г. закончился процесс о спорных землях волостных крестьян и Симонова монастыря в Усошской волости [238], пограничной с Рузским уездом [239]. В подписном судном списке есть обычная фраза: «И о сем судья рекъся доложити государя великого князя». Однако имя великого князя в документе отсутствует. Фактически в роли судьи высшей инстанции выступал Яков Захарьич Кошкин, являвшийся в это время одним из наиболее приближенных к Ивану III лиц (он был в числе послухов при составлении духовной грамоты великого князя [240]). Судный список подписан дьяком Ал. Безобразовым, некогда служившим Василию. Мы уже высказывали предположение о принадлежности Василию Можайского уезда в 1502 г. По всей вероятности, в 1504 г. Иван III стремился изъять Можайск из-под власти Василия, для которого обладание этим районом означало возможность контролировать соседний Рузский уезд, предназначенный Юрию по духовной Ивана III.

7 августа 1504 г. Иван III выдал жалованную грамоту Н. П. Сатину на Слинкову слободу в Вязьме [241]. Грамота сохранилась в позднем списке — конца XVII в. [242] Мотивировка пожалования в дошедшем тексте напоминает трафарет фальшивок этого времени («за верную службу, за посолство во Орду»). А. А. Зимин отмечает также недостоверный характер inscriptio грамоты, где Н. П. Сатин определен в качестве окольничего: «Сатины уже в

---

238 АСЭИ, т. II, № 428.

239 См. там же, стр. 637. Деревни села Ватолинского, фигурирующего в судном списке, упоминаются в разъезжей грамоте Ивана III Юрию среди пограничных с Рузским уездом территорий (ДиДГ, стр. 398).

240 ДиДГ, стр. 364.

241 АСЭИ, т. III, № 186.

242 И. А. Голубцов относит бумагу к началу XVIII в. (АСЭИ, т. III, стр. 200), хотя водяной знак (голова шута с семью бубенцами) говорит скорее за 80-е годы XVII в. (Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888, стр. 438—440; А. А. Зимин. К изучению фальсификации актовых материалов в Русском государстве XVI—XVII вв.— «Труды МГИАИ», т. 17. М., 1963, стр. 408; прим. 36, ср. XII, I, № 9).

XV в. были захудалой дворянской фамилией, и никто из них в начале XVI в. окольничим не был»[243]. В остальном же текст, хотя и искаженный переписчиком, не кажется поддельным или интерполированным. Мы уже отмечали, что выражение «в Вязме своею великих князей Слинковою слободою» содержит намек на совместное управление Вязьмой «великих князей» (Ивана III и Василия Ивановича). В августе 1504 г. Иван единолично распоряжался Вязьмой и соседними с ней уездами, завещанными в духовной Василию: он запрещал Сатину перезывать людей «из моего великаго княжения — из Можайска и из Боровска и из Медыни и изо Твери».

Эта статья, как и вся грамота, имела вполне определенную направленность. Политические связи Василия с Тверью являются установленным фактом. Еще в 1502 г. Василий обладал какими-то правами на «Тферскую землю». О возможной принадлежности ему Можайска в 1502—1504 гг. говорилось выше. Боровский уезд был частью Серпухово-Боровского княжества XV в. Претензии Василия на серпуховское наследство выявлены нами при анализе грамот начала 1504 г. Кроме того, Серпухов, Можайск и Медынь представляли собой часть вымороченного удела Юрия Васильевича[244] (Можайском до 1491 г. владел Андрей Большой).

Выдавая грамоту Сатину, Иван III скорее всего стремился утвердить свою единодержавную власть над землями, из которых одни управлялись им ранее совместно с Василием (вероятно, Вязьма), другие либо принадлежали до этого Василию, либо являлись объектом его наиболее явных домогательств.

Очень интересна формула о призывании людей «из-за рубежа из-за литовского». Очевидно, большое внутри- и внешнеполитическое значение этой грамоты обусловило возрождение в ней широкого объема судебного иммунитета («апроче одного[245] душегубства») и льготы от дани: людям, призванным из Литвы в пустые дворы, — на 1 год, на пустоши и лес — на 11 лет. Грамота Сатину по своему содержанию стоит одиноко среди других иммуни-

[243] А. А. Зимин. К изучению фальсификации актовых материалов..., стр. 408.
[244] ДиДГ, стр. 194, 326.
[245] В рукописи по ошибке «судного».

тетных актов изучаемого времени, что, однако, еще не может служить основанием для вывода о ее поддельности.

В августе — сентябре 1504 г. земельная и иммунитетная политика Ивана III касалась уездов Московского, Белозерского и Новгородского. К 30 августа 1504 г. был завершен начатый «по... слову» Ивана III разъезд земель в Жданском стане Московского уезда [246]. Земли лежали по нижнему течению р. Пахры и частично Москвы в районе села Жданского [247]. Жданский стан на востоке граничил, по-видимому, с удельными волостями Гжелью и Раменейцем, завещанными в духовной Ивана III Андрею Старицкому. В этом разъезде можно видеть опять-таки проявление тенденции Ивана III усиливать свою власть на территориях, расположенных возле удельных волостей, предназначавшихся Андрею, ибо претензии на эти волости были, очевидно, свойственны Василию и, возможно, политически окрепшему к этому времени Юрию (в духовной именно Юрию запрещалось в них вступаться).

В Белозерском уезде, закрепленном в 1504 г. за Иваном III, действовал великокняжеский писец В. Г. Наумов. В 7012 г. (между сентябрем 1503 и августом 1504 г.) он по распоряжению Ивана III вершил суд о землях Симонова монастыря в районе деревень Добреца и Безносовой [248] в крайней юго-восточной части Белозерского уезда [249]. В сентябре 1504 г. В. Г. Наумов, производивший судебное разбирательство «по... слову» Ивана III, выдал правую грамоту на земли, бывшие в споре между митрополичьим Череповецким монастырем и крестьянами Луковского погоста [250]. Эти земли лежали южнее устья р. Суды, на границе с Пошехонским уездом.

Таким образом, в обоих случаях объектом внимания был все тот же, фигурирующий и в мартовской грамоте 1504 г. митрополичьему дому район белозерско-пошехонских земель, который находился на стыке с Вологодским уездом. Политически важное значение этого района, расположенного на подступах к двум вымороченным уездам

---

246 АСЭИ, т. II, № 429.

247 Ср. Ю. Готье. Указ. соч., стр. 579; АСЭИ, т. II, стр. 644; см. на карте Московской области 1939 г. с. Ждановское в северо-западной части Бронницкого района.

248 АСЭИ, т. III, № 478.

249 А. И. Копанев. Указ. соч., карты в приложении к книге.

250 АФЗиХ, ч. I, № 306.

(Белозерскому и Вологодскому), и определяло, по-видимому, особый интерес к нему Ивана III, опасавшегося новых претензий Василия на Белоозеро и, возможно, Вологду.

В августе 1504 г. от объединенного лица Ивана III и Василия была выдана жалованная грамота софийскому протопопу и всем церковнослужителям Софийского собора на сбор венечных и других пошлин, а также на получение хлебной руги у новгородского дворецкого [251]. А. Павлов писал, что «софийский соборный причт в 1504 г. получил даже щедрую жалованную грамоту на ругу со всех новгородских пятин» [252]. Это утверждение неточно в определении масштаба пожалования (Бежецкая пятина в грамоте не фигурирует). Кроме того, автор не раскрывает причины выдачи грамоты и материальное положение софийского причта в предшествующий период, из-за чего тезис о щедрости грамоты остается недоказанным.

Выдача грамоты Софийскому собору стоит в прямой связи с низложением новгородского архиепископа Геннадия, который был вывезен из Новгорода в Москву посланцами великого князя 1 июня 1504 г. [253] Главное обвинение, предъявленное Геннадию,— продолжение взимания мзды со священников за хиротонию (поставление в должности), несмотря на соборное решение от 6 августа 1503 г., принятое с согласия и при участии самого Геннадия. Еще во время соборных прений 1503 г. Иван III, по-видимому, бросил в глаза Геннадию упрек в сребролюбии [254]. Однако дело заключалось не только в стремлении к получению материальных доходов. Взимание мзды за хиротонию способствовало сохранению развитой системы вассально-иерархических отношений внутри церковной организации [255]. Выше мы показали, что

---

[251] «Чтения ОИДР», 1866, кн. III, отд. V. Смесь, стр. 5—7.

[252] А. Павлов. Указ. соч., стр. 50.

[253] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 3, стр. 611.

[254] Ю. К. Бегунов. Указ. соч., стр. 352.

[255] По мнению Я. С. Лурье, поведение Геннадия в Новгороде в 1503—1504 гг. определялось тем, что он вернулся с собора победителем (Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Указ. соч., стр. 209; Я. С. Лурье. Идеологическая борьба..., стр. 419). Я. С. Лурье отвергает объяснения отставки Геннадия, предложенные Н. Н. Розовым (за распространение «Псевдоконстантиновой грамоты») и А. П. Пронштейном (по доносам) (Я. С. Лурье. Идеологическая борьба..., стр. 418—419).

новгородская архиепископия была к началу XVI в. наиболее независимой из епархий. Она сумела удержать феодальные привилегии эпохи уделов (право архиепископского суда над настоятелями монастырей по светским делам и т. п.). С этим-то суверенным положением новгородского владыки и боролся в первую очередь Иван III.

В ряде летописных сводов указано, что, вернувшись в Новгород после собора, Геннадий «начят мьзду имати у священников от ставленья наипаче перваго, через свое обещание»[256]. До нас дошел (в списке XVI в.)[257] одни чрезвычайно интересный документ, происхождение которого не вполне ясно. Речь в нем идет о размерах ставленых пошлин в пользу архиепископа и его персонала: «Пошлины соидет с ставленика архиепископу гривна ноугородцкая благословеная, дворецкому алтын, придверного 4[258] московки[259], свидетелства семь денег, за писчей алтын, протопопу два алтына, протодиакону два алтына, архидиакону два алтына, диаком певчим две гривны ноугородцкая, а подиаком[260] по четыре московки, неделному попу да диакону восм московок, понамарем два алтына, псаломщиком четыре московки, звонцом четыре московки, проскурнику две московки, в церковную казну два алтына, под ставленую грамоту две гривны ноугородцкая, келейнику архиепископлю алтын, от писма алтын, под херотонею духовнику алтын». В целом с одного священника-«ставленика» Софийский дом получал около 1,5 рубля по московскому счету, что по тем временам составляло весьма значительную сумму. Вероятно, такой размер ставленых пошлин имел в Новгороде и антиеретическое значение, препятствуя до известной степени пополнению состава служащего духовенства выходцами из бедных слоев населения.

Можно думать, что приведенный документ возник после присоединения Новгорода. Скорее всего, он отно-

---

[256] ПСРЛ, т. VI, стр. 49, 244; т. VIII, стр. 244; т. XII, стр. 258; т. 20, первая половина, стр. 374—375; т. 28, стр. 337.

[257] ГПБ, Погод. 1564, л. 86. Почерк XVI в., лист меньшего формата, чем другие листы сборника.

[258] Слитно с буквенной цифрой «д» написана буквенная цифра «в».

[259] Далее написано и зачеркнуто другими чернилами: «архидиакону алтын».

[260] Так в рукописи.

сится к эпохе Геннадия и, возможно, даже фигурировал в числе обвинительных материалов против него, чем и объясняется сам факт переписки этого текста.

При низложении Геннадия агенты великого князя, между прочим, «казны попечатали»[261], т. е. наложили секвестр на деньги и, возможно, другое движимое имущество Софийского дома. Отсюда следует, что рассматриваемая жалованная грамота появилась в условиях, когда Софийскому дому был нанесен существенный политический и материальный урон. Уже в июле 1504 г. наблюдается попытка поставить псковскую часть Новгородской епархии под контроль митрополита и великокняжеского правительства. 15 июля митрополит Симон направил послание псковскому князю Дмитрию Владимировичу с призывом соблюдать постановление собора о вдовых попах и смешанных монастырях. Грамота «легла пред посадники псковскими и священники у лавицы» 11 августа 1504 г.[262] Августовская жалованная грамота софийским церковнослужителям должна была разрешить на новых основаниях проблему их материального обеспечения. Великокняжеское правительство испытывало глубокую заинтересованность в союзе с такой могущественной духовной корпорацией, как Софийский дом. Поэтому, отменив практику взимания мзды за поставление священников, оно предоставило софийскому причту некоторые другие источники доходов, в том числе ввело хлебную ругу, ставившую софийских попов в непосредственную материальную зависимость от государства. Годовое хлебное довольствие протопопу, протодьякону, 18 придельным священникам, четырем дьяконам, двум крылошанам и 17 дьякам назначалось в размере 345 коробей ржи и 345 коробей овса[263], которые они могли получить у новгородского дворецкого.

Разрешение софийским церковнослужителям взимать венечные пошлины (за венчание брачущихся) было следствием отмены мзды за поставление священников. Раньше, по всей вероятности, венечные пошлины собирали в свою пользу священники местных церквей, которые

---

[261] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 3, стр. 611.

[262] ААЭ, т. I, № 388/II; «Псковские летописи», вып. I, стр. 88—89.

[263] Протопопу 25, протодьякону и священникам по 15, дьяконам по 10, крылошанам и дьякам по 5 коробей.

приобретали право на это, вступив в должность, т. е. заплатив мзду архиепископу и его аппарату. Теперь же разрушалась старая система финансовых связей: с одной стороны, ослаблялась материальная зависимость местного духовенства от Софийского дома, но, с другой стороны, и местное духовенство теряло часть своих прежних доходов. Впрочем, скорее всего, местные священники оставались непосредственными сборщиками (однако не получателями) венечных пошлин, ибо трудно предположить, чтобы все желавшие вступить в брак должны были ехать для этого из своих сел и деревень в Новгород. В грамоте содержится длинный перечень погостов, с которых софийскому причту разрешалось брать венечные пошлины. Сопоставление этого списка с картой К. А. Неволина показывает, что вся эта масса погостов находилась в центральной полосе Новгородской земли, т. е. по преимуществу в северной части Деревской и Шелонской пятин и в южной части Вотской и Обонежской пятин.

Встает вопрос, не сохранялось ли старое правило получения венечных пошлин священниками местных церквей в окраинных областях Новгородской земли и в Бежецкой пятине?

В какой мере компенсировали руга и венечные пошлины утрату права мзды за хиротонию, сказать трудно.

Венечные пошлины «с отрока» и «с девицы» (т. е. со вступающих в брак впервые) устанавливались в размере $1^1/_2$ новгородских (следовательно, трех московских) денег с человека; пошлины «со вдовца» и «со вдовы», вступающих в брак, требовались в двойном размере (по 3 новгородских, иначе — по 6 московских денег с человека). Сумма годового дохода зависела от числа ежегодно заключенных браков на территории, где софийскому причту разрешалось взимать венечные пошлины.

Можно приблизительно выразить в деньгах стоимость хлебной руги, предназначенной протопопу и другим церковнослужителям. Поскольку коробья ржи стоила в начале XVI в. 10 новгородок (или 20 московок), а коробья овса — 5 новгородок [264] (или 10 московок), 345 коробей ржи и 345 коробей овса должны были стоить вместе

[264] В. Ключевский. Русский рубль XVI—XVIII вв. в его отношении к нынешнему. М., 1884, стр. 26.

113,5 рубля московским числом. Учитывая, что поставление одного священника приносило около 1,5 рубля дохода, мы вправе заключить, что сумму, равную стоимости хлебной руги, собору могло дать поставление примерно 80 священников в год. Если к 113,5 рубля прибавить деньги, собранные в качестве венечных пошлин, в целом, вероятно, получится сумма, равная доходу от поставления 100—150 и более священников в год.

Грамота давала, как думается, достаточную материальную компенсацию убытков, связанных с отменой мзды за хиротонию [265], хотя вполне убедительно доказать это невозможно. С чисто фискальной точки зрения отмена мзды и выдача софийскому причту хлебной руги не была выгодна правительству. Дело заключалось, по-видимому, в политическом значении этой реформы, являвшейся новым шагом на пути подчинения церкви государству.

Обстановка в Новгороде после низложения Геннадия была неспокойной. Поэтому правительство стремилось укрепить здесь политическое положение своих явных сторонников. 20 сентября 1504 г. от объединенного лица Ивана III и Василия была выдана жалованная грамота светским феодалам Федору и Андрею Черньцовым детям Паюсова на поместье их отца в центральной части Новгородской земли (в Буряжском погосте Шелонской пятины [266], примыкавшем с юга к озеру Ильмень). Паюсовы, очевидно, активно поддерживали политику Ивана III в Новгороде. Еще в 1477 г. Петеля Паюсов выполнял весьма ответственное поручение Ивана III, связанное с новгородским взятием [267]. По типу иммунитетного пожалования грамота не отличалась от предшествующих грамот новгородским помещикам: она подтверждала право на землю «з доходом з денежным и з хлебным и с милким доходом, оприч нашие великих князей обежные дани».

---

[265] Кроме того, в грамоте подтверждались некоторые старинные права софийского причта: «А что шла пошлина софейскому протопопу и протодиякону и попом с проскурницею, и им та пошлина с проскурницею имати по старине. А антимисы ведать софейскому протопопу и протодиякону и священником по старине. А со шти соборов служити городским священником у Софея великого по старине».

[266] Д. Я. Самоквасов. Указ. соч., [т. I], отд. II, стр. 4—5.

[267] ПСРЛ, т. VI, стр. 209; т. VIII, стр. 187.

От октября 1504 г.— января 1505 г. не дошло датированных грамот правительства, посвященных земельным или иммунитетным вопросам.

В составе грамоты 1697 г. приведен текст указной грамоты Ивана III от 22 февраля 1505 г. церкви Федора Святого на Федорове улице в Новгороде[268]. Грамота извещает, что великий князь пожаловал новгородского «конюшего» И. А. Колычева деревнями во Влажинском погосте Деревской пятины, принадлежавшими ранее названной церкви, а взамен дал ей волость Сытину в Сытинском погосте той же пятины. Сытинский погост находился на восточном побережье озера Ильмень; Влажинский (Лажинский) погост был расположен южнее Сытинского, примыкая к юго-восточной части озера Ильмень. По сообщению грамоты 1505 г., ранее волосткой Сытиной владел архиепископ. Из летописного рассказа о событиях 1477 г. выясняется стратегическое значение этой волости на подступах к Новгороду (там стоял великий князь и туда приезжал к нему владыка)[269]. Тем не менее, мы не находим Сытино в списке конфискованных в 1478 г. волостей новгородского владыки[270]. Вероятно, волость Сытина была отобрана у кафедры около 1499—1500 гг.

Рассматриваемая указная грамота появилась после декабрьского собора 1504 г. на новгородских «еретиков» и, вероятно, после зимних казней 1504/05 г. когда, в частности, сожгли за еретичество юрьевского архимандрита Кассиана и его брата[271].

Характерно пожалование «конюшего» в конце XV или начале XVI в. Великий князь, очевидно, стремился к упрочению влияния наместничьей власти в Новгороде.

Во второй половине 1504 — начале 1505 г. политика Ивана III в Новгородской земле локализовалась в центральной ее части. Это было вызвано задачей нейтрализации церковной оппозиции, обезглавленной и расшатан-

---

[268] ЛОИИ, Колл. актовых книг (колл. 2), № 73, лл. 3 об.— 4.

[269] ПСРЛ, т. VI, стр. 209, 211; т. VIII, стр. 187, 189; т. XII, стр. 174, 177.

[270] Там же, т. XII, стр. 183.

[271] Там же, т. VI, стр. 50, 244; т. VIII, стр. 244; т. XII, стр. 258; т. 20, первая половина, стр. 375; т. 28, стр. 337; Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Указ. соч., стр. 210, 216—217; Я. С. Лурье. Идеологическая борьба..., стр. 420—426.

ной, но не подчинившейся полностью великокняжескому правительству.

Возможно, что с 1505 г., после расправы с «еретиками», Иван III стал управлять Новгородом без участия Василия. Во всяком случае, имя последнего отсутствует в грамоте от 22 февраля 1505 г., хотя одной этой грамоты, дошедшей, к тому же, в составе грамоты конца XVII в., недостаточно для формулирования выдвинутого предположения в виде решительного вывода.

Устранение Василия от новгородских дел, если оно действительно имело место, могло быть следствием усиления позиций Ивана III в Новгороде после отставки Геннадия, ибо только значительная степень новгородской автономии в конце XV — начале XVI в. вынуждала великого князя соблюдать в отношении Новгорода принцип двойного суверенитета.

Кроме того, в 1504 г. в результате объявления Василия наследником престола и его борьбы за политическое преобладание в различных районах страны, по-видимому, резко обострились противоречия между ним и другими сыновьями великого князя, а в отношениях Ивана III со старшим сыном по-прежнему господствовала подозрительность. Фогт Нарвы в донесении орденмейстеру от 8 февраля 1505 г. писал, что по сведениям одного человека, пришедшего из устья Нарвы, Иван III смертельно болен и его сын Василий должен быть великим князем, а внук все еще арестован, русские же более склонны к внуку, чем к Василию; между детьми великого князя назревает большая распря; Волк Курицын, дьяк старого великого князя, сожжен со многими другими русскими за ересь, которая теперь распространилась; Василий приказывает всех еретиков хватать, где они ни появятся, и жечь [272].

Возможно, Василий вызвал против себя широкое недовольство в Новгороде, и это послужило одной из причин его отставки от новгородских дел.

Впрочем, если он и потерял контроль над Новгородом, то приобрел права соправителя в отношении присоединенного куска Рязанского княжества. Привлечение молодого князя к управлению частью Рязанской земли,

---

[272] LEKUB, 2-te Abt., Bd. 2, № 722, S. 563 (указала и перевела со старонемецкого А. Л. Хорошкевич).

доставшейся Ивану III в начале XVI в.,— явление, по причинам и существу аналогичное получению Василием в свое время определенной доли суверенитета над Новгородом.

В описных книгах казны Солотчинского монастыря 1722 г. упоминается «грамота великого князя Ивана Васильевича всеа Росии и сына его великого князя Василья Ивановича всеа Росии несудимая, дана архимандриту Досифею 7013... году, за двемя вислыми красными печатьми...» [273] Грамота была выдана между сентябрем 1504 и августом 1505 г. Солотчинский монастырь находился в той части Рязанской земли, которую Иван III получил от рязанского удельного князя Федора Васильевича. В духовной Ивана III говорится: «А что ми дал сестричич мой князь Феодор Васильевич Рязанской свою отчину на Рязани в городе и на посаде свой жеребей и Старую Рязань и Перевитеск с волостьми и с путьми..., и яз ту его вотчину... даю сыну своему Василью» [274]. Дата смерти князя Федора Васильевича неизвестна, но поскольку он еще упоминается в 1502 г., а духовную Ивана III датируют обычно 1504 г., исследователи относят смерть Федора к 1503 г. [275]

Мы почти уверены, что в «несудимой» грамоте Солотчинскому монастырю основным содержанием было ограничение юрисдикции рязанского епископа. Думаем так, учитывая текст грамот Ивана III и Василия новгородским монастырям 1499—1500 гг. и грамот Василия III 1507—1508 гг. Новгородскому Юрьеву и Рязанскому Солотчинскому монастырям [276]. Об ограничении епископской юрисдикции в Рязанском княжестве до начала XVI в. нам ничего неизвестно. По всей вероятности, рязанский владыка, так же как и новгородский, обладал

---

[273] «Труды Рязанской ученой архивной комиссии за 1887 год», т. II. Рязань, 1888, стр. 11.

[274] ДиДГ, стр. 357—358.

[275] Д. Иловайский. История Рязанского княжества. М., 1858, стр. 223, прим. 220; А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г., т. II. СПб., 1891, стр. 646, прим. 2095; А. Г. Кузьмин. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI века. М., 1965, стр. 275.

[276] С. М. Каштанов. Состав иммунитетных грамот первой половины XVI века.— «Археографический ежегодник за 1962 год». М., 1963, стр. 99 и прим. 7—8.

правом суда над настоятелями монастырей по делам, подведомственным светскому суду. Борьба Ивана III с суверенными, удельнокняжескими полномочиями церковных иерархов носила централизованный характер и, очевидно, была распространена в 1504/05 г. на присоединенную часть Рязанского княжества.

В апреле — мае 1505 г. между Иваном III и Василием возникли, вероятно, какие-то противоречия из-за Белоозера. В апреле 1505 г. были окончены процессы о земле 1) в Усть-Угольской волости [277], расположенной в уже известной нам крайней юго-восточной части Белозерского уезда, на стыке с Вологодским уездом [278]; 2) очевидно, в том же районе [279] или юго-восточнее Белоозера [280]; 3) в Вольской волости Пошехонского уезда [281], лежавшей в устье Шексны, севернее Углича и Ярославля [282]. Особенно интересно внимание к Вольской волости, являвшейся удельным наследством Андрея Большого [283]. Во всех случаях судьей первой инстанции являлся белозерский писец В. Г. Наумов, судьей высшей инстанции — Иван III. Однако попытки Ивана III закрепить за собой Белоозеро и Пошехонье не увенчались успехом. В отношении Пошехонья на этот счет имеется прямое показание источника. Тяжбу митрополичьего Новинского монастыря с черными крестьянами Арбужевской волости писец В. Г. Наумов начал судить «по великого князя слову Ивана Васильевича всеа Руси», но 4 мая 1505 г.

---

277 АСЭИ, т. II, № 310.

278 А. И. Копанев. Указ. соч., прил. 1; В. Н. Дебольский. Указ. соч., вып. II, карта в конце книги.

279 АСЭИ, т. II, № 309. О расположении объекта тяжбы севернее р. Углы свидетельствует упоминание деревни Михайловской и Лукинского устья (ср. А. И. Копанев. Указ. соч., прил. 2, квадрат М10), однако здесь находилось село Иванцово, а не Ивачево, указанное в грамоте.

280 А. И. Копанев. Указ. соч., прил. 1, квадрат К 7; здесь есть село Ивачево и деревня Лукинская, но нет деревни Михайловской.

281 АСЭИ, т. I, № 658.

282 В. Н. Дебольский. Указ. соч., вып. I, карта в конце книги.

283 Сохранились две его грамоты Троице-Сергиеву монастырю на деревни в Вольской волости, датируемые по игумену 1478—1482 гг. (АСЭИ, т. I, № 464, 465). В 1478 г. постриглась в монахини великая княгиня Мария Ярославна, которой принадлежали Арбужевская и Вольская волости (ДиДГ, стр. 356). Очевидно, в связи с пострижением она и передала Андрею Вольскую волость, а возможно, и Арбужевскую.

тем же судьей был вынесен приговор «по великого князя слову Василья Ивановича всеа Руси» [284].

Арбужевская волость находилась между белозерской Усть-Угольской волостью на севере и пошехонской Вольской волостью на юге [285]. Как и Вольская волость, она некогда принадлежала великой княгине, но неизвестно, была ли потом передана Андрею Большому. Получение Василием в конце апреля (позже 18-го) [286] или в самом начале мая 1505 г. этой ключевой позиции на подступах к Белоозеру означало если не формальное, то фактическое распространение его влияния на весь Белозерско-Пошехонский край.

Предоставление Василию суверенных прав на Белозерско-Пошехонскую землю было, возможно, компенсацией за согласие отдать князю Юрию Ивановичу рузскую часть его удела. Первая дошедшая жалованная грамота Юрия, касающаяся Рузского уезда, датируется 17 июня 1505 г. [287] В сентябре 1504 — августе 1505 г. Василий сохранял свои позиции на западной окраине Московского уезда, порубежной со Звенигородским уездом [288]. Первое известие о владении Юрия Звенигородом относится уже к периоду после смерти Ивана III — 22 декабря 1505 г. [289]

Мне кажется, что в связи с передачей Василию Пошехонья усилилось внимание Ивана III к соседнему Ярославлю. 2 июня 1505 г. по слову Ивана III дворецкий П. В. Шестунов вынес приговор по спорному делу о земле в районе деревни Кишкинской Спасского Ярославского монастыря [290], находившейся примерно в 30 верстах к югу от Ярославля [291].

Возможно, наряду с Белоозером, Василий по-прежнему претендовал на Кострому, но эта его претензия не была удовлетворена. В 1073 г. (между сентябрем 1504 и августом 1505 г.) Иван III выдал грамоту о пользовании перевозом Костромского Ипатьева монастыря через

---

[284] АФЗиХ, ч. I, стр. 262—264.
[285] В. Н. Дебольский. Указ. соч., вып. II, карта в конце книги.
[286] Еще 18 апреля 1505 г. приговор по земельной тяжбе в Вольской волости был вынесен «по... слову» Ивана III (АСЭИ, т. I, № 658).
[287] АСЭИ, т. III, № 66.
[288] Там же, № 48а, стр. 73, гр. 353, 354.
[289] Там же, № 61.
[290] Там же, № 218.
[291] Там же, стр. 599 (Кишкинская), 626 (Чепчура)

р. Кострому [292]. Очевидно, в 1505 г. по грамоте Ивана III начался судебный процесс в Плесской волости, закончившийся в 1506 г., при Василии III (печать к правой грамоте была приложена 27 февраля 1506 г.) [293].

Весной 1505 г. Иван III проявлял особый интерес к положению дел в Вятском крае. В мае он пожаловал Андрею Ивановичу Племянникову в кормление Слободской городок [294]. Причину выдачи этой грамоты надо искать в новом повороте отношений с Казанью. В летописях указывается, что весной 1505 г. казанский хан Мухаммед-Эмин прислал в Москву князя Шаинсифа («Шаисупа») «о некоих делех» [295]. Дела эти, видимо, настолько обеспокоили Ивана III, что он отправил в Казань своего посла Михаила Кляпика, наказав ему, «чтобы он тем речем всем не потакал». Однако Мухаммед-Эмин встал на путь разрыва дружественных отношений (24 июня он арестовал Михаила Кляпика и учинил расправу над русскими купцами) [296]. Очевидно, посольство Шаинсифа было в Москве не позже мая, т. е. выдача грамоты Племянникову происходила в обстановке, когда Иван III стремился усилить свои позиции в пограничных с Казанским ханством землях. Племянниковы были известными администраторами, имевшими немалый опыт управления северо-восточными окраинами [297].

Поскольку хан мотивировал свою измену тем, что «целовал роту за великого князя Дмитрея Ивановича, за внука великого князя, братство и любовь имети до дни живота нашего, и не хочю быти за великим князем Василием Ивановичем» [298], перемена кормленщиков в Слободском городке могла быть обусловлена их политическими связями с определенными придворными группировками.

---

[292] П. Островский. Историко-статистическое описание Костромского первоклассного кафедрального Ипатиева монастыря. Кострома, 1870, стр. 103. По содержанию грамота 1504/05 г. была, видимо, близка к предшествующей грамоте 1443 г. (АСЭИ, т. III, № 229).

[293] АСЭИ, т. III, № 48.

[294] Там же, № 293.

[295] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 535; т. VI, стр. 50, 244; т. VIII, стр. 244; т. XII, стр. 259; т. 20, первая половина, стр. 375.

[296] Подробности см.: ПСРЛ, т. 23, стр. 197; т. 30, стр. 140.

[297] Ив. Андр. Племянников неоднократно был волостелем в Устюжском уезде (АСЭИ, т. III, № 286, 287).

[298] Я. С. Лурье. Первые идеологи московского самодержавия.—

К последнему месяцу жизни Ивана III — октябрю 1505 г.— относится разъезжая грамота на земли села Ражского (Ражковского), принадлежавшего князю Василию Ивановичу Шемячичу, и села Почеп, вотчины Троице-Сергиева монастыря. Разъезд производился «по ... грамоте» Ивана III[299]. Село Почеп или Почап находилось, видимо, южнее Передола, расположенного в 12—13 км к северо-востоку от Малого Ярославца[300] (почапские земли доходили «до торуского рубежа»). Разъезд был вызван скорее всего намерением правительства помешать распространению землевладения и политического влияния Василия Ивановича Шемячича в Малоярославецком уезде.

Итак, изучение иммунитетных грамот и других источников конца XV — начала XVI в. приводит нас к выводу, что Иван III сумел в течение последних 15 лет своего правления осуществить программу ограничения феодального иммунитета, намеченную в 80-х годах XV в. Василий в подтверждениях к старым грамотам и в выданных им до 1502 г. новых грамотах сохранял более широкие привилегии иммунистов, чем Иван III.

Проведение Иваном III строго ограниченной иммунитетной политики было результатом самого сурового подавления попыток возрождения удельной старины кем бы они ни предпринимались. Вместе с тем, тенденции феодальной раздробленности еще представляли собой объективную закономерность. Собрав воедино почти все русские земли и утвердившись самодержцем всея Руси, Иван III испытывал натиск центробежных сил и стремился предотвратить их развитие путем выдвижения на политическую арену соправителей. Система соправительства по замыслу своему являлась антиудельной, однако на практике она была крайне противоречива. Предназначенная для изживания остатков удельной старины, эта система в то же время их консервировала. Начав с системы соправительства, Иван III кончил раздачей территорий сыновьям в уделы.

«Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 78. Кафедра истории СССР. Л., 1948, стр. 105.

[299] АСЭИ, т. I, № 659.

[300] Карта Московской области 1939 г.; ср. АСЭИ, т. I, стр. 613, комм. к № 279.

Глава IV

ИММУНИТЕТНАЯ ПОЛИТИКА ВАСИЛИЯ III

*

Отношение правительства Василия III к иммунитету, как и вся внутренняя политика этого периода, изучено чрезвычайно слабо. Проблему иммунитета в первой трети XVI в. затронул в самых общих чертах П. П. Смирнов. «...Василий II,— писал он,— ... был очень щедр на выдачу жалованных грамот, в числе которых довольно много грамот и на городские дворы. Время его преемников, великих князей Ивана III и Василия III,— это время большой сдержанности относительно пожалований, особенно в городах»[1]. Более того, П. П. Смирнов считал, что ст. 43 Судебника 1550 г. об отмене тарханов была по существу простым заимствованием из «уставных книг» Василия III или Ивана III[2]. При всей ценности приведенных выше замечаний П. П. Смирнова они не могут служить достаточной характеристикой иммунитетной политики правительства Василия III.

Количество иммунитетных грамот, вышедших из канцелярии Василия III, составляет, по нашим сведениям, 247 номеров[3]; две грамоты были выданы великокняже-

[1] П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. 1. М., 1947, стр. 88.

[2] «Судя по заявлению царя и по содержанию самого Судебника, он составлен был из различных „уставных" или указных книг ближайших по времени правительств Василия III или Ивана III... В эти узаконения при кодификации, возможно, были внесены... различные изменения, но едва ли существенные. Таково было вероятное происхождение... и статей... 43 и 91-й» (П. П. Смирнов. Указ. соч., т. 1, стр. 112—113).

[3] В описании Изосиминской Клинской пустыни 1876 г. глухо упомянута несудимая грамота от 17 июля 1506 г. (Леонид. Клинская Изосименская пустынь и ее акты.— «Чтения ОИДР», 1876, кн. 2, отд. V. Смесь, стр. 74). Названный акт обнаружить не удалось. Составитель описания не указал, кем была пожалована гра-

скими писцами; три — дворецкими и одна — казначеем; в итоге устанавливается существование 253 грамот. 247 грамот Василия III делятся на жалованные (226 номеров) и указные (21 номер). Грамоты дворецких являются оброчными[4]. Грамота казначея — указная[5], грамота одного писца — льготно-несудимая[6], грамота двух других писцов — данная, льготно-оброчная[7].

Из жалованных грамот Василия III светским лицам два акта только упоминаются, но не сохранились, их содержание и датировка не вполне ясны; два акта дошли в пересказе без точной датировки[8]; один акт интерполирован[9].

Из жалованных грамот Василия III духовным феодалам упоминаются с указанием года выдачи (иногда также месяца и числа) 23 грамоты, без даты — 28 грамот.

Большинство грамот определяют нормы иммунитета церковно-монастырских учреждений. Ни одна указная грамота не посвящена проблемам, связанным с иммунитетными правами светских феодалов. Сохранившихся жалованных грамот Василия III духовным феодалам нам известно 136, несохранившихся — 51, сохранившихся жалованных грамот его же светским лицам — 35, не-

---

мота, а выдать ее в это время мог как Василий III, так и волоцкий князь Федор Борисович, в уделе которого находилась часть земель Изосиминской пустыни. За принадлежность грамоты к числу великокняжеских актов говорит упоминание о привешенной к ней красной печати, обычно не употреблявшейся в начале XVI в. удельными князьями.

[4] «Сборник Новгородского общества любителей древности», вып. 1. Новгород, 1908, стр. 85; «Акты исторические, описанные И. М. Катаевым и А. К. Кабановым». М, 1905, № 1/20; АЮБ, т. II, № 175/I.

[5] АФЗиХ, ч. I, № 295.

[6] АГР, т. I, № 55.

[7] Кабанов, № 5.

[8] Собственно говоря, в пересказе их содержание фигурирует как один акт, однако отмечено, что таких грамот было две (несудимые грамоты шатским слугам в Каширском уезде на посаде — ЛГР, т. I, стр. 107).

[9] Жалованная грамота Осорьиным 1512/13 г. Н. П. Лихачев видел в ней типичную подделку (Н. П. Лихачев. Грамоты рода Осорьиных.— «Известия Русского генеалогического общества», вып. 1. СПб., 1900, отд. III, стр. 13). Вероятно, ближе к истине С. Б. Веселовский, считающий грамоту интерполированным актом (С. Б. Веселовский. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926, стр. 116, № 62; ср. А. А. Зимин. К изучению фальсификации актовых материалов в Русском государстве XVI—XVII вв.— «Труды МГИАИ», т. 17. М., 1963, стр. 404—405).

сохранившихся — 4. Обе грамоты, выданные писцами, и две грамоты дворецкого получили светские лица.

Ниже произведена географическая систематизация грамот, приобретенных светскими лицами.

Общая характеристика районов	Уезды	Число грамот	Выдал
Восточная окраина	Муромский	6	великий князь
	Нижегородский	2	писцы дворецкий
	Вятский	1	великий князь
Северная окраина	Ярославский (в одной грамоте упоминается Костромской уезд наряду с Ярославским)	4	великий князь
	Костромской	2	»
	Галицкий	1	»
	Новгородский	4	»
	Вологодский	1	»
	Устюжский	1	»
	Двинской	1	»
	Белозерский	1	писец
Южная окраина	Каширский	2	великий князь
	Переславль-Рязанский (с Перевитским)	1	»
	Коломенский	2	»
	Тульский	2	»
	Мещера	2	»
Западная окраина	Вяземский	1	великий князь
	Новоторжский	1	»
	Клинский	1	»
	Волоцкий	1	»
	Медынский	2	»
Сфера влияния удельного князя Юрия Дмитровского и князей Шуйских	Корзеневский стан Московского уезда	1	великий князь
	Переславль-Залесский	1	»
	Суздальский	2	дворецкий великий князь

Приведенная таблица позволяет утверждать, что основная масса жалованных грамот Василия III светским лицам относится к окраинным районам. Восточные уезды, на которые выдавались грамоты (Муромский, Нижегородский, Вятский), были в первой трети XVI в. ареной частых вооруженных столкновений с казанскими татарами. Южные уезды (Переславль-Рязанский, Тульский и др.) неоднократно подвергались набегам крымцев. Грамоты касались также Вяземского уезда, порубежного с Литвой. Правительство крайне нуждалось в укреплении своих позиций в этих районах, через которые в страну могли проникнуть и действительно проникали внешние враги. Поселяя здесь военных вассалов и санкционируя их иммунитет, Василий III создавал определенную систему форпостов в наиболее опасных местах.

В целом ряде случаев к задаче усиления линии обороны страны от внешнего врага присоединялась задача борьбы с местным сепаратизмом сравнительно недавно присоединенных областей. Сочетание этих задач необходимо учитывать при объяснении происхождения жалованных грамот на северные территории (особенно новгородские и ярославские). Кроме того, надо иметь в виду, что, выдавая грамоты светским лицам на некоторые глухие места в областях севера и востока, правительство было заинтересовано в разработке неосвоенных районов. Грамоты, предоставлявшие право освоения «диких» лесов в Вологодском, Устюжском, Двинском, Белозерском и Нижегородском уездах, получили даже не военные вассалы правительства.

Жалованные грамоты, касавшиеся земель в областях с ярко выраженным удельнокняжеским и княжеско-боярским сепаратизмом, преследовали главным образом цель закрепления успехов централизаторской политики правительства. Испомещая здесь верных себе вассалов, Василий III усиливал свою власть над присоединенными или граничившими с уделами территориями. Это было одним из средств борьбы против сепаратистских заговоров удельных князей и близких к ним влиятельных бояр.

В большинстве своем жалованные грамоты Василия III светским лицам являются данными (либо дающими землю, либо подтверждающими старые права владения) и к тому же несудимыми. Меньше чисто несудимых грамот. Новгородские акты — данные, фиксирую-

щие, кроме того, определенную норму податного иммунитета. Льготные грамоты получили коломенские феодалы после разорения Коломенского уезда крымскими татарами в начале 20-х годв XVI в. Льготные грамоты предоставлялись и лицам, которые приобрели право на разработку диких лесов в уездах Вологодском, Двинском, Устюжском, Белозерском, Нижегородском. Из этих актов три содержат еще и несудимый раздел, а один — оброчные обязательства.

Распространение в первой трети XVI в. данно-несудимых грамот с более или менее унифицированными нормами судебного иммунитета свидетельствует об установлении относительно единообразных приемов утверждения великокняжеского сюзеренитета над феодальными владениями в районах, политическое положение которых внушало правительству известные опасения.

1. Ограничительные жалованные грамоты конца 1505 — середины 1511 гг.

Мероприятия Василия III в области иммунитета явились продолжением начинаний Ивана III, направленных на сокращение феодальных привилегий. В 1505—1507 гг. правительство произвело частичный пересмотр старых жалованных грамот.

Этот момент в истории феодального иммунитета заслуживает специального изучения. Однако даже беглый просмотр жалованных грамот XV в. позволяет установить некоторые итоги проведенной в великокняжеской канцелярии проверки иммунитетных актов (проверочной работой непосредственно заведовали близкие к Василию III дьяки Болдырь Паюсов и Данила Киприянов).

Подтверждались главным образом те грамоты, которые не содержали податных освобождений [10] или уже Иваном III были подтверждены с ограничением [11]. В подтверждении 1507 г. к одной грамоте Симонову монастырю правительство Василия III аннулировало статьи, освобождавшие от ямa, мыта, тамги и других пошлин [12].

[10] АСЭИ, т. I, № 132, 307, 316, 327, 351—354, 356, 403, 493—495, 497, 516, 530, 531, 534, 561, 567, 568, 611, 631; т. II, № 278, 478; т. III, № 196, 204, 241; АФЗиХ, ч. I, № 70, 113, 134, 313.
[11] АСЭИ, т. I, № 349; т. II, № 452.
[12] Там же, т. II, № 364.

Правда, среди подтвержденных Василием грамот мы находим акты, фиксирующие крупные податные привилегии (свободу от уплаты яма, тамги и т. п.). Некоторые из этих подтверждений имели чисто формальное значение, поскольку одновременно были подтверждены более поздние, т. е. действующие грамоты на те же владения, не содержавшие податных статей [13]. Однако подтверждение нескольких грамот, возможно, способствовало фактическому укреплению податного иммунитета отдельных монастырских владений [14] (во всяком случае, нам не удалось отыскать более поздних актов на эти владения, которые были бы тоже подтверждены Василием и перекрывали действие подтвержденных ранних грамот). Подтвердив незначительное число таких щедрых иммунитетных грамот, Василий III, по-видимому, в какой-то мере отступил, хотя пока еще мало заметно, от неуклонного проведения ограничительных принципов Ивана III.

Переходя непосредственно к разбору жалованных грамот Василия III, необходимо указать, что до середины 1511 г. правительство чрезвычайно строго придерживалось принципов иммунитетной политики, выработанных в последние 15 лет княжения Ивана III. Особенно касалось это податного иммунитета. В великокняжеские грамоты 1505 — середины 1511 гг., за редчайшими исключениями, не помещались статьи, фиксировавшие свободу феодальных владений от податей и пошлин. Среди грамот этого времени нет ни одной тарханной [15] или обельной грамоты.

Правительство Василия III продолжало ограничение льгот митрополичьего дома. В апреле 1506 г. была выдана несудимая и заповедная грамота митрополиту Симо-

[13] Там же, т. I, № 304 (ср. там же, № 568). Менее уверенно устанавливается соотношение между следующими грамотами: АСЭИ, т. I, № 246, 247 (ранние) и 327 (поздняя); № 309, 310 (ранние) и 414, 417 (поздние); № 318 (ранняя) и ГПБ, Погод. 1905, п 57—57 об., № 33 (поздняя).

[14] АСЭИ, т. I, № 332, 388, 412, 455, 491—491а, 492; т. II, № 366.

[15] М. И. Смирнов под 1506 г. упоминает неизвестную нам «тарханную» грамоту Никольскому Переславскому монастырю (М. И. Смирнов. Указатель рукописных и изданных документов Переславского края. Переславль-Залесский, 1924, № 90). Однако терминологии М. И. Смирнова доверять нельзя. Несудимую и заповедную грамоту Симонову монастырю на сельцо Блудово (ХП, I, № 50) он вслед за С. А. Шумаковым также называет «тарханной» (М. И. Смирнов. Указ. соч., № 95).

ну на села и деревни Костромского уезда[16]. Содержание ее совпадает со статьями грамот, выданных в 1504 г. Вместе с тем старые жалованные грамоты на митрополичьи владения Костромского уезда заключали в себе весьма широкие льготы. Так, ликуржские деревни, упомянутые в грамоте 1506 г., были освобождены великокняжеской грамотой 1474 г. от дани, яма, подводы, мыта, тамги и других пошлин[17]. В специальной грамоте с прочетом 1464—1473 гг. Иван III требовал от местных властей, чтобы они не нарушали его жалованную грамоту на митрополичье село Куликовское Костромского уезда (отмеченное и в грамоте 1506 г.). Указная грамота была адресована не только наместникам и их тиунам, но и дворским, ведавшим раскладкой государственных налогов[18]. Значит, жалованная грамота содержала наряду с судебными податные привилегии.

Правительство Василия III настойчиво проводило ограничение и монастырского иммунитета. Например, в 1507 г. была выдана несудимо-заповедная грамота Симонову монастырю на села Коробово, Литвиновское и Окуловское Московского уезда[19]. Полный податной и судебно-административный иммунитет сел Литвиновского и Окуловского был закреплен еще в грамоте Василия Темного от 28 марта 1447 г.[20] Монастырь освобождался в ней от дани, яма, мыта, тамги и вообще от всяких пошлин и дел. Наместники и их агенты не должны были судить монастырских крестьян «ни в чем». Взамен всех льгот монастырь обязывался к уплате в великокняжескую казну весьма незначительного оброка — по полтине в год[21]. Василий III не подписал грамоту 1447 г. на свое имя, и она, таким образом, потеряла значение действующего юридического акта. Новая грамота 1507 г. устанавливала гораздо более узкий круг монастырских привилегий. В ней был совершенно обойден вопрос о податных льготах. Тем самым население монас-

---

[16] АФЗиХ, ч. I, № 262.
[17] Там же, № 251.
[18] Там же, № 255.
[19] ГИМ, Сим. кн. 58, по Москве № 41, лл. 188—190.
[20] АСЭИ, т. II, № 349.
[21] Эта грамота сохранила свою силу и при Иване III, который подтвердил ее целиком, за исключением статьи о дани: «рушити не велел ничем, опрочь дани».

тырских вотчин принуждалось к уплате дани, ямских денег и других государственных налогов. Прежде полный судебный иммунитет ограничивался путем изъятия из вотчинной юрисдикции дел, касавшихся душегубства и разбоя с поличным, суд по которым передавался в руки наместников.

Число примеров подобного сокращения иммунитетных прав феодалов можно было бы увеличить [22].

Таким образом, усиленная раздача грамот в 1506—1507 гг. являлась лишь видимостью пожалования новых привилегий духовным корпорациям. На самом деле это мероприятие прежде всего преследовало цель сокращения старых прерогатив феодалов. Великокняжеское правительство прекратило выдачу тарханных грамот не только светским землевладельцам [23], но и — в общем порядке — монастырям и церкви. Промежуток с конца 1505 до середины 1511 гг. был временем наиболее последовательной борьбы правительства Василия III за ограничение податного иммунитета. В этот период в жалованные грамоты совершенно не включались статьи, которые освобождали бы население иммунитетных вотчин от крупных и мелких налогов, таможенных пошлин и повинностей.

Исключение составляет только оброчная грамота, полученная в 1507 г. Каширским Белопесоцким монастырем. Она предоставляла монастырским людям право не платить дань, поворотное и другие пошлины при условии внесения в казну медвяного оброка [24]. Эта привилегия объясняется рядом чрезвычайных обстоятельств. Василию III было необходимо заручиться поддержкой Белопесоцкого монастыря, так как в 1506 г. разгорелась открытая война между великокняжеским правительством и казанским царем Мухаммед-Эмином, сюзереном Белопесоцкого монастыря. Белопесоцкий монастырь мог

[22] Симонову монастырю была выдана в 1507 г. грамота на белозерские вотчины (ЦГАДА, ГКЭ по Белозерску, № 51/752), аналогичная грамоте 1507 г. на московские села. По прежней грамоте (князя Михаила Андреевича Белозерского 1485 г.) белозерские владения, указанные в грамоте 1507 г., освобождались от мыта, тамги, а судебный иммунитет предоставлялся монастырю «во всем» (АСЭИ, т. II, № 397).

[23] С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.— Л., 1947, стр. 138.

[24] АГР, т. I, стр. 97—98 (ХП, I, № 44).

послужить опорным пунктом для Мухаммед-Эмина, что вызывало серьезные опасения у Василия III. Мухаммед-Эмин владел Каширой с 1497 г., после изгнания его из Казани. В 1498 г. он выдал очень щедрую тарханно-несудимую грамоту Каширскому Белопесоцкому монастырю. Эта грамота и определяла отношения между Мухаммед-Эмином и монастырем, который был поставлен, таким образом, в вассальную зависимость от бывшего казанского царя[25]. В 1502 г. Иван III вернул казанский престол Мухаммед-Эмину, но в 1505 г. последний открыто выступил против своего патрона. Война приняла особенно опасный для русского государства оборот в 1506 г. Воеводы Василия III во главе с удельным углицким князем Дмитрием Ивановичем Жилкой потерпели поражение от войска Мухаммед-Эмина[26]. Выдача Василием III жалованной грамоты Белопесоцкому монастырю в феврале 1507 г. состоялась в очень сложной обстановке, когда еще не был окончательно урегулирован конфликт с Мухаммед-Эмином (переговоры о перемирии начались только в марте 1507 г.)[27]. Закрепление за великокняжеским правительством Каширы было важной задачей Василия III. Однако сравнительно с грамотой Мухаммед-Эмина грамота Василия III уже являлась формой сокращения привилегий монастыря, так как грамота Мухаммед-Эмина была тарханной, а грамота Василия III — оброчной. Кроме того, в последней отсутствовало освобождение от яма и ряда других налогов, которое имелось в грамоте 1498 г.

Последовательно проводившееся с 90-х годов XV в. сокращение податного иммунитета выразилось не только в ограничении старых и выдаче чрезвычайно скупых новых грамот, но и в начатом еще в конце XV в. писцовом описании земель. Документы 1506—1507 гг. неоднократно упоминают «новое письмо» различных писцов: Голенина[28], Башенина[29] и др. По этому письму вотчины многих иммунистов были обложены налогами. Причем главный удар был направлен против монастыр-

[25] АСЭИ, т. I, № 618.
[26] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 2—3.
[27] Там же, стр. 5.
[28] В уставной грамоте 1506 г. переславским рыболовам упоминается «новое письмо» Вас. Ив. Голенина (ААЭ, т. I, № 143, стр. 114).
[29] ГБЛ, Акты Беляева, № 1/28 (ХП, I, № 46).

ских промыслов, соперничавших с торгово-ремесленными предприятиями посадских людей. О результатах описания в 1492 г. Переславль-Залесского уезда рассказывает одна жалованная грамота 1538 г. Симонову монастырю. С 1492 г. переславские соляные варницы монастыря не топились, стояли «пусты» (до 1538 г.)[30]. Приведенный пример хорошо характеризует то тяжелое положение, в котором оказались монастырские промыслы благодаря ограничительной политике правительств Ивана III и Василия III. В жалованной грамоте 1507 г. Троице-Сергиеву монастырю на вотчины в Галицком уезде с варниц предписывалось давать оброк «з году на год по книгам по новому письму по Васильеву Башенина»[31].

В первый период иммунитетной политики Василия III монастыри лишь в единичных случаях получали промыслы в оброчное держание[32]. О безоброчном же пользовании новыми угодьями и речи быть не могло.

Степень сокращения правительством Василия III финансовых привилегий монастырей выясняется из некоторых ограничительных подписей. В апреле 1507 г. дьяк Болдырь Паюсов подтвердил грамоту Симонову монастырю, «опричь яму, и мыта, и тамги, и пудовщины, и померново, и пятна»[33]. Следовательно, отменялось освобождение не только от главного прямого налога (яма), но и от таможенных пошлин. Правительство решительно подрывало административный иммунитет духовных корпораций в части сбора таможенных платежей, способствуя этим дальнейшему развитию товарно-денежных отношений. Впрочем, вопрос о ликвидации таможенных привилегий следует расчленить на два вопроса: во-первых, перешел ли в руки правительства сбор тамги и мыта в пределах феодальных сеньорий; во-вторых, кем собиралось пятно с крестьян иммунитетных вотчин?

Первый вопрос трудно выяснить, исходя только из содержания жалованных грамот Василия III конца 1505—середины 1511 гг., ибо в них нет финансовых статей.

---

[30] М. И. Смирнов. Соль Переславская.—«Труды Владимирской ученой архивной комиссии», кн. XVII. Владимир, 1917, прил. 12, стр. 68.

[31] ГБЛ, Акты Беляева, № 1/28.

[32] «Сборник Новгородского общества любителей древности», вып. 1. Новгород, 1908, стр. 85.

[33] АСЭИ, т. II, № 364, стр. 359.

Запрещение монастырям-вотчинникам взимать пятно (пошлина за клеймение продаваемых лошадей) тесно связано с политикой укрепления аппарата наместничьего управления в недавно присоединенных областях. Отношение великокняжеского правительства к праву монастырского пятна отражено в грамотах Василия III 1507—1524 гг. Поэтому данный вопрос можно рассмотреть, выйдя за рамки первого этапа иммунитетной политики правительства Василия III.

Ликвидация сеньориального права взимания пятна не носила всеобщего характера. Она была осуществлена лишь там, где требовалось усилить позиции великокняжеских наместников. Мы уже упоминали о случаях отмены пятна во второй половине XV в. При Василии III предписание о сборе пятна с владельческих крестьян в пределах иммунитетной вотчины великокняжескими (наместничьими или волостелиными) пятенщинами было впервые включено в мартовскую грамоту 1507 г. Валаамскому монастырю. Грамота предписывала монастырским крестьянам Корельской волости Новгородского уезда пятнать коней у корельских пятенщиков, которым шло с продавца и покупателя по деньге московской. В грамоте было заключено специальное постановление на случай уклонения крестьян от уплаты пятна: пятенщики получали право взимать с нарушителей заповедь и пропятенье в размере двух рублей (штраф) [34]. Запрещение Симонову монастырю собирать пятно, которое мы находим в апрельской ограничительной подписи 1507 г. [35], относилось к монастырским вотчинам в Бежецком Верхе, который по духовной Ивана III предназначался Семену, но не был им получен до 1509 г. Впоследствии, в 1524 г., Симонов монастырь получил новую грамоту на те же владения и на деревню в Углицком уезде, присоединенном после смерти Дмитрия (1521 г.) к территории великого княжения.

В грамоте санкционировалось уже создавшееся положение вещей: монастырские крестьяне были обязаны пятнать коней «у моих пятенщиков», давая с лошади пятна по полуденьге [36]. В 1511 г. правительство выдало анало-

---

[34] РИБ, т. II, № 255.
[35] АСЭИ, т. II, № 364, стр. 359.
[36] ЦГАДА, ГКЭ по Бежецку, № 45/1149 (ХП, I, № 208).

гичную грамоту Богоявленскому монастырю. Грамота касалась сел монастыря в Бежецком и Московском уездах (среди московских владений названы села в волости Воре-Корзеневе и в Гуслице, завещанной Иваном III самому младшему сыну — Андрею) [37]. В двух грамотах 1515 г. Иосифо-Волоколамскому монастырю на вотчины в Тверском и Ржевском уездах монастырским крестьянам предписывалось пятнать коней у наместничьих или волостелиных пятенщиков. Правда, в данном случае сам акт клеймения лошадей не облагался пошлинами [38], что показывает скорее политическое, чем фискальное назначение статьи о пятне. Требование клеймения лошадей у наместничьих пятенщиков содержится в декабрьской грамоте 1517 г. Троице-Сергиеву монастырю, относящейся к владениям в Переславль-Залесском уезде: «А пятна игумену з братьею в тех своих селех и в деревнях не держати. А хто у них в тех селех и в деревнях и в дворех, что у Соли, купит лошадь или продаст, или менит, и они те лошади пятнят у наместников и у волостелей или у их пятенщиков. А доморощенных своих лошадей не пятнят. А пятна им давати с купца денга московская, а с продавца деньга ж московская» [39]. Переславские вотчины Троицкого монастыря были расположены по соседству с Дмитровским уделом, поэтому укрепление здесь власти наместников имело большое значение.

Таким образом, борьба с одной из существенных административно-фискальных привилегий духовных корпораций — с правом монастырского пятна — в том масштабе, в каком она проводилась, была направлена на усиле-

---

[37] Никодим. Описание Московского Богоявленского монастыря. М., 1877, стр. 9—11. Изъятию права пятна из числа монастырских привилегий посвящалась специальная статья в грамоте, данной от имени Ивана IV Покровскому Углицкому монастырю 25 января 1534 г. на села Углицкого и Бежецкого уездов («Ярославские губернские ведомости», 1855, часть неофициальная, № 48, стр. 435—436). Несомненно, она содержалась и в предшествующих грамотах Василия III, выданных монастырю вскоре после присоединения к Москве Углицкого княжества. В этом нас убеждает пример грамот Богоявленскому монастырю, где ограничительная статья относительно пятна была перенесена из грамоты Василия III в последующую грамоту Ивана IV в целях сохранения сложившегося формуляра (ХП, I, № 448, 570; II, № 808).

[38] «А явки, ни от пятна не дают ничего» (АФЗиХ, ч. II, № 62—63).

[39] ААЭ, т. I, № 164, стр. 133—134.

ние позиций великокняжеской власти в районах, где имелись налицо ярко выраженные черты сепаратизма. Это мероприятие правительства Василия III носило прогрессивный характер. Его политическая роль состояла в закреплении успехов централизации русского государства. С экономической точки зрения важность отмены монастырского пятна также не подлежит сомнению. Если учесть, что многие из перечисленных объектов пожалования — симоновские села (Весь Егонская и др.), троицкие переславские владения (Соль Переславская) — были значительными торговыми центрами, станет понятным смысл сужения здесь вотчинной власти монастырей. Ограничение феодальных привилегий создавало более благоприятные условия для развития товарно-денежных отношений и соответствовало, таким образом, интересам посадских людей, причем посадских людей тех городов, которые представляли собой центры удельно-княжеской оппозиции (например, Углич, Бежецк, Ржева и др.). Это показывает стремление великокняжеского правительства заручиться поддержкой городского населения, являвшегося немалой силой уже в конце XV в.

Ликвидация права монастырского пятна была осуществима в силу того, что сбор таможенных пошлин не определял экономическую власть феодалов и не служил условием получения ренты с крестьян.

Сокращение ряда важных финансовых прерогатив крупных духовных и светских землевладельцев привело к усилению феодального гнета и вызвало обострение классовой борьбы в русском государстве. О бегстве крестьян от своих сеньоров свидетельствует широкое проникновение в жалованные грамоты статей, предоставлявших вотчинникам право расправы с «попрощатаями» [40], число которых в начале XVI в., очевидно, сильно возросло. «Во всех развитых странах количество бродяг никогда не было так велико, как в первой половине XVI века»,— указывал Ф. Энгельс [41]. Усилением классовой борьбы объясняется и перестройка судебного иммунитета в период княжения Василия III. Правительства последних лет княжения Ивана III и Василия III исклю-

---

[40] ХП, I, № 49, 50, 53—55.
[41] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 354.

чали из сеньориальной юрисдикции обычно две категории дел: душегубство и разбой [42], оставляя в сфере вотчинного суда татьбу с поличным. Впрочем, фиксация иммунитета и в таком объеме для многих феодалов означала сужение старых привилегий, ибо разбор всех тяжб, «опричь душегубства», являлся вплоть до начала XVI в. правом значительного числа духовных корпораций и некоторых светских землевладельцев. Последние получили в изучаемое время гораздо меньше несудимых грамот, чем монастыри и церкви.

В каждом конкретном случае выдача жалованной грамоты феодалу диктовалась определенными политическими соображениями. Пожалованием в 1507 г. Курбату Третьяку починков с судебным иммунитетом в Клинском уезде [43], неподалеку от Волоколамска, правительство усиливало свои позиции на подступах к Волоцкому уделу (в том же 1507 г. Иосифо-Волоколамский монастырь был взят под патронат Василия III). В 1510 г. князья Козловские получили земли в Муромском уезде, причем их судебный иммунитет ограничивался лишь в части дел, касавшихся душегубства [44]. Это исключительный случай в практике иммунитетных пожалований светским феодалам XVI в. Широкий объем иммунитета князей Козловских объясняется, видимо, их особым положением в Муромском уезде, служившем аванпостом против соседней Казани, отношения с которой были в 1510 г. весьма напряженными. Вообще же принцип изъятия из рук феодалов права суда по двум категориям преступлений (душегубству и разбою) проводился наиболее последовательно в жалованных грамотах именно светским землевладельцам.

---

[42] ААЭ, т. I, № 141; АГР, т. I, стр. 107; ЛОИИ, Собр. Лихачева, № 102/1, лл. 3—4; Дионисий. Можайские акты. СПб., 1892, № 1; «Прибавление к Владимирским губернским ведомостям на 1844 г.», № 3, стр. 10—11; ЦГАДА, ГКЭ по Мурому, № 1/7733; «Акты Юшкова», № 67; АФЗиХ, ч. I, № 262; ГБЛ, Румянц. кн. 54, лл. 26—27 об.; Амвросий. История Российской иерархии, ч. III. М., 1811, стр. 315—332 и др. В. Б. Ельяшевич совершенно неправ, утверждая, что в XVI в. «изъятие трех преступлений становится общим правом» (В. Б. Ельяшевич. История права поземельной собственности в России, т. 1. Париж, 1948, стр. 99). Это можно сказать лишь про 50-е годы XVI в.

[43] АГР, т. I, № 49.

[44] «Акты Юшкова», № 79, 80.

2. Появление податных освобождений в жалованных грамотах Василия III июля 1511 — июня 1522 гг.

Вторым периодом иммунитетной политики Василия III был промежуток времени с июля 1511 по июнь 1522 гг. Все более напряженный характер приобретали отношения Василия III с удельными князьями московского дома. Остро стоял вопрос о монастырском землевладении.

Внутренняя политика русского великокняжеского правительства 1511—1522 гг. в литературе изучена недостаточно. Специальных исследований, посвященных жалованным грамотам этого времени, также нет. В дореволюционной историографии дело ограничилось несколькими замечаниями по поводу отдельных жалованных грамот из числа великокняжеских актов 1511—1522 гг.[45] В советской исторической литературе грамоты Василия III начиная с 1515 г. привлек к исследованию Н. Е. Носов. Однако в монографии Н. Е. Носова, в соответствии с ее задачами, анализируются данные жалованных и указных грамот только по одному вопросу (функции городовых приказчиков). Поэтому автор разобрал лишь отдельные акты первой трети XVI в., освещающие его тему[46].

Как уже отмечалось, в великокняжеских грамотах до середины 1511 г. совершенно отсутствовали статьи, регулирующие податное обложение иммунистов. К тому же, многие грамоты предшествующих правительств, посвященные данному вопросу, утратили свою силу, не будучи подписанными на имя Василия III. Это, по-видимому, способствовало нарушению местными властями основной привилегии феодалов-иммунистов — привилегии платить подати «особно» от черных людей. Возможно, иммунисты

[45] И. И. Кузнецов, например, прокомментировал грамоту 1514 г. Волоколамскому Воскресенскому собору, правильно связав ее появление с ликвидацией Волоцкого удела («Древности. Труды Московского археологического общества», т. XXII, вып. II. М., 1909, стр. 277). М. И. Смирнов отметил, что грамота Василия III Троице-Сергиеву монастырю 1517 г. на переславские соляные варницы сокращала старые монастырские привилегии, содержавшиеся в прежних грамотах (М. И. Смирнов. Соль Переславская.— «Труды Владимирской ученой архивной комиссии», кн. XVII. Владимир, 1917).

[46] Н. Е. Носов. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М.— Л., 1957, стр. 76 и др.

не раз обращались с челобитными к великому князю. По крайней мере, с июля 1511 г. в жалованных грамотах Василия III начинают появляться статьи, в которых специально оговаривается неподведомственность монастырских крестьян администрации черных волостей: сотским и десятским запрещалось притягивать монастырских крестьян во всякие проторы и разметы с тяглыми людьми [47]. Это запрещение имело важное значение, особенно в тех случаях, когда монастырь приобретал дворцовые или черные земли, налоги с которых шли в великокняжескую казну «изстари». Показателен следующий пример. В 1520 г. была выдана несудимая грамота Троице-Сергиеву монастырю на деревни в Корзеневской волости, выменные у великого князя [48]. Грамота не содержала ни формулы о проторах и разметах, ни какой-либо статьи, освобождавшей от пошлин. Поэтому с корзеневских деревень продолжали собираться в казну туковые деньги. Пересказывая челобитную троицкого игумена Александра, составитель жалованной грамоты 1529 г. отмечает: «...И с тех деревень корзеневских имали на меня туковые деньги. И нынче, де, с тех их с монастырских деревень с корзеневских по тому ж емлют на меня туковые деньги» [49]. Таким образом, формула о проторах, не освобождая от главных государственных налогов, давала возможность избавиться от второстепенных дворцово-княжеских и земских повинностей, а также от общей раскладки тягла с черными людьми. Ограничивая феодальный иммунитет, правительство было вынуждено вместе с тем укреплять его основы.

Интересы дальнейшего усиления позиций великокняжеской власти на присоединенных территориях и на подступах к еще продолжавшим существовать уделам вынуждали правительство идти на уступки некоторым влиятельным духовным корпорациям. В ходе борьбы за сохранение в руках московского государя ликвидированного в 1511 г. Бежецкого удельного княжества в декабре этого года появилась грамота Московскому Богоявлен-

---

[47] См., например: ЦГАДА, ГКЭ по Суздалю, № 9/11788; ГБЛ, Тр. кн. 528, № 200, лл. 285—286; И. А. Вахрамеев. Исторические акты Ярославского Спасского монастыря, т. I. М., 1896, № IV; ЦГАДА, ГКЭ по Малому Ярославцу, № 6/7696, по Костроме № 32/4999; ААЭ, т. I, № 164 и др.

[48] ААЭ, т. I, № 166.

[49] АИ, т. I, № 132, стр. 193.

скому монастырю, относившаяся к монастырскому селу Лозьеву, которое было расположено в Бежецком Верхе [50]. Наряду с формулой о проторах и разметах грамота содержала статьи, отменявшие ряд конкретных повинностей: обязанность ставить великокняжеский двор, косить сено, кормить коней великого князя.

Эта форма сравнительно широкого пожалования была обусловлена необходимостью усилить влияние крупного московского монастыря-вотчинника в недавно присоединенном Бежецком уделе. Вопрос о закреплении Бежецка в числе великокняжеских территорий приобрел большую остроту вследствие того, что по соседству находилось Углицкое княжество, претендовавшее на включение в него Бежецкого удела [51].

10 лет спустя, сразу после смерти углицкого князя Дмитрия Ивановича (1521 г.), наблюдается усиленная выдача жалованных грамот на монастырские владения в районе Углича и Зубцова, входивших в состав Углицкого удела. Это была та же попытка правительства укрепить свою власть посредством утверждения великокняжеского сюзеренитета над вотчинами монастырей в пределах ликвидированного княжества. В данном случае Василия III могло беспокоить близкое соседство с Углицким уездом территории другого — Кашинско-Дмитровского удела, которым управлял энергичный князь Юрий Иванович, и соседство с Зубцовом Старицкого уезда, где правительство оказалось вынужденным восстановить в правах удельного князя Андрея Ивановича. Отношение великого князя к иммунитету монастырских вотчин в Углицком и Зубцовском уездах соответствовало некоторым мероприятиям правительства по наделению духовных корпораций землями в присоединенном княжестве. Обычно чрезвычайно сдержанное на пожалование вотчин монастырям и церкви, русское правительство расширило земельную базу в Углицком и Зубцовском уездах некоторых близких к великому князю монастырей (Иосифо-Волоколамского, Чудова, Кассиано-Учемского и др.).

---

[50] Никодим. Указ. соч., стр. 9—11.

[51] Не случайно углицкий князь Дмитрий Иванович выдал в 1510 и 1511 гг. грамоты, посвященные фиксации иммунитета феодального землевладения в Городском стане Углицкого уезда, расположенном рядом с Бежецким уездом (С. Шумаков. Угличские акты. М., 1899, № III, IV).

В 1522 г. Василий III «дал по брате по своем по князе Дмитрее Ивановиче» село Фаустову Гору Зубцовского уезда Иосифо-Волоколамскому монастырю [52]. Кассиано-Учемский монастырь получил от Василия III в 1522 г. «по князе Дмитрее Ивановиче» 14 деревень, 8 починков и пустошь в Городском стане Углицкого уезда [53]. Они были освобождены от обязанности косить сено, кормить княжеского коня и давать людей для участия в княжеских охотах. Подобную же грамоту правительство выдало в 1522 г. Московскому Чудову монастырю на владения в Зубцовском уезде [54]. В более поздней грамоте Симонову монастырю (1524 г.) на владения в Углицком и Бежецком уездах содержались аналогичные постановления [55]. При составлении всех названных грамот был использован формуляр грамоты 1511 г. Богоявленскому монастырю.

В 1523 г. Покровский Углицкий монастырь получил льготную грамоту на село Архангельское, освобожденное на три года от наместничьих кормов, проторов и разметов [56], а вотчины Красно-Холмского монастыря в Бежецком уезде были, видимо, бессрочно освобождены от основных поборов [57]. Грамоты 1521—1524 гг., относящиеся к углицким владениям монастырей Углицкого Покровского [58], Троице-Сергиева [59], Кассиано-Учемского [60] и Симо-

---

[52] АФЗиХ, ч. II, № 87, стр. 83.

[53] ААЭ, т. I, № 171.

[54] ПРП, вып. IV, стр. 118.

[55] ХП, I, № 208. В 1521 — 1522 гг. жалованные грамоты на земли в районе Углича и Бежецка получили также монастыри Кирилло-Белозерский (ГПБ, Собр. актов и грамот, № I—89, I—90; там же, Собр. СПб. Д/А, AII/47, лл. 322—325; AI/17, лл. 455—456; ЛОИИ, ф. 11, № 112, стб. 168—173), Троице-Сергиев (ХП, I, № 174, 182), Углицкий Покровский (три грамоты — заповедную, обельно-несудимую и данную — ЦГАДА, ф. Канцелярии Сената, кн. 192, л. 251—251 об.), Углицкий Афонасьевский (две грамоты — несудимую и данную — ЦГАДА, ф. Канцелярии Сената, кн. 192, лл. 258—259 об.).

[56] «Ярославские губернские ведомости», 1855, часть неофициальная, № 47, стр. 426; ср. ЦГИА, ф. 834, оп. 3, № 1916, л. 38 об.

[57] А. К. Жизневский. Древний архив Красно-Холмского Николаевского Антоньева монастыря.— «Древности. Труды Московского археологического общества», т. VIII. М., 1880, стр. 61.

[58] «Ярославские губернские ведомости», 1855, часть неофициальная, № 47, стр. 425—426.

[59] ЦГАДА, ГКЭ по Бежецку, № 42/1146.

[60] ААЭ, т. I, № 171.

нова [61], содержат статьи, предоставлявшие этим корпорациям исключительное право пользоваться данным приставом и запрещавшие недельщикам въезжать в монастырские вотчины.

Русское правительство было особо заинтересовано также в укреплении своих позиций в Переславль-Залесском уезде, который находился рядом с Дмитровским уделом князя Юрия Ивановича. Жалованная грамота 1517 г. Троице-Сергиеву монастырю на его переславские вотчины [62] приближается по характеру заключенных в ней привилегий к углицким и зубцовским грамотам Кассиано-Учемскому, Чудову и другим монастырям.

Таким образом, изъятие из числа монастырских привилегий права пятна представляло собой только одну сторону иммунитетной политики русского государства в Переславском, Бежецком и Углицком уездах. Наряду с ограничением иммунитета в части, связанной с наместничьим управлением, правительство стремилось заручиться широкой поддержкой монастырей в недавно присоединенных уделах путем освобождения монастырских вотчин от дворцово-княжеских повинностей.

Несмотря на некоторые уступки духовным феодалам, иммунитетная и земельная политика Василия III в 1512—1514 гг. являлась продолжением начатых при Иване III мероприятий по ограничению привилегий крупных феодалов.

1512—1513 гг. явились кульминационным моментом союза Василия III с нестяжателями [63]. Летом 1511 г. митрополитом стал видный последователь Нила Сорского Варлаам. Очевидно, при поддержке Варлаама правительству Василия III удалось каким-то образом приостановить рост монастырского землевладения. Это предположение нуждается в тщательной проверке по частным актам. Предполагаемый запрет мог быть оформлен в не дошедших до нас «батьковых уставных книгах», о которых говорил Иван IV на Стоглавом соборе. Так или иначе, в 1512—1514 гг. резко снизилось число жалованных

[61] ЦГАДА, ГКЭ по Бежецку, № 45/1149; ГИМ, Сим. кн. 58, лл. 317—320-об.

[62] ААЭ, т. I, № 164.

[63] Весьма знаменательно то обстоятельство, что в 1513 г. правительство выдало специальную грамоту об охране Ниловой Сорской пустыни от «татей» и «разбойников» (РИБ, т. 32, № 86).

грамот на монастырские вотчины. Симптоматично распространение в это время ружных грамот[64] (ругой пытались заменить земельные и иммунитетные дачи).

Союз Василия III с Варлаамом не был, однако, долговременным. Политическая программа нестяжателей находилась в резком противоречии с политикой великокняжеской власти. Василий III в своих жалованных грамотах последовательно проводил принцип подсудности настоятелей монастырей и их братии во всех делах, кроме духовных, непосредственно великому князю или его боярину введеному. Эта мера имела очень важное значение. Подсудность монастырского начальства великому князю укрепляла власть Василия III над духовными феодалами.

Однако указанное положение вещей, по-видимому, не устраивало митрополита, стремившегося к централизации церкви. Резкое охлаждение отношений между Варлаамом и великим князем толкало последнего к союзу с иосифлянами, проповедовавшими теорию сильной монархической власти. К этому времени Иосиф Волоцкий, в противоположность нестяжателям и, в частности, Вассиану Патрикееву, доказывал необходимость теократической власти московского государя, называя его «главою всего»[65]. Перемена политической ориентации великокняжеского правительства не замедлила сказаться и на отношении его к монастырскому иммунитету.

В феврале 1515 г., вскоре после ликвидации Волоцкого удела, Иосифо-Волоколамский монастырь, служивший цитаделью иосифлянства, получил от Василия III две тарханно-несудимые и бережельные грамоты на владения в Тверском и Ржевском уездах[66]. Грамоты предоставляли монастырю широчайшие податные и судебные привилегии: освобождение от дани, ямских денег, посошной службы, мыта, тамги, посошного корма, различных строительных и дворцово-княжеских повинностей, судебный иммунитет, «опричь одного душегубства». Единственная статья, связывавшая эти грамоты с прежним курсом иммунитетной политики Василия III,— статья о клеймении

---

[64] ХП, I, № 101, 104, 120; ср. № 127. Ссылки на ружную политику Василия III имеются в Стоглаве («Стоглав». Изд. Д. Е. Кожанчикова. СПб., 1863, стр. 54, вопрос 31, стр. 273—274).

[65] А. А. Зимин. О политической доктрине Иосифа Волоцкого.— «Труды ОДРЛ», т. IX. М.— Л., 1953, стр. 175.

[66] АФЗиХ, ч. II, № 62, 63.

лошадей наместничьими пятенщиками — фактически весьма существенно отличалась от подобной же статьи в других грамотах, ибо она освобождала монастырских крестьян от самой пошлины — «пятна», сбор которой оставался, таким образом, в руках монастыря. Впрочем, уже в жалованной грамоте 1517 г. Иосифо-Волоколамскому монастырю на вотчины в Тверском, Клинском и Волоцком уездах содержалось другое постановление относительно пятна: «А пятно игумен з братьею в тех своих сельцах и в деревнях держат свое» [67].

Получение Волоколамским монастырем жалованных грамот с исключительными привилегиями знаменовало большую победу иосифлянской концепции, краеугольным камнем которой была мысль о необходимости и закономерности существования монастырского землевладения и иммунитета. Сближение великокняжеского правительства с иосифлянами не привело, однако, к распространению иммунитетных льгот на сколько-нибудь значительное число духовных корпораций. По щедрости предоставленных привилегий Иосифо-Волоколамский монастырь оставался исключением из общего правила.

Совершенно не изменилась политика Василия III в отношении иммунитета Троице-Сергиева монастыря, который продолжал получать только обельно-несудимые грамоты, содержавшие статью о проторах и разметах [68], и несудимые [69].

Принципы, положенные в основу политики 90-х годов XV — начала XVI в., прокладывали себе дорогу во второй и третий периоды правления Василия III. Можно указать целый ряд случаев, когда монастыри (помимо Троице-Сергиева) получали весьма скупые жалованные грамоты. В жалованных грамотах монастырям Рязанскому Покровскому (1524 г.) [70], Новгородскому Антоньеву (1524 г.) [71], Спасо-Прилуцкому (1525 г.) [72], Вологодскому Комельскому (1528/29 г.) [73], Успенской Ворониной пустыни (1529 г.) [74] и некоторым другим духов-

[67] Там же, № 79.
[68] ХП, I № 102, 103, 136, 146, 147, 181 и др.
[69] ХП I, № 139, 140, 157, 164, 174, 198, 207 и др.
[70] ГПБ, Собр. актов и грамот, № 1—94.
[71] Амвросий. Указ. соч., ч. III, стр. 136—144.
[72] ГИМ, ОПИ, Собр. Барсова, № 185/724 (ХП, I, № 222).
[73] Амвросий. Указ. соч., т. IV. М., 1812, стр. 717—719.
[74] ЛОИИ, Собр. Головина, № 53.

ным учреждениям отсутствовало освобождение от податей, а судебный иммунитет фиксировался в том же объеме, что и в ранних грамотах Василия III.

Но с 1515 г. развивалась и другая линия иммунитетной политики — линия на укрепление и расширение иммунитета монастырей. Причем она приобретала наиболее отчетливую форму в те моменты, когда дело касалось борьбы с удельнокняжеской раздробленностью. В январе 1515 г., за месяц до выдачи тарханных грамот Иосифо-Волоколамскому монастырю, правительство предоставило льготную и несудимую грамоту Троицкому Белопесоцкому монастырю на починки в Каширском уезде. Грамота освобождала монастырских крестьян от дани, поворотного и всех пошлин на 5 лет за ежегодный оброк в размере полуполтины, из юрисдикции монастыря изымались душегубство и разбой с поличным [75]. Каширский уезд находился на северо-западной границе Рязанского княжества. Поэтому московскому правительству было важно заручиться поддержкой каширских феодалов.

В январе 1522 г. Троицкий Белопесоцкий монастырь получил исключительно щедрую тарханно-несудимую грамоту. Она освобождала все его вотчины от дани, ямских денег, примета, посошного корма, медвяного оброка, который он раньше платил, тамги, мыта и других пошлин [76]. Белопесоцкий монастырь был в это время близок к великокняжескому правительству. Даниил, ставший митрополитом в феврале 1522 г., выдал ему ставленую грамоту на постройку новой церкви в селе Воргасове [77]. Тарханную грамоту монастырь приобрел по челобитью не игумена, а находившегося в монастыре старца Феодосия Ковери, лица, пользовавшегося, очевидно, большим доверием Василия III.

Феодосий Коверя прямо потребовал выдачи монастырю грамоты, освобождающей от всех пошлин (в челобитной были перечислены все подати и повинности, освобождения от которых монастырь добивался). Причем эта просьба ничем не аргументировалась. Весьма показательно также содержащееся в грамоте указание на то, что грамота выдана игумену «для старца Феодосия Ковери». О влиятельности Белопесоцкого монастыря красноречиво

---

[75] ГПБ, Собр. актов и грамот, № 1—87.
[76] АГР, т. I, стр. 102—103.
[77] Там же, стр. 102.

говорят посадкие люди в своих показаниях, записанных в правую грамоту 1542 г.: «Игумен, господине, Сергей — человек силнай, тягатися с ним не мочна»[78].

В начале 20-х годов XVI в. Белопесоцкий монастырь имел особое значение вследствие борьбы за присоединение Рязани, находившейся по соседству с Каширой, а также из-за угрозы нового набега крымских татар, заключивших союз с рязанским князем Иваном Ивановичем (войска крымского хана в 1521 г. дошли до самой Москвы). Укрепляя свои позиции в Рязанском крае, Василий III выдал в 1523 г. несудимую грамоту Семену Ивановичу Коробьину на вотчины в Перевитском и Переславль-Рязанском уездах[79].

Стремясь закрепить за собой волоцко-тверские земли, правительство Василия III отдало в октябре 1518 г. Троицкому Селижарову монастырю «по князе Федоре Борисовиче» (волоцкий удельный князь, умерший в 1513 г.) ряд деревень в Ржевском уезде и освободило их от дани, ямских денег, подводы, посошной службы и других пошлин. Судебный иммунитет Селижарова монастыря был санкционирован «опричь одного душегубства»[80]. В ноябре 1518 г. щедрую тарханно-несудимую и односрочную грамоту получила Клинская Изосимина пустынь[81], чье землевладение концентрировалось в районах Волоколамска, Твери и Клина.

Таким образом, во второй половине 10-х годов XVI в. русское правительство создавало зону особо привилегированного монастырского землевладения к северо-западу (Иосифо-Волоколамский, Селижаров монастыри, Изосимина пустынь) и к юго-востоку (Троицкий Белопесоцкий монастырь) от Москвы, укрепляя тем самым свои позиции на подступах к последним самостоятельным полугосударствам, ликвидация которых встала на очередь дня. Задача борьбы с феодальной раздробленностью тесно переплеталась с проблемой монастырского землевладе-

[78] Там же, стр. 102.

[79] «Акты Юшкова», № 118. Ср. грамоту марта 1523 г. Рязанскому Покровскому монастырю (ЦГИА, ф. 834, оп. 3, № 1917, лл. 80—82 об.).

[80] «Памятная книжка Тверской губернии на 1868 год». Тверь, 1868, стр. 287—290. Грамота отличалась от волоколамских грамот тем, что в ней не было освобождения от таможенных пошлин: тамги, мыта и др.

[81] Леонид. Клинская Изосименская пустынь и ее акты, стр. 87—91.

ния, остро обсуждавшейся различными группировками класса феодалов. Политическая доктрина иосифлян в определенной своей части представлялась великокняжескому правительству эффективным оружием в борьбе за укрепление и расширение централизованного государства. Все это, а также назревавшие противоречия между великим князем и митрополитом-нестяжателем создавало напряженную политическую обстановку, в которой и возник союз правительства Василия III с монастырями иосифлянского направления, находившимися на стыке московского великого княжества и удельных гнезд.

Помимо грамот, выданных Иосифо-Волоколамскому монастырю в 1515 г., последний получил от правительства несколько щедрых иммунитетных актов в 1517—1518 гг.[82] Сравнение волоцко-тверских жалованных грамот Иосифо-Волоколамскому монастырю с грамотой 1522 г. ему же на село Фаустову Гору Зубцовского уезда[83] показывает вынужденный характер предоставления монастырю крупных привилегий в его старинной вотчине. Здесь сеньориальные права монастыря в чрезвычайно широком объеме были закреплены еще в грамотах удельных волоцких князей[84]. Поэтому фиксация суженного круга льгот явилась бы прямым вызовом влиятельной иосифлянской корпорации.

Иначе обстояло дело с жалованной грамотой 1522 г. Волоколамскому монастырю на село Фаустову Гору. В Зубцовском уезде монастырь до того времени вотчинами не владел. Поэтому, предоставив ему земли, судебный иммунитет, «оприче душегубства и разбоя с поличным», а также освобождение от дворцово-княжеских повинностей, правительство могло рассчитывать на благодарность монастыря. Отсутствие в грамоте 1522 г. разрешения не платить главные налоги свидетельствует о постоянном стремлении правительства как можно строже следовать общим принципам своей иммунитетной политики, когда это только позволяло реальное соотношение сил.

[82] АФЗиХ, ч. II, № 79, 80, 82. В грамоте 1517 г. на вотчины Тверского, Клинского и Волоцкого уездов содержалось освобождение от дани, ямских денег, посошной службы, мыта, тамги и других пошлин (там же, № 79). Судебный иммунитет монастыря ограничивался путем изъятия из сеньориальной юрисдикции разбора тяжб по вопросам душегубства.

[83] АФЗиХ, ч. II, № 87.

[84] Там же, № 3, 4, 14, 17, 25, 26, 45, 50, 55.

Итак, во второй период политики правительства Василия III в области феодального иммунитета, наряду с общей ограничительной линией, прослеживается возникновение двух побочных линий, из которых первая состояла в предоставлении монастырям мелких финансовых привилегий на вотчины в районах Углича, Зубцова, Бежецка, Переславля-Залесского. Второе отклонение от общего курса выражалось в выдаче щедрых иммунитетных актов (с освобождением от всех налогов и представлением права суда, «опричь душегубства») некоторым крупным иосифлянским корпорациям (в основном Иосифо-Волоколамскому монастырю) на их владения в ликвидированном Волоцком уделе и в Тверской земле.

Жалованные грамоты на волоцко-тверские вотчины отличались от грамот, относящихся к Бежецку, Угличу, Переславлю-Залесскому, большей полнотой иммунитетных привилегий в значительной мере потому, что сепаратистские тенденции в Тверской земле и бывшем Волоцком уделе, присоединенном лишь в 1513 г., были, вероятно, намного сильнее, чем в Бежецке и Угличе, сравнительно давно входивших в состав «отчины» московских государей.

Выдача несудимых (и данных) грамот светским феодалам в 1511—1522 гг. обусловливалась, как и в предшествующий период, задачами борьбы с удельно-княжеской оппозицией. В 1511 г. правительство предоставило нескольким служилым людям данные и несудимые грамоты на черные деревни в Ярославском уезде [85], частью которого правили удельные юхотские князья. В 1509—1510 гг. юхотский князь Федор Иванович проявлял, видимо, значительную политическую активность. Им в это время, например, была выдана грамота Спасскому монастырю [86]. Князь договорился с монастырем относительно рабочих рук: «...Архимандриту Ионе... из моей отчины людей не приимати, а мне из его». Таким образом, этот важнейший вопрос решался за счет великокняжеских черных волостей. Укрепляя свое положение в Ярославском уезде, Василий III выдал в 1511 г. грамоты не только светским вассалам, но и Ярославскому Спасскому

[85] «Акты Юшкова», № 81—83.

[86] А. Барсуков. Сведения об Юхотской волости. СПб., 1894, стр. 4—5; Н. П. Лихачев. Сборник актов. СПб., 1895, стр. 203—205.

монастырю, городские дворы которого, по великокняжеской грамоте, освобождались от натуральных повинностей, за исключением основных (посошной службы, пищального наряда и городового дела) [87].

В 1514 г. в несомненной связи с присоединением Волоцкого княжества правительство выдало данную и несудимую грамоту Ельчаниновым на деревни в Рахове стане Волоколамского уезда [88]. Ельчаниновы являлись вассалами удельного князя Юрия Ивановича, сюзеренитет которого по грамоте 1507 г. распространялся на деревни Ельчаниновых в Рузском уезде, соседнем с Волоцким [89]. Превращая Ельчаниновых в своих вассалов, Василий III ослаблял позиции Юрия, возможного претендента на выморочный удел.

В 1515 г. данные и несудимые грамоты были предоставлены Черевиным на деревни в Галицком уезде [90], Дм. Мирославичу [91] и В. Демьянову [92] на земли в Медынском уезде. Этими актами правительство хотело обезопасить себя от выступлений со стороны князя Василия Ивановича Шемячича, который получил в удельное управление Малый Ярославец (около Медыни) и, очевидно, помышлял о возвращении старинной «отчины» своих предков — Галича (ср. выдачу Василием III в 1516 г. жалованных грамот Троице-Сергиеву монастырю на вот-

---

[87] И. А. Вахрамеев. Исторические акты Ярославского Спасского монастыря, т. 1, № IV, стр. 5—6. Монастырь мог расценивать это как льготу, ибо правительство предоставило ему обеленные дворовые места взамен старого, сгоревшего, монастырского двора, оказавшегося, очевидно, после пожара в руках посадских людей. Однако, обменивая монастырю старые дворовые места на новые, правительство лишало его исконной территории, пользовавшейся иммунитетом в силу обычного права и охранявшейся расположенным рядом монастырем-крепостью. Помещая монастырские дворы в гуще посада, великокняжеское правительство рассчитывало, что в ходе борьбы посадских людей с беломестцами иммунитетные привилегии последних окажутся решительным образом подорванными и в результате этого резко усилится зависимость монастыря от правительства, у которого он будет искать защиты своих привилегий и которое, при поддержке посада, сможет провести дальнейшее ограничение феодального иммунитета.

[88] «Акты Юшкова», № 91.

[89] Там же, стр. 59—60, № 70.

[90] Там же, стр. 82—83, № 97.

[91] ААЭ, т. I, № 160.

[92] Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888, стр. 155, прим. 1.

чины в уездах Малого Ярославца и расположенного рядом Боровска[93], в 1515 г.— несудимой грамоты Солдинскому монастырю на владения в Галицком уезде[94], а в 1518 г.— жалованной несудимой, заповедной грамоты Галицкому Чухломскому монастырю[95]).

В 1514—1515 гг., возможно, был какой-то заговор Шуйских в районе Суздаля, где находились их родовые вотчины. Шуйские, вероятно, поддерживали притязания братьев великого князя на выморочный Волоцкий удел (ср. их попытки «отъезда» к Юрию в дальнейшем[96]). По крайней мере, именно в эти годы великокняжеское правительство усиленно раздает грамоты суздальским феодалам[97].

Пожалование в феврале 1519 г. данной и несудимой грамоты Сухотину на деревни в Тульском уезде[98] связано с подготовкой к присоединению Рязани. Выдача жалованной грамоты Василием III тотчас вызвала ответные мероприятия рязанского князя Ивана Ивановича, который дал своим военным вассалам Ворыпаевым дворцовую деревню Вольяшевскую[99]. Тогда в марте 1519 г. Василий III предоставил данную и несудимую грамоту Ивану Анцыферову сыну Маслова на деревню Творник и

---

[93] ЦГАДА, ГКЭ по Малому Ярославцу, № 6/7696, по Боровску № 2/600. В связи с передачей Малого Ярославца в управление Василию Ивановичу, иммунитет малоярославецких вотчин Троице-Сергиева монастыря был закреплен в весьма широком объеме: монастырские крестьяне принуждались к уплате князю Василию Шемячичу лишь дани, а юрисдикция монастыря санкционировалась «опричь одного душегубства». Василий Иванович не являлся полноправным удельным князем Малого Ярославца. Монастырские приказчики должны были судиться у великого князя, а не у князя Василия Ивановича. В великокняжеском суде рассматривались и дела монастырских людей с посторонними лицами, не подведомственные смесному суду. По сравнению с жалованной грамотой Ивана III 1500/01 г. на те же малоярославские села (АСЭИ, т. I, № 631) грамота 1516 г. значительно увеличивала монастырский иммунитет.

[94] ГИМ, ОПИ, Собр. Уварова, карт. 66/20, 1 отд., № 2.

[95] АИ, т. I, № 125; ср. ААЭ, т. III, № 95.

[96] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 77—78.

[97] См. жалованные грамоты 1514—1515 гг. монастырям Покровскому Суздальскому (АИ, т. I, № 119), Спасо-Евфимьеву (ЦГАДА, ф. Спасо-Евфимьева м-ря, кн. 1, л. 415), Воздвиженскому Печерскому (Кабанов, № 4), светским феодалам Репьевым («Акты Юшкова», № 96).

[98] «Акты Юшкова», № 109.

[99] Там же, № 110.

погост в Заупском стане Тульского уезда [100]. В июне того же года данную и иммунитетную грамоту получил от рязанского правительства Гр. Дм. Кобяк [101]. Таким образом, обе стороны, готовясь к схватке, расселяли в порубежных местах своих служилых людей. В 1520 г. правительство Василия III выдало несудимую грамоту одному из духовных феодалов Рязанского края — Терехову монастырю [102]. Грамоты, выданные духовным корпорациям Рязани и Пскова, принадлежат к числу наиболее скупых жалованных грамот первой трети XVI в.[103] Н. Н. Масленникова, правда, рассматривает выдачу грамоты 1510 г. Псковскому Петропавловскому монастырю как попытку ограничить власть наместника [104]. Однако с ней вряд ли можно согласиться. Это был обычный в практике великокняжеских правительств способ заручиться поддержкой духовных феодалов присоединяемой территории. Юрисдикция же наместника в грамоте Петропавловскому монастырю зафиксирована в более широком объеме, чем в подавляющей массе жалованных грамот первой трети XVI в.: ему предоставлялось право суда над игуменом и братией, которое обычно сохранял за собой великий князь [105]. Такие полномочия имели только новгородские наместники (по грамотам 1499—1500 гг.).

Правительство Василия III, не отказываясь от принципа закрепления великокняжеского сюзеренитета над вновь присоединяемыми землями путем выдачи жалованных грамот местным духовным корпорациям, считало, однако, необходимым ограничиться по отношению к ря-

---

[100] «Из прошлого», ч. 2. Тула, 1915, стр. 7—8.

[101] «Акты Юшкова», № 111.

[102] АЮ, № 24, стр. 59—60.

[103] Кроме указанных грамот Терехову и Покровскому монастырям 1520, 1523 и 1524 гг., имеется несудимо-заповедная грамота Богословскому монастырю 1527 г. (ЦГИА, ф. 834, оп. 3, № 1917, лл. 54—55 об.). О псковских грамотах см.: С. М. Каштанов. Две жалованные грамоты 1510 г. псковским монастырям.— «Записки отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина», вып. 24. М., 1961, стр. 221—258. Податные привилегии содержатся только в грамоте псковским попам и дьяконам 1525 г. ([Е. Болховитинов]. История княжества Псковского, ч. II. Киев, 1831, стр. 87—89).

[104] Н. Н. Масленникова. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955, стр. 127—128.

[105] С. Каштанов. Полезное исследование.— «На берегах Великой», 1956, № 7, стр. 137—138; он же. Две жалованные грамоты..., стр. 239—244.

занским и псковским монастырям санкцией обычных привилегий. Василий III не вполне доверял этим феодалам, возможно, связанным с бывшими правительствами присоединенных территорий [106]. Присоединявшиеся в этот же период волоцко-тверские и бежецко-углицкие земли являлись областями, где московское влияние успело пустить более глубокие корни, чем в Пскове и Рязани. Некоторые из них еще раньше входили в состав Московского княжества, но потом стали уделами князей московского дома.

Землевладельцами здесь были корпорации, находившиеся в тесном союзе с правительством (например, Иосифо-Волоколамский, Богоявленский, Чудов монастыри). Давая им широкие льготы, можно было твердо рассчитывать на поддержку с их стороны. Позиция местных монастырей Рязани и Пскова отличалась меньшей ясностью. Кроме того, эти мелкие корпорации вряд ли сумели бы оказать такую же серьезную помощь правительству, как влиятельнейшие Троице-Сергиев, Чудов, Иосифо-Волоколамский монастыри. Во всяком случае, правительство считало неоправданной мерой фиксацию их иммунитета в сколько-нибудь расширенном объеме.

3. Грамоты августа 1522 — октября 1533 гг.

Компромиссные тенденции в иммунитетной политике Василия III заметно усилились после прихода к власти Даниила, бывшего игумена Иосифо-Волоколамского монастыря (27 февраля 1522 г.). Время с августа 1522 по октябрь 1533 г. можно условно считать третьим периодом иммунитетной политики правительства Василия III. Занятие митрополичьей кафедры Даниилом способствовало расширению иммунитета митрополичьего дома. В сентябре 1522 г. Василий III выдал митрополиту Даниилу жалованную грамоту, освобождавшую село Голенищево Московского уезда от городового дела и других натуральных повинностей: «Города моего не делают, ни камени, ни извести к городу не возят, ни в ров им дела моего,

[106] Судя по щедрости иммунитетных привилегий, предоставленных соседнему с Рязанью Каширскому Белопесоцкому монастырю, Василий III гораздо больше рассчитывал на его поддержку, чем на содействие рязанских монастырей (Терехова, Покровского, Солотчинского).

великого князя, не наряжают»[107]. Грамота же Ивана III 1504 г. на село Голенищево заключала в себе лишь заповедные и судебные льготы[108], которые, кстати, подтверждались грамотой 1522 г. В 1526 г. крестьяне митрополичьих сел Голенищева и Селятина были освобождены от обязанности стоять на яму с подводами[109].

В третий период иммунитетной политики Василия III наиболее крупными, исключительными привилегиями пользовался, как и раньше, Иосифо-Волоколамский монастырь. Грамота, выданная ему в 1527 г. на села Волоцкого и Зубцовского уездов, закрепляла за монастырем освобождение от дани, ямских денег, посошной службы, мыта, тамги и других пошлин. Судебный иммунитет фиксировался «опроче душегубства одного»[110].

Очевидно, в начале 20-х годов XVI в. правительство Василия III выдало тарханно-несудимую, односрочную, заповедную и проезжую грамоту Спасо-Преображенскому Путивльскому монастырю на разные владения в Путивльском и Новгород-Северском уездах[111]. Появление этой грамоты можно связать с ликвидацией в 1522 г. Новгород-Северского удела князя Василия Ивановича Шемячича.

Таким образом, ориентация правительства Василия III на иосифлян и интересы борьбы с пережитками феодальной раздробленности принуждали его к расширению монастырских и церковных привилегий. Однако данные, касающиеся Иосифо-Волоколамского и некоторых других монастырей, а также митрополичьего дома, не могут быть взяты за основу для характеристики общего курса иммунитетной политики Василия III. Скупость в отношении пожалования монастырям иммунитетных привилегий оставалась отличительной чертой политики Василия III.

Сдвиг, наметившийся в этой области в начале 20-х годов XVI в., заключался в том, что правительство стало предоставлять отдельным монастырям временные льго-

---

[107] АФЗиХ, ч. I, № 25, стр. 47.
[108] Там же, № 70 .
[109] Там же, № 26.
[110] Там же, ч. II, № 103; ср. № 102.
[111] Указание на выдачу грамоты Василием III см. в грамоте Ивана IV 1551 г. тому же монастырю (ЦГАДА, ф. 125, б/н; ф. 124, б/н; ГБЛ, Румянц. кн. 52, лл. 71—73; «Черниговские епархиальные известия», 1861, прибавл. к № 5).

ты. Первая большая серия льготных грамот появилась в 1522 г., после разорительного татарского набега 1521 г. Еще в феврале 1522 г. села Симонова монастыря Жданское, Коробово и др. в Московском уезде были на 5 лет освобождены от дани, ямских денег, поворотного, наместничьего, волостелина, тиунова кормов и от поборов доводчиков и праведчиков. Льгота мотивировалась разорением монастырских вотчин татарами (имелся в виду набег Мухаммед-Гирея, совершенный в конце июля 1521 г.) [112]. В самом начале 1522 г. льготные грамоты получили некоторые светские феодалы Московского и Коломенского уездов, подвергшихся набегу [113].

Выше уже называлась льготная грамота 1523 г. Покровскому Углицкому монастырю, отменявшая на три года уплату наместничьих кормов, проторов и разметов. В том же 1523 г. великому князю бил челом Спасо-Евфимьев монастырь, прося дать льготу, так как «хотят у Спаса в монастыре ставити церковь теплую каменну». Монастырь получил на 3 года освобождение от податей [114].

Заметной вехой в истории внутренней политики Василия III были события 1525 г.— церковный собор, осудивший в лице Максима Грека противников иосифлян нестяжателей, опала боярского идеолога Берсеня Беклемишева, развод великого князя с Соломонией Сабуровой. Эти меры знаменовали резкое обострение противоречий между Василием III и удельной оппозицией. Не удивительно, что именно в это время несколько усилился союз правительства с влиятельными духовными корпорациями. В 1525—1527 гг. многие монастыри получили жалованные, преимущественно льготные грамоты.

В 1525 г. Данилову Переславль-Залесскому монастырю была выдана несудимая и обельная грамота, освобождавшая на три года монастырское сельцо Будовское Старое от уплаты налогов по общей раскладке с тяглыми людьми [115]. В 1526 г. тот же монастырь добился выдачи ему льготной грамоты на деревню Будовское Новое. Монастырским крестьянам разрешалось не платить дань,

[112] ГИМ, Сим. кн. 58, по Москве № 72, лл. 264 об.— 265.
[113] «Акты Юшкова», № 114—116.
[114] ЦГАДА, ф. Спасо-Евфимьева м-ря, кн. 1, л. 416.
[115] В. Г. Добронравов. История Троицкого Данилова монастыря. Сергиев Посад, 1908, прил., стр. 16—17, № 1.

ямские деньги, мыт, тамгу, померное и другие пошлины [116]. Показательна мотивировка предоставления льготы, данная в грамоте 1526 г.: «В деревню крестьяне жить не идут, и мне бы... дати льгота». Правительству Василия III было, несомненно, выгодно создать необходимые условия для перехода в великое княжество крестьян из соседнего Дмитровского удела Юрия Ивановича. Очевидно, с этой же целью Василий III выдал льготную грамоту Троице-Сергиеву монастырю на село Боронаволоково, находившееся вблизи удела князя Юрия — в Нерльском стане Переславского уезда. Грамота освобождала монастырских крестьян на три года от дани, ямских денег, посошной службы, городового дела и наместничьих кормов [117]. Следовательно, вопрос относительно рабочих рук в этих грамотах решался за счет населения Дмитровского удела, откуда монастыри, как это совершенно недвусмысленно подразумевалось в актах, могли призывать крестьян в свои вотчины.

Тарханная грамота Иосифо-Волоколамскому монастырю 1527 г. касалась главным образом старинных монастырских сел в Волоцком уезде, а также деревень в Зубцовском уезде [118]. Крайне интересно то, что Василий III в этой грамоте брал под свой патронат две монастырские деревни (Ефимьево и Выжлецово), числившиеся по грамоте удельного князя Юрия Ивановича 1510 г. в составе его «отчины» [119] (деревни находились на рубеже Волоцкого и Рузского уездов) [120]. Таким образом, борьба правительства Василия III против боярской оппозиции сочеталась с наступлением на границы Дмитровского удела [121].

---

[116] ЦГАДА, ГКЭ по Переславлю-Залесскому, № 68/8792. Частично издана В. Г. Добронравовым (Указ. соч., прил., стр. 18). В 1526 г. жалованную грамоту получил также Горицкий Переславль-Залесский монастырь (С. Шереметев. Два упраздненных монастыря над Переяславским озером. М., 1901, стр. 15).

[117] ЦГАДА, ГКЭ по Переславлю-Залесскому, № 75/8799.

[118] АФЗиХ, ч. II, № 103.

[119] Там же, № 48.

[120] В грамоте 1529 г., выданной Иосифо-Волоколамскому монастырю, Юрий снова называет Ефимьево и Выжлецово в числе патронируемых им деревень Рузского уезда (АФЗиХ, ч. II, № 112).

[121] Связь Юрия с руководителями оппозиционных бояр обнаружилась наиболее четко именно в этот период. В 1528 г. князья А. М и И. М. Шуйские сделали попытку «отъехать» к Юрию (ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 77—78). В конце 20-х годов воз-

На сгоревшие и разоренные владения монастыри получали льготные грамоты и в начале 30-х годов XVI в.

В 1531 г. льготную грамоту получил Печерский Вознесенский монастырь. Его вотчины в Нижегородском и Суздальском уездах приобретали право не платить в течение трех лет дань и ямские деньги, а также не отбывать посошную службу. Льгота мотивировалась тем, что монастырь сгорел [122]. Аналогичную льготную грамоту получил в 1533 г. Троице-Сергиев монастырь на сельцо Гнезниково Костромского уезда, разоренное татарами [123].

Таким образом, льготы, предоставлявшиеся монастырям правительством Василия III в 20-х — начале 30-х годов XVI в., не означали коренного перелома в иммунитетной политике русского централизованного государства. Они носили временный характер и обусловливались запустением монастырских вотчин (фактор, с которым трудно было не считаться) или задачей борьбы с удельнокняжеской оппозицией.

Более серьезное увеличение иммунитетных привилегий монастырей в конце 20-х — начале 30-х годов XVI в. можно наблюдать в жалованных грамотах на монастырские вотчины Вологодского и Белозерского уездов. В грамотах 1531/32 и 1533 гг. за Кирилло-Белозерским и Ферапонтовым монастырями закреплялось право судить крестьян их вологодских сел и деревень «во всем», кроме душегубства [124]. Исключительно широких прерогатив добился в 1531 г. Коринилиев Комельский монастырь. Он получил полное право суда над крестьянами своих деревень и починков Вологодского уезда (наместники не должны были судить их «ни в чем»). Кроме того, вотчи-

---

ник мятеж братьев Василия III, причем Юрий как будто захватил Рязань и другие «украиныи» города, а Андрей — Белоозеро («Акты Литовско-Русского государства, изданные М. Довнар-Запольским», вып. 1 (1390—1529 гг.). М., 1899, стр. 240).

[122] ЛОИИ, Собр. Головина, № 54.

[123] АТН, вып. II, № 7.

[124] ЦГАДА, ГКЭ по Вологде, № 8/2579, 9/2580. В таком объеме фиксировался судебный иммунитет в еще более ранней (1528 г.) жалованной грамоте Кирилло-Белозерскому монастырю на четыре деревни в волости Тошне Вологодского уезда (ЦГАДА, ГКЭ по Вологде, № 4/2575). В феврале 1529 г. Кирилло-Белозерский монастырь получил тарханно-проезжую грамоту на беспошлинный провоз, продажу и покупку товаров (ГПБ, Собр. СПб. Д/А, № А II/47, лл. 68 об.— 72 об.).

ны Комельского монастыря бессрочно освобождались от дани, ямских денег, мыта и других пошлин [125].

Причину столь щедрого обеления вологодских вотчин монастырей надо, по-видимому, искать в резком обострении социально-политической борьбы в этом районе. Не случайно грамота 1531 г. содержит специальный пункт, оговаривающий вопрос о сроке вызова монастырских крестьян в великокняжеский суд данным приставом: устанавливался один срок в году «опричь тех людей, что есми своим бояром приказал обыскивати лихих людей, татей и розбойников, и на которых будет слово лихое взмолвят в татбе и в розбое, ино яз сам, князь велики, по тех людей пошлю или мой дворецкой, а сужю их яз... или мой дворецкой». Особенное внимание великокняжеского правительства к району Белоозера — Вологды в конце 20-х — начале 30-х годов связано с попытками Андрея Старицкого захватить Белоозеро [126].

Вообще же, судя по формулам жалованных грамот, можно говорить об особенном усилении с начала 20-х годов XVI в. социально-политической борьбы именно в уездах, расположенных к северу от Москвы,— в Бежецком, Углицком, Ярославском, Вологодском. В январской грамоте 1524 г. Симонову монастырю на его бежецкие и углицкие села назначалось два срока явки в суд монастырских крестьян, но для поимки «татей» и «розбойников» правительство выговаривало себе право «безурочно» посылать недельщиков «з записьми» [127]. В льготной грамоте 1524 г. Наумке Кобелю Василий III разрешил призывать в черный лес Двинского уезда людей «добрых, а не ябедников и не татей и не розбойников, а писменых тяглых, да и лихих людей, татей или розбойников или ябедников, которые из которых городов и из волостей выбиты, и тех им к себе не принимати» [128].

В начале 30-х годов XVI в. особенное обострение социальных и политических противоречий в северных районах страны сочеталось с открытыми формами неподчине-

---

[125] ГПБ, Собр. актов и грамот, № 1—102. В грамоте, правда, не было освобождения от такой важной повинности, как посошная служба. Имеются упоминания о двух других грамотах Корнильеву монастырю — 1528/29 и 1530/31 гг. (ГПБ, Q. IV, № 395, лл. 84 об.—85).

[126] «Акты Литовско-Русского государства...», стр. 240.

[127] ХП, I, № 208.

[128] ААЭ, т. I, № 285, стр. 488—489.

ния крестьян феодалам в западных и южных уездах. Крайне интересно известие 1531 г., относящееся к территории Клина — Волоколамска — Твери и касающееся вотчин Изосиминской Клинской пустыни. Составитель обзора архива пустыни Леонид указывал в 1876 г. на грамоту, теперь неизвестную: «В 1531 году при игумене Кирилле, как видно из грамоты на имя Якова Ушакова, зосименские крестьяне вышли из повиновения игумена, но были усмирены судом» [129]. Вероятно, с новыми формами эксплуатации крестьян и активизацией их классовой борьбы связано появление в 1532 г. «Долговой книги» другого крупного вотчинника этих мест — Иосифо-Волоколамского монастыря [130].

Яркую картину социальных противоречий в феодальной вотчине вскрывает указная грамота Василия III 1533 г. Федору Ромоданову о высылке с земли Рязанского Богословского монастыря Батурина за неплатеж оброка и неподсудность игумену [131]. Батурин пытался освободиться как от податного иммунитета монастыря («пошлин... игумену... никоторых не платил»), так и от судебного («под суд ся им не дает»). Монастырь не сумел самостоятельно заставить Батурина подчиниться своей власти. Этот пример лишний раз показывает, что государство защищало основы феодального иммунитета землевладельцев, хотя и ограничивало его в свою пользу.

Прослеживая развитие иммунитетной политики Василия III, можно подвести некоторые общие итоги.

В течение всего периода правления Василия III иммунисты, как правило, принуждались к уплате государственных налогов, а судебный иммунитет феодалов ограничивался путем последовательного изъятия из вотчинной юрисдикции тяжб по вопросам душегубства и разбоя с поличным. Исключения из этого правила объясняются существенными факторами: задачей борьбы с сохранившимися самостоятельными княжествами, союзом правительства с иосифлянами, разорением и запустением вотчин иммунистов.

---

[129] Леонид. Клинская Изосименская пустынь и ее акты, стр. 74. На это упоминание наше внимание обратил В. И. Корецкий.

[130] «Книга ключей и Долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в.» Под ред. М. Н. Тихомирова и А. А. Зимина. М.— Л., 1948.

[131] АИ, т. I, № 134; ПРП, вып. IV, стр. 122—123.

Но как бы ни были серьезны мотивы отступления Василия III от строго ограничительного курса иммунитетной политики Ивана III, факт остается фактом: правительство оказалось не в состоянии последовательно проводить этот ограничительный курс. Первый шаг к отступлению был сделан самим Иваном III, возродившим систему уделов. Новые удельные князья сразу же взяли на вооружение практику старых более или менее щедрых иммунитетных пожалований. Втянутый в ожесточенную борьбу с ними, постепенно стал расширять иммунитетные привилегии крупных феодалов и Василий. Страна была экономически и политически не подготовлена ко всеобщему ограничению и унификации иммунитета.

Глава V

СУДЬБЫ ФЕОДАЛЬНОГО ИММУНИТЕТА В ПЕРИОД РЕГЕНТСТВА ЕЛЕНЫ ГЛИНСКОЙ

*

Правительство Елены Глинской пришло к власти в весьма сложной политической обстановке. Подъем социальной борьбы, которым отмечен конец княжения Василия III, и обострение отношений с удельными князьями Юрием и Андреем делали положение нового правительства довольно шатким. Требовались энергичные меры для его упрочения.

Никакие источники, кроме жалованных и указных грамот, не способны обрисовать все многообразие приемов внутренней политики правительства Елены Глинской от утверждения его у кормила государственной власти до смерти регентши. П. П. Смирнов привлек несколько жалованных грамот Троице-Сергиеву монастырю 1534 г. с целью показать рост беломестного землевладения в городах[1] (тезис сам по себе довольно сомнительный применительно к этому времени). Н. Е. Носов извлекал из грамот 1534—1538 гг. сведения о городовых приказчиках[2]. Однако этими работами почти не вскрыта иммунитетная политика регентши. По летописным (и только частично актовым) источникам характеризуются в литературе наиболее яркие события времени регентства Елены — поимка князя Юрия Дмитровского[3], ликвидация

[1] П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. 1. М., 1947, стр. 104 и след.

[2] Н. Е. Носов. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.— Л., 1957, стр. 81—84, 126 и др.

[3] С. Б. Веселовский. Последние уделы на Руси.— «Исторические записки», кн. 22; «Очерки истории СССР». Период феодализма. Конец XV — начало XVII в. М., 1955, стр. 269—296.

мятежа Андрея Старицкого[4], интенсивное градостроительство[5].

Задача последовательного выяснения происхождения жалованных и указных грамот Елены Глинской в связи с внутренней политикой ее правительства остается в историографии до сих пор не решенной[6].

1. Территориальное распределение и основные задачи первых жалованных грамот правительства Елены Глинской (январь — февраль 1534 г.)

На время регентства Елены Глинской (1534 — начало 1538 гг.) приходится 74 собственно великокняжеские иммунитетные грамоты, из них 65 жалованных, 9 указных. Кроме того, две грамоты были выданы от имени Ивана IV великокняжескими писцами.

Почти половина всех жалованных грамот периода правления Елены Глинской (35 номеров) относится к чрезвычайно узкому отрезку времени — январю и февралю 1534 г. Указные иммунитетные грамоты от этих двух месяцев до нас не дошли. Объекты пожалования, названные в грамотах, находились в уездах Дмитровском (20 актов)[7], Рузском (семь)[8], Кашинском (пять)[9], Звенигородском (два)[10], Волоцком и Зубцовском (один), Углицком, Бежецком и Ярославском (один), Пошехонском (один), Вологодском (один), Московском (два), Владимирском (один), Юрьев-Польском (один), Суздальском и Костромском (один).

Главная масса жалованных грамот (21 из 35), выданных в январе — феврале 1534 г., касалась уездов,

---

[4] И. И. Смирнов. Мятеж Андрея Старицкого 1537 г.— «Исторические записки», кн. 50.

[5] Н. Е. Носов. Указ. соч., стр. 74.

[6] О внутренней политике периода регентства см.: И. И. Смирнов. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.— Л., 1958, стр. 19—74; А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного. М., 1960, стр. 222—248.

[7] Учтены 15 грамот, где упомянуты только дмитровские земли, и 5 актов, в которых дмитровские территории фигурируют вместе с кашинскими, рузскими и звенигородскими в разных комбинациях.

[8] Исключительно рузских грамот — четыре.

[9] Исключительно кашинских грамот — две.

[10] Исключительно звенигородских грамот — одна.

образовывавших ликвидированный в самом конце 1533 г. удел князя Юрия Ивановича Дмитровского (Дмитров, Кашин, Руза, Звенигород). Остальные территории, перечисленные в январско-февральских грамотах 1534 г., сохраняли несколько менее свежие, но еще чрезвычайно заметные следы прежней автономии. Чтобы ясно показать это, мы будем, говоря о центральных уездах, рассматривать не уезд в целом, а конкретно те волости, в которых помещались упомянутые грамотами земли.

Одна из двух московских грамот была дана на село Иевлево «в Замосковских волостях в Корзеневе и в Шеренке»[11]. Волости Корзенево и Шерна были старинными удельнокняжескими территориями, входившими в удел предшественника Юрия Ивановича — князя Юрия Васильевича Дмитровского. По первому варианту духовной Ивана III они предназначались, очевидно, Юрию Ивановичу, но в связи с передачей ему Рузы после смерти Ивана Борисовича Рузского в 1503 г. были отмежеваны от Дмитрова[12]. Юрьев-польская грамота имела в виду земли, расположенные в Шуткине стане[13], в котором также имел земли Юрий Васильевич Дмитровский.

К грамотам 1534 г. на дмитровско-звенигородские земли примыкает грамота на села Нахабино и Караулово в Горетовском стане Московского уезда[14], близком к Звенигородскому и Дмитровскому уездам. В пошехонской грамоте объектом пожалования были владения в Вольской области, которая некогда принадлежала Андрею Большому.

Углицкий и Зубцовский уезды образовывали Углицкое княжество, прекратившее свое существование в 1521 г. Соседний с Угличем Бежецкий уезд был уделом фактически до 1511 г., а формально до 1518 г. Кострома, изъятая из удельного управления только в третьей четверти XV в., была опорным пунктом мятежных галицких князей, потомок которых В. И. Шемячич претендовал на галицко-костромские территории еще при Василии III. Вологодский уезд находился до 1481 г. в уделе у Андрея Васильевича Меньшого.

---

[11] ГБЛ, Тр. кн. 527, № 242, лл. 212 об.— 213 об.
[12] ДиДГ, стр. 354.
[13] ГПБ, Собр. актов и грамот, № 1—108.
[14] ГБЛ, Тр. кн. 527, № 246, лл. 217—218.

Земли, названные в грамотах, касающихся Ярославского, Владимирского и Суздальского уездов, были расположены вблизи владений удельных и служебных князей, а также влиятельнейших княжат. В Ярославском уезде имелся удел князей Мстиславских. Владимирская грамота относилась к слободке в волости Медушах [15], находившейся недалеко от Луховца, отданного Иваном III Федору Ивановичу Бельскому как служебному князю «в вотчину... с волостьми» [16]. Соседний с Владимиром Суздаль был окружен земельными владениями могущественных князей Шуйских.

Итак, территориальное распределение январско-февральских великокняжеских жалованных грамот 1534 г. вскрывает вполне определенную тенденцию в политике правительства Елены Глинской в это время. В жалованных грамотах правительство закрепило свою власть над землями, входившими в состав недавно ликвидированных уделов или расположенными вблизи сфер влияния оставшихся удельных, служебных князей и крупнейших княжат, причем главное внимание было уделено территории Дмитровского княжества.

Из летописных источников известно, что события назревали со стремительной быстротой уже в последние дни жизни Василия III. Позиции двух братьев великого князя — Юрия Дмитровского и Андрея Старицкого,— очевидно, существенно расходились между собой. Юрий возлагал большие надежды на смерть Василия III. Будучи старшим удельным князем, он строил планы захвата великокняжеского престола. Василий III не доверял Юрию и старался как можно дольше скрывать от него свою болезнь [17].

В период болезни Василия III отношения Андрея с Юрием не только не улучшились, но, скорее всего, обострились еще более. Андрей не был заинтересован в том, чтобы после смерти Василия великокняжеская власть перешла в руки могущественного Юрия. Его меньше страшил на престоле ребенок Иван IV. Это сделало Андрея союзником Василия III и Елены Глинской во время смертельной болезни великого князя.

---

[15] ГПБ, Собр. актов и грамот, № 1—104.
[16] ДиДГ, стр. 357.
[17] ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 410—411.

Поведение Андрея в последние дни жизни Василия III характеризует его желание способствовать укреплению прав Ивана IV на великокняжеский престол. Когда Василий III отказался от мысли лично благословить Ивана, боясь расстроить детское воображение сына своим изможденным видом, именно Андрей и бояре доказали Василию необходимость этого личного благословения и потребовали послать за Иваном и великой княгиней Еленой [18]. Ту же цель преследовала борьба Андрея в контакте с наиболее преданными Василию III боярами (М. С. Воронцовым и волоцко-тверским дворецким И. Ю. Шигоной-Поджогиным) против попыток великого князя принять перед смертью монашеский чин [19]. Может быть, смерть Василия III в монашестве грозила ослаблением неоспоримости великокняжеских прав Ивана IV. Юрий целовал крест Ивану под давлением и поэтому не считал свое крестоцелование действительным [20].

Смерть Василия III вызвала почти моментальную реакцию Юрия, пытавшегося в своих далеко идущих планах опереться на влиятельнейших князей Шуйских, которых он хотел переманить к себе на службу. Лояльность князей Шуйских по отношению к правительству Елены Глинской остается вопросом весьма сомнительным. Сообщение Никоновской летописи о попытках А. Шуйского возвести Юрия на великокняжеский престол [21] кажется нам правдоподобным. Во всяком случае, успех регентши в деле ликвидации заговора Юрия в значительной степени объясняется ее союзом с Андреем, боявшимся единовластия Юрия.

11 декабря 1533 г., через 7 дней после смерти Василия III, Юрий уже был посажен в темницу, а причисление его удела к составу великого княжества стало чрезвычайно важной политической задачей. С удельнокняжеской точки зрения включение земель еще не умершего удельного князя в великокняжескую «отчину» являлось актом мало «законным» и достойным серьезных споров.

Заточение Юрия существенно изменило взаимоотношения между правительством Елены Глинской и Андреем Старицким. С одной стороны, правительство оказа-

[18] Там же, стр. 414.
[19] Там же, стр. 417.
[20] Там же, стр. 420; т. VIII, стр. 286.
[21] Там же, т. XIII, первая половина, стр. 78—79.

лось политическим должником Андрея, который за союзнические действия в последние дни жизни Василия III добился от великого князя права на расширение своего удела: очевидно, ему обещали Волоцкий уезд [22]. Поведение Андрея во время ликвидации заговора Юрия также требовало вознаграждения. Таким образом, у Андрея накопился ряд земельных претензий к правительству Елены Глинской. В январе 1534 г. Андрей Старицкий, не уезжая из Москвы в свой удел, «припрашивал» у Елены Глинской «к своей вотчине городов» сверх того, что ему завещалось в духовной грамоте Ивана III. Правительство попыталось умиротворить Андрея богатыми подарками («почтили его, как преже того по преставлении великих князей братье давали, а ему дали и свыше: давали ему шубы, и кубки, и кони иноходцы в седлех»), но твердо отказало ему в городах [23].

С другой стороны, «поимание» Юрия сделало Андрея единственным действительным удельным князем московского дома, давая пищу его честолюбию и превращая его в потенциального противника правительства. Отказ Елены Глинской от выполнения земельных требований Андрея еще более ухудшил их взаимоотношения. Чрезвычайная активность регентши в деле закрепления за великим князем удельного княжества Юрия Дмитровского крайне обеспокоила Андрея, чьи владения (Старица и Верея) находились вблизи западной части Дмитровского удела — Рузы и Звенигорода. Через несколько дней после того, как Елена Глинская в жалованной грамоте Троице-Сергиеву монастырю на монастырские вотчины во всех четырех уездах ликвидированного удела поставила под контроль правительства присоединенную территорию (4 января) [24], Андрей выдал жалованную грамоту Иосифо-Волоколамскому монастырю на двор в Старице (9 января) [25], пытаясь этим упрочить свою власть в центре принадлежавшего ему княжества.

Следовательно, выдача жалованных грамот, утверждавших суверенные полномочия великого князя в областях, которые являлись уделами дмитровского и волоц-

[22] А. А. Зимин. Княжеские духовные грамоты начала XVI в.— «Исторические записки», кн. 27, стр. 284.
[23] ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 428.
[24] ЦГАДА, ГКЭ по Дмитрову, № 45/3757.
[25] АФЗиХ, ч. II, № 129.

кого князей, была обусловлена тем, что права на них оспаривались сторонниками удельнокняжеской оппозиции. Присоединение Дмитровского удела, очевидно, вызвало ярость князей Шуйских, издавна связанных с Юрием. Андрей Старицкий мог рассчитывать на Вольскую волость Пошехонского уезда, входившую некогда в удел Андрея Углицкого. Кроме того, он претендовал на Волоцкий уезд и, возможно, на некоторые другие земли, скорее всего на Вологду и Белоозеро.

Позиция Шуйских и, в частности, поддержка ими Юрия Дмитровского вызывала опасения Елены и потребовала укрепления великокняжеской власти в районе родового гнезда Шуйских — Суздале. Именно напряженными взаимоотношениями правительства с Шуйскими объясняется выдача жалованной грамоты на владения в Суздале.

Смерть Василия III и малолетство Ивана IV вызвали активизацию не только Юрия Дмитровского и Андрея Старицкого. По всей вероятности, они породили оживление в среде, близкой к удельным князьям. Возможно, даже раздавались голоса в пользу возвращения удела Дмитрию Андреевичу, сидевшему в тюрьме с семилетнего возраста. Дмитрий был сыном Андрея Большого, владевшего Угличем и Бежецком. Вот почему такое большое значение имела выдача жалованной грамоты на бежецко-углицкие земли.

Наконец, не вызывает сомнений опасная для великокняжеского правительства активизация в Ярославском уезде удельного князя Федора Михайловича Мстиславского. Еще в последний год жизни Василия III Федор Михайлович начал укреплять свои позиции в Ярославле[26], в связи с чем Василий III во второй половине 1533 г. стремился заручиться поддержкой феодалов тех территорий, которые находились недалеко от Ярославского уезда, особенно костромских[27]. Отсюда становится понятной причина предоставления в начале 1534 г. великокняжеских жалованных грамот на земли в районах Ярославля и Костромы.

Сопоставление реальной расстановки сил удельнокняжеского сепаратизма в начале 1534 г. с удельными

[26] ЦГАДА, ГКЭ по Ярославлю, № 8/14758.
[27] АГР, т. I, № 39; «Акты Юшкова», № 132.

традициями уездов и волостей, оказавшихся в центре внимания январско-февральских жалованных грамот 1534 г., показывает, что интерес правительства к этим территориям был глубоко обоснованным. Неравномерность развития экономики России, обусловившая существование удельных княжеств, в обстановке завершения централизаторского процесса оказывала большое влияние на политику. Наличие черт и традиций удельной автономии учитывалось прежде всего самим великокняжеским правительством. Волок и Тверь управлялись специальным Тверским дворцом, Рязань и Вологда — Рязанским дворцом, Углич и Зубцов — Углицким. Вскоре после «поимания» Юрия возник Дмитровский дворец.

Великокняжеское правительство выдвигало на должность территориальных дворецких особо доверенных людей. Василий III, зная возможные претензии удельных князей (в конце 1533 г. конкретно Андрея) на Волок, крайне возвысил волоцко-тверского дворецкого И. Ю. Шигону-Поджогина, имевшего вотчины в районе Твери и Волоколамска. Этим он, в частности, стремился найти опору в среде волоцко-тверских феодалов, от которых в значительной мере зависел успех или неуспех удельно-княжеских попыток захватить власть в Волоцком уезде. Во время болезни Василия III Шигона был, кажется, самым приближенным к великому князю лицом [28].

Важным дополнительным источником, свидетельствующим в пользу приведенного объяснения политических причин территориального распределения январско-февральских великокняжеских жалованных грамот 1534 г., является копийная книга Троице-Сергиева монастыря, составленная в феврале 1534 г. по инициативе или под руководством правительства. Расположение в ней материала обнаруживает особое внимание правительства к тем комплексам территорий, подвластность которых великому князю закреплялась в жалованных грамотах начала 1534 г. В первую группу здесь выделены акты на бывший удел Андрея Большого — Углицкий и Бежецкий уезды. Затем идет дмитровский раздел, куда включены не только дмитрово-рузские документы, но и грамоты, касающиеся волости Вори-Корзенева и Шуткина стана Юрьев-Польского уезда. Аналогичный мо-

[28] ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 409—417.

мент наблюдался в географическом распределении жалованных грамот февраля 1534 г. Но наиболее ярко выясняются по копийной книге претензии Андрея Старицкого (хотя и не все): в отделе старицких документов, наряду со старицко-верейскими актами, помещены материалы, относящиеся к Замосковской волости Корзеневу и Горетовскому стану (имеются, в частности, разъезжие 1518—1529 гг. на земли села Нахабина) [29].

В написанном одновременно с книгой перечне неподтвержденных грамот тоже уделено много места актам на территории, являвшиеся объектом возможных домогательств князя Андрея, в том числе на Вольскую волость Пошехонского уезда [30]. Группировка всех этих материалов удивительно напоминает картину, создающуюся при изучении февральских жалованных грамот 1534 г.

В итоге сравнительного исследования актовых, летописных источников и троицкой копийной книги видно, что как копийная книга, так и жалованные грамоты начала 1534 г. преследовали цель нейтрализации удельнокняжеских притязаний и сепаратизма влиятельных княжат.

Социальный состав грамотчиков в январе — феврале 1534 г. был однороден: жалованные грамоты приобрели крупнейшие русские монастыри. По количеству полученных иммунитетных актов на первом месте стоят монастыри Троице-Сергиев (18) [31] и Иосифо-Волоколамский (семь) [32]. За ними следуют Вологодский Ферапонтов (четыре) [33], Кирилло-Белозерский (два) [34], Московский Симонов (один) [35], Савво-Сторожевский (один) [36], Углицкий Покровский (один) [37], Вологодский Глушицкий (один) [38].

---

[29] С. М. Каштанов. Копийные книги Троице-Сергиева монастыря XVI века.— «Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. 18. М., 1956, стр. 16—18.

[30] Там же, стр. 13, прим. 54.

[31] ХП, I, № 302, 317—333.

[32] АФЗиХ, ч. II, № 130—136.

[33] АГР, т. I, № 42; РИБ, т. 32, № 129—130; ЛОИИ, Колл. 115, № 444, л. 11—11 об.

[34] ГПБ, Q — IV — 113б, лл. 732—733; там же, Собр. СПб. Д/А, № А I/17, л. 907 об.

[35] ГПБ, Собр. актов и грамот, № 1—109.

[36] ЛОИИ, Собр. актов до 1613 г., № 1/93.

[37] «Ярославские губернские ведомости», 1855, часть неофициальная, № 48, стр. 435—436.

[38] ЦГАДА, ГКЭ по Вологде, № 10/2581.

Троицкий и Иосифо-Волоколамский монастыри не случайно оказались в это время главными получателями жалованных грамот. Троице-Сергиев монастырь играл очень важную роль в Дмитровском уделе, являясь одним из богатейших земельных собственников во всех четырех уездах княжества и прежде всего в Дмитровском уезде, где помещался центр удела. Иосифо-Волоколамский монастырь находился в гуще удельнокняжеских территорий. Его огромное влияние в Волоколамском уезде, ставшем предметом честолюбивых вожделений Андрея Старицкого, а также в уездах Дмитровском и особенно Рузском, соседнем с Волоколамским, делало для правительства необходимым тесный союз с этим монастырем. Летописи показывают, что из всех монастырских феодалов в период болезни Василия III к великому князю были действительно приближены только троицкие и волоцкие старцы [39]. В конце 1533 г. игумен Троице-Сергиева монастыря Иоасаф превосходил своим влиянием самого митрополита Даниила.

Кстати, отсутствие в 1534 г. жалованных грамот митрополичьему дому, крупному землевладельцу Дмитровского, Звенигородского и Рузского уездов, связано с недостаточно определенной позицией митрополита Даниила, не пользовавшегося в 1533 г. доверием Василия III, который вначале скрывал от него, как и от многих других, свою болезнь [40]. Отсутствие в 1534 г. жалованных грамот виднейшему землевладельцу Кашинского уезда Калязину монастырю объясняется установлением тесного контакта между этим монастырем и Юрием Дмитровским в 1530—1533 гг., когда Василий III пытался лишить Юрия поддержки монастырей, находившихся в пределах великого княжества [41].

Вместе с тем, Савво-Сторожевский монастырь, чьи вотчины, как и калязинские, находились исключительно в уделе Юрия Дмитровского, не был в такой зависимости от Юрия, как Калязин монастырь, и не имел с Юрием столь близких отношений. Это и понятно. В отличие от Кашина, Звенигородский и Рузский уезды, где были рас-

[39] ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 409—419.
[40] Там же, стр. 410.
[41] Возвышение Калязина монастыря в уделе Юрия в начале 30-х годов XVI в. показано нами в статье «Из истории последних уделов» («Труды МГИАИ», т. 10. М., 1957, стр. 299).

положены владения Савво-Сторожевского монастыря, ведались по части уголовных преступлений центральным правительством [42]. Таким образом, власть удельного князя здесь заметно ослаблялась великокняжеским контролем. Правительство Елены Глинской, очевидно, вполне рассчитывало на благожелательную позицию Савво-Сторожевского монастыря, выдавая ему жалованную грамоту. Чрезвычайно интересна правительственная политика в отношении белозерско-вологодских монастырей — Кирилло-Белозерского и Ферапонтова. Предоставлением им грамот не на вологодские, а на дмитровские земли регентша добивалась укрепления своего положения как в Вологде, так и в Дмитрове, т. е. принимала меры одновременно против сторонников Юрия и Андрея.

Важность январско-февральских жалованных грамот 1534 г. не исчерпывалась лишь тем, что с их помощью закреплялись успехи централизаторской политики русского правительства и наносился удар по удельнокняжеской оппозиции. Очевидно, общей, но пока еще мало исследованной чертой процесса централизации было особенное обострение социальной борьбы в присоединяемых территориях. Жалованные грамоты представляют собой почти единственный источник, позволяющий наметить эту проблему, ибо в большинстве летописных памятников освещаются только самые яркие моменты классовой борьбы, о которых нельзя было умолчать. Усиление социальных противоречий в 1533—1534 гг. в них вообще не отражено. Являясь юридическими проводниками сложной великокняжеской политики, жалованные грамоты отвечают на интересующие нас вопросы языком правовых норм, требующих часто тщательного сравнения с нормами предыдущих грамот, без чего затрудняется выявление их конкретной классовой направленности.

Классовая сущность жалованных грамот состояла прежде всего в том, что они укрепляли феодальную собственность на землю. Интенсивно расширявшееся в XV—XVI вв. монастырское землевладение не могло обеспечить себе одинаковой степени монополии на все части захваченных им территорий. Обладание пашенными угодьями и населенными местами (селами, деревнями,

---

[42] См. так называемую московскую запись о душегубстве (ПРП, вып. III, стр. 167—169).

починками и т. д.) имело прочные экономические и юридические обоснования. Монопольное право собственности на леса и водоемы было гораздо более слабым местом в юридической надстройке феодального землевладения, так как основа этих прав меньше связывалась с экономической структурой феодальной формы земельной собственности. Жалованные грамоты XV—XVI вв. ни разу не формулировали запрещения посторонним лицам приходить в монастырские леса для сбора валежника, ягод или грибов.

К. Маркс в связи с вопросом о пользовании феодальными лесами указывал: «...Источник всякого обычного права бедных заключается в неопределенном характере некоторых видов собственности. В силу такой неопределенности эти виды не являются ни безусловно частной, ни безусловно общей собственностью, представляя собой то смешение частного и публичного права, которое выступает перед нами во всех средневековых установлениях»[43]; «... В обычаях, являющихся обычаями всего бедного класса, с верным инстинктом подмечена эта *неоформленная* сторона собственности»[44]. В русском государстве до второй половины XV в. рубить деревья в лесах землевладельцев, по-видимому, не было запрещено, подобно тому как еще в XVI в. не запрещалось собирать в них валежник, ягоды или грибы. Рост феодального землевладения и классовой борьбы в конце XV в. привел к установлению этого запрещения в ряде жалованных грамот[45]. Выдача жалованных грамот на леса, как правило, знаменует большое обострение социальных противоречий в уездах, где находились объекты пожалования. Из январско-февральских грамот несколько актов касается именно монастырских лесов, вырубавшихся посторонними лицами — посадскими людьми и крестьянами (дворцовыми, черносошными, боярскими и др.).

Грамоты были выданы крупнейшим лесовладельцам Дмитровского удела — монастырям Троице-Сергиеву (на рощи, запущенные по пашенной земле у различных монастырских сел и деревень в Дмитровском, Кашинском, Рузском и Звенигородском уездах), Савво-Сторо-

[43] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 128.
[44] Там же, стр. 129.
[45] Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 2. М., 1951, стр. 180—181.

жевскому (на лес в Звенигородском уезде), Симонову (на лес и рощи в Дмитровском уезде). Правительство попыталось сузить административные полномочия монастырей по отношению к нарушителям, чтобы сохранить за собой функции суда и расправы, весьма важные для упрочения великокняжеской власти в присоединенном уделе. Одновременно это было проявлением отмеченной К. Марксом неопределенности размежевания публичного и частного права в делах, связанных с феодальной собственностью не до конца оформившегося типа.

Сужение судебно-исполнительной функции монастырей удалось правительству в разной степени в связи с различиями в размерах землевладения и политическом весе пожалованных корпораций. Приказчик Савво-Сторожевского монастыря должен был представлять пойманных нарушителей великокняжескому «данному приставу», который, в свою очередь, устраивал перед великим князем очную ставку нарушителя с приказчиком, и только в случае доказательства последним вины нарушителя великий князь брал с преступника штраф в размере двух рублей (видимо, в пользу казны). Симоновская вотчина также не избавлялась от великокняжеского «данного пристава», дававшего нарушителей на поруки, но ставившего их уже не перед великим князем, а «перед собой», т. е. дело решалось не в великокняжеском суде, и монастырское обвинение требовало меньших доказательств. Ничего не говорилось здесь о штрафах.

Наконец, в троицкой грамоте фиксировалось только запрещение сечь монастырские леса; следовательно, расправа с нарушителями оставалась в руках монастыря. Маркс писал: «Присвоив себе штрафные деньги, лесовладелец... присвоил себе, кроме своего частного права, еще и *государственное право* на нарушителя лесных правил и занял сам место государства»[46]. Отсутствие ограничительных формул в грамоте Троице-Сергиеву монастырю объясняется, помимо его крупного политического значения, еще и тем обстоятельством, что грамота появилась в первые дни января 1534 г., когда позиции правительства на территории удела были крайне непрочными и там не имелось великокняжеского аппарата власти.

---

[46] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 152.

К перечисленным заповедным грамотам на монастырские леса и рощи близка по своей классовой и политической направленности жалованная грамота Вологодскому Глушицкому монастырю, запрещающая посторонним людям нарушать монопольное владение монастыря тонями «на Сухоне».

С заповедными грамотами, укреплявшими права монастырской собственности в отношении лесов и вод, сочетаются грамоты, которые расширяли в центре ликвидированного удела — городе Дмитрове и Дмитровском уезде — землевладение монастырей, важных для правительства в качестве форпостов против Андрея Старицкого в Волоколамске и Вологде. Иосифо-Волоколамский монастырь получил дворовое место в г. Дмитрове [47], а Вологодский Ферапонтов монастырь — три деревни в Каменском стане Дмитровского уезда [48].

Цель активной борьбы с различными проявлениями социального движения на территории бывших Дмитровского и Углицкого уделов ставило перед собой правительство Елены Глинской, выдавая монастырям жалованные грамоты, фиксировавшие сроки вызова в великокняжеский суд монастырских крестьян, приказчиков, посельских, а иногда и братию по их тяжбам с посторонними лицами. Прежде всего бросаются в глаза довольно широкие масштабы предоставления срочных грамот. Их получили монастыри Покровский Углицкий (на бежецкие, углицкие и ярославские земли), Ферапонтов и Кирилло-Белозерский (на дмитровские земли), Троице-Сергиев (на дмитровские, кашинские и рузские владения).

Учитывая традицию, существовавшую в уделе Юрия Дмитровского, правительство в большинстве грамот назначило два срока вызова. Однако стремление регентского совета пойти дальше в этом вопросе и организовать более систематический контроль за социальными столкновениями населения монастырских вотчин с представителями других прослоек общества ясно обнаружилось в одной грамоте Троице-Сергиеву монастырю, касающейся сел и деревень Кашинского уезда. Монастырь в своей челобитной жаловался на слишком частые сроки,

---

[47] АФЗиХ, ч. II № 132.
[48] АГР, т. I, № 42, стр. 44.

устанавливаемые приставами для его крестьян и посельского. Правительство сделало соответствующий вывод из создавшегося в монастырской вотчине положения и назначило не два, а три срока [49], между тем как трехсрочные грамоты в первой трети XVI в. вообще не выдавались [50].

Особенно интересна статья о сроках в грамоте Покровскому Углицкому монастырю. Правительство выговорило себе право нарушать два зафиксированных срока: бояре и дьяки могли посылать недельщика «з записью» «опричь тех дву сроков» — «и им к тем срокам ставитися, ино их сужю яз... или мой дворецкой». Это, безусловно, связано с исключительным обострением социально-политической борьбы в северных уездах, которое удается проследить с 20-х годов XVI в. [51] Обе срочные грамоты Троице-Сергиеву монастырю [52] под традиционной формой пожалования льготных сроков скрывали важный элемент ограничения этой льготной практики: монастырь не получил «данного пристава» для вызова в великокняжеский суд монастырских крестьян. Данные приставы обычно находились в зависимости от монастырей и нередко исполняли их волю [53]. Оставляя право вызова за любым великокняжеским приставом или недельщиком, правительство расширяло возможность контролировать монастырь и одновременно принимать решительные меры для удержания эксплуатируемого населения в рамках феодального правопорядка.

Классовый смысл иммунитетной политики Елены Глинской еще отчетливее вскрывается по мере изучения несудимой части жалованных грамот. В своих январско-февральских грамотах 1534 г. правительство пыталось, во-первых, обеспечить подавление классовой борьбы в феодальной деревне, без чего самое присоединение новых территорий не могло быть прочным, во-вторых, ограничить политическую власть монастырей. Вторую задачу в отношении разных духовных корпораций правительству приходилось решать по-разному, исходя из размеров

[49] ААЭ, т. I, № 178, стр. 150.

[50] Нами уже отмечалось, что в великокняжеских жалованных грамотах первой трети XVI в. был значительно распространен принцип односрочности (ПРП, вып. IV, стр. 155).

[51] ПРП, вып. IV, стр. 155—156.

[52] ААЭ, т. I, № 178; ГБЛ, Тр. кн. 527, № 237.

[53] ПРП, вып. IV, стр. 155.

землевладения монастырей и политического веса их в данный момент. Вместе с тем, от этого решения зависела степень участия феодального государства в выполнении своей функции аппарата насилия над трудящимися массами и объем вотчинной юстиции, также служившей средством внеэкономического принуждения.

Фиксации самых крупных привилегий добился Иосифо-Волоколамский монастырь, получивший волоцко-зубцовскую и дмитрово-рузские грамоты в конце января 1534 г. После предъявления Андреем Старицким своих претензий на наследство волоцких князей союз с Иосифо-Волоколамским монастырем, который являлся крупнейшим феодалом на территории бывшего Волоцкого удела, приобрел для правительства исключительную важность. К 20-м числам января 1534 г. Иосифо-Волоколамский монастырь превзошел своей ролью в событиях текущего момента даже Троице-Сергиев монастырь, чье влияние было не менее сильным еще в начале января 1534 г. Поэтому правительство предоставило грамоты Волоколамскому монастырю раньше, чем Троице-Сергиеву (основная масса троицких грамот первых двух месяцев 1534 г. датируется 9 февраля).

Две волоколамские грамоты января 1534 г. (волоцко-зубцовская [54] и одна рузская [55]) были выданы на старые монастырские владения, записанные в жалованных грамотах Василия III [56] и Юрия Ивановича [57]. Грамоты 1534 г. сохраняли судебный иммунитет в прежнем объеме («опричь душегубства однаго»). Три рузско-дмитровские грамоты на новые села и деревни Иосифо-Волоколамского монастыря фиксировали ту же самую норму ограничения монастырской юрисдикции [58]. Но как ни заинтересован был регентский совет в поддержке Иосифо-Волоколамского монастыря, он закрепил его судебный иммунитет не во всех монастырских вотчинах в столь расширенном виде. Правительство прибегло к одному тонкому ухищрению. В грамоте князя Юрия Ивановича 1527 г. Иосифо-Волоколамскому монастырю несудимость села Богородского существенно урезывалась

[54] АФЗиХ, ч. II, № 136.
[55] Там же, № 135.
[56] Там же, № 103.
[57] Там же, № 112.
[58] Там же, № 130, 131, 134.

изъятием из вотчинной юрисдикции разбора тяжб по трем категориям преступлений (душегубству, разбою, татьбе с поличным) [59]. Елена Глинская, создавая впечатление большого пожалования, расширила указанный объем иммунитета до изъятия всего двух видов преступлений (душегубства и разбоя), однако подвела под эту норму не только село Богородское, но и село Покровское, пользовавшееся ранее несудимостью «опрично душегубства» [60], а также ряд новых сел, которые по примеру других могли быть подведомственны великокняжеским наместникам лишь в процессах о душегубстве [61].

В несудимых разделах грамот Троице-Сергиеву монастырю на села и деревни Дмитровского [62], Рузского [63], Московского [64], Юрьев-Польского [65] и Пошехонского [66] уездов правительство Елены Глинской последовательно провело ограничение монастырского иммунитета, исключив из него право суда по душегубным и разбойным делам. Регентский совет вполне использовал сложившуюся при Василии III и Юрии Дмитровском традицию закрепления судебной власти Троице-Сергиева монастыря именно в таком объеме [67]. Только одна дмитровская грамота расширяла (по сравнению с грамотой Юрия на те же села) троицкую юстицию, фиксируя ее «опричь душегубства» [68], но делалось это за счет существенного сокращения податного иммунитета [69].

Наконец, в двух жалованных грамотах, касавшихся дмитровских деревень Вологодского Ферапонтова монастыря, чье землевладение не имело глубоких корней в Дмитровском уезде, правительство применило крайнюю степень ограничения вотчинной юрисдикции: душегубст-

---

[59] Там же, № 101.
[60] Там же, № 14.
[61] Там же, № 133.
[62] ХП, I, № 317, 320.
[63] Там же, № 319.
[64] Там же, № 328, 329.
[65] Там же, № 332.
[66] Там же, № 333.
[67] Ср., например, грамоты Юрия на село Андреевское и деревню Кишкино (ХП, I, № 111, 169) с грамотами 1534 г. на те же вотчины (там же, № 319, 320).
[68] ХП, I, № 318.
[69] Грамота была выдана на села Петровское и Федоровское. Село Петровское упоминалось в грамоте Юрия 1513 г. (АГР, т. I, № 32).

во, разбой и татьба с поличным оказались вне сферы ведения монастырского суда и должны были разбираться великокняжескими наместниками [70].

Правительство Елены Глинской, активно используя реальное положение монастырского землевладения и иммунитетные традиции различных монастырей, настойчиво стремилось к увеличению роли государственного аппарата в деле укрепления феодального правопорядка в стране.

В финансовой политике регентского совета проявились сходные черты, т. е. учет традиций налогообложения монастырских вотчин в отдельных уездах сочетался с общей тенденцией сокращения податного иммунитета. Самые крупные привилегии получил опять-таки Иосифо-Волоколамский монастырь. Грамота 1534 г. на его волоцкие и зубцовские земли дошла в отрывках [71]. Из них ясно только, что монастырские вотчины по-прежнему освобождались от городового дела и некоторых других натуральных повинностей [72]. Главными податями в изучаемое время были ям (ямские деньги), наместничий посошный корм и примет. К ним примыкала и «дань», под которой иногда подразумевался, впрочем, весь комплекс прямых налогов. Основными натуральными повинностями являлись городовое дело и посошная служба [73].

Традиция, создавшаяся в уделе Юрия Дмитровского, состояла в частой практике освобождения вотчин крупнейших землевладельцев от всех четырех или только трех (дани, яма и посошного корма) податей в счет внесения в удельнокняжескую казну определенной, строго зафиксированной суммы оброка. Освобождение от городового дела и посошной службы в жалованных грамотах Юрия Ивановича содержалось редко. Эти традиции нашли отражение в общей форме в жалованных тарханно-оброчных грамотах Елены Глинской Иосифо-Волоколамскому и Ферапонтову монастырям. Но великокняжеское правительство было далеко от механического воспроизведения в своих грамотах старых иммунитетных норм.

---

[70] АГР, т. I, № 42; РИБ, т. 32, № 130.

[71] АФЗиХ, ч. II, № 136.

[72] Ср. предыдущую волоцко-зубцовскую грамоту Василия III (АФЗиХ, ч. II, № 103).

[73] «Очерки истории СССР». Период феодализма. Конец XV — начало XVII в., стр. 141—142; ПРП, вып. IV, стр. 146—148.

Прежде всего подверглись ограничению привилегии древних монастырских вотчин. Село Покровское, пользовавшееся, согласно грамоте волоцкого удельного князя 1480 г., безоброчным тарханом [74], попало в грамоту, требовавшую уплаты оброка в качестве компенсации за освобождение от податей [75].

По жалованным грамотам Елены Глинской поддается исследованию дифференцированный подход правительства к определению податного иммунитета в Рузском уезде, старинной и обширной области волоцкого землевладения, и в Дмитровском уезде, где монастырь имел мало земель и все они вошли в состав его вотчины сравнительно недавно. Рузские владения монастыря наделялись более щедрыми привилегиями, чем дмитровские. Во-первых, была повторена почти без изменений грамота Юрия Ивановича на ряд старинных рузских сел и деревень, предоставлявшая им за оброк свободу от дани, яма и посошного корма и, кроме того, от посошной службы и городового дела [76]. Во-вторых, в трех грамотах, касавшихся новых рузских владений, содержалось такое же освобождение, соединявшееся с освобождением от примета [77]. Наоборот, в грамоте на дмитровское село Бужарово отсутствовало несколько из этих привилегий: разрешение не исполнять посошную службу, городовое дело и не платить примет [78]. В той рузской грамоте, где упоминалось дмитровское село Богородицкое (Богородское), для него специально выписали формулу, устанавливающую меньший объем иммунитета по сравнению с формулой, определявшей податной иммунитет рузских владений: Богородицкое не получило освобождения от примета [79].

Связь отмены привилегии в отношении примета с ликвидацией свободы от посошной службы и городового дела не случайна: денежный «примет» заменял собой повинность, близкую по характеру к городовому делу (повинность «примет» — вероятно строительство «приметов», т. е. осадных сооружений перед городскими стенами).

---

[74] АФЗиХ, ч. II, № 14.
[75] Там же, № 133.
[76] Там же, № 135; ср. там же, № 112.
[77] Там же, № 131, 133, 134.
[78] Там же, № 130.
[79] Там же, № 133.

Ферапонтов монастырь, имевший еще более слабые землевладельческие традиции в Дмитровском уезде, чем Иосифо-Волоколамский монастырь, не сумел добиться освобождения своих вотчин от городового дела и посошной службы. Население его вновь приобретенных дмитровских деревень прямо принуждалось к выполнению городового дела, а статья о посошной службе в грамоте отсутствовала; за свободу от дани, ямских денег, примета и наместничьего посошного корма требовалась уплата оброка в казну [80]. Оброк за дань, ям и примет должен был платить и Кирилло-Белозерский монастырь [81].

Правительство довольно твердо выговорило себе право принуждения монастырских крестьян к выполнению военных и военно-оборонных повинностей в Дмитровском уезде: посошной службы, городового дела и примета. Использование традиции перевода на оброк денежных податей объяснялось, с одной стороны, необходимостью для правительства при помощи этой привилегии укрепить политический союз с монастырями, получившими земли в пределах уничтоженного княжества, с другой стороны, отсутствием в январе 1534 г. налаженного аппарата управления присоединенными территориями, который мог бы обеспечить сбор податей с монастырских вотчин.

Уже в феврале 1534 г. в жалованных грамотах Троице-Сергиеву монастырю на дмитрово-рузские села были сделаны попытки отойти от этой традиции и решительнее ограничить монастырский податной иммунитет. Особый интерес представляют троицкие жалованные грамоты 1534 г. на села Петровское и Федоровское Дмитровского уезда и село Андреевское Рузского уезда. Тарханно-оброчные права сел Петровского и Андреевского были закреплены в грамоте Юрия Ивановича 1513 г., устанавливавшей определенные суммы платежа с каждого из двух сел «за дань, и за ям, и за примет» [82]. В обеих жалованных грамотах 1534 г. — как на село Андреевское [83], так

[80] РИБ, т. 32, № 129.

[81] ГПБ, Собр. СПб. Д/А, № А I/17, л. 907 об.

[82] АГР, т. I, № 32, стр. 33—34. В изложении позднейшей грамоты (1526 г.) этот оброк представлен в качестве компенсации за неуплату более широкого круга податей: «На те их села и деревни у них мои жаловалные грамоты оброчные: за дань, и за ям, и за примет, и за посошной корм, и за все пошлины» (ЛОИИ, Собр. Головина, № 52).

[83] ЦГАДА, ГКЭ по Рузе, № 28/10259.

и на села Петровское и Федоровское [84],— эти привилегии отсутствуют. Иммунитетная часть акта 1534 г. была списана с грамоты Юрия Ивановича 1504 г. Троице-Сергиеву монастырю на села Синково, Бунятино и другие в Каменском стане Дмитровского уезда [85], однако с одной весьма существенной поправкой: в них не попало освобождение от яма. Таким образом, крестьяне сел Андреевского, Петровского и Федоровского принуждались к уплате главных поземельных налогов (дани, ямских денег, примета) и выполнению основных натуральных повинностей (городового дела, посошной службы). Грамота Троице-Сергиеву монастырю на деревни Михалково и Кишкино Дмитровского уезда тоже не заключала в себе освобождения от перечисленных податей и «дел» [86].

В этих грамотах указывались только таможенные права монастыря в его вотчинах, освобождение монастырских крестьян от мелких дворцово-княжеских и земских повинностей. Прочие грамоты, выданные в феврале 1534 г. Троице-Сергиеву монастырю для фиксации иммунитета его сельских вотчин в уездах ликвидированного княжества Юрия Ивановича, вообще лишены статей финансового характера.

В гораздо более ограниченном объеме, чем на территории Дмитровского удела, закрепило правительство монастырские привилегии в Углицком, Бежецком и Ярославском уездах. В грамоте Покровскому Углицкому монастырю, касавшейся сел и деревень в этих областях, податной иммунитет подводился под нормы, выработанные еще правительством Василия III для монастырских вотчин в присоединенных Бежецком и Углицком уделах. В грамоте содержались лишь пункты, освобождавшие от общей раскладки тягла с волостными людьми и от мелких дворцово-княжеских повинностей («сен не косят», «коня моего не кормят») [87]. Главные подати и повинности здесь не упоминались.

---

[84] ГБЛ, Тр. кн. 527, № 240.

[85] АСЭИ, т. I, № 652.

[86] ХП, I, № 320. В этом узком объеме иммунитет деревни Кишкиной был утвержден в грамоте Юрия Ивановича 1520 г. (там же, № 169).

[87] «Ярославские губернские ведомости», 1855, часть неофициальная, № 48, стр. 435—436.

Наконец, самое резкое и унифицированное ограничение податного иммунитета правительство сумело провести в грамотах, относившихся к сельским вотчинам монастырей в пределах тех территорий, которые раньше и прочнее слились с основным составом земель великого княжества, чем Волоцкий, Бежецкий, Углицко-Зубцовский и Дмитровский уделы. Об этом достаточно определенно свидетельствуют жалованные грамоты, выданные 9 февраля 1534 г. Троице-Сергиеву монастырю на села и деревни в старинных удельных волостях Московского [88], Юрьев-Польского [89] и Пошехонского [90] уездов. Здесь монастырский сельский иммунитет сокращался в такой же степени, как в других синхронных грамотах (суздальско-костромской и владимирской) иммунитет городских дворов и слободки.

Вообще говоря, по сравнению с сельским иммунитетом, монастырский иммунитет в городских дворах XVI в. легче поддавался стеснениям, так как в городах этому способствовал более высокий, нежели в деревне, уровень производственных отношений и классовой борьбы черносошного населения. Одинаковое с нормами иммунитета городских дворов ограничение податной изолированности монастырских сел и деревень в перечисленных уездах было связано с весьма интенсивным экономическим и социальным развитием этих районов. Кроме того, положение административного аппарата отличалось здесь большей устойчивостью. Не случайно поэтому при составлении указанных актов были использованы две грамоты Василия III 1517 г., относящиеся к переславль-залесским [91] и костромским [92] соляным варницам и дворам Троице-Сергиева монастыря. Их взяли за основу, очевидно, потому, что в них, наряду с широковещательной, но абстрактной формулой, освобождавшей от всех пошлин, содержалось вполне конкретное ограничение податного иммунитета.

Елена Глинская и ее окружение, действуя в обстановке напряженной внутриклассовой борьбы, стремились в грамотах Троицкому монастырю создать видимость пожа-

[88] ГБЛ, Тр. кн. 527, № 242, 246.
[89] ГПБ, Собр. актов и грамот, № 1—108.
[90] Там же, № 1—107.
[91] ААЭ, т. I, № 164.
[92] ЦГАДА, ГКЭ по Костроме, № 32/4999.

лования значительных льгот, однако на самом деле решительным образом сокращали объем монастырского иммунитета. В костромской грамоте 1517 г. имелась статья, закреплявшая освобождение от дани и всех прочих пошлин, «опричь ямских денег и посошные службы». В переславской грамоте 1517 г. говорилось: «опричь яму и посошные службы».

Все акты, выданные 9 февраля Еленой Глинской на вотчйны Троицкого монастыря в указанных выше уездах, построены в целом по образцу костромской грамоты, но ограничительные пункты сформулированы в них ближе к тексту грамоты переславской, причем чрезвычайно существенно дополнение, сделанное в правительственной канцелярии к формуле, которая указывала повинности, подлежавшие выполнению: в числе последних названо еще городовое дело. Весь раздел, посвященный податному иммунитету, выглядит так: «Не надобе им моя... дань, ни иные никоторые пошлины, опричь яму и городового дела и посошные службы» [93].

Следовательно, сравнительный анализ податной части январско-февральских жалованных грамот Елены Глинской на сельские вотчины монастырей в разных уездах позволяет заключить, что большее или меньшее сокращение объема податного иммунитета зависело главным образом от того, насколько тесно срослась экономически и политически с великим княжеством та территория, где находились объекты пожалования. Действительно, самые существенные привилегии закреплялись за монастырскими вотчинами в составе ликвидированного Дмитровского княжества (тарханно-оброчные для Иосифо-Волоколамского, Кирилло-Белозерского и Ферапонтова монастырей, освобождение от дворцово-княжеских, земских повинностей и проездных пошлин для владений Троице-Сергиева монастыря). Менее значительными были податные иммунитетные права монастырских вотчин в Углицком, Бежецком и Ярославском уездах (только освобождение от дворцово-княжеских повинностей и земских разметов). Очень скупо обелялись сельские владения Троице-Сергиева монастыря в Московском, Юрьев-Польском и Пошехонском уездах (от земских разметов

[93] Ср. грамоту 1507 г. переславским сокольникам, где сказано: «опричь яму и городоваго дела и посошныя службы» (АСЭИ, т. III, № 26, стр. 47, ст. 3).

с четкой формулировкой принуждения к выполнению яма, городового дела и посошной службы).

В исследовании о копийных книгах Троице-Сергиева монастыря XVI в. мы пришли к выводу, что, контролируя составление троицкой копийной книги в феврале 1534 г., правительство Елены Глинской применило определенные методы сокращения юридической основы финансовых привилегий монастырских дворов, промыслов и торговых экспедиций. Копийная книга в какой-то мере отражает укрепление «союза» великокняжеской власти и посадов [94].

Этот вывод в общей форме подтверждается изучением январско-февральских жалованных грамот 1534 г. Развитие товарно-денежных отношений в стране способствовало правительственному ограничению таможенного иммунитета монастырей в их сельских вотчинах. Регентский совет вполне учел сдвиги, происшедшие в этой области в начале XVI в. В большинстве жалованных грамот первой трети XVI в. на села и деревни не содержалось освобождения от тамги — главной торговой пошлины.

Правительство Елены Глинской использовало проведенное в предшествующий период сужение таможенного иммунитета феодалов в их сельских вотчинах. Имевшиеся в двух грамотах Юрия (1510 и 1529 гг.) Иосифо-Волоколамскому монастырю на один и тот же комплекс рузских вотчин статьи о порядке взимания тамги и пятна [95] были включены в 1534 г. в жалованные грамоты на все другие рузско-дмитровские села и деревни Иосифо-Волоколамского монастыря (за монастырем закреплялось право сбора этих пошлин только со своих крестьян, но не с посторонних — «городцких» или «становых» людей). В сохранившемся списке (конца XVI в.) грамоты Юрия 1529 г. в формуле «у городцких людей и у становых и у волостных коней игумену своим пятном не пятнати» пропущена частица «не» [96], вследствие чего статье придан обратный смысл. Может быть, это описка или тенденциозное исправление переписчика конца XVI в., но если допустить, что Юрий действительно изменил в 1529 г. текст грамоты 1510 г. в сторону увеличения прав монастыря, то надо будет признать следование грамот

[94] С. М. Каштанов. Копийные книги..., стр. 15—16.
[95] АФЗиХ, ч. II, № 48, 112.
[96] Там же, № 112, стр. 106.

1534 г. ограничительной формуле 1510 г., а не расширительной формуле 1529 г.

Выдавая жалованные грамоты Троице-Сергиеву монастырю на земли Дмитровского удела, правительство Елены Глинской игнорировало или переделывало формуляр тех грамот Юрия, где имелась статья «ни тамга». Был переписан текст только одной дмитровской грамоты с этой формулой, но и то лишь потому, что в грамоте одновременно содержалась статья, фактически аннулировавшая действие формулы «ни тамга» в ее старинном смысле: под видом ограничения права сбора монастырского пятна в грамоте определялся порядок таможенного обложения при продаже и мене всяких товаров. По существу, картина получалась такая же, как в грамотах Иосифо-Волоколамскому монастырю [97].

В двух других рузско-дмитровских грамотах 1534 г. Троице-Сергиеву монастырю на сельские вотчины закреплялось освобождение от многочисленных (частично уже отмерших) мелких пошлин, главным образом проездных [98]. Тамга среди них не фигурировала. Не было статьи о тамге и во всех прочих январско-февральских жалованных грамотах, относящихся к сельским вотчинам монастырей. Действуя совершенно в духе политики Василия III, правительство регентши отменило право Покровского Углицкого монастыря на сбор монастырского пятна и передало его углицким великокняжеским пятенщикам [99]. Это соответствовало интересам посадских людей Углича и задаче укрепления здесь аппарата великокняжеской власти.

Небезынтересно, что вопросам таможенного иммунитета монастырей уделено внимание в грамотах на села и деревни в пределах бывших Дмитровского и Углицкого уделов, между тем как в остальных грамотах проблема таможенного иммунитета не ставится. Отмеченную закономерность подтверждает следующее: специальные проезжие грамоты, выданные монастырям в начале 1534 г., относятся именно к Дмитровскому, Кашинскому и Углицкому уездам, причем в них еще заметнее ограничительные тенденции.

---

[97] ХП, I, № 320 (ср. там же, № 169).

[98] Там же, № 318, 319.

[99] «Ярославские губернские ведомости», 1855, часть неофициальная, № 48, стр. 435—436.

Подвергались известной регламентации даже вотчинные перевозки неторгового характера. В грамоте Троице-Сергиеву монастырю монастырским крестьянам разрешалось безмытно и бестаможенно везти в монастырь повоз в составе 100 возов из села Присек только один раз в году, зимой [100].

Значительный удар нанесли январско-февральские грамоты 1534 г. по привилегиям монастырских торговых экспедиций в Кашинском, Дмитровском и Углицком уездах. Жалованная грамота Юрия Троице-Сергиеву монастырю 1507 г. давала право беспошлинного проезда по всей территории Дмитрово-Кашинского удела монастырскому купчине с людьми и любым товаром в любом количестве. При этом наместники и волостели не имели права судить купчину и его людей и давать их на поруки: купчина в исковых делах был подсуден самому удельному князю или его боярину введеному [101]. Грамота 1534 г. [102] воспроизводила не эту грамоту, а скупую грамоту Ивана III 1502 г., в которой не было освобождения от тамги [103]. Правда, проезжая грамота Ферапонтову монастырю [104], основанная на формуляре грамоты Юрия [105], содержала освобождение от тамги и многих других пошлин. В жалованной грамоте Покровскому Углицкому монастырю проводилось ограничение проездных привилегий монастыря в Углицком уезде. По грамоте 1523 г. от мыта и явки освобождались зимой 15 монастырских саней, а летом — 15 телег [106]. Грамота 1534 г. разрешала безмытный и безъявочный проезд только пяти саней зимой или одной ладьи летом.

Об ограничении таможенного иммунитета может свидетельствовать отсутствие проезжих грамот Симонову и Кирилло-Белозерскому монастырям, которые раньше пользовались соответствующими грамотами Юрия.

Пристальное внимание регентского совета к таможенному иммунитету монастырей на территории двух в последнюю очередь ликвидированных уделов объясняется

---

[100] ЦГАДА, ГКЭ по Бежецку, № 69/1173.
[101] ААЭ, т. I, № 148.
[102] ЦГАДА, ГКЭ по Дмитрову, № 51/3763.
[103] ГПБ, Погод. 1905, л. 57—57 об., № 33.
[104] ЛОИИ, Колл. 115, № 444, л. 11—11 об.
[105] ААЭ, т. I, № 170/I.
[106] «Ярославские губернские ведомости», 1855, часть неофициальная, № 47, стр. 426.

тем, что в этих районах оживленной торговли удельные традиции способствовали сохранению крепких таможенных перегородок и связанных с ними исключительных монастырских привилегий. Разрушение или ограничение иммунитетных привилегий монастырей на внутреннем русском рынке было одним из требований широких кругов посада. Заинтересованное в союзе с социальной верхушкой посадов, особенно тех, которые находились в центрах недавно уничтоженных удельных княжеств, правительство шло по линии сокращения таможенного иммунитета монастырей, однако в условиях не до конца преодоленной экономической раздробленности страны оно не могло довести эту борьбу до решительного конца.

Из известных нам январско-февральских великокняжеских жалованных грамот 1534 г. пять посвящены монастырским городским дворам и одна — слободке. Грамоты на костромские и суздальские дворы Троице-Сергиева монастыря [107], а также на его сельскую слободку во владимирской волости Медушах [108] содержат, как уже рассматривавшиеся московские, юрьев-польские и пошехонские акты, строго ограниченные нормы податного и судебного иммунитета. Это свидетельствует о попытках правительства использовать в целях ограничительной унификации иммунитета наличие в изучаемое время некоторого единства в степени социальных противоречий в городских центрах и сельских местностях к востоку от Москвы, во Владимиро-Суздальской земле, и в отдельных районах на севере. Три грамоты были выданы на городские дворы в Дмитрове (Иосифо-Волоколамскому [109], Кирилло-Белозерскому [110], Троице-Сергиеву [111] монастырям) и одна на двор в Кашине (Троице-Сергиеву монастырю) [112]. Кирилло-белозерская грамота устанавливала контроль данного пристава за городским двором и не отличалась по содержанию от срочных грамот на сельские вотчины. Остальные акты фиксировали финансовые и судебные привилегии. Их ограничительная направленность сразу же бросается в глаза. Обе грамоты

[107] ААЭ, т. I, № 179.
[108] ГПБ, Собр. актов и грамот, № 1—104.
[109] АФЗиХ, ч. II, № 132.
[110] ГПБ, Q — IV — 113 б, лл. 732—733.
[111] АГР, т. I, № 43.
[112] ГПБ, Собр. актов и грамот, № 1—106.

Троице-Сергиеву монастырю сокращали иммунитет городских дворов по сравнению со старыми грамотами на дмитровские и кашинские дворы.

В отличие от грамот XV в., касавшихся троицких дворов в Дмитрове [113], новая грамота не содержала освобождения от яма и подвод. В грамоте 1501 г. юрисдикция монастыря в кашинском дворе закреплялась «опричь душегубства» [114]. Новая грамота на кашинский двор относила к компетенции наместничьего суда не только душегубство, но и разбой с поличным. Жалованная грамота на двор Иосифо-Волоколамского монастыря в Дмитрове, совпадая по содержанию с троицкой грамотой на два дмитровских двора, резко отличалась от синхронных грамот Иосифо-Волоколамскому монастырю на сельские вотчины, закреплявших оброчное освобождение от податей и судебную власть «опричь душегубства». В дворовой грамоте нет освобождения от основных податей и повинностей, а судебный иммунитет фиксируется «опричь душегубства и разбоя с поличным». Интересно, что с этой нормой ограничения монастырской юрисдикции согласовалась только одна грамота Иосифо-Волоколамскому монастырю, касавшаяся сельских вотчин,— именно дмитровская. В ней же отсутствовало освобождение от посошной службы, городового дела и примета [115].

Таким образом, несмотря на разрыв между содержанием дворовых и сельских иммунитетных актов, положение феодального иммунитета не во всей монастырской вотчине вообще, а в селах, расположенных в уезде соответствующего городского центра, в известной степени влияло на характер ограничения дворового иммунитета — своеобразное проявление господства деревни над городом при феодализме. Это наблюдение подтверждается сопоставлением дмитровских грамот 1534 г. на сельские вотчины и на дворы Троице-Сергиева монастыря (освобождение от таможенных пошлин, дворцово-княжеских повинностей и земских разметов). Но ставить знак равенства между дмитровскими дворовыми и сельскими грамотами 1534 г. Троицкому монастырю нельзя — прежде всего потому, что в дворовых грамотах иммунитет рас-

[113] АСЭИ, т. I, № 337 (1463 г.); ГПБ, Погод. 1905, лл. 60 об.— 61 об., № 42 (1462 г.), лл. 61 об.—63, № 43 (1473 г.).
[114] АСЭИ, т. I, № 637.
[115] АФЗиХ, ч. II, № 130.

пространялся не на все население двора: под ним находились только монастырские дворники, т. е. слуги, управлявшие двором. Полное совпадение иммунитетной части дмитровских дворовых грамот Иосифо-Волоколамскому и Троице-Сергиеву монастырям свидетельствует о наличии общих социально-экономических и политических моментов, определявших значительную скупость монастырских грамот, относящихся к дмитровским дворам. Большую роль здесь сыграло, очевидно, экономическое усиление дмитровского посада и оживление борьбы посадских людей против беломестцев.

Укрепление довольно широких податных прав Троице-Сергиева монастыря в его кашинском дворе (освобождение всех «людей» во дворе, т. е. не только дворников, от дани и посошной службы) отражает экономическую и политическую отсталость кашинского посада по сравнению с дмитровским. Податная часть кашинской грамоты повторяла упомянутую грамоту 1501 г., которая сходна с грамотой 1504 г. на села Троице-Сергиева монастыря в Кашинском уезде (освобождение от дани и яма) [116]. Следовательно, и здесь сказалось воздействие сельского иммунитета на городской.

От всех великокняжеских городских грамот существеннейшим образом отличается жалованная грамота Андрея Старицкого, выданная в январе 1534 г. Иосифо-Волоколамскому монастырю на двор в Старице. Грамота предоставляла населению двора право не платить главные подати и не исполнять основные натуральные повинности: «Не надобе... дань, ни ямские денги, ни посошная служба, ни наместнич корм.., ни города не делают» [117]. На фоне удельнокняжеской политики элементы союза великокняжеской власти с посадами выглядят отчетливо.

Исследование январско-февральских жалованных грамот 1534 г., вскрывая прежде всего политические цели их выдачи, показывает одновременно обусловленность содержания грамот экономическим развитием страны. Социально-экономические сдвиги в различных районах русского государства позволили правительству Елены Глинской в грамотах начала 1534 г. провести некоторое ограничение монастырского иммунитета.

---

[116] АСЭИ, т. I, № 653.
[117] АФЗиХ, ч. II, № 129, стр. 122.

2. Подтверждение в конце февраля 1534 г. грамот Дмитровского удела

Порядок подписания на имя Ивана IV старых грамот в начале 1534 г. определялся размерами землевладения и объемом иммунитета монастырей. В 20-х числах января утверждались грамоты наиболее привилегированного духовного вотчинника — Иосифо-Волоколамского монастыря, в феврале — грамоты трех других крупнейших монастырей — Кирилло-Белозерского (1-го), Троице-Сергиева (9-го), Московского Симонова (25-го). В марте 1534 г. состоялось подтверждение жалованных грамот монастырей значительно меньшего масштаба: Троицкого Белопесоцкого (1-го и 3-го), Печерского Воздвиженского (3-го), Московского Чудова и Рязанского Покровского (9-го), Спасского Ярославского (28-го). Еще позднее (18 мая 1534 г.) была подписана старая грамота Успенской Ворониной пустыни. В этой очередности подписания иммунитетных актов отразился характер феодального общества XVI в., в котором политическое значение непосредственно базировалось на размерах земельной собственности.

Вместе с тем, бросается в глаза внеочередное подтверждение жалованных грамот более мелким корпорациям на вотчины в уездах Вологодском, Углицком и Ржевском. 1 февраля 1534 г. были подписаны на имя Ивана IV жалованные грамоты вологодским монастырям — Спасо-Каменному [118] и Комельскому [119], 5 февраля подтверждались грамоты Вологодскому Спасо-Прилуцкому монастырю [120]. Грамота Селижарову монастырю на ржевские вотчины была подписана в феврале 1534 г. [121], грамота Углицкому Кассиано-Учемскому монастырю — 27 февраля [122].

Внеочередное подтверждение жалованных грамот, посвященных фиксации иммунитета монастырских вотчин в ликвидированных удельнокняжеских гнездах, показы-

---

[118] ЛОИИ, Собр. Лихачева, № 102/1, лл. 3—6.

[119] Амвросий. История Российской иерархии, ч. IV. М., 1812, стр. 704—706, № 1; ГПБ, Собр. актов и грамот, № 1—102.

[120] ЛОИИ, Собр. Головина, № 48; ГИМ, ОПИ, Собр. Барсова, № 185/724 (ХП, I, № 222).

[121] «Памятная книжка Тверской губернии на 1868 год». Тверь, 1868, стр. 287—290.

[122] ААЭ, т. I, № 171.

вает, что последние к середине 30-х годов XVI в. еще сохраняли следы «прежней автономии», сильно беспокоившей русское правительство. В центре внимания внеочередных подтверждений оказались грамоты главным образом на земли, являвшиеся объектом притязаний Андрея Старицкого.

В первое время после ликвидации Дмитровского удела правительство княгини-регентши решило не подтверждать жалованные грамоты Юрия. Об этом свидетельствует тот факт, что в моменты подписания старых великокняжеских грамот монастырям Иосифо-Волоколамскому (конец января 1534 г.) и Троице-Сергиеву (9 февраля 1534 г.) акты, выданные Юрием, не подписывались. Волоколамские грамоты Юрия так и остались неподписанными, зато ряд троицких актов получил в самом конце февраля 1534 г. великокняжеское подтверждение. Затем уже подтверждались грамоты Юрия некоторым другим духовным феодалам и светским лицам. Иосифо-Волоколамскому монастырю было даже выгодно неподписание жалованных грамот Юрия, так как в предоставленных ему новых грамотах правительство повторило текст наиболее щедрых грамот удельного князя, а менее щедрые акты оказались лишенными юридической силы. Иначе обстояло дело с Троице-Сергиевым монастырем. Новые грамоты, пожалованные ему, отличались большой скупостью, старые же грамоты Юрия с довольно значительными привилегиями не были утверждены. Троицкий монастырь, несомненно, употребил весь свой политический вес и все свое влияние, чтобы добиться подтверждения ряда жалованных грамот Юрия. Это подтверждение, состоявшееся 25—28 февраля 1534 г., свелось к следующему.

Дьяк Федор Мишурин подписал на великокняжеское имя грамоту Юрия 1504 г., в которой села Михайловское и Пестово Кашинского уезда освобождались от дани, яма, посошной службы, тамги и многих других поземельных и таможенных пошлин, а вотчинная юстиция монастыря ограничивалась только в делах о душегубстве [123]. Были полностью подтверждены тарханно-проезжая грамота Юрия Ивановича 1507 г. [124] и тарханно-об-

[123] АСЭИ, т. I, № 653.
[124] ААЭ, т. I, № 148.

рочная, несудимая, двусрочная и заповедная грамота 1532 г. на село Дмитреевское Звенигородского уезда [125].

Если не считать проезжую грамоту 1507 г., относившуюся как к Кашинскому, так и к Дмитровскому уезду, безусловное и явно выгодное для монастыря восстановление его старых привилегий коснулось его вотчин в Кашинском и Звенигородском уездах.

Подписание некоторых дмитровских грамот уже не давало монастырю столь несомненных выгод, носило противоречивый характер. Подтверждалась тарханно-оброчная и несудимая грамота Юрия 1513 г. на села Петровское (Дмитровского уезда) и Андреевское (Рузского уезда) [126], в результате чего восстанавливались податные льготы в отношении этих сел, но вотчинная юрисдикция, закрепленная в грамоте 1534 г. «опричь душегубства», приобретала старый, суженный объем («опричь душегубства и разбоя с поличным»).

Одновременно получили подтверждение две грамоты Юрия Ивановича на троицкое село Новое Поречье Дмитровского уезда. Подписание на великокняжеское имя тарханно-несудимой, заповедной и двусрочной грамоты 1516 г., относящейся к этому селу [127], означало возвращение Троицкому монастырю на неограниченный срок полной свободы от податей для Нового Поречья, в то время как по грамоте Юрия Ивановича, выданной, по крайней мере, до 1526 г., с указанного села «за дань, и за ям, и за примет, и за посошной корм и все пошлины» в удельную казну шел оброк [128]. Чисто формальный характер подтверждения грамоты 1516 г. в части податных привилегий легко вскрывается при сравнении ее с льготной грамотой Юрия на село Новое Поречье 1532 г., также подписанной на имя Ивана IV 27 февраля 1534 г. и содержавшей освобождение от оброка и пошлин на 10 лет. Отсидев урочные годы, говорилось в грамоте, монастырские крестьяне «потянут в... дань, и в ям, и в примет, и в посошной волостелин корм, и в подводы и во все пошлины по книгам писцов моих, и оброк им платити с того села и з деревень по грамоте» [129].

---

[125] ЦГАДА, ГКЭ по Звенигороду, № 9/4683.
[126] АГР, т. I, № 32.
[127] ГБЛ, Тр. № 13/824.
[128] ЛОИИ, Собр. Головина, № 52.
[129] АТН, вып. II, № 6.

В результате утверждения обеих грамот были санкционированы, во-первых, судебный иммунитет Троицкого монастыря, «опричь душегубства и разбоя с поличным», во-вторых, привилегия в отношении вызова монастырских крестьян в великокняжеский суд, в-третьих, заповедные привилегии и, наконец, в-четвертых, десятилетнее освобождение от главных прямых налогов (подписание грамоты 1532 г. явилось своеобразной поправкой к подтверждению грамоты 1516 г.). Следовательно, в этом случае монастырское село в Дмитровском уезде не получило постоянных податных привилегий. Грамота Юрия 1504 г. на старинные дмитровские села Троице-Сергиева монастыря [130], сходная с грамотой на кашинские села Михайловское и Пестово, не была утверждена.

Дифференцированное отношение к подтверждению кашинских и дмитровских иммунитетных грамот определялось в конечном счете различным уровнем развития экономики и социальной борьбы в Дмитровском и Кашинском уездах. В более передовом с этой точки зрения Дмитровском уезде правительство оказывалось в состоянии сильнее урезать иммунитетные привилегии Троице-Сергиева монастыря. При проверке жалованных грамот корпораций, менее значительных, чем Троице-Сергиев монастырь, грамоты Юрия, целиком и бессрочно освобождавшие от податей кашинские села и особенно городские владения, тоже не получили подтверждения. Так, подписание в феврале 1534 г. двух льготных грамот Юрия Калязину монастырю на села и деревни в Кашинском и Дмитровском уездах, гарантировавшее сохранение податных льгот монастыря до истечения указанных в грамотах «урочных лет» [131], сочеталось с неподтверждением безданной грамоты Юрия Ивановича 1511 г. тому же монастырю на село Карабузино Кашинского уезда [132]. Не были подтверждены и тарханные грамоты Сретенскому женскому монастырю на село, деревни, поповские дворы и слободку в Кашине на посаде [133].

Исследуя вопрос о том, почему не был утвержден ряд грамот Юрия Дмитровского, можно установить две главные причины: во-первых, закрепление в некоторых актах

[130] АСЭИ, т. I, № 652.
[131] ХП, I, № 275, 295.
[132] «Русский вестник», 1841, т. 3, кн. 9, стр. 679.
[133] ААЭ, т. I, № 152, 158.

личной подсудности феодала-грамотчика удельному князю [134], во-вторых, слишком расширенные нормы феодального иммунитета в отдельных грамотах Юрия. Если неутверждение грамот по первой причине находилось в связи главным образом с вопросами борьбы против удельно-княжеских традиций и вассальной зависимости феодалов от посаженного в темницу Юрия, то неподписание актов по второй причине было обусловлено сдвигами, происшедшими в экономике и классовой борьбе на территории ликвидированного удела.

Выдавая жалованные грамоты, правительство учитывало изменения в социальной жизни страны. Однако мы не располагаем прямыми данными о степени гибкости этого учета. Юридические противоречия, получившиеся из-за подтверждения нескольких троицких грамот Юрия при наличии новых грамот 1534 г. на те же вотчины,— вот, кажется, единственное, что позволяет нам подойти к рассмотрению поставленного вопроса. В скупых грамотах 1534 г., касавшихся кашинских владений Троице-Сергиева монастыря, правительство, очевидно, слишком переоценило свои централизаторские возможности в смысле ограничения иммунитета. Поэтому под воздействием крупнейшего монастыря-иммуниста оно вынуждено было сдать ему некоторые недавно завоеванные позиции. Подтверждение в 20-х числах февраля 1534 г. грамот Юрия сузило ограничительное значение отдельных жалованных грамот, выданных Троице-Сергиеву монастырю 9 февраля 1534 г.

3. Жалованные и указные грамоты марта 1534 — начала 1538 гг.

В период с марта 1534 по начало 1538 г. в центре внимания жалованных и указных грамот находился Переславль-Залесский уезд. Из 39 великокняжеских грамот к нему относится $^1/_3$ общего числа (11 собственно переславских грамот и две грамоты, упоминающие Переслав-

[134] Это в основном жалованные грамоты светским лицам (ЦГАДА, ГКЭ по Дмитрову, № 26/3738; по Кашину № 3/6698; ф. Калязина м-ря, кн. 4, № 94; ААЭ, т. I, № 149). Из монастырских грамот только один акт (жалованная грамота 1524 г. Савво-Сторожевскому монастырю) содержал пункт, фиксировавший подсудность игумена Юрию Дмитровскому (ЦГАДА, ГКЭ по Звенигороду, № 7/4681).

ский уезд наряду с прочими). Среди переславских грамот преобладают не жалованные, а указные (семь), что составляет бóльшую часть точно датированных указных грамот за 1534 — начало 1538 гг. Состав грамотчиков в изучаемый отрезок времени, как и в январе — феврале 1534 г., был почти исключительно монастырский. Только в одной указной грамоте говорилось о распределении податей между владениями двух светских феодалов [135]. Существенно, однако, что в 1535—1537 гг. довольно отчетливо обнаружились черты союза, складывавшегося между правительством и некоторыми привилегированными корпорациями промысловых людей — бобровников и сокольников. Этот вопрос тесно связан с фактом особенно широкого распространения переславских грамот в 1534—1537 гг. (грамоты промысловым корпорациям имеют в виду уезды Переславский и примыкавший к нему Владимирский) и поэтому вдвойне требует выдвижения его в число важнейших проблем истории внутренней политики времени правления Елены Глинской.

Насколько известно, в Переславль-Залесском уезде концентрировались вотчины ряда крупных и чрезвычайно влиятельных светских феодалов, многие из которых были связаны родственными и экономическими узами с князьями Шуйскими.

Большая политическая роль Переславль-Залесского уезда обусловливалась также его непосредственным соседством с территорией Дмитровского удела. Усиливая союз с могущественным Троице-Сергиевым монастырем на почве фиксации монастырских иммунитетных привилегий в Переславль-Залесском уезде, правительство искало себе прочную опору в среде переславских землевладельцев. С политической точки зрения ту же цель преследовало подтверждение грамоты Василия III переславским сокольникам [136], предоставление грамоты владимирским бобровникам [137]. Грамоты 1534—1537 гг. создают впечатление, что в борьбе с крупными, сепаратистски настроенными светскими феодалами регентский совет рассчитывал на поддержку в первую очередь монастырей, а затем и привилегированных промысловых корпораций.

---

135 «Акты исторические, описанные И. М. Катаевым и А. К. Кабановым». М., 1905, № 1/24, стр. 31.

136 АСЭИ, т. III, № 26.

137 ААЭ, т. I, № 183.

Из исследуемых источников неясно, какая роль отводилась при этом основной массе служилого дворянства. Во всяком случае, отсутствие жалованных грамот светским феодалам заметно отличает период регентства как от времени княжения Василия III, так и от последующего периода, начиная с 1538 г.

Выдача грамот промысловым корпорациям выражала проводившуюся правительством Елены Глинской политику благоприятствования торгово-промысловым кругам населения. Это подтверждается почти полным отсутствием иммунитетных грамот марта 1534 — начала 1538 гг. на городские дворы феодалов (светских и духовных), за исключением нескольких варничных мест, и на монастырские торговые экспедиции. Вместе с тем, грамоты торгово-промысловым корпорациям не были отражением союза правительства непосредственно с посадами. Они выделяли привилегированные корпорации из чернотяглого мира в вопросах суда и тягла. Насколько задевало такое выделение конкретно посад, сказать трудно: земли корпораций находились в волостях, но, может быть, имели некоторое административное отношение к посаду (в грамоте бобровникам Ильмехотского стана членам корпорации разрешалось не тянуть в тягло «с городскими людьми и с становыми»). При оценке этих источников корпоративная сторона дела не должна затемнять существа социальной направленности грамот, которая сводилась к укреплению связей с зажиточными слоями промыслового населения.

В грамотах марта — начала мая 1534 г. правительство Елены Глинской закрепило ряд иммунитетных привилегий Троице-Сергиева монастыря в Переславль-Залесском уезде [138] и находившихся рядом с ним на севере уездах Ростовском [139] и Бежецком [140].

Более определенный характер в это время начал приобретать также контакт правительства с Московским Симоновым монастырем. Обладая землями в Замосковской волости Раменейце и в Вышегороде, принадлежавшими по духовной Ивана III Андрею Старицкому, Симонов мо-

---

[138] АТН, вып. II, № 8; И. Ф. Токмаков. Историко-статистическое описание города Киржача. М., 1884, стр. 90—92; ААЭ, т. I, № 180.
[139] ЦГАДА, ГКЭ по Ростову, № 12/10549.
[140] ЦГАДА, ГКЭ по Бежецку, № 70/1147.

настырь мог оказаться очень полезным союзником в борьбе с притязаниями Андрея. В апреле 1534 г. Симонов монастырь получил жалованную грамоту на село в Муромском уезде [141], который, во-первых, граничил с Владимирским уездом, где имели влияние Шуйские, во-вторых, был известного рода форпостом против Казани (в начале 1534 г. отношения с Казанью оставались еще не вполне устойчивыми: только в апреле в Москву приехали казанские послы, пробывшие здесь до июня) [142].

Значение жалованных грамот для укрепления правительственных позиций в пограничных уездах заключалось в том, что с помощью этих актов правительство добивалось либо усиления контроля над местными землевладельцами, либо их прямой поддержки. Поведение местной знати, как светской, так и духовной, в обстановке военной опасности в значительной степени определяло успех чисто военных операций.

К маю 1534 г. относится, очевидно, новое обострение отношений с Андреем Старицким. Жалованные грамоты в мае были выданы монастырям бывших удельных центров, являвшихся объектом домогательств Андрея (Волоколамск, Вологда). Грамоты приобрели Вологодский Глушицкий монастырь (на беспошлинный проезд в Москву без товаров) [143] и Иосифо-Волоколамский монастырь (данная и тарханно-несудимая грамота на село Турово с деревнями в Тверском и Клинском уездах) [144]. В июле 1534 г. обельно-несудимую и заповедную грамоту получил Тверской Отроч монастырь [145].

Предоставление в январе и июле 1535 г. грамот на владения монастырей (Махрищского [146] и Троице-Сергиева [147]) в Переславль-Залесском уезде, кажется, тесно связано с подтверждением в январе — феврале 1535 г. жалованных грамот новгородским монастырям — Антоньеву Римлянина [148] и Успенскому Волотову [149]. В письме

---

141 ГПБ, Собр. актов и грамот, № 1—111.
142 ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 81.
143 Амвросий. Указ. соч., ч. III. М., 1811, стр. 710—712.
144 АФЗиХ, ч. II, № 137.
145 ЦГИА, ф. 834, оп. 3, № 1921, л. 5—5 об.
146 ГПБ, Собр. актов и грамот, № 1—113.
147 ЦГАДА, ГКЭ по Переславлю-Залесскому, № 96/8820.
148 Амвросий. Указ. соч., ч. III, стр. 136—144.
149 Там же, ч. IV, стр. 474—481.

1535 г. игумена Новгородского Хутынского монастыря Феодосия новгородскому архиепископу Макарию разоблачался «мятеж» между «старийшими градцкыми, наместником и дворецким». Феодосий просил Макария доложить об этом мятеже великому князю с целью принятия мер, чтобы «в том... царьству его мятежа и волным тщети в тех расколех не было» [150].

Уже в январе 1535 г. Макарий посетил Ивана IV и Елену Глинскую и быстро уехал обратно в Новгород [151]. Видимо, правительство обсудило с Макарием тревожные вести и наделило его полномочиями для подавления «мятежа». Летописные известия от июня — июля 1535 г. подтверждают возможность существования в январе 1535 г. серьезных разногласий между новгородскими наместниками и новгородским дворецким. Когда в июне 1535 г. Елена Глинская повелела новгородским наместникам князю Б. И. Горбатому и М. С. Воронцову и новгородскому дворецкому И. Н. Бутурлину поставить город в Литовской земле на озере Себеже, приказу подчинился только И. Н. Бутурлин, в то время как «князь Борис Иванович и Михайло Семеновичь по великого князя наказу в Литовскую землю не пошли, а стали на Опочках» [152]. Вероятно, и в январе 1535 г. сторону правительства держал новгородский дворецкий Бутурлин, князь же Б. И. Горбатый и М. С. Воронцов склонялись к сепаратизму.

Политическая сущность «мятежа» новгородских наместников вскроется, очевидно, если учесть позднейшие данные о попытках Андрея Старицкого искать опору против правительства в Новгородской земле. Тесный контакт М. С. Воронцова с Андреем Старицким в последние дни жизни Василия III, думается, не был случайным фактом. Отказ от укрепления пограничной полосы, выразившийся в поведении М. С. Воронцова и Б. И. Горбатого, вероятно имевших влияние в Переславль-Залесском уезде, отражал их связь с Андреем Старицким, который играл на русско-литовских конфликтах. Чрезвычайно показательно, что даты составления двух переславских грамот 1535 г. (январь и июль) совпадают с хронологией

[150] ДАИ, т. I, № 30.
[151] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 90; вторая половина, стр. 422; т. VIII, стр. 289.
[152] Там же, т. XIII, первая половина, стр. 95.

оппозиционных действий новгородских наместников. Выдача переславских грамот имела вполне определенную цель — укрепить позиции правительства в сфере влияния Шуйских — Горбатых [152] .

Две другие грамоты 1535 г. относятся к ноябрю и декабрю. Они касаются Галицкого и Костромского уездов (жалованная грамота Симонову монастырю [153] и льготная писцов С. В. Собакина и А. И. Писемского старцу Троице-Сергиева монастыря Исихее, приказчику села Федоровского, на пустую троицкую варницу Лошак [154]). Появление рассматриваемых актов поздней осенью 1535 г. становится понятным в свете летописных сообщений о русско-казанском конфликте. Необходимо учесть, что Галицкий и Костромской уезды в первой половине XVI в. много раз принимали на себя удары казанских татар, часто бывали разорены ими. События же осени 1535 г. заставляли правительство искать особенной поддержки феодалов галицко-костромского района.

Переворот в Казани, приведший к торжеству там антирусской партии, сопровождался выездом из Казани связанных с Россией татарских князей. Городецкие (или касимовские) татары, находившиеся на службе у русского правительства, вошли в сношения с выехавшими казанскими князьями и передали Елене Глинской, что казанские князья готовы служить русскому правительству в случае возвращения из белозерской ссылки бывшего казанского царя Шигалея. Как переворот в Казани, так и выезд казанских князей, предъявивших великокняжескому правительству определенные условия, создали очень напряженную политическую обстановку. Выехавшие князья, вероятно, сосредоточили свои силы недалеко от русских границ, и районы, указанные в жалованных грамотах конца 1535 г., стали играть исключительно важную стратегическую роль. Обе грамоты были выданы вскоре после предъявления требований казанских князей городецкими татарами (25 октября) [155].

[152а] Шуйские были сильны не столько землевладением (Ю. Г. Алексеев. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. М.—Л., 1966, стр. 110—133), сколько, по-видимому, наличием политических сторонников.

[153] ЦГАДА, ГКЭ по Галичу, № 19/3349.

[154] ГПБ, Погод. 1846, л. 16.

[155] ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 425.

Большую сложность для исследования представляет происхождение следующей группы иммунитетных грамот, выданных в июле и октябре 1536 г. на земли Троице-Сергиева монастыря в Переславль-Залесском [156] и Костромском [157] уездах. В их возникновении, как и в истории появления двух предыдущих грамот, в конечном счете отразилось весьма характерное для внутренней политики XVI в. усиление борьбы против удельнокняжеского и княжеско-боярского сепаратизма в условиях, когда делались попытки нейтрализовать внешнюю опасность.

Уже зимой 1536 г. начались русско-литовские переговоры о мире. Перемирие с Литвой, очевидно, мало устраивало Андрея Старицкого, не желавшего укрепления позиций регентского совета, которое явилось бы неизбежным следствием перемирия. Отдельные косвенные данные позволяют предполагать политическую активизацию Андрея Старицкого в первой половине 1536 г. В связи с проблемой перемирия правительство пыталось усилить свою власть в сфере влияния Андрея Старицкого. Подтвердив в феврале 1536 г. грамоту Василия III переславским сокольникам [158], правительство заручилось поддержкой этой привилегированной корпорации в уезде, где Андрей Старицкий имел немало сторонников среди крупных светских феодалов.

По-видимому, Елена Глинская стремилась заручиться полной поддержкой волоцко-тверского дворецкого И. Ю. Поджогина. В феврале 1536 г. она послала его к конюшему И. Ф. Оболенскому для участия в переговорах с литовскими послами [159]. В феврале же 1536 г. «владыкой» (епископом) в Смоленск был назначен старец Иосифо-Волоколамского монастыря Савва Слепушкин [160].

С самого начала 1536 г. до глубокой осени правительство занималось интенсивным градостроительством. Главное внимание уделялось, конечно, пограничным территориям и местам, чаще всего подвергавшимся литовским и татарским вторжениям. Строительство новых городов-крепостей (Буй-города в Костромском уезде, Ве-

[156] ААЭ, т. I, № 182; ГБЛ, Тр. кн. 519, лл. 32—34.
[157] РИБ, т. 32, № 135.
[158] ААЭ, т. I, № 147.
[159] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 108.
[160] Там же, т. XIII, вторая половина, стр. 427.

лижа в Торопецком уезде, Темникова, перенесенного на новое место, «града на Проне» и др.) шло параллельно с доделкой и обновлением старых городских центров (Стародуба, Торжка, Ярославля, Балахны, Устюга, Вологды) [161].

Укрепление русского государства было одной из причин того, что Литва снова запросила мира. Переговоры велись в мае — июне 1536 г. [162] Очевидно, в это время попытки Андрея Старицкого сорвать перемирие приобрели весьма опасный характер. Поездка великокняжеской семьи в Троице-Сергиев монастырь в июне 1536 г. [163] преследовала, как думается, вполне определенные политические цели. Стремление вступить в союз с Троице-Сергиевым монастырем для борьбы против происков Андрея Старицкого выразилось вскоре после этой поездки в выдаче монастырю иммунитетных грамот на переславские вотчины.

Любопытно повторение в великокняжеской политике старого сочетания выдачи грамот на переславль-залесские и новгородские земли (к июню 1536 г. относится уставная онежская грамота) [164]. В этом сочетании опять-таки проявилась тенденция сковать сепаратизм сторонников Андрея Старицкого на двух главных территориях, где у него имелись сторонники. Предоставление Троице-Сергиеву монастырю костромской грамоты в октябре 1536 г. определилось шатким положением властей в Костромском уезде: монастырь получил грамоту 13 октября, а еще 8 октября в Костромской уезд пришли казанские татары [165]. К этой грамоте в какой-то мере примыкает жалованная грамота января 1537 г. Рязанскому Солотчинскому монастырю [166].

Казанские татары, чьи намерения напасть на Галич и Кострому были известны русскому правительству в начале 1537 г., проявили большую активность и в середине января 1537 г. совершенно неожиданно оказались не возле

---

[161] Там же, т. XIII, первая половина, стр. 107—114; вторая половина, стр. 427—428.
[162] Там же, т. XIII, первая половина, стр. 112.
[163] Там же, стр. 113.
[164] ААЭ, т. I, № 181.
[165] ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 428.
[166] Т. Я. Воздвиженский. Историческое обозрение Рязанской иерархии. М., 1820, стр. 308.

Костромы, а под Муромом [167]. Принадлежность казанского хана Сафа-Гирея к крымской династии и наличие в его войске значительного числа крымцев и ногаев заставляли русское правительство опасаться за судьбу Рязани, которую часто тревожили крымцы. Кроме того, в начале 1537 г. отношения с Крымом были тоже весьма напряженными. Крымский хан в июле 1537 г. признавался, что в то время дружбы между ним и Москвой «за некоторыми разъстоянии... не сталося» [168]. Не случайно в январе 1537 г. правительство настаивало на посылке Андреем Старицким воеводы в близкую к Рязани Коломну [169]. Грамота Ивана IV Солотчинскому монастырю должна была усилить поддержку великокняжеского правительства влиятельной местной корпорацией.

Выдача иммунитетных грамот с 20-х чисел октября 1536 г. до осени 1537 г. имеет прямую связь с событиями, развернувшимися на почве борьбы правительства за ликвидацию мятежа Андрея Старицкого и его последствий. Рассмотрим сначала грамоты, составленные до мая 1537 г., т. е. до начала открытого мятежа. Грамоты касались территории, во-первых, ликвидированного Дмитровского удела, т. е. уездов Дмитровского, Кашинского, Рузского, Звенигородского, во-вторых, Боровского уезда, соседнего с Вереей, где государем был Андрей Старицкий, в-третьих, Переславль-Залесского уезда и, наконец, в-четвертых, Юрьев-Польского и Суздальского уездов.

Территориальное распределение иммунитетных грамот исследуемого периода, бесспорно, вносит много нового в понимание политических предпосылок открытого мятежа Андрея Старицкого. Особенно важным является повышенный интерес правительства с октября 1536 г. к землям бывшего Дмитровского княжества. Он объясняет нам, почему только в конце 1536 — начале 1537 г. могла разгореться столь острая борьба между правительством Елены Глинской и старицким удельным князем. Надо иметь в виду, что в августе 1536 г. умер в темнице дмитровский князь Юрий Иванович. Это, как позволяет судить распространение грамот по уездам, вызвало самые

---

[167] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 116.
[168] Там же, стр. 119.
[169] М. Н. Тихомиров. Малоизвестные летописные памятники XVI в.— «Исторические записки», кн. 10, стр. 85.

решительные требования Андрея отдать вымороч̆ный удел ему.

Наши наблюдения над грамотами дополняются интересной особенностью текстов Воскресенской летописи и Царственной книги, которые рассказ о мятеже Андрея Старицкого приводят вслед за известием, касающимся смерти Юрия, пропуская промежуточные события [170]. Воскресенская летопись и Царственная книга, несомненно, связывают мятеж Андрея со смертью Юрия. Регентский совет, хорошо зная политические традиции удельных князей, всегда бунтовавших из-за вымороч̆ных уделов под флагом удельнокняжеского, консервативного легитимизма, принял некоторые меры для предотвращения агрессивных действий Андрея. После смерти Юрия была быстро отстроена и укреплена Вологда [171], служившая объектом давнишних претензий Андрея.

Осенью 1536 г. правительство в борьбе против попыток Андрея Старицкого получить Дмитровский удел опиралось на Симонов монастырь, которому оно и выдало 20 октября две щедрые жалованные грамоты на земли в Дмитровском [172] и Рузском [173] уездах. Укрепление правительственного союза с Симоновым монастырем было важной политической задачей, ибо монастырь, являясь, кажется, крупнейшим землевладельцем в Замосковской волости Раменейце, пользовался большим влиянием на Андрея, стремившегося вернуть себе Раменейце в соответствии с духовной грамотой отца [174]. Не случайно в период московско-старицкого конфликта правительство послало уговаривать Андрея, наряду с владыкой крутицким Досифеем и духовником Андрея Семионом, архимандрита Симонова монастыря Филофея [175].

По мере нарастания противоречий между правительством и Андреем Старицким регентский совет, вопреки своей обычной практике, выдал грамоту, регулировавшую

---

[170] ПСРЛ, т. VIII, стр. 292; т. XIII, вторая половина, стр. 428.
[171] Там же, т. XIII, первая половина, стр. 115.
[172] ГИМ, Сим. кн. 58, по Дмитрову № 7, лл. 479—482.
[173] ГПБ, Собр. актов и грамот, № 1—117.
[174] Вопреки духовной Ивана III, Василий III уже в 1507 г. утвердил в жалованной грамоте свой сюзеренитет над симоновскими селами в Раменейце; в феврале 1534 г. эта грамота была подписана на великокняжеское имя (ГИМ, Сим. кн. 58, по Москве № 41, лл. 188—190).
[175] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 117.

вопросы иммунитета светских феодалов (11 марта 1537 г.) [176]. Грамота относилась к Переславль-Залесскому уезду, где концентрировались влиятельные сторонники удельнокняжеской оппозиции. Грамота брала под защиту помещика Ивана Шамского, с владений которого подати взимались якобы в излишнем количестве, а зато его соседи братья Ширяевы ничего не платили. Крайне любопытно, что через 11 лет Иван Шамской фигурирует в качестве дьяка, т. е. очень видного лица, у сына Андрея Старицкого — Владимира Андреевича [177]. В 1538 г. Иван Шамской, имевший уже тогда звание введенного дьяка, пользовался особым покровительством Шуйских [178]. Очевидно, в 1537 г. Иван Шамской был связан со старицким князем и князьями Шуйскими. Удовлетворяя экономические требования Шамского, правительство пыталось заручиться его поддержкой и ослабить влияние сторонников Андрея Старицкого в Переславль-Залесском уезде.

Апрельские грамоты 1537 г. выражают уже более решительную политику правительства в отношении Старицкого удела. Опираясь на одного из крупнейших земельных собственников страны — Троице-Сергиев монастырь, правительство перешло в наступление и стало подготавливать благоприятную для себя почву по соседству со Старицко-Верейским уделом — в Боровском уезде (специальная жалованная грамота Троице-Сергиеву монастырю от 14 апреля [179] и упоминание боровских земель в жалованной грамоте тому же монастырю от 17 апреля) [180]. Одновременно оно упрочивало свои позиции на территории всего Дмитровского удела, смежного с Дмитровом Переславля и в сферах удельнокняжеского и княжеско-боярского сепаратизма в уездах Юрьев-Польском (бывший Шуткин стан) и Суздальском (Опольский стан) [181]. Правительство очень обдуманно отнеслось к проблеме борьбы с Андреем Старицким и ликвидации его удела.

---

[176] «Акты исторические, описанные И. М. Катаевым и А. К. Кабановым», № 1/24.
[177] ААЭ, т. I, № 217.
[178] «Акты исторические, описанные И. М. Катаевым и А. К. Кабановым», № 1/25.
[179] ГБЛ, Тр. кн. 527, № 251.
[180] Там же, № 253.
[181] Грамота от 17 апреля 1537 г. (ГБЛ, Тр. кн. 527, № 253).

Андрей Старицкий после смерти Юрия стал не только явным претендентом на отдельные территории, но и возможным претендентом на великокняжеский престол, что и обнаружилось во время мятежа. Поэтому распространившиеся в начале 1537 г. слухи о поимке Андрея скорее всего отражали действительные намерения правительства. Иммунитетные грамоты показывают то, чего нет в летописных памятниках,— вполне целенаправленную систему политических актов правительства, сводившуюся к изоляции Андрея Старицкого от поддержки влиятельнейших духовных и светских феодалов на территории, непосредственно граничившей со Старицко-Верейским уделом, и в тех районах, на которые Андрей претендовал и где у него могли найтись союзники.

Последующие иммунитетные грамоты 1537 г. были выданы по преимуществу Троице-Сергиеву монастырю. В период подавления мятежа Андрея Старицкого правительство искало опору в самом крупном вотчиннике центральных районов Северо-Восточной Руси и шло ему на значительные уступки. Открытый мятеж старицкого князя начался 2 мая 1537 г. В большинстве летописей нет точной даты окончания мятежа. Только Постниковский летописец сообщает, что Андрея посадили в тюрьму 1 июня [182]. Однако после этого расправы продолжались. Великокняжеское семейство выехало в Троице-Сергиев монастырь лишь 21 июня [183]. Поэтому три грамоты 14 мая — 4 июня 1537 г. мы относим к периоду ликвидации мятежа.

Майские грамоты Троице-Сергиеву монастырю касались монастырских вотчин в Переславль-Залесском [184] и Ростовском [185] уездах. Цель их выдачи состояла в том, чтобы нейтрализовать сторонников Андрея в этих чрезвычайно аристократических районах. Грамота начала июня регулировала иммунитетный статус троицких вотчин вблизи только что ликвидированного Старицко-Верейского удела — в Боровске и Малом Ярославце [186].

---

[182] М. Н. Тихомиров. Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533—1547 гг., стр. 284.
[183] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 119.
[184] АИ, т. I, № 138.
[185] АТН, вып. II, № 9.
[186] Там же, № 10, стр. 8—9.

Три грамоты середины июля — начала августа 1537 г. характеризуют включение Старицкого удела в состав великого княжества. В грамотах Троице-Сергиеву монастырю правительство закрепило свою власть над Старицким [187] и Верейским [188] уездами. Иммунитетные грамоты дают возможность конкретно представить себе внутриполитическую ориентацию правительства и формы ее выражения в один из самых острых моментов в истории регентства Елены Глинской.

Особенно интересна грамота, полученная Троицким монастырем 18 июля 1537 г. [189] В ней территориально охвачена основная зона только что ликвидированного мятежа: Новоторжский [190] и Старицкий уезды. Грамота разрешала монастырским посельским, ключникам и крестьянам безъявочно и бестаможенно ездить из Новоторжского уезда в Старицу, «какими делы ни буди». В грамоте есть специальная статья: «А чюжих им людей не провожати с собою, а кого проведут чюжего, и кого в том уличат, и они на том возьмут заповеди два рубля московских». В цитированной статье имеются в виду не торговые люди, часто стремившиеся прикрыться монастырским таможенным иммунитетом, а вообще «чюжие» (нетроицкие), которыми могли оказаться бывшие участники мятежа или их агенты. Грамота характеризует большую напряженность положения летом 1537 г. и косвенно свидетельствует о проводившихся здесь правительством расследованиях и поимке мятежников, шпионов и тому подобных лиц, связанных со старицкой оппозицией.

Для Троице-Сергиева монастыря главнейшим итогом сотрудничества с правительством было, пожалуй, удовлетворение требований монастырских властей по крестьянскому вопросу.

Находясь в числе наиболее крупных феодалов-закрепостителей, Троице-Сергиев монастырь не мог мириться с существовавшим в его вотчинах положением дел, когда приезжавшие великокняжеские недельщики назначали крестьянам срок явки в суд по исковым делам в «пашен-

[187] ХП, I, № 359, 360.
[188] Там же, № 361.
[189] ЦГАДА, ГКЭ по Новому Торжку, № 4/8332.
[190] Возможно, именно к этому времени относится и жалованная грамота Ивана IV 7045 г. Новоторжскому Семионьевскому монастырю (ЦГАДА, ПДСЛ, 7131 г., № 4, л. 69; ГАКО, ф. 103, № 228, л. 1, сообщил В. А. Кучкин).

ное время». В своей челобитной монастырь просил установить всего два срока вызова — осенью, после окончания уборочных работ, на Покров святой богородицы (1 октября) и зимой, в Стретеньев день (2 февраля). Выполняя монастырскую просьбу, правительство выдало в октябре 1537 г. жалованную грамоту Троице-Сергиеву монастырю, в которой правило двусрочных вызовов было распространено на все население троицких вотчин во всех уездах (владения Троице-Сергиева монастыря раскинулись к этому времени по 26 уездам) [191]. Влияние Троицкого монастыря оставалось очень большим еще в ноябре 1537 г. Сознавая его значение в стратегически важном Муромском уезде, правительство запретило своим детям боярским и другим военным людям брать различные кормы и запасы с троицкого села Чегадаева в Муромском уезде [192].

Две грамоты конца 1537 — начала 1538 г. являются последними иммунитетными актами периода регентства Елены Глинской. Они касаются уездов Кашинского (грамота Троице-Сергиеву монастырю от 9 ноября 1537 г.) [193] и Углицкого (грамота Покровскому Углицкому монастырю от 25 января 1538 г.) [194]. Это наводит на мысль, что после заключения, а потом и смерти (в декабре 1537 г.) Андрея Старицкого сторонники удельнокняжеского сепаратизма не унимались и, возможно, настаивали на отдаче заключенному сыну Андрея Углицкого Дмитрию Андреевичу наследства его отца — Углича и, кроме того, примыкавшего к нему Кашина [195].

---

[191] ГБЛ, Тр. кн. 527, № 262.

[192] АТН, вып. II, № 11.

[193] ГБЛ, Тр. кн. 527, № 260.

[194] ЦГАДА, ф. Канцелярии Сената, кн. 192, л. 252 об.

[195] Между сентябрем 1537 и августом 1538 г. (точные даты неизвестны) были выданы грамоты: 1) Чудову монастырю на села в пределах ликвидированного Старицкого княжества — в Вышегородском уезде и Селенской волости Московского уезда (В. Б. Кобрин. Две жалованные грамоты Чудову монастырю (XVI в.).— «Записки отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина», вып. 25. М., 1962, стр. 318); 2) Кириллo-Белозерскому монастырю на звенигородские села Однолетково и Григорчиково (ГПБ, Q—IV—113а, стр. 1516); 3) новгородскому архиепископу Макарию на Чудинцову улицу и Заполье Чудинцово (В. В. Майков. Писцовая книга по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911, стр. 105); 4) Вологодскому Павлову Обнорскому монастырю (Н. И. Суворов. Опись Павло-Обнорского

Следовательно, в течение всего рассмотренного отрезка времени жалованным грамотам отводилась ответственная роль в мобилизации сил влиятельных феодалов на поддержку правительственной борьбы против удельнокняжеского и княжеско-боярского сепаратизма. Вместе с тем, укрепляя отношения господства и подчинения в феодальной деревне, жалованные грамоты были орудиями глубоко классовой политики.

В области судебного иммунитета русское правительство в марте 1534 — начале 1538 г. строго продолжало линию политики Василия III. Из юрисдикций иммунистов исключались, как правило, две категории преступлений: душегубство и разбой с поличным. Среди несудимых грамот этого периода Троице-Сергиеву монастырю только в акте на села в присоединенном Верейском уезде монастырская юрисдикция санкционировалась, «опричь одного душегубства». Грамоты 1534—1538 гг. Симонову монастырю обычно также ограничивали иммунитет изъятием из сферы ведения вотчинного суда двух групп дел. Причем в грамоте 1536 г., относящейся к рузским селам монастыря, фиксация суженного объема судебных полномочий выступает как официальное ограничение старой грамоты 1502 г., передававшей в руки наместников лишь дела о душегубстве [196]. В грамоте Симонову монастырю 1535 г. на костромские и галицкие варницы и села судебные права монастыря сокращались еще сильнее: у него было отнято право суда и по вопросам татьбы с поличным. Эта особенная скупость судебных привилегий определялась местонахождением объектов пожалования — солигалицких промыслов — по соседству с промыслами посадских людей.

Изъятие из юстиции монастырей разбора тяжб по двум категориям преступлений было в период правления Елены Глинской общим правилом. Исключение составляет только Иосифо-Волоколамский монастырь, который обладал всей полнотой судебной власти, «опричь душегубства».

Характерной чертой финансовой политики периода регентства было принуждение населения владений светских и духовных феодалов к уплате главных государ-

монастыря Вологодской епархии 1683 года.— «Известия имп. Археологического общества», т. V. СПб., 1865, стр. 282).

[196] АСЭИ, т. II, № 426.

ственных податей и выполнению основных натуральных повинностей. Из указной грамоты 1537 г. о распределении податей между поместьями двух светских феодалов следует, что с поместий платились дань, ямские деньги и примет. Апрельские грамоты 1534 г. Троице-Сергиеву монастырю на вотчины в Переславль-Залесском, Бежецком и Ростовском уездах [197] были составлены по формуляру февральских грамот тому же монастырю на юрьевские, суздальские, костромские, владимирские, пошехонские и московские земли. Значит, по грамотам Елены Глинской крестьяне Троице-Сергиева монастыря в 9 уездах совершенно официально принуждались к выполнению трех основных повинностей: яма, городового дела и посошной службы.

Городовая повинность при Елене Глинской приобрела особое значение в связи с большой серией работ по строительству городских укреплений для борьбы с татарами и Литвой [198]. К постройке в Москве Китай-города в мае 1535 г. были привлечены все люди «без выбора»: княжеские, боярские и митрополичьи [199]. Результаты включения в жалованные грамоты параграфа, принуждавшего к выполнению городового дела, можно проследить по указным грамотам. Три указные грамоты 1535 [200], 1536 [201] и 1537 [202] гг. содержат сведения о том, что крестьяне Троице-Сергиева монастыря исполняли городовое дело в Переславль-Залесском и Ростовском уездах. Грамота 1537 г. свидетельствует также об отбывании городовой повинности митрополичьими крестьянами Каршской волости Ростовского уезда. Причем крестьяне иммунистов делали городовое дело «особно» от непривилегированных тяглецов. Однако в чрезвычайных случаях

---

[197] ХП, I, № 337—339.

[198] Г. З. Кунцевич. История о Казанском царстве или Казанский летописец. СПб., 1905, стр. 309, 603; М. Н. Тихомиров. Малоизвестные летописные памятники XVI в., стр. 90; он же. Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533—1547 гг., стр. 284; А. А. Зимин. Состав русских городов XVI в.— «Исторические записки», т. 52, стр. 336—346; он же. Реформы..., стр. 235—240; Н. Е. Носов. Указ. соч., стр. 74; И. И. Смирнов. Очерки.., стр. 47—50.

[199] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 82.

[200] ЦГАДА, ГКЭ по Переславлю-Залесскому, № 96/8820.

[201] ААЭ, т. I, № 182.

[202] АТН, вып. II, № 9.

они должны были выполнять эту повинность наравне с черными крестьянами и посадскими людьми. Грамота 1535 г., например, указывала: «А вперед нешто в Переславле городовое дело попортитца, а великое, и вы б тогды тем крестьяном велели городовое дело делати с переславскими сохами вместе, повытно». Указная грамота от 5 мая 1534 г. содержит сведения об участии крестьян Троице-Сергиева монастыря в отбывании ямской повинности [203].

В весьма суженном объеме зафиксировало правительство Елены Глинской податной иммунитет сел и варниц Московского Симонова монастыря в Галицком и Костромском уездах. В выданной монастырю в ноябре 1535 г. жалованной грамоте монастырским крестьянам предписывалось платить ямские деньги и примет, исполнять городовое дело и посошную службу. В этой грамоте, как и в грамотах Троице-Сергиеву монастырю, содержалась декларативная формула о неуплате никаких пошлин и даже имелись статьи, обелявшие от некоторых дворцово-княжеских повинностей («коня не кормят», «сен не косят», «двора моего... не ставят»). Правительство считало нужным проводить ограничение податного иммунитета, соблюдая видимость предоставления широких привилегий. В большинстве грамот, выданных с 1534 г. до начала 1538 г., не обнаруживаются также статьи, освобождающие от тамги, мыта и других таможенных пошлин.

В отдельных случаях, когда правительство особо нуждалось в поддержке крупных духовных корпораций в борьбе с Андреем Старицким, иммунитетная политика приобретала компромиссный характер, так как пожалование более значительных, чем обычно, привилегий было самым надежным путем обеспечения политического союза с влиятельными монастырями.

Среди иммунитетных грамот духовным феодалам марта 1534 — начала 1538 гг. щедростью податного иммунитета отличается всего несколько актов, происхождение которых, выясненное выше, связано с важнейшими этапами старицко-московских противоречий: две тарханные грамоты — Иосифо-Волоколамскому монастырю на село Турово с деревнями в Тверском и Клинском уездах

[203] ААЭ, т. I, № 180, стр. 151—152.

(май 1534 г.), Симонову монастырю на дмитровские села (октябрь 1536 г.); две тарханно-оброчные грамоты — Симонову монастырю на рузские вотчины (октябрь 1536 г.) и Троице-Сергиеву монастырю на верейские земли (август 1537 г.). Грамота июля 1537 г. на старицкие вотчины Троице-Сергиева монастыря создает, пожалуй, только внешнее впечатление щедрого иммунитетного акта: в ней нет освобождения от главных прямых налогов, зато имеются статьи, фиксирующие право монастырских крестьян не отбывать различные дворцово-княжеские повинности и не платить ряд пошлин на содержание административного аппарата в уезде.

Большие привилегии в тарханных грамотах Иосифо-Волоколамскому и Симонову монастырям объясняются тем, что грамоты были даны на вотчины в районах старинного землевладения этих монастырей. Чтобы не вызвать недовольства влиятельных корпораций в ответственные моменты выдачи рассматриваемых грамот, правительство приблизило содержание актов к нормам иммунитета, характерным для землевладения Иосифо-Волоколамского и Симонова монастырей в данных уездах. Экономические традиции здесь проявились в полной мере, наложив печать на текст грамот, хотя происхождение последних имело, конечно, конкретные политические причины. Волоколамская грамота освобождала от дани, ямских денег, тамги, городового дела, посошной службы и др., симоновская — от дани, яма, тамги. В симоновской грамоте подтверждено старинное право монастыря взимать конское пятно со своих крестьян даже при покупке ими лошадей в городе или волости.

В тарханно-оброчных грамотах отразились другие традиции — распространенная в уделах Юрия и Андрея практика перевода податей (с иммунитетных вотчин) на оброк. Эти акты закрепляли, конечно, меньшие привилегии — освобождение от дани, яма и примета за оброк, в симоновской грамоте — еще право давать наместнику его посошный корм в виде оброка.

В грамоте 1537 г. владимирским бобровникам и подтвержденной в 1536 г. грамоте Василия III переславским сокольникам оброчная статья имела, очевидно, более узкий смысл: оброк разрешалось платить вместо непосредственной поставки бобровых шкурок и соколов. Это, вероятно, не означало освобождения от податей,

например яма, так как в грамоте переславским сокольникам в статье о проторах и разметах сказано: «опричь яму и городоваго дела, и посошные службы» [204]. В указанных щедрых монастырских грамотах, за исключением волоколамского акта, право не исполнять основные натуральные повинности — городовое дело и посошную службу — тоже отсутствовало.

Изученные грамоты 1534—1537 гг. позволяют заключить, что, сохраняя в какой-то мере верность ограничительным принципам, правительство Елены Глинской продолжило начатое при Василии III отступление от строго ограничительного курса иммунитетной политики. Этому способствовало присоединение последних уделов, где поддерживались традиции более широкого податного иммунитета монастырей, чем на основной территории государства. Будучи не в состоянии сразу преодолеть эти традиции, центральное правительство узаконило их в выданных монастырям грамотах.

---

[204] АСЭИ, т. III, № 26, стр. 47, ст. 3.

Глава VI

ФЕОДАЛЬНЫЙ ИММУНИТЕТ В ГОДЫ БОЯРСКОГО ПРАВЛЕНИЯ

*

Социально-экономическая обстановка периода боярского правления, равно как и внутренняя политика этого времени, в литературе изучена недостаточно. В значительной мере это объясняется тем, что для характеристики политической истории данного отрезка времени использовался преимущественно летописный материал. По летописям в основном написаны интересные исследования И. И. Смирнова, рисующие сложные перипетии политической борьбы в русском государстве 30—40-х годов XVI в.[1] На той же источниковедческой базе строится изложение событий времени боярского правления в статье Я. С. Лурье, помещенной в «Очерках истории СССР»[2].

Попытки привлечь актовую документацию для показа отдельных сторон внутренней политики 30—40-х годов XVI в. в нашей историографии имели место. Большая заслуга в этом деле принадлежит П. П. Смирнову, который в своей оценке положения беломестного землевладения в период боярского самовластья исходил из анализа жалованных грамот 30—40-х годов Троице-Сергиеву монастырю и ряду других духовных корпораций на их слободы и городские дворы[3]. Н. Е. Носов привлек многочисленные акты для изучения местного аппарата власти

[1] И. И. Смирнов. Классовая борьба в Московском государстве в первой половине XVI в.— «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 9—10; он же. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.— Л., 1958, стр. 76—136.

[2] «Очерки истории СССР». Период феодализма. Конец XV — начало XVII в. М., 1955, стр. 112—116.

[3] П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. 1. М.— Л., 1947, стр. 104—109.

в первой половине XVI в.[4] В разных аспектах используются отдельные акты 30—40-х годов в работе А. А. Зимина[5]. Трудами П. П. Смирнова, Н. Е. Носова и А. А. Зимина по существу исчерпывается список работ, где жалованные и указные грамоты рассматриваются как источник по истории внутренней политики боярских правительств.

Однако и названные авторы не решают все проблемы, связанные с изучением происхождения и содержания жалованных грамот 30—40-х годов XVI в. П. П. Смирнов как историк русских городов, естественно, ограничился актами на городские владения монастырей, т. е. меньшей частью выданных в это время жалованных грамот. Н. Е. Носов, не занимаясь исследованием жалованных грамот в целом, рассматривал в них те статьи, которые характеризуют функции городовых приказчиков.

Интересной и до сих пор не исследованной особенностью периода боярской реакции явилось воцарение ее сразу вслед за уничтожением последнего более или менее крупного удела на Руси — Старицкого. Очевидно, ликвидация уделов в какой-то степени объективно сгладила остроту вопроса о том, кто из представителей феодальной знати будет непосредственно стоять у кормила государственной власти. Этим в конечном счете и объясняется та сравнительная легкость, с которой менялись боярские правительства в 1538—1548 гг. Вместе с тем, после ликвидации уделов задача подавления классовой борьбы широких масс трудового населения приобрела еще более отчетливый характер, чем прежде.

Уничтожение уделов и связанная с этим дальнейшая централизация государственной власти содействовали усилению феодального гнета, росту фискального бремени и расширению масштаба судебно-административных преследований против нарушителей феодального правопорядка. Не случайно именно боярские правительства начали осуществлять с 1539 г. губную реформу, задуманную, возможно, несколько ранее[6].

---

[4] Н. Е. Носов. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М—Л., 1957, стр. 126. 165, 178 и др.

[5] А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного. М., 1960.

[6] Н. Е. Носов. Указ. соч., стр. 289—327.

Впрочем, и в этот период незавершенность процесса создания централизованного государства оставалась характерной чертой развития России. Вот почему реальной оказалась в 1538—1548 гг. возможность увеличения иммунитета ряда духовных корпораций, в чьей поддержке нуждались боярские группировки, неуверенно чувствовавшие себя у руля государственной машины.

Время боярского правления представляет собой период самой интенсивной выдачи грамот с иммунитетными привилегиями в первой половине XVI в. За этот сравнительно небольшой хронологический отрезок (11 лет) великокняжеское правительство составило, по нашим подсчетам, 222 жалованные и 56 указных грамот.

1. Внутренняя политика в апреле—октябре 1538 г.

Время с апреля до 22 октября 1538 г. явилось периодом, когда князья Шуйские, захватившие власть в стране, вынуждены были делить ее в какой-то мере с князем И. Ф. Бельским, близким к митрополиту Даниилу. Непрочность положения боярских временщиков заставляла их напряженно искать союзников среди крупнейших духовных феодалов. От этого периода нам известно 18 иммунитетных грамот: 14 жалованных (12 духовным феодалам и две светским) и 4 указных (одна из жалованных грамот не сохранилась). Уже в первые месяцы правления Шуйских и Бельского наблюдается сближение правительства с Троице-Сергиевым монастырем. Игумена Троице-Сергиева монастыря Иоасафа Шуйские намечали кандидатом в митрополиты. Союз с Троицким монастырем выразился как в земельных, так и в иммунитетных пожалованиях монастырю.

Буквально через день после смерти Елены Глинской (3 апреля), 5 апреля 1538 г. правительство распорядилось отдать Троице-Сергиеву монастырю вотчину одного из светских феодалов Дмитровского уезда, которую правительство Елены Глинской предписало «наведати» на великого князя[7]. Через месяц, 6 мая, точно такое же указание было сделано относительно конфискованного

[7] ГБЛ, Тр. кн. 521, л. 129 об.

у князя Михаила Глинского сельца Звягина Московского уезда[8]. В июне 1538 г. Спасский Ярославский монастырь получил отобранные у него при Елене Глинской деревни и починки[9]. Правительство пыталось заручиться поддержкой Симонова, Троице-Сергиева, Кирилло-Белозерского монастырей.

Уже с мая 1538 г. правительство Шуйских стало выдавать жалованные и указные иммунитетные грамоты. В грамотах, полученных Троице-Сергиевым монастырем в мае — сентябре 1538 г., закреплены главным образом судебные и заповедные привилегии.

Из грамот ясно, что в указанный промежуток времени крестьяне Троице-Сергиева монастыря принуждались к выполнению двух основных натуральных повинностей — городового дела и посошной службы, а также более мелких повинностей[10]. Правительство пошло на уступку монастырю в отношении уплаты ямских денег и примета: местным сборщикам запрещалось взимать эти подати, монастырские власти должны были присылать «с... своих монастырских сел и з деревень ямские деньги, и примет, и вытные деньги... на Москву к нашей казне сами»[11]. Так поступили со старинными селами Кумгановым и Медной Новоторжского уезда. Неизвестно, распространялся ли указанный порядок сбора ямских денег и примета на всю монастырскую вотчину. По крайней мере, это правило касалось и новоприбыльных сел, на которые имелись только несудимые и заповедные грамоты[12]. С сел, не освобожденных официально от наместничьего посошного корма, последний взимался непосредственно самими наместниками и их агентами. В указной грамоте муромскому наместнику князю Ф. И. Одоевскому запрещалось брать корм с троицкого сельца Чегадаева потому, что его «татаровя казанские выжгли и вывоевали»[13].

---

[8] ГБЛ, Тр. кн. 528, № 263, лл. 368 об.— 369.

[9] И. А. Вахрамеев. Исторические акты Ярославского Спасского монастыря, т. 1. М., 1896, № X.

[10] С. Шумаков. Тверские акты, вып. 1. Тверь, 1896, № IV, стр. 22—23.

[11] Там же.

[12] См. указную грамоту об уплате ямских денег крестьянами дмитровских дел Кунилова и Подчорткова (ГБЛ, Тр. кн. 527, № 260). Несудимая грамота на них была выдана 17 мая 1538 г. (ГИМ, ОПИ, Увар. карт. 66/20, отд. I, № 4).

[13] ЦГАДА, ГКЭ по Мурому, № 4/7736.

С лета 1538 г. еще большим вниманием, чем Троицкий, начал пользоваться в правительственных кругах Симонов монастырь. В июне — августе 1538 г. он получил три жалованные грамоты, из которых одна (грамота на переславские соляные варницы) показывает стремление правительства дать монастырю ряд существенных привилегий. С 1492 г. переславские варницы Симонова монастыря не топились, стояли «пусты». Грамота 1538 г. имела целью содействовать развитию солеварения Симонова монастыря: в ней устанавливалась определенная сумма оброка с варниц, но сама уплата его отсрочивалась до 1542 г.[14]

Наряду с Троицким и Симоновым монастырями в июне — июле 1538 г. правительство поспешило выдать жалованные грамоты и некоторым другим духовным корпорациям, на поддержку которых оно могло рассчитывать. Была выдана несудимая грамота близкому к Шуйским Спасо-Евфимьеву монастырю[15]. Его суздальские вотчины находились по соседству с владениями Шуйских. 28 июня 1538 г. правительство подтвердило не подписанную на великокняжеское имя в 1534 г. несудимую и заповедную грамоту 1506 г. Суздальскому Никольскому Шартомскому монастырю[16], возможно, связанному с Шуйскими. В конце июня — начале июля 1538 г. были подтверждены две грамоты Василия III Великоустюжскому собору (1507[17] и 1516 гг.[18]), фиксировавшие его судебные и заповедные привилегии. Район Великого Устюга еще в первой четверти XVI в. являлся своеобразным полууделом великой княгини и управлялся великокняжеским наместником и тиуном великой княгини. По всей вероятности, такое положение Устюга сохранилось и при Елене Глинской. Не удивительно поэтому, что Шуйские поспешили закрепить суверенитет правительства над этой территорией.

---

[14] М. И. Смирнов. Соль Переславская.— «Труды Владимирской ученой архивной комиссии», кн. XVII. Владимир, 1917, прил. 12, стр. 68; ср. ХП, I, № 381.

[15] ХП, I, № 370.

[16] ХП, I, № 35.

[17] «Вологодские губернские ведомости», 1851, часть неофициальная, № 28, стр. 325—326.

[18] Н. Румовский. Описание Велико-Устюжского Успенского собора. Вологда, 1862, стр. 66—67.

Несудимую грамоту на села Воргушу и Троицкое получил в июле 1538 г. Данилов Переславль-Залесский монастырь [19]. Пользовался вниманием и Кирилло-Белозерский монастырь. 9 июля 1538 г. ему была дана несудимая, заповедная и односрочная грамота на сельцо Бабинское в Арбужевской волости Романовского уезда [20]. 16 июля 1538 г. правительство отправило указную грамоту холопенским таможникам, запрещавшую нарушать жалованную грамоту удельного князя Дмитрия Ивановича Углицкого Кирилло-Белозерскому монастырю. В грамоте содержалось разрешение покупать беспошлинно товары на сумму до 20 рублей в год [21].

Наконец, 3 августа 1538 г. епископ коломенский и каширский Вассиан Топорков получил тарханно-несудимую грамоту на две коломенские слободки [22].

При попытках установить тесное сотрудничество с рядом землевладельцев правительство в начальный период своей деятельности (до переворота 21 октября 1538 г.) придерживалось ограничительных принципов иммунитетной политики. В этот промежуток почти не выдавались тарханные грамоты (грамота коломенскому епископу является исключением). Только вследствие разорения монастырских вотчин казанскими татарами летом 1538 г. монастыри Корнилиев Комельский [23] и Симонов [24] получили льготные грамоты, освобождавшие их владения на 5 лет от основных поземельных налогов и повинностей: дани, ямских денег, городового дела, посошной службы, наместничьего корма. В грамотах мая — сентября 1538 г., имеющих несудимый раздел, юрисдикция иммунистов ограничивалась изъятием из нее разбора двух категорий уголовных преступлений: душегубства и разбоя с поличным [25].

---

[19] В. Г. Добронравов. История Троицкого Данилова монастыря в г. Переяславле-Залесском. Сергиев посад, 1908, прил. № 2, стр. 18—19.

[20] ГПБ, Собр. СПб. Д/А, № А II/47, лл. 340—343 об.

[21] ГПБ, Q — IV — 1/13 а, лл. 1593—1596.

[22] В. А. Кучкин. Жалованная тарханно-несудимая грамота Ивана IV от 3 августа 1538 г. епископу коломенскому и каширскому Вассиану на две слободки в г. Коломне.— «Археографический ежегодник за 1959 год». М., 1960, стр. 342—343.

[23] Амвросий. История Российской иерархии, ч. IV. М., 1812, стр. 706—711.

[24] М. И. Смирнов. Указ. соч., прил., № 12.

[25] ХП, I, № 368, 370, 371, 377, 379, 382.

Скупость привилегий, которые содержатся в грамотах указанного отрезка времени, была обусловлена тем, что после смерти Елены Глинской в правительстве еще сохранили силу сторонники централизаторской политики. Конкретное оформление новых грамот и подтверждение старых находилось в руках видного сотрудника Василия III и Елены Глинской дьяка Федора Мишурина (им были заверены все грамоты, подписанные на великокняжеское имя в июне — июле 1538 г.). Влиянием Ф. Мишурина, а возможно, и И. Ф. Бельского объясняется последовательное проведение в жизнь тех норм ограничения привилегий крупных феодалов, которые лежали в основе иммунитетной политики Василия III.

Территориальное распределение грамот этого времени свидетельствует о стремлении к нейтрализации удельной оппозиции. Грамоты мая — июня 1538 г. касаются уездов Новоторжского и Тверского[26], Дмитровского[27], Рузского[28], Вологодского и Белозерского[29], Ярославского[30], Суздальского[31], Костромского[32] и Муромского[33]. Первые шесть из числа указанных уездов были бывшей сферой влияния Андрея Старицкого и Юрия Дмитровского. В Ярославском уезде в мае — июне 1538 г. активизировался князь Федор Михайлович Мстиславский[34]. На феодалов Костромского и Муромского уездов, возможно, опирались князья Бельские, соперники Шуйских. Кроме того, здесь играл роль фактор внешней опасности (со стороны казанских татар).

В июле — августе 1538 г. в центре внимания оказываются уезды Переславль-Залесский[35], Романовский, Коломенский и Замосковские волости — Воря-Корзенево[36] и Кунеи[37]. Романов являлся удельным наследством Андрея Углицкого, волость Воря-Корзенево некогда при-

[26] ХП, I, № 366.
[27] Там же, № 368, 374.
[28] Там же, № 371.
[29] Там же, № 373.
[30] И. А. Вахрамеев. Указ. соч., № X.
[31] ХП, I, № 370.
[32] Там же, № 371.
[33] Там же, № 367.
[34] Там же, № 369, 372.
[35] Там же, № 375—377, 379.
[36] Там же, № 380.
[37] ГБЛ, Тр. кн. 536, л. 432—432 об., № 312 (сообщила Л. И. Ивина).

надлежала Юрию Васильевичу Дмитровскому, а волость Кунеи по духовной Ивана III числилась за Андреем Старицким. Очевидно, в 1538 г. удельные претензии исходили из окружения малолетнего Владимира Андреевича Старицкого и, быть может, некоторых других потомков удельных князей.

В августе — сентябре 1538 г. правительство выдавало грамоты на костромские, муромские[38] и владимирские[39] земли. Вероятно, Шуйские стремились найти поддержку в тех районах, где имели влияние Бельские, и наоборот.

2. Усиление компромиссных тенденций в иммунитетной политике ноября 1538 — первой половины 1540 гг.

21 октября 1538 г. Шуйские осуществили свой план устранения от власти соперничавших с ними политических группировок: был убит дьяк Федор Мишурин, а князя И. Ф. Бельского бросили в темницу. Теперь правительство Шуйских готовило отставку митрополита Даниила, поддерживавшего князя Бельского. Очевидно, уже в этот период было твердо решено возвести на митрополичий стол игумена Троице-Сергиева монастыря Иоасафа, близкого к нестяжателям. Поздняя осень 1538 г. явилась временем резкого перелома в иммунитетной политике Шуйских. В связи с предстоявшим сведением с митрополичьей кафедры Даниила правительство энергично добивалось содействия монастырей.

От изучаемого периода нам известны 55 иммунитетных грамот, из которых четыре имеют неопределенную дату (между сентябрем 1538 и августом 1539 г.). Остальные грамоты представлены 41 жалованной и 10 указными. Из жалованных грамот три относятся к светским феодалам, 38 (среди которых 7 несохранившихся) к духовным, из указных одна была выдана дворецким. В конце 1538 г. установился тесный контакт между Шуйскими и Троице-Сергиевым монастырем, где игуменом был кандидат в митрополиты — Иоасаф. В начале ноября Троицкий монастырь получил жалованную данную, тарханную и несудимую грамоту на рыбные ловли и пожни в Ниже-

[38] ХП, I, № 381.
[39] Там же, № 382.

городском уезде, а также на дворовые места и варницы в Балахне и Нижнем Новгороде[40]. 7 и 8 ноября были посланы специальные указные грамоты в Балахну[41] и Нижний Новгород[42] о предоставлении монастырю пожалованных владений и привилегий. Это распоряжение как в своей вотчинной, так и в иммунитетной части шло вразрез с интересами посадских людей; за их счет расширялась суженная в предшествующий период сфера беломестного землевладения[43], а освобождение монастырских людей от налогов[44] означало усиление податного нажима на посад.

В ноябре 1538 г. Троицкий монастырь добился выдачи ему грамоты на беспошлинную ловлю рыбы в Переславском и Сомине озерах[45]. Когда-то Василий III отнял у монастыря эту привилегию, «прогневавшись» на игумена Якова за то, что «некоторые дела бранные стали монастырским людем с ловцы переславскими»[46]. Жалованные грамоты, полученные монастырем в ноябре 1538 г., восстанавливали в силе старинные владельческие и иммунитетные — по крайней мере, податные — права монастыря, существовавшие еще со второй трети XV в.[47] Факт весьма показательный: Шуйские демонстративно

---

[40] ГБЛ, Тр. кн. 518, лл. 10—12 об.

[41] ХП, I, № 385.

[42] Там же, № 386.

[43] Основная часть вод и угодий, перечисленных в грамоте, принадлежала монастырю с середины XV в., однако в период, непосредственно предшествовавший пожалованию, монастырские власти из-за «казанские розмирицы... людей своих на те воды не посылали». Челобитная монастыря излагается в грамоте так: «А коли писцы наши писали Новгород Нижней и Соль Балахонскую, и те их воды написали в оброце за городцкими людьми с иными с нашими с оброчными водами, потому что на них монастырских людей не было, и нам бы их теми водами и местом дворовым и варницами у Соли у Балахонские и в городе на Балахне местом на двор на осадной пожаловати». Очевидно, писцы в самом деле записали монастырские владения за городскими людьми. Правительство не только вернуло монастырю старинные воды и дворы, но и придало ему новое осадное место в Балахне, а также дополнительные рыбные ловли.

[44] В указной грамоте нижегородским ключникам, например, говорится: «И оброков бы есте наших и своих всяких пошлин с тех вод и з дворов с монастырских ныне и вперед не имали» (ХП, I, № 386).

[45] ХП, I, № 383.

[46] Там же.

[47] Привилегии на нижегородские владения были даны монастырю Василием II при игумене Васьяне (1455—1466 гг.), на Переслав-

порывали с ограничительной политикой Василия III и Елены Глинской в области податного иммунитета.

Троице-Сергиев монастырь был не единственной духовной корпорацией, получившей в это время земли и освобождение от налогов. В декабре 1538 г. правительство предоставило Тотемскому Ефремову монастырю право «около того монастыря на все стороны лес сечи и крестьян на том на диком лесу содити и пашню пахати от того монастыря по пяти верст», причем монастырская вотчина освобождалась на неопределенный срок от главных пошлин и повинностей: дани, подвод, городового дела, посошной службы, тамги[48]. 22 декабря 1538 г. Спасский Ярославский[49] и Покровский Углицкий[50] монастыри получили назад отобранные у них ранее земли.

В декабре 1538 г. в великокняжеской канцелярии были подтверждены жалованные грамоты на монастырские дворы на посадах — Спасскому Ярославскому монастырю обельная грамота Василия III 1511 г., по которой монастырским людям в Ярославле разрешалось не тянуть с городскими людьми ни в какие проторы и разметы, «опричь посошные службы и пищального наряду и городового дела»[51]; Иосифо-Волоколамскому монастырю тарханная грамота удельного князя Андрея Ивановича 1534 г., освобождавшая от дани, ямских денег, посошной службы, городового дела и других повинностей и пошлин монастырский двор в Старице[52].

Несколько жалованных грамот с большими финансовыми привилегиями приобрели монастыри в феврале 1539 г., когда происходило смещение митрополита Даниила и замена его Иоасафом. В этот момент Кирилло-Белозерский монастырь добился возвращения ему двора в Угличе, который «ныне взяли к городу на нас приказщики наши городовые». Населению монастырского двора разрешалось не тянуть с черными людьми ни в какие разметы[53]. Посланная в феврале 1539 г. указная грамота в Суздаль запрещала городовым приказчикам «вступать-

ское и Сомино озера — при игумене Зиновии (1432—1445 гг.; см. АСЭИ, т. I, № 92).

[48] Амвросий. Указ. соч., ч. IV, стр. 89—95.

[49] И. А. Вахрамеев. Указ. соч., № XII.

[50] ЦГИА, ф. 834, оп. 3, № 1916, л. 384.

[51] И. А. Вахрамеев. Указ соч., № IV.

[52] АФЗиХ, ч. II, № 303.

[53] С. А. Шумаков. Угличские акты. М., 1899, № VI.

ся» в Шиповскую слободку Покровского девичьего монастыря [54].

Нарастание податных привилегий крупных духовных феодалов приобрело в конце 1538—1540 гг. значительный размах, став одной из отличительных черт иммунитетной политики Шуйских. Увеличение финансовых прав монастырей нельзя объяснить только отдельными конкретными причинами. Оно имело более широкую основу — непрочность положения Шуйских у кормила государственной власти и стремление их обеспечить союз с возможно бо́льшим числом духовных корпораций для того, чтобы удержать в своих руках бразды правления.

После переворота 21 октября 1538 г. правительство выдавало щедрые жалованные грамоты самым различным монастырям. В феврале 1539 г. Усть-Шехонский монастырь получил грамоту, разрешавшую монастырскому дворнику в Белоозере на посаде не тянуть с тяглыми людьми в разные проторы и разметы [55]. В марте 1539 г. Соловецкому монастырю было дано 13 луков земли «с цренным оброком» (соляные варницы освобождались от оброка) и со всем, «что... потягло, опричь обежные дани» [56]. В марте 1539 г. Кирилло-Белозерский монастырь приобрел право беспошлинной ловли рыбы одним неводом в Белом озере [57], а в июле того же года — место под соляной амбар в Дмитрове и право не платить с него пошлины [58]. Большой интерес представляет жалованная грамота от 16 января 1540 г. Троице-Сергиеву монастырю на его московский двор, завещанный «в дом... Троице» гостем Иваном Михайловичем Антоновым. В грамоте пересказывается челобитная монастырских властей: «А тот их двор написан в тягле з гостиными дворы, и тягль нашу з гостьми со всеми тянули, и нам бы их пожаловати — с того двора тягли своей и всяких пошлин имати не велети и з гостьми бы им не тянути ни в которые разметы». Правительство выполнило просьбу монастыря [59]. Таким образом, Шуйские расширили податной

---

[54] ЦГАДА, ГКЭ по Суздалю, № 21/11800.
[55] ГБЛ, Румянц. кн. 53, лл. 10—13.
[56] Досифей. Географическое, историческое и статистическое описание Соловецкого монастыря, ч. III. М., 1836, стр. 1—3, № 1.
[57] ГПБ, Собр. СПб. Д/А, № AII/47, л. 169—169 об.
[58] ГПБ, Q — IV — 113б, стр. 718—720.
[59] ГБЛ, Тр. кн. 520, лл. 19 об. — 22.

иммунитет Троицкого монастыря в ущерб интересам верхушки московского посада — гостей.

В 1539—1540 гг. освобождались от пошлин не только монастырские дворы и промыслы, но также села и деревни. Наиболее щедрую тарханную грамоту получил в сентябре 1539 г. Иосифо-Волоколамский монастырь на село Фаустову Гору в Зубцовском уезде[60]. Эта грамота была дана взамен грамоты Василия III 1522 г. на то же село[61]. Грамота 1539 г. резко увеличивала иммунитетные привилегии монастыря: в ней содержалось освобождение от основных прямых налогов, чего нет в акте 1522 г. Расширялась и монастырская юрисдикция: по грамоте Василия III монастырь имел в Фаустове Горе право суда, «оприче душегубства и разбоя с поличным»; в 1539 г. дела о разбое с поличным стали подведомственны монастырю.

Выдачу этой жалованной грамоты 1539 г. нельзя не связать с изменениями в политической ориентации Шуйских. Посаженный ими на митрополичий стол Иоасаф оказался далеко не последовательным сторонником боярской группировки, стоявшей у власти. Известно, что уже в июле 1540 г. он добился освобождения И. Ф. Бельского и способствовал, таким образом, падению правительства Шуйских к концу 1540 г. Видимо, уже с осени 1539 г. боярское правительство решило опереться на политических противников нестяжателей — иосифлян, цитаделью которых являлся Волоколамский монастырь. Впоследствии близость Шуйских к иосифлянам нашла свое выражение в союзе их с новгородским архиепископом Макарием, который стал в 1542 г. митрополитом.

Помимо уже указанных грамот, содержащих податные привилегии, можно отметить грамоту, выданную в январе 1540 г. Печерскому Нижегородскому монастырю, в которой его вотчины в Нижегородском и Суздальском уездах освобождались на 10 лет от дани, ямских денег, посошной службы, наместничьего корма и других пошлин[62]. Монастырю Василия Кесарийского в Суздале была дана в 1539/40 г. тарханно-оброчная грамота на село Суздальского уезда[63]. О щедрости иммунитетных пожа-

[60] АФЗиХ, ч. II, № 149.
[61] Там же, № 87.
[62] Кабанов, № 10.
[63] ЦГИА, ф. 834, оп. 3, № 1920, лл. 43—44.

лований свидетельствует и грамота, полученная в августе 1539 г. Троицким Гледенским монастырем. Монастырь указывал в своей челобитной, что с его заводи в р. Сухоне оброк исстари «не имывали». Правительство подтвердило нерушимость этого принципа и запретило приход в монастырскую заводь посторонних лиц[64].

Таким образом, в конце 1539 — начале 1540 г. освобождение монастырских вотчин от налогов приобрело значительный размах. Оно сочеталось с предоставлением монастырям новых и отнятых у них раньше земель. В отдельных случаях, обусловленных обычно перипетиями острой внутриклассовой борьбы, когда правительство нуждалось в содействии того или иного монастыря, восстанавливались иммунитетные привилегии монастырей, нарушенные предшествующими правительствами, или расширялись их старые податные привилегии.

Большое число тарханных и обельных грамот, выданных и подтвержденных в этот промежуток времени, относится к монастырским дворам в городах. Монастыри, почувствовав уступчивость Шуйских в вопросе о податных привилегиях, поспешили выпросить у правительства жалованные грамоты, которые укрепляли позиции духовных феодалов на шаткой почве, ускользавшей из-под их ног еще в период княжения Василия III,— в городах.

Жалованные грамоты конца 1538 — начала 1540 г., посвященные фиксации финансовых привилегий монастырей, предоставляли различным монастырям различные по объему комплексы иммунитетных прав. Во-первых, имело место полное освобождение от казенных сборов. Оно давалось наиболее влиятельным духовным корпорациям с целью получить от них помощь в моменты обострения борьбы политических группировок боярства за власть. При этом одинаково щедро обелялись как монастырские дворы в городах (грамоты 1538 и 1540 гг. Троице-Сергиеву монастырю, подтверждение грамоты 1534 г. Андрея Старицкого Волоколамскому монастырю), так и монастырские села (грамота 1538 г. Ефремову монастырю, грамота 1539 г. Иосифо-Волоколамскому монастырю). Во-вторых, наблюдалось временное или неполное освобождение от податей. Эту льготу получали

[64] Эти сведения извлечены из подложного списка грамоты 1539 г. (ЛОИИ, Собр. актов до 1613 г., № 1/131), где частично использован текст подлинника.

менее значительные монастыри обычно в обстановке некоторого спада политической напряженности.

Ущемление прав монастырей было обратно пропорционально их удельному весу и — когда дело касалось монастырских дворов — прямо пропорционально политической активности посадов. Так, крупный Соловецкий монастырь освобождался от разных пошлин, кроме одной обежной дани; важный в стратегическом отношении Нижегородский Печерский монастырь был обелен от всех пошлин на большой срок — 10 лет. Кирилло-Белозерский монастырь получил для всего населения монастырского двора в Угличе право не тянуть с тяглыми людьми в проторы и разметы (но вообще от податей двор не был освобожден). Мелкий Усть-Шехонский монастырь сумел добиться этой привилегии только для одного дворника в оживленном экономическом центре — Белоозере, где имелся окрепший в конце XV — начале XVI в. посад.

Впрочем, существенные градации в иммунитетных пожалованиях не должны заслонять в наших глазах общей линии политики Шуйских, состоявшей в укреплении податного иммунитета монастырей.

Кроме льгот в отношении уплаты налогов, монастыри получали и другие финансовые привилегии. Именно в этот период Николаевскому Корельскому монастырю удалось выговорить себе право на оброчное владение частью озера Кудмо, которое, как сказано в челобитье монастырских властей, у них «поотнимали двиняне ненокшане Олексей да Ивашко Яковлевы дети Малого». Последние платили с озера в казну оброк в размере рубля. Правительство отдало монастырю $^2/_3$ озера, оставив в руках ненокшан $^1/_3$. При этом общая сумма оброка с озера снизилась на 2 гривны (монастырь платил 107 денег, а ненокшане — 53 деньги, т. е. с каждой трети озера взималось 53 деньги) [65]. Показателен также пример с предоставлением в мае 1540 г. мельницы Данилову Переславль-Залесскому монастырю. До отдачи ее в монастырь мельница находилась в оброчном держании у некоего Володьки Трофимова, который платил оброк в казну. Правительство передало монастырю не только мельницу, но и мельника, отменив уплату оброка [66].

[65] «Сборник грамот Коллегии экономии», т. II. Л., 1929, № 86а.
[66] В. Г. Добронравов. Указ. соч., прил., стр. 21—22, № 5: «А мельник у нее Володька Трофимов з двором, с снастью с

Следовательно, политика Шуйских способствовала опутыванию торгово-ремесленных слоев тяглого населения цепями частнофеодальных отношений и шла вразрез с интересами укрепления государственных финансов.

В пользу монастырей свертывалась и волостная торговля. Так, способствуя сбору таможенных пошлин Троице-Сергиевым монастырем в его селе Медне, правительство Шуйских в декабре 1539 г. поставило под запрет все местные торжки Новоторжского уезда, кроме посада г. Торжка и с. Медны. Указная грамота 1539 г. о запрещении торговли в разных местах Новоторжского уезда характеризует своекорыстную политику правительства Шуйских, стеснявшую развитие товарного обращения в стране. Само появление запрета, содержащегося в грамоте, было обусловлено тем, что казна не получала доходов от торговли в волостях Новоторжского уезда, где отсутствовал институт волостных таможенников. Последнее обстоятельство объясняется в конечном счете неравномерностью развития товарно-денежных отношений в русском государстве XV—XVI вв. Грамота признает возникновение торгов в волостях Новоторжского уезда новым явлением: «А наперед, деи, того во владычне слободке и у Николы в Бернове, и в Загорье у Пятницы святой, и в Вышкове, и в Ильинском селе торг не бывал, и не торговал нихто никаким товаром» [67].

Вот, по сути дела, причина того, что в волостях Новоторжского уезда не установилась к 40-м годам XVI в. система казенных таможенников, которая наблюдается в станах и волостях более развитых в экономическом отношении уездов [68]. Однако характерно самоустранение правительства от организации новых таможен, передача «по старине» функций волостного сборщика таможенных пошлин крупному монастырю-вотчиннику.

Покровительственное отношение Шуйских к монастырям обнаруживается в целом ряде распоряжений, вышедших в это время из великокняжеской канцелярии. Такова,

мельничною со всею, а оброку с тое мельницы дву рублев без чети в свою казну имати... не велел».

[67] ААЭ, т. I, № 188, стр. 165—166.

[68] Еще в грамотах князя Юрия Ивановича на рузско-дмитровские вотчины монастырей об институте волостных (становых) таможенников говорится как о вполне обычном явлении. Ср. также грамоту 1540 г. на земли в Белозерском уезде (ГБЛ, Румянц, кн. 53, лл. 14—17 об.).

например, отправленная в Рязань в августе 1539 г. грамота, предписывающая городовому приказчику собирать оброк для Спасского Рязанского монастыря с расположенных на монастырской земле дворов детей боярских и черных людей, которые после смерти старого городового приказчика перестали платить оброк монастырю [69].

При Шуйских участились случаи пожалования руги духовным феодалам. Это усиливало финансовую зависимость их от правительства. Известны ружные грамоты 1539—1540 гг. Никольскому Песношскому [70], Александрову Ошевневу [71], Данилову и Рождественскому переславль-залесским монастырям [72].

Менее благоприятной для духовных корпораций была таможенная политика правительства. В жалованных грамотах 1538—1539 гг. Тотемскому Ефремову, Комельскому, Гледенскому и Усть-Шехонскому монастырям разрешался провоз запасов только «на монастырскую потребу». Старцы, люди и крестьяне Комельского монастыря получили право безмытно провозить к Москве «корм свой» [73]. Экспедиция Гледенского монастыря освобождалась от мыта, явки, мостовщины и других пошлин при условии провоза товаров «не на продажу» в одном дощанике или на 10 возах [74]. Строго регламентировались провоз и закупка товаров Усть-Шехонским монастырем [75]. Правда, Ефремову монастырю разрешалось безмытно и бестаможенно купить и продать товар «на монастырской запас» без каких-либо конкретных ограничений [76].

В области судебного иммунитета правительство Шуйских продолжало сокращение привилегий монастырей и митрополичьего дома. В грамотах 1538—1540 гг. из юрисдикции монастырей исключалось обычно право суда по двум видам уголовных преступлений (душегубство и раз-

---

[69] С. Шумаков. Материалы для истории Рязанского края, вып. 1. Рязань, 1898, стр. 11, № 2.

[70] К. Ф. Калайдович. Историческое и топографическое описание монастыря святого чудотворца Николая, что на Пешноше. М., 1837, стр. 108—110.

[71] ЛОИИ, Собр. рукописных книг, № 41, л. 1—1 об.

[72] ААЭ, т. I, № 191.

[73] «Вологодские епархиальные ведомости», 1870, прибавление к № 3, стр. 103—104.

[74] ЛОИИ, Собр. актов до 1613 г., № 1/130.

[75] ГБЛ, Румянц. кн. 53, лл. 10—13.

[76] Амвросий. Указ. соч., ч. IV, стр. 89—95.

бой с поличным) [77]. Только в грамоте Иосифо-Волоколамскому монастырю на село Фаустову Гору [78] и, по-видимому, в грамоте Чудову монастырю марта 1539 г. на село Липитино Коломенского уезда [79] судебный иммунитет утверждался «опричь душегубства». Участились случаи передачи из рук иммунистов в руки наместников разбора дел о душегубстве и татьбе с поличным. Правительство решилось провести это ограничение в отношении мелких, недостаточно влиятельных монастырей: Тотемского Ефремова [80], Владимирского Спасского [81], Вологодского Комельского [82], Переславского Данилова [83]. С другой стороны, правительство Шуйских содействовало обеспечению монастырей-вотчинников земельной рентой, предельно сокращая число сроков вызова монастырских крестьян в великокняжеский суд по тяжбам с посторонними лицами. Так, для крестьян Тотемского Ефремова монастыря [84] и Московского Успенского собора [85] устанавливался всего один срок.

Шуйскими проводился в полной мере принцип подсудности настоятелей во всех делах, кроме духовных, не митрополиту и архиепископам, а великому князю или высшим правительственным чинам. Это имело большое значение для ограничения власти церкви и, возможно, явилось одной из причин разрыва с Шуйскими Иоасафа, который, будучи нестяжателем, придерживался политической доктрины, требовавшей невмешательства светской власти в дела церкви. Мероприятия правительства в области вотчинного суда и суда над духовными феодалами нельзя не поставить в связь с губной реформой, которая начала проводиться в это время. Судебные реформы были вызваны обострением классовых противоречий в русском государстве.

Итак, в первый период правления Шуйских распространилась выдача жалованных данных грамот монасты-

---

[77] ХП, I, № 383, 384, 391, 400, 420.
[78] АФЗиХ, ч. II, № 149.
[79] ГБЛ, Собр. ОИДР, Акты, картон 35, д. 6, л. 49, № 77.
[80] Амвросий. Указ. соч., ч. IV, стр. 89—95.
[81] ЛОИИ, Собр. Головина, № 58.
[82] Амвросий. Указ. соч., ч. III. М., 1811, стр. 283—286.
[83] В. Г. Добронравов. Указ. соч., прил., стр. 21—22, № 5.
[84] Амвросий. Указ. соч., ч. IV, стр. 89—95.
[85] Г. Н. Шмелев. Из истории Московского Успенского собора. М., 1908, прил., стр. 157—158 (указала Л. И. Ивина).

рям как на сельские, так и на городские владения. Тарханные грамоты в 1538—1540 гг. получили, помимо Волоколамского монастыря, некоторые северные корпорации: Тотемский Ефремов, Соловецкий, Гледенский монастыри. Появление этих грамот следует рассматривать в свете попыток Шуйских заручиться поддержкой феодалов Новгорода и прилегавших к нему уездов. Льготными грамотами Шуйские пытались привлечь к себе в это время монастыри, имевшие вотчины в Переславль-Залесском и Суздальском уездах, где Шуйские пользовались особым влиянием. Из трех жалованных несудимых грамот, выданных в течение рассмотренного периода светским феодалам, две относятся тоже к району Переславля-Залесского [86] и соседнего с ним Радонежа [87] (одна грамота касалась земель в пограничном Тульском уезде) [88].

3. Иммунитетная политика правительства князя И. Ф. Бельского

Начавшаяся с лета 1540 г. глухая борьба между правительством Шуйских и выпущенным из заточения князем Бельским привела к своеобразной нейтрализации в иммунитетной политике: после июня и до декабря 1540 г. выдача грамот приостановилась. С декабря 1540 по 2 января 1542 г. у власти стояло правительство князя И. Ф. Бельского. До нас дошло сравнительно мало иммунитетных грамот этого времени: 12 жалованных (одна из них не сохранилась) и 5 указных, одна грамота, выданная по правительственному указу писцами, и одна — дворецким. 11 жалованных грамот были выданы духовным феодалам, одна — владимирским бортникам.

Для политики правительства И. Ф. Бельского характерна гораздо бо́льшая сдержанность в предоставлении податных привилегий, чем это наблюдалось в период правления Шуйских. Крупные льготы удалось получить лишь грамотчикам, в непосредственной поддержке которых нуждалось правительство князя Бельского в борьбе с Шуйскими. 1 декабря 1540 г. была выдана тарханно-

[86] «Акты исторические, описанные И. М. Катаевым и А. К. Кабановым», № 1/25.
[87] ПРП, вып. IV, стр. 121—122.
[88] «Акты Юшкова», № 136.

оброчная грамота бортникам волости Талши Владимирского уезда [89]. Волость находилась вблизи владений Горбатых и Шуйских. Известно, что в 1541 г. за И. В. Шуйского стояли новгородцы «всем городом», а тесная связь Шуйских в этот период с новгородским архиепископом Макарием не подлежит сомнению. В сложившейся обстановке И. Ф. Бельскому было важно укрепить свои позиции в Новгородской земле и прилегавших к ней уездах, а также во Владимиро-Суздальской земле.

Уже в январе 1541 г. правительство послало грамоту белозерскому наместнику И. Ф. Воронцову с запрещением нарушать несудимую грамоту Вологодскому Ферапонтову монастырю, в которой судебный иммунитет санкционировался «опричь душегубства» [90]. Но указная грамота не только подтверждала привилегию, зафиксированную в грамоте Василия III Ферапонтову монастырю [91]. Она еще больше ограничивала полномочия наместника: у него отнималось право участвовать в смесном суде [92]. Институт смесного суда в белозерских вотчинах Ферапонтова монастыря, видимо, вообще ликвидировался. Содержавшаяся в грамоте Василия III статья о вызове монастырских крестьян один раз в году в великокняжеский суд в случаях, если на них возьмут пристава, распространялась теперь, по всей вероятности, на тяжбы не только с лицами, неподсудными наместнику, но и с людьми, находившимися прежде в его ведении. Следовательно, губная реформа решительно ограничила права наместников как в отношении посадского и черносошного населения, так и в отношении крестьян иммунитетных вотчин.

Напряженным положением в Новгороде обусловливались попытки правительства ценой любых уступок склонить на свою сторону крупнейших новгородских феодалов. С этой целью в начале февраля 1541 г. была выдана жалованная грамота Соловецкому монастырю на безмытный и бестаможенный провоз 6000 пудов соли. Монастырь получил право судить своих людей и крестьян «во всем».

---

[89] ГАВО, ф. 575, № 1, лл. 19—20 об.; ЦГИА, ф. 834, оп. 3, № 1920, лл. 65—66.

[90] ААЭ, т. I, № 193, стр. 170.

[91] ХП, I, № 276.

[92] Наместнику предписывалось ходить «о всем по тому, как в их жалованной грамоте писано в несудимой, опричь смесного суда».

Специально оговаривалась неподсудность игумена и братии новгородскому архиепископу (а им был близкий к Шуйским Макарий) «ни в чем, опричь духовного дела» [93].

В марте 1541 г. правительство выдало жалованную грамоту Евфимьевой пустыни на ее вологодские и устюжские вотчины, т. е. опять-таки на земли, близкие к Новгороду. Устюжские владения пустыни освобождались за определенный оброк, который корпорация должна была выплачивать «в волость»: «А давати им с тех деревень и починков в волость старостам и сотцким и всем крестьяном Мольские волости оброком з году на год за дань и за волостелин корм и за пятно и за все пошлины по десяти алтын» [94]. Таким образом, при всей щедрости пожалованных пустыни привилегий правительство учитывало и интересы черного тяглого мира. Очевидно, монахам надлежало также платить в великокняжескую казну ямские деньги, освобождения от которых в грамоте нет. В феврале — марте 1541 г. жалованные грамоты были выданы еще двум северным монастырям: Ярославскому Толгскому (ружная) [95] и Яренскому Никольскому (несудимая и с освобождением варниц от оброка) [96].

Из других жалованных грамот, полученных в 1541 г. духовными корпорациями, значительный интерес представляет льготная грамота, выданная в октябре 1541 г. Владимирскому Рождественскому монастырю. Объектом пожалования являлось в ней сельцо, которое «запустело... лет з двадцать, хором нет, и поля лесом заросли» [97]. Внимание на это давно запустевшее село было обращено осенью 1541 г. не случайно. Уже с лета 1541 г. во Владимирском уезде находился с войсками князь Ив. Вас. Шуйский, посланный сюда под предлогом обороны русских границ от татар. Правительство И. Ф. Бельского путем предоставления главнейших податных льгот одному из видных владимирских монастырей стремилось не допустить сближения князя Шуйского с местными феодалами на почве общего недовольства действиями правительства.

---

[93] Досифей. Указ. соч., т. III, стр. 3—7.
[94] ЦГАДА, ГКЭ по Вологде, № 11/2582.
[95] «Ярославские епархиальные ведомости», 1897, часть неофициальная, № 10 (ЦГИА, ф. 834, оп. 3, № 1916, лл. 317 об.— 318, гр. 144).
[96] ЛОИИ, Колл. 47, оп. 2, № 4.
[97] ЦГАДА, ГКЭ по Владимиру, № 17/1794.

Территориальное распределение грамот показывает, что в январе — марте 1541 г. наибольшую озабоченность правительства вызывали бывшие северные уделы (Вологда, Белоозеро) [98], Новгород, Двина, Устюг [99], Рязань [100], в апреле — Муромский [101] и Московский [102] уезды, в июне — Балахна и Нижний Новгород [103], в октябре — Владимирский уезд [104], в ноябре — декабре — широкий круг территорий: Бежецкий Верх, Ростов [105], Вологда [106], Переславль-Залесский [107], Балахна [108], возможно, Серпухов [109]. Особенно много грамот приходится на декабрь, когда правительство И. Ф. Бельского, чувствуя непрочность своего положения, стремилось заручиться поддержкой ряда духовных феодалов.

Общие принципы иммунитетной политики в период правления князя Бельского характеризуются в области податного иммунитета пожалованием временной [110] или неполной [111] свободы от государственных налогов; в области судебного иммунитета — обычным ограничением вотчинной юстиции в делах о душегубстве и разбое с поличным [112]. Для решения тяжб с посторонними лицами устанавливался один срок вызова в великокняжеский суд [113]. Суд над настоятелями, как и при Шуйских, оставался в руках государства [114].

Правительство И. Ф. Бельского почти не выдавало монастырям данных, тарханно-оброчных и тарханных грамот. От Бельских монастыри получали, как правило, льготные, а не тарханные грамоты.

---

[98] ХП, I, № 422, 423.
[99] Там же, № 425, 426.
[100] Там же, № 424.
[101] Там же, № 427.
[102] ГБЛ, Тр. кн. 637, лл. 468 об.—470.
[103] ГИМ, Патр., № 994.
[104] ХП, I, № 428.
[105] ГБЛ, Тр. кн. 519, лл. 39—40.
[106] ХП, I, № 431, 432.
[107] Там же, № 429.
[108] Там же, № 430.
[109] Там же, № 433.
[110] Там же, № 427, 428.
[111] Там же, № 426.
[112] Там же, № 426, 429.
[113] Там же, № 427.
[114] Там же, № 426, 429 и др.

4. Рост иммунитетных привилегий в период второго правления Шуйских

3 января 1542 г. пало правительство князя Бельского. Власть в стране вновь захватила группировка князей Шуйских. В марте 1542 г. был сведен с митрополичьей кафедры Иоасаф. Митрополитом стал близкий к Шуйским Макарий.

От второго периода правления Шуйских, начавшегося с 3 января 1542 г., после падения правительства князя И. Ф. Бельского, и длившегося до 29 декабря 1543 г., дошло 20 жалованных и 7 указных иммунитетных великокняжеских грамот. К этому числу надо прибавить три несохранившиеся жалованные грамоты, одну грамоту, выданную писцами, и две — дворецкими (одна из них тоже не сохранилась). Всего, следовательно, насчитывается 33 грамоты. Грамоты касались владений духовных феодалов, лишь одна указная грамота имела в виду земли светских феодалов.

Для иммунитетной политики Шуйских 1542 г. характерна еще некоторая исключительность в предоставлении привилегий монастырям. Так, особым покровительством правительства пользовались корпорации, расположенные вблизи родового гнезда Шуйских, в районе Суздаля, и, видимо, издавна связанные с Шуйскими экономическими и политическими узами. В июне и ноябре 1542 г. во Владимир и в Суздаль были посланы указные грамоты, предписывавшие городовым приказчикам не взимать ямские деньги, посошных людей и не требовать исполнения зелейной повинности с крестьян Суздальского Покровского девичьего монастыря [115]. Грамоты ссылались на какую-то «нашу» жалованную тарханную грамоту, возможно, выданную еще в 1539—1540 гг.

В 1543 г. освобождение монастырей от прямых и косвенных налогов приобрело более широкий размах. Среди иммунитетных актов 1543 г., относящихся к монастырским селам и деревням, имеются, помимо несудимых, тарханные, обельные и льготные грамоты. Курс на увеличение податных привилегий монастырей, развивавшийся с весны 1543 г., достиг апогея летом, когда были выданы жалованные грамоты крупнейшим духовным кор-

[115] «Акты исторические, описанные И. М. Катаевым и А. К. Кабановым», № 1/26, 1/27.

порациям — Троице-Сергиеву и Иосифо-Волоколамскому монастырям. В марте 1543 г. обельную грамоту получил Московский Богоявленский монастырь [116]. В своей иммунитетной части эта грамота целиком копировала (за исключением некоторых добавлений к судебному разделу) грамоту Богоявленскому монастырю 1511 г. [117]: освобождение от дворцово-княжеских повинностей сочеталось в ней с отрицанием права монастырского пятна. В том же месяце правительство выдало жалованную грамоту с более существенными привилегиями Троицкому Махрищскому монастырю на его старинное сельцо Зеленцыно Переславского уезда [118]. По грамоте 1506 г. Зеленцыно пользовалось только судебными привилегиями [119]. Грамота 1543 г. предоставила этому селу освобождение от дани, мыта, тамги и других пошлин и повинностей. Однако ямские деньги, посошная служба и городовое дело не были в числе пошлин, уплата или исполнение которых отменялись. По мартовской грамоте 1543 г. вотчины Покровского Суздальского монастыря освобождались от ямских денег, посошной службы и податей [120].

В июне 1543 г. Иосифо-Волоколамский монастырь получил исключительно щедрую тарханную грамоту, освобождавшую его земли в Волоцком, Рузском и Тверском уездах от дани, ямских денег, посошной службы, городового дела, тамги, мыта и других податей и повинностей [121]. В декабре 1543 г. Симонов монастырь под благовидным предлогом постройки церкви выпросил себе жалованную грамоту. Она предоставляла монастырю право в течение двух лет не платить никаких государственных налогов и пошлин со всей вотчины [122]. По грамоте 1542/43 г. Савво-Сторожевский монастырь получил право не ставить наместничий двор в Звенигороде [123].

---

[116] ЦГИА, Книга копий Богоявленского м-ря, лл. 16 об.— 19 (указал С. Н. Валк).

[117] Никодим. Описание Московского Богоявленского монастыря. М., 1877, стр. 9—11.

[118] ГПБ, Собр. актов и грамот, № 1—124.

[119] Леонид. Махрищский монастырь.— «Чтения ОИДР», 1878, кн. 3, стр. 31—32, № 6.

[120] АИ, т. II, № 73.

[121] АФЗиХ, ч. II, № 171.

[122] ГИМ, Сим. кн. 58, по Москве № 62, лл. 239 об.— 240 об.

[123] ЦГАДА, ф. 1199, № 32, л. 13 об.; об аналогичном пожаловании Троице-Сергиеву монастырю см. ХП, I, № 458.

Но если льготы на монастырские села и деревни значительно варьировались, отличаясь друг от друга как объемом, так и долгосрочностью, то привилегии, касавшиеся городских дворов разных монастырей, имеют между собой большие черты сходства. В несудимой грамоте 1542/43 г. Комельскому монастырю на починки есть специальная статья, посвященная иммунитету монастырского двора в Вологде: «И с черными людьми им (т. е. монастырским людям.— *С. К.*) в тягло не тянути ничем» [124]. Таким образом, несудимая грамота закрепляла полную податную изолированность монастырского двора от посада. В мае 1543 г. муромским городовым приказчикам было велено отвести Владимирскому Рождественскому монастырю «место порожнее необрочное и нетяглое на приезд» [125].

В двух жалованных грамотах, выданных в августе и октябре 1543 г. Троице-Сергиеву монастырю на его дворы, содержалось освобождение от всех основных поземельных налогов: дани, ямских денег, посошной службы, посошного корма и всяких земских повинностей [126].

Следовательно, правительство Шуйских превращало монастырские дворы в белые «необрочные и нетяглые» места, противопоставляя их черному посадскому миру. Это соответствовало общей линии политики Шуйских, направленной на тесное сближение с влиятельными монастырями путем предоставления им широких податных привилегий [127].

В отношении правительства к судебному иммунитету не удается обнаружить ничего принципиально нового. Из юрисдикции грамотчиков исключались обычно две разновидности преступлений [128]. Только у Комельского монастыря, по примеру грамоты, пожалованной ему в 1539 г. [129], отнималось право суда и в делах о татьбе с поличным [130]. В 1543 г. можно наблюдать скорее некоторое увеличение судебного иммунитета монастырей. Не

---

[124] ХП, I, № 438.
[125] ЦГАДА, ГКЭ по Мурому, № 8/7740.
[126] ХП, I, № 455, 457.
[127] Наряду с иммунитетными привилегиями, выдавалась руга (ДАИ, т. I, № 33; ГПБ, Погод. 1911, лл. 1—2 об.).
[128] ГПБ, Собр. актов и грамот, № 1—123; ААЭ, т. I, № 200.
[129] Амвросий. Указ. соч., ч. III, стр. 283—286.
[130] Там же, стр. 286—295.

говоря уже об Иосифо-Волоколамском монастыре, юрисдикция которого была закреплена «опричь душегубства», существенно расширялись судебные права такой сравнительно мелкой духовной корпорации, как Троицкий Махрищский монастырь. Грамота этому монастырю 1506 г. на село Зеленцыно изымала из монастырской юрисдикции дела о душегубстве и разбое с поличным. Грамота 1543 г. передавала в руки наместников разбор тяжб лишь по вопросам душегубства.

Правительством Шуйских назначался обычно один срок явки в великокняжеский суд крестьян, принадлежавших иммунистам [131], за исключением Иосифо-Волоколамского монастыря, крестьяне которого по традиции вызывались в суд дважды. Подсудность настоятелей великому князю и его доверенным лицам оставалась во второй период правления Шуйских одним из непоколебимых принципов внутренней политики. Только в грамоте Иосифо-Волоколамскому монастырю, как и в грамотах, пожалованных ему ранее, этот принцип не был сформулирован. Правительство Шуйских, расширяя податной иммунитет, одновременно стремилось поставить духовные корпорации под свой контроль.

Во второй период правления Шуйских продолжалась начатая ими еще в 1538—1540 гг. выдача данных и тарханных грамот на сельские и городские земли. В число монастырей, добившихся освобождения своих владений от основных налогов и повинностей при посредстве тарханных и указных грамот, вошли главным образом корпорации, находившиеся в Суздальском и Переславль-Залесском уездах, где Шуйские, чьи родовые вотчины концентрировались в районе Шуи и Суздаля, завязали весьма тесные экономические и политические связи с местными феодалами.

Если в первый период правления Шуйских тарханные грамоты получали главным образом северные корпорации, а пожалования суздальско-переславским феодалам ограничивались льготными грамотами, то теперь положение несколько изменилось, и в ряд виднейших тарханников выдвинулись суздальско-переславские монастыри.

---

[131] ХП, I, № 438.

5. Изменения в иммунитетной политике в 1544—первой половине 1546 гг.

После переворота, проведенного 29 декабря 1543 г., к власти пришло боярское правительство, возглавлявшееся Воронцовыми. Воронцовы принадлежали к старому московскому боярству, они возвысились при Василии III и были его сподвижниками. Одним из важных мероприятий этого правительства явилась организация весной — летом 1544 г. писцового описания, которое охватило многие уезды русского государства и затянулось до 1545 г.[132]

Из сохранившихся от этого описания сотниц можно заключить, что деятельность писцов имела целью, во всяком случае, не закрепление податных привилегий иммунистов. Описывая в 1544 г. Суздаль, великокняжеские писцы приписали к посаду слободу Спасо-Евфимьева монастыря[133]. Была описана для обложения налогами слободка Тверского Отроча монастыря[134].

Наряду с попыткой путем писцовой переписи поставить под свой контроль монастырское землевладение, Воронцовы, подобно правительствам предшествующего периода, практиковали раздачу в монастыри вотчин, конфискованных у их политических противников. Вскоре после казни Андрея Шуйского с челобитьем к великому князю обратился настоятель Спасо-Евфимьева монастыря, просивший вернуть ему с. Петровское, проданное монастырем князю Андрею за 900 рублей. Правительство удовлетворило просьбу челобитчика, однако при этом были учтены интересы государевой казны, в которую монастырь обязывался внести 600 рублей, т. е. $^2/_3$ суммы, уплаченной Андреем Шуйским за купленное село[135]. Таким образом, правительство не отдало, как это делали Шуйские, а фактически продало на льготных условиях

---

[132] С. Шумаков. Сотницы, грамоты и записи, вып. 1. М., 1902, стр. 51—74, 132—137; П. Милюков. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб., 1892, стр. 162; «Чтения ОИДР», 1896, кн. 2, отд. «Материалы исторические», стр. 4—6; М. Рубцов. К материалам для церковной и бытовой истории Тверского края в XV—XVI вв. Старица, 1905, стр. 17—21; П. П. Смирнов. Указ. соч., т. I, стр. 106; АФЗиХ, ч. II, № 178, 179.

[133] П. П. Смирнов. Указ. соч., т. I, стр. 106.

[134] «Чтения ОИДР», 1896, кн. 2, отд. «Материалы исторические», стр. 4—6.

[135] ПРП, вып. IV, стр. 107.

село монастырю. В июне 1544 г. Калязин монастырь получил от правительства в Кашинском уезде с. Городище с деревнями, находившееся «за князем Олександром Борисовичем Горбатым» [136], родственником Шуйских. Аналогичное приобретение было сделано в 1544 г. Троице-Сергиевым монастырем [137].

Раздача земель в монастыри не достигла при Воронцовых широкого размаха. После крупных иммунитетных пожалований, наблюдавшихся в период правления Шуйских, бросается в глаза значительная скупость предоставленных монастырям податных привилегий.

Период с января 1544 до 21 июля 1546 г., когда Воронцовы имели преобладание в правительственном аппарате, представлен 53-мя великокняжескими жалованными грамотами, из которых 11 не сохранились, девятью указными и одной грамотой, выданной дворецким. Социальный состав грамотчиков расширился. 11 грамот получили светские феодалы, в основном помещики пограничных уездов, 3 грамоты касались привилегий и порядка управления на территории отдельных групп промыслового населения севера — канинских самоедов, жителей Слободского городка в Вятской земле и слободчика Ивана Новгородцева. Итого мы имеем 63 грамоты.

Для времени правления Воронцовых характерно почти полное отсутствие тарханных и обельных грамот. Только крупнейшему монастырю — Троице-Сергиеву, — в поддержке которого нуждалось великокняжеское правительство, была выдана в марте 1544 г. тарханная грамота на вотчины в разных уездах [138]. Монастырь получил эту грамоту по той причине, что в монастырских владениях «ограду каменну ставят» — строительство, имевшее большое значение для обороны государства (его начало относится еще к 1540 г.) [139]. Однако, судя по подтверждению грамоты в 1546 г., содержавшееся в ней освобождение от ямских денег и посошной службы, да и другие привилегии предполагалось сохранить лишь до окончания постройки ограды.

---

[136] «Сборник Муханова», изд. 2. М., 1866, № 129.
[137] «Покровский Хотьков девичий монастырь». М., 1854, стр. 12 (ХП, I, № 474).
[138] ГБЛ, Тр. кн. 528, № 288.
[139] ААЭ, т. I, № 190.

Трудно найти примеры пожалования в 1544—1545 гг. подобных привилегий другим монастырям. Освобождение от ямских денег вотчин Вычегодского Спасо-Преображенского монастыря на р. Сойге в 1545/46 г.[140] определялось, вероятно тем, что грамота была дана на дикий лес — совершенно неосвоенную землю. Вряд ли очень щедрой можно назвать льготную грамоту, выданную в мае 1545 г. Симонову монастырю на разоренные татарами соляные варницы и села. Срок освобождения от основных прямых налогов, указанный в ней, был крайне коротким — всего год[141]. Необходимость уплаты с монастырских вотчин главных поземельных податей четко констатируется в грамоте 1545 г. Антоньеву Сийскому монастырю на деревни и слободки в Двинском уезде: «А дань мою... и ямские денги и посошную службу и хлебной оброк... дают по книгам и по моим жаловалным грамотам»[142].

Исключительный интерес представляет жалованная грамота, посланная в марте 1545 г. игумену Иосифо-Волоколамского монастыря. В ней содержится прямое свидетельство о результатах писцового описания 1544 г. Игумен в своем челобитье указывал, что «с тех, деи, их сел и з деревень (имеются в виду вотчины Волоцкого, Клинского и Ржевского уездов.— *С. К.*) по сошному письму наряжают посошных людей в городы в украинные, и хлеба молотити и вести, и лесу возити и извести на Москву вести, на всякие делы людей с сох наряжати»[143]. Во всех предшествующих жалованных грамотах Иосифо Волоколамскому монастырю на владения в Волоцком, Тверском, Клинском и Ржевском уездах заключены как раз обратные постановления, ставившие Волоколамский монастырь в совершенно особое положение по сравнению с другими иммунистами[144]. Следовательно, исполнение натуральных повинностей в пользу государства — новость

---

[140] ЦГИА, ф. 834, оп. 2, № 1923, лл. 65—67 об.

[141] ЦГАДА, ГКЭ по Галичу, № 26/3356. В 1544 г. освобождение от податей на два года получил Московский Новоспасский монастырь вследствие того, что его села и слободка «опустели от ратных людей и от дороги» (ГБЛ, Румянц. кн. 52, лл. 52—53 об.).

[142] «Сборник грамот Коллегии экономии», т. I. Пг., 1922, № 109.

[143] АФЗиХ, ч. II, № 184.

[144] См., например, грамоты 1539 и 1543 гг. (АФЗиХ, ч. II, № 149, 171).

в вотчинах Волоколамского монастыря, которая могла иметь место только после описания 1544 г. [145]

Грамота 1545 г. не показывает, взимались ли с монастырских земель ямские деньги и другие платежи, потому что она обращена против злоупотреблений городовых приказчиков [146], не ведавших, судя по старым жалованным грамотам, сбором денежных платежей с сел и деревень Иосифо-Волоколамского монастыря. Сама грамота 1545 г. не отменяла порядок, сложившийся в результате писцового описания 1544 г. Она только предписывала городовым приказчикам принуждать монастырских крестьян к исполнению государственных повинностей, не игнорируя монастырские власти, а действуя через них. На основании этой грамоты можно сделать вывод, что описание, предпринятое правительством Воронцовых, привело к ликвидации существеннейших монастырских привилегий. Грамота 1544 г. Рязанскому Солотчинскому монастырю свидетельствует о необходимости уплаты податей с «живущего» [147].

Очень показательны некоторые распоряжения правительства относительно отбывания монастырскими крестьянами ямской повинности. В посыльной грамоте февраля 1545 г. белозерским городовым приказчикам, например, запрещалось наряжать крестьян Кирилло-Белозерского монастыря на белозерский ям, так как, согласно челобитью игумена, их обязанность — стоять на другом, Ворбозовском яму. Впрочем, не вполне доверяя челобитчику, составитель грамоты тут же оговорился: «А будет Кирилова монастыря хрестьяном велено по грамоте и по указу на обеих ямех с подводами стояти, и Кирилова бы монастыря сел хрестьяне на обеих ямех с подводами стояли по грамоте и по указу» [148]. Аналогичная грамота, только без последней оговорки, была послана в марте 1545 г. ямщикам ярославского Вокшерского яма насчет

---

[145] Есть сотная грамота 1544 г. на волоцкие села и деревни монастыря (АФЗиХ, ч. II, № 179).

[146] Злоупотребление это, выражавшееся в присылке в монастырскую вотчину приставов и всяких «присыльников», которые давали крестьян на поруки, было лишь следствием нарушения основных податных привилегий иммуниста.

[147] И. Добролюбов. Историко-статистическое описание церквей и мочастырей Рязанской епархии, т. I. Зарайск, 1884, стр. 237.

[148] ГПБ, Q — IV—113а, стр. 1657—1660.

исполнения ямской повинности крестьянами Спасского Ярославского монастыря, которые «с сох с подводами стоят и ямской двор делают на Романовском яму»[149].

Итак, правительство Ф. С. Воронцова, по-видимому, пыталось положить конец освобождению монастырских вотчин от главных поземельных налогов и предпринимало меры для ликвидации старых податных привилегий крупных феодалов. Особое внимание было обращено на монастырские слободы: некоторые из них писцы 1544 г. приписали к посаду (слободка Спасо-Евфимьева монастыря), другие в категорической форме принуждались к уплате государственных налогов (слободы Антоньева Сийского монастыря). Все это могло способствовать восстановлению союза великокняжеской власти с городами.

Наиболее щедрые жалованные грамоты 1544 — начала 1545 гг. предоставляли только временные (обычно краткосрочные) льготы духовным корпорациям. При Воронцовых льготные грамоты были выданы старинным московским монастырям: Симонову[150], Новоспасскому, Чудову[151] и Троице-Сергиеву, а также Московскому Успенскому собору[152]. Ориентация правительства на указанные монастыри не случайна. Воронцовы, принадлежа к старомосковскому боярству, были, по-видимому, тесными узами связаны с виднейшими московскими монастырями, в лице которых правительство стремилось найти союзников в борьбе за укрепление своей власти.

1544—1545 гг. отмечены выдачей ряда несудимых грамот светским феодалам — вотчинникам и помещикам. Грамоты, полученные светскими землевладельцами в этот период, свидетельствуют о стремлении правительства Воронцовых опереться на дворянство. Сравнительно с 1542—1543 гг., когда жалованные грамоты предоставлялись почти исключительно духовным корпорациям, в 1544 г. удельный вес жалованных грамот светским лицам в общей сумме выданных иммунитетных актов резко

[149] И. А. Вахрамеев. Указ. соч., № XIII; ср. также «Труды Рязанской ученой архивной комиссии», т. VI, № 3. Рязань, 1892, стр. 38, гр. 6.

[150] Кроме льготной грамоты, Симонов монастырь получил заповедную грамоту на рощи в разных уездах в 1544 г. (ГИМ, Сим. кн. 58, по Москве № 37, лл. 180—181).

[151] ГБЛ, Собр. ОИДР. Акты, картон 35, д. 6, л. 40, № 517, л. 47 об., № 63.

[152] ХП, II, № 843.

повысился. Судебный иммунитет помещиков и вотчинников укреплялся главным образом в южных районах страны [153], подвергавшихся набегам крымцев, а также в уездах, еще сохранявших черты прежней автономии (например, в Ярославском [154], где отдельными территориями правили удельные князья Мстиславские, Ржевском [155]

Политика покровительства городам выразилась в 1544—1545 гг. не только в отписании на великого князя монастырских слободок, в обложении городских владений иммунистов налогами, но и в усилении слободских корпоративных привилегий. Правительство Воронцовых способствовало возникновению новых слобод. Показательна в этом отношении грамота, полученная в марте 1545 г. Иваном Новгородцевым на рыбные ловли, пески, «сокольи и кречатьи садбища» в районе р. Печоры: «От пашенных людей и от двинских и от пенежских те речки и сокольи садбища отошли далече: верст за пятьсот и больши» [156]. Иван Новгородцев должен был «копить» на великого князя слободу, внося в казну оброком ежегодно по соколу и кречету, «а не будет кречата или сокола, ино за кречат или за сокол оброку рубль». Выдавая грамоту Ивану Новгородцеву, правительство стремилось содействовать как возникновению «государевой слободы», так и освоению северных районов страны.

В 1544—1545 гг. последовательно проводилось ограничение судебного иммунитета феодалов посредством изъятия из сеньориальной юрисдикции разбора дел о душегубстве и разбое с поличным [157].

Все это характеризует некоторые прогрессивные черты во внутренней политике правительства Воронцовых. Усиление централизованного государства в 1544—1545 гг. не замедлило отразиться и на его внешней политике. Казанский поход 1545 г. явился выражением

---

153 См., например, грамоту Ив. Иевлеву на владения в Тульском уезде («Акты Юшкова», № 143; ср. там же, № 144).

154 ДАИ, т. I, № 38, стр. 38. См. также грамоту от 25 мая 1545 г. Мих. Вас. Верхдеревскому на поместье в Рязанском уезде («Акты Юшкова», № 145).

155 ГБЛ, Собр. Отдела рукописей, № 914/41 (сообщил Б. Н. Флоря).

156 ХП, I, № 483.

157 «Акты Юшкова», № 143, 144; ЛОИИ, Собр. актов до 1613 г., № 1/156; «Сборник Муханова», изд. 2, № 129; ДАИ, т. I, № 38. Слобожане Ивана Новгородцева были подсудны наместникам в случаях душегубства, разбоя и татьбы с поличным.

широко задуманных после свержения правительства Шуйских планов укрепления России.

Что касается разновидностей грамот, то в период правления Воронцовых преобладающей формой пожалования монастырям податных привилегий стали льготные грамоты.

В конце 1545 — начале 1546 г., когда шла борьба между Воронцовыми и Глинскими, наметились изменения в отношении правительства к привилегиям монастырей. Стала отменяться, например, обязанность монастырских крестьян стоять на яму с подводами [158]. В феврале 1546 г. Кирилло-Белозерский монастырь получил щедрую тарханно-проезжую грамоту на провоз, куплю и продажу 10 000 пудов соли [159]. Подтверждение старых и выдача новых тарханных привилегий наблюдаются в июне—июле 1546 г. незадолго до казни Ф. С. Воронцова [160]. С начала мая до середины августа 1546 г. великий князь находился в Коломне, куда он отправился в связи с получением известий о готовившемся походе крымского хана на Коломну [161]. Период коломенского сидения Ивана IV ознаменовался рядом драматических событий, из которых важнейшим было окончательное падение правительства Воронцовых. Никоновская летопись рассказывает, что дьяк Василий Григорьев сын Захарова Гнилиев, бывший в приближении у великого князя, оклеветал перед ним князя Ивана Кубенского, Федора и Василия Воронцовых. 21 июля состоялась их казнь [162].

Выяснение политического лица дьяка Василия Григорьева имеет большое значение, ибо во второй половине 1546 г. выдача жалованных грамот находилась в его ведении. Выступление В. Григорьева летом 1546 г. как единичный факт мало показательно. Однако думается, что карьера этого дьяка тесно переплелась с борьбой против Воронцовых. Впервые Василий Григорьев оказывается на политической арене во время первой опалы Воронцовых, которая длилась с октября по декабрь 1545 г. [163] Самая ранняя грамота, подписанная В. Григорьевым,

[158] ХП, I, № 495, 505, 506.
[159] ЛОИИ, Собр. Шегрена, № 4.
[160] ХП, I, № 509, 511, 513.
[161] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 149.
[162] Там же.
[163] Там же, стр. 147.

датируется ноябрем 1545 г.[164] После ноября 1545 г. Василий Григорьев не упоминается в актах до сентября 1546 г.[165] В марте 1546 г., когда у власти еще были Федор Воронцов, Иван Кубенский и их сторонники, великокняжескую указную грамоту подписал другой дьяк — Макарий Федоров[166]. В мае 1546 г. жалованную грамоту Симонову монастырю подтвердил дьяк Яков Григорьев[167], а указную грамоту в Суздаль послал дьяк Третьяк[168].

Василий Григорьев был, конечно, лишь орудием в руках могущественной боярской группировки, возглавлявшейся, по-видимому, Глинскими. Поэтому периоды его возвышения или «приближения» к великому князю следует рассматривать как время преобладания этой враждебной Воронцовым группировки. Если В. Григорьев находился «в приближении» уже в июне — июле 1546 г., то, очевидно, серию иммунитетных грамот конца июня 1546 г. можно считать выданной лицами, сменившими затем правительство Воронцовых.

По подписям Василия Григорьева выясняются некоторые особенности политической ориентации поддерживавших его бояр. Все грамоты, подписанные В. Григорьевым, касаются Троице-Сергиева монастыря[169]. Учитывая, что Троицкий монастырь входил в число корпораций, пользовавшихся особыми привилегиями в годы правления Воронцовых, легко понять, насколько серьезное значение придавали Глинские борьбе за привлечение монастыря на свою сторону. Очевидно, в связи с этой борьбой стоит и смена игуменов в Троице-Сергиеве монастыре. Еще в марте 1545 г. троицким игуменом был управлявший монастырем при Воронцовых Никандр[170]. В ноябре

---

[164] ГБЛ, Тр. кн. 527, № 292.

[165] Там же, № 288.

[166] «Труды Вятской ученой архивной комиссии». Вятка, 1905, отд. III, стр. 87—89.

[167] ГИМ, Сим. кн. 58, по Москве № 38, лл. 181—183 об.

[168] ЦГАДА, ф. Спасо-Евфимьева монастыря, кн. 1, л. 520—520 об.

[169] Это главным образом общие грамоты, освобождающие всю монастырскую вотчину от различных податей и повинностей: ноябрьская грамота 1545 г. об освобождении троицких земель от поставки запасов для казанского похода (ГБЛ, Тр. кн. 527, № 292), грамота 1544 г., подписанная В. Григорьевым 25 сентября 1546 г. (там же, № 288). В. Григорьев подписал октябрьскую грамоту 1546 г. на переславские, радонежские и дмитровские села (ХП, I, № 518).

[170] ААЭ, т. I, № 203.

1545 г., в период первой опалы Воронцовых, или несколько раньше игуменство в Троицком монастыре перешло в руки Ионы [171]. Из пребывания великого князя в Коломне Троицкий монастырь извлек немалую выгоду, добившись выдачи ему 24 июня 1546 г. данной и тарханно-несудимой грамоты на коломенский двор [172]. Вообще же личное участие Ивана IV в выдаче жалованных грамот в этот период оставалось в большинстве случаев номинальным. В июне — августе 1546 г., когда Иван IV находился в Коломне, грамоты от его имени были выданы в Москве [173].

Успех Глинских в значительной мере объясняется тем, что они сыграли на неудачах восточной политики Воронцовых. Почти все иммунитетные грамоты периода коломенского сидения Ивана IV имеют, кажется, прямое отношение к схваткам между русским государством, с одной стороны, казанскими и крымскими татарами, с другой. Наиболее явно эта связь улавливается в июньской жалованной грамоте 1546 г. Троице-Сергиеву монастырю на двор в Коломне. Правительство считало, что, выдавая щедрую жалованную грамоту влиятельному монастырю на место в городе, находившемся под угрозой крымского набега, оно укрепляет здесь свои позиции. К тому же, внутреннее положение в Коломне было в это время неспокойным. Возникший там во время пребывания Ивана IV «мятеж» новгородских пищальников [174], видимо, навлек подозрения и на коломенских слобожан, с которыми пищальники, вероятно, общались. Поэтому великий князь, выселив отдельных слобожан, дал двор в пределах слободы Троице-Сергиеву монастырю, заручаясь, таким образом, его могущественной поддержкой в районе Коломны.

28 июня — 6 июля 1546 г. иммунитетные грамоты были предоставлены Кирилло-Белозерскому монастырю и Вологодской Глубокоезерской пустыни [175]. Сферой действия грамот являлись районы Углича, Вологды, Ваги и Каргополя.

---

[171] ГБЛ, Тр. кн. 527, № 292.
[172] ПРП, вып. IV, стр. 114—116.
[173] В. Г. Добронравов. Указ. соч., прил., стр. 23—24, № 7; ААЭ, т. I, № 208; ЦГАДА, ГКЭ по Костроме, № 43/5010.
[174] ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 448—449.
[175] ХП, I, № 512, 513.

Указная грамота углицким таможенникам подтверждала полученную Кирилло-Белозерским монастырем в начале 1546 г. жалованную тарханно-проезжую грамоту на беспошлинную покупку в Каргополе и продажу, «где будет пригоже», дополнительных 10 000 пудов соли. В грамоте запрещалось взимать весчее со второго монастырского судна, как это делали углицкие таможенники [176].

Глубокоезерская пу́стынь получила право на владение никем не занятыми займищами и диким лесом «на все стороны от монастыря по двенадцати верст» [177].

Грамоты Троице-Сергиеву монастырю и Глубокоезерской пу́стыни были тарханными: в них содержалось обеление от дани, ямских денег и всяких земских проторов и разметов. В грамоте Троицкому монастырю фиксировалось еще освобождение от посошной службы, но зато грамота принуждала монастырских людей к выполнению городового дела, имевшего очень важное значение для обороны южных рубежей.

6. Расцвет феодального иммунитета при Глинских. Новые ограничительные тенденции

Во второй половине 1546 г. состав правительства еще не был вполне устойчивым. Настоящими хозяевами положения Глинские стали в январе 1547 г. 26 июня они пали в результате московского восстания. За время с августа 1546 по 26 июня 1547 г. нам известно 40 иммунитетных грамот: жалованных 33 (духовным корпорациям 23 грамоты, из которых одна не сохранилась, светским лицам — 10), указных 7 (среди них одна указная грамота конюшего и одна указная грамота дьяка).

В августе — декабре 1546 г. мы еще не наблюдаем наплыва тарханных грамот, хотя обельные грамоты (не освобождающие от главных налогов) в это время выдаются [178].

Правительство Ивана IV обратило особое внимание на укрепление политических уз с Троице-Сергиевым и Симоновым монастырями. С 15 сентября по 12 декабря длилась поездка Ивана IV в Троице-Сергиев монастырь

[176] ГПБ, Q—IV—113а, лл. 1581—1583.
[177] ААЭ, т. I, № 208.
[178] ХП, I, № 518, 519.

и города к северо-западу от Москвы [179]. Великого князя сопровождал дьяк Василий Григорьев и, может быть, некоторые другие приближенные лица. В этот период Иван IV имел, очевидно, гораздо более непосредственное отношение к выдаче жалованных грамот, чем раньше: почти все они составлены там, где находился он сам. Уже 25 сентября была подтверждена до марта 1548 г. общая льготная грамота Троице-Сергиеву монастырю 1544 г.[180] 3 октября 1546 г., будучи в монастыре, Иван IV выдал игумену Ионе обельно-несудимую грамоту на сравнительно недавно приобретенные монастырем земли в Замосковских волостях Шерне, Корзеневе, Воре [181] и в Вышегородском стане Дмитровского уезда [182]. Все эти места близко подходили к уделу Владимира Андреевича Старицкого, владевшего некоторыми Замосковскими волостями (Раменейцем, Вохной).

Иван IV заботился об укреплении великокняжеского сюзеренитета над землями, расположенными недалеко от удельных территорий. Как показали последующие события, эта мера была достаточно предусмотрительной: уже в ноябре 1546 г. Владимир Старицкий стал усиленно распространять свое влияние в Замосковских волостях [183]. Активное стремление Владимира Андреевича заручиться поддержкой верейских феодалов [184] стимулировало Ивана IV усилить свои позиции в соседнем с Вереей Боровском уезде. В великокняжеской указной грамоте, посланной 8 октября 1546 г. на один из ямов Боровского уезда, запрещалось нарушать жалованную грамоту Московскому Архангельскому собору [185]. Политическое значение октябрьской грамоты 1546 г. Троице-Сергиеву монастырю усугублялось тем обстоятельством, что она касалась

[179] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 129.
[180] ГБЛ, Тр. кн. 527, № 288.
[181] В грамоте 1546 г. Шерна названа станом Переславского уезда, а Корзенево и Воря — станами Радонежского уезда.
[182] ЦГАДА, ГКЭ по Переславлю-Залесскому, № 140/8864.
[183] ХП, I, № 522.
[184] Еще в июне 1546 г. он послал в Верею указную грамоту об освобождении крестьян троицкой волости Илемны на год от обязанности стоять на яму с подводами (ААЭ, т. I, № 207). В ноябрьской указной грамоте 1546 г. Владимир Андреевич предписывал заменить сбор податей с симоновского села Дикого Вышегородского уезда взиманием оброка (ГИМ, Сим. кн. 58, по Москве № 52, л. 206—206 об.).
[185] ЛОИИ, Собр. Лихачева, № 61/1.

главным образом бывших владений Тимофея Замятни, приверженца Шуйских, получившего от них в 1538 г. жалованную грамоту на деревни, перечисленные в грамоте 1546 г.[186]

Находясь в ноябре 1546 г. в Великом Новгороде, Иван IV, очевидно, имел случай убедиться в наличии среди новгородских феодалов сторонников князей Шуйских и удельного князя Владимира Андреевича Старицкого. Поэтому он поспешил удовлетворить челобитье троицких властей, выдав 19 ноября жалованную грамоту Троице-Сергиеву монастырю на с. Бужарово в Переславль-Залесском уезде[187], являвшемся одной из наиболее значительных сфер влияния князей Шуйских.

Принципы иммунитетной политики Ивана IV в период его осенней поездки 1546 г. существенно отличались от основ политики боярских временщиков. Как октябрьская, так и ноябрьская грамоты не предоставляли Троице-Сергиеву монастырю земельных владений и тарханных привилегий. Октябрьская грамота содержала обеление лишь от дворцово-княжеских повинностей и земских разметов, в ноябрьской грамоте освобождение от дани, ямских денег, городового дела и посошной службы ограничивалось двухлетним сроком. Продление льготы, заключенной в грамоте 1544 г., до 1548 г. тоже было скорее ограничением иммунитетного акта, чем новым пожалованием, так как в грамоте 1544 г. не имелось никаких конкретных указаний относительно срока ее действия.

К троицким грамотам приближалась по своему характеру грамота, выданная 5 октября 1546 г. Симонову монастырю казначеями Ив. Ив. Третьяковым и Фед. Ив. Сукиным, очевидно, в отсутствие Ивана IV[188]. Разрешая неуплату дани, мыта и тамги с монастырских слободок в Любиме и Буе-городе, грамота вместе с тем предписывала давать ямские деньги, исполнять посошную службу и городовое дело[189]. С политической точки

---

[186] ГБЛ, Тр. кн. 534, по Москве № 43, л. 14.
[187] ХП, I, № 523.
[188] Место выдачи грамоты не указано, но к грамоте привешена красновосковая печать; между тем Иван IV в период своей осенней поездки 1546 г. запечатывал грамоты «путной» печатью на черном воске.
[189] ХП, I, № 519.

зрения эта грамота била в ту же цель, что и августовская жалованная грамота Симонову монастырю[190]: она усиливала позиции правительства в районе, игравшем особую роль в обстановке напряженных отношений между Москвой и Казанью. В начале октября эти отношения чрезвычайно накалились вследствие принятия русским правительством на службу в последних числах сентября 76 казанских князей, выехавших из Казани[191].

В прямой связи с походом князя Ал. Бор. Горбатого в страну черемисов в декабре 1546 г.[192] стоит выдача 23 декабря данной и несудимой грамоты Троице-Сергиеву монастырю на деревни в волости Стрелице Нижегородского уезда[193]. Этот акт заметно расширил троицкое землевладение в Нижегородском уезде за счет оброчных деревень нижегородских бортников и поместной деревни Лихоревой. Причем Троицкий монастырь приобрел право не платить оброк с бортных деревень, так как они были пожалованы ему «с оброком, что шло с тех деревень оброку медом за мою, великого князя, дань».

В истории тарханов видное место занимает отрезок времени с января 1547 г., когда состоялось венчание Ивана IV на царство, до июньского восстания в Москве. В этот период главные правительственные посты более прочно, чем в конце 1546 г., захватили Глинские. Выдача жалованных и указных грамот также сосредоточилась в их руках. Иммунитетную грамоту от 20 января 1547 г., например, выдал сам боярин и конюший М. В. Глинский[194]. В великокняжеских иммунитетных грамотах первой половины 1547 г. затрагиваются три комплекса территорий: во-первых, сфера влияния Шуйских в центральных районах к востоку от Москвы (Суздальский уезд, часть Владимирского, Дмитровского и Стародуб-Ряполовского уездов); во-вторых, северная окраина (Новгородский, Псковский, Вологодский, Ярославский, Устюжский уезды) и Тверской уезд; в-третьих,

---

[190] ХП, I, № 514; С. М. Каштанов. Феодальный иммунитет в годы боярского правления (1538—1548 гг.).— «Исторические записки», т. 66, стр. 259—261.
[191] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 149.
[192] Там же.
[193] ГБЛ, Тр. кн. 518, лл. 13—14 об.
[194] РИБ, т. 32, № 165.

южная окраина (Рязанский, Каширский, Тульский уезды).

Особенно большое внимание было уделено суздальским феодалам, среди которых на первом месте оказались монастыри Спасо-Евфимьев[195] и Покровский девичий[196]. Их вотчины освобождались от различных государственных податей и повинностей, в том числе и от главных. Суздальским городовым приказчикам запрещалось брать ямские деньги и посошных людей также с села вдовы князя В. И. Шемячича — старицы Евфимьи Шемячичевой[197]. Самое привилегированное положение суздальские феодалы заняли в январе — начале марта 1547 г., т. е. в период упрочения власти Глинских после ликвидации враждебных группировок. Очевидно, поддержка крупных суздальских вотчинников была необходима Глинским для нейтрализации князей Шуйских, являвшихся их главными политическими противниками (не случайно в погоню за М. В. Глинским, пытавшимся бежать в конце 1547 г. в Литву, был послан князь П. И. Шуйский)[198].

Если в грамотах суздальским феодалам имелись в виду земли Суздальского, Владимирского, Костромского и Стародуб-Ряполовского уездов, то дмитрово-кашинские и тверские владения получили привилегии в грамотах Троице-Сергиеву[199], Никольскому Песношскому[200], Тверскому Отмицкому[201] и Кирилло-Белозерскому[202] монастырям. Кирилло-Белозерский монастырь, к тому же, добился некоторых льгот для своих вологодских владений[203]. Из северных корпораций именно он оказался в центре внимания правительства. Кроме него, иммунитетные грамоты на северные земли получили Никольский

---

195 ЦГАДА, ф. Спасо-Евфимьева м-ря, кн. 1, лл. 417—419 об.; АИ, т. I, № 148.

196 «Акты исторические, описанные И. М. Катаевым и А. К. Кабановым», № 1/28, 1/29.

197 АИ, т. I, № 145.

198 ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 155.

199 ЦГАДА, ГКЭ по Дмитрову, № 68/3780.

200 К. Ф. Калайдович. Указ. соч., стр. 110—115.

201 «Тверские губернские ведомости», 1854, № 50, часть неофициальная, стр. 153—154, гр. 4; ср. там же, стр. 153, гр. 2 (Афанасьевскому девичьему монастырю).

202 ГПБ, Q—IV—113б, лл. 727—732.

203 РИБ, т. 32, № 165.

Коряжемский монастырь[204], пустыни Вассианова Строкина[205], Александра Свирского[206], устюжские церкви Рождественская и Никольская[207].

С марта 1547 г. главное внимание правительства было перенесено с суздальских феодалов на южных. Опасная внешнеполитическая обстановка требовала усиления правительственных позиций в среде феодалов южной окраины. Крупнейшие податные, таможенные и судебные привилегии здесь получил Каширский Троицкий Белопесоцкий монастырь[208]. Ряд несудимых грамот был выдан южным помещикам[209].

Предоставление щедрых тарханных грамот духовным феодалам не смогло спасти правительство Глинских от взрыва классовой борьбы, ярче всего проявившегося во время июньского восстания 1547 г. в Москве. Одна жалованная грамота, выданная 28 июня 1547 г., уже после падения правительства Глинских, имеет, кажется, некоторое отношение к мероприятиям феодальной верхушки, направленным на подавление московского восстания. Грамота показывает, что московское восстание имело широкий отклик в близлежащих районах как Московского, так и Дмитровского и Звенигородского уездов. Недаром в этом акте, выданном в условиях не совсем затихшего восстания в Москве, Троице-Сергиеву монастырю разрешалось преследовать крестьян и городских людей, секущих монастырские рощи в названных уездах, и приводить пойманных в великокняжеский суд. Троицкий монастырь получал, таким образом, возможность, защищая собственные интересы, активно бороться с нарушителями феодального правопорядка.

Рассматриваемый акт был выдан уже новым правительством: грамоту «приказал» дворецкий Данило Романович Юрьев[210].

---

[204] ЛОИИ, Собр. Коряжемского м-ря, № 6.
[205] АИ, т. I, № 147.
[206] ЛОИИ, Актовые книги, описанные Б. Д. Грековым, № 27, лл. 36 об.—42 об.
[207] М. Островская. Земельный быт сельского населения русского Севера в XVI—XVIII веках. СПб., 1913, стр. 315—316, прим. 2.
[208] ЦГАДА, ГКЭ по Кашире, № 7/5769, 9/5771; ГБЛ, Тр. кн. 535, лл. 628—629 об.
[209] «Акты Юшкова», № 154—158.
[210] ГБЛ, Тр. кн. 527, № 295.

Очевидно, Романовы-Юрьевы, ближайшие родственники царя по жене, занимали руководящее положение в правительстве в течение периода с московского восстания до марта 1548 г. и еще позднее сохраняли свои посты. В жалованных грамотах этого времени встречаются подписи упомянутого Данилы Романовича[211] и Василия Михайловича[212] Юрьевых. Вполне допустима также точка зрения А. А. Зимина о приближении к власти Шуйских в 1548 г. Возможно, после попытки бегства М. В. Глинского в Литву Шуйские, действительно, делили власть с Романовыми-Юрьевыми.

Иммунитетных грамот, выданных великокняжеским правительством с июля 1547 г. до февраля 1548 г. включительно, нам известно 29: жалованных 23 (духовным корпорациям 18, из которых одна не сохранилась, светским лицам 5), указных 6. В течение второй половины 1547 г. выдача иммунитетных грамот была связана с задачей подавления классовой борьбы в центральных уездах. Распространение изучаемых источников по уездам, непосредственно окружавшим Москву и Московский уезд, дает интересные и новые доказательства того факта, что московское восстание — лишь наиболее яркая вспышка развернувшегося гораздо шире народного движения.

Особенно редким в истории жалованных грамот явлением была выдача значительного числа грамот на московские земли. В Московском уезде разные привилегии получили Троице-Серьгиев[213], Савво-Сторожевский[214], Симонов[215] монастыри, попы дворцовых сел[216]. Интересно, что в грамотах Симонову и Савво-Сторожевскому монастырям, касающихся московских вотчин, основное внимание, как и в троицкой грамоте, обращено на борьбу с нарушителями прав феодальной собственности — с порубщиками.

Кроме Московского уезда, в это время наблюдается пристальный интерес правительства к соседним Переславль-Залесскому, Дмитровскому, Кашинскому, Углицкому, Рузскому, Звенигородскому уездам. Грамоты

---

[211] ХП, I, № 549, 556, 559, 584.
[212] Там же, № 563.
[213] ГБЛ, Тр. кн. 527, № 295.
[214] ЦГАДА, ГКЭ по Звенигороду, № 17/4691.
[215] ААЭ, т. I, № 216.
[216] АИ, т. I, № 149.

выдавались в основном монастырям (Троице-Сергиеву[217], Переславскому Данилову[218], Дмитровскому Песношскому[219], Углицкому Афанасьевскому[220], Савво-Сторожевскому[221]). Те же территории фигурируют в жалованных грамотах другим феодалам — митрополичьему дому (проезжая на провоз рыбы от Нижнего Новгорода до Москвы) [222], князю М. И. Кубенскому (тарханно-несудимая на село в Дмитровском уезде) [223], помещикам Рахманиновым (несудимая на поместье в Дмитровском уезде)[224].

Иммунитетные грамоты позволяют выделить и другой район большого обострения классовой борьбы в это время — Новгород и Новгородскую землю. Исключительная формула о безурочной поимке лихих людей, широко проникшая в жалованные грамоты новгородским монастырям 1547—1548 гг., является характерным свидетельством активизации антифеодального движения в Новгородской земле. Иммунитетные грамоты во второй половине 1547 г. получили монастыри Соловецкий (на двор в Новгороде[225], торговые экспедиции и земли в Новгородском и Двинском уездах[226]) и Троице-Сергиев (на село в Новоторжском уезде[227]).

Таким образом, при помощи иммунитетных грамот правительство Романовых-Юрьевых пыталось заручиться поддержкой большого круга феодалов в центральных уездах и в Новгородской земле для подавления чрезвычайно бурно развернувшейся в это время социальной борьбы.

В январе — феврале 1548 г. грамоты выдавались почти исключительно на земли в южных и восточных

---

[217] ГПБ, Собр. актов и грамот, № 1—130.
[218] В. Г. Добронравов. Указ. соч., прил., стр. 24—25, № 8.
[219] К. Ф. Калайдович. Указ. соч., стр. 116.
[220] ЦГАДА, ф. Канцелярии Сената, кн. 192, л. 259.
[221] ЦГАДА, ГКЭ по Звенигороду, № 17/4691.
[222] АФЗиХ, ч. I, № 244.
[223] ААЭ, т. I, № 215.
[224] «Акты Юшкова», № 159.
[225] ЛОИИ, Солов. 136, лл. 143—144, № 26.
[226] Досифей. Указ. соч., ч. III, стр. 7—17.
[227] ЦГАДА, ГКЭ по Торжку, № 4/12046; см. также грамоты октября 1547 г. Торопецкому Троицкому (ЦГИА, ф. 834, оп. 3, № 1919, л. 20—20 об.) и декабря 1547 г. Корельскому Николаевскому (ХП, II, № 640) монастырям.

уездах (Рязанском, Тульском, Каширском, Коломенском, Муромском, Балахонском)[228]. Укрепление южных и восточных окраин было необходимо в условиях подготовки и проведения казанских походов.

Заметный, хотя еще и не радикальный, поворот в правительственной политике в отношении иммунитета произошел весной 1548 г. И. И. Смирнов удачно выделил март 1548 г. как веху в истории состава русского правительства. Проанализировав список лиц, которым предназначались подарки новгородского архиепископа, он пришел к выводу, что уже в это время в правительство входили Ф. Г. и А. Ф. Адашевы, а боярский состав правительства изменился в сторону увеличения удельного веса нетитулованного боярства (в первую очередь царской родни)[229].

За март — декабрь 1548 г. нам известна 21 великокняжеская иммунитетная грамота: жалованных 17 (духовным корпорациям 14, из которых две не сохранились, светским лицам 3, из которых одна не сохранилась), указных 4. Грамоты охватывают центральные и северные уезды русского государства.

Выданная 19 марта 1548 г. общая жалованная грамота Кирилло-Белозерскому монастырю на все вотчины не содержала податных освобождений[230]. Прекращавшая свое действие 17 марта 1548 г. общая тарханная грамота Троице-Сергиеву монастырю не была подтверждена[231]. Возможно, в порядке компенсации Троицкий монастырь получил 6 апреля 1548 г. очень щедрую тарханную грамоту на дворовое место и деревню в Двинском уезде[232]. При всей щедрости этого пожалования оно, конечно, ни в коей мере не было эквивалентной

---

228 ХП, I, № 570—574.

229 И. И. Смирнов. Очерки политической истории Русского государства. М.— Л., 1958, стр. 169—179. Показательно, что в ноябре 1548 г. (а вероятно, и несколько раньше) углицким дворецким был Ф. Г. Адашев (А. А. Зимин. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в.— «Исторические записки», т. 63, стр. 197). Должность углицкого дворецкого имела особое значение в силу того, что Углич (вместе с некоторыми другими территориями) формально принадлежал брату Ивана IV — Юрию.

230 ЛОИИ, Собр. Шегрена, № 6.

231 ГБЛ, Тр. кн. 527, № 288.

232 «Сборник грамот Коллегии экономии», т. II. Л., 1929, № 118а.

платой за утрату льготного статуса основным комплексом троицких вотчин. Наиболее ярко поворот в иммунитетной политике сказался на характере подтверждения 14 апреля 1548 г. тарханно-оброчных грамот 1547 г. Никольскому Песношскому и Тверскому Отмицкому монастырям, освобождавших монастырские владения от ямских денег и других податей в счет уплаты оброка [233]. В апрельских подтвердительных подписях 1548 г. отменялся перевод податей на оброк и формулировался принцип взимания ямских денег данщиками «с сох... по розводу, по чему которого году иметца на соху». Однако этот случай ограничения податного иммунитета был для 1548 г. явлением исключительным, никаких других следов пересмотра старых тарханных грамот в 1548 г. мы не находим [234].

Зато после апреля 1548 г. не наблюдается широкой выдачи новых тарханных грамот. Лишь относящиеся к июлю 1548 г. жалованные грамоты Вологодскому Глушицкому [235] и Костромскому Корнилиеву [236] монастырям содержали освобождение от яма. Возможно, какие-то податные привилегии содержали несохранившиеся грамоты Московскому Новодевичьему (ноября 1548 г.) [237] и Спасо-Евфимьеву (1548/49 г.) [238] монастырям. Прави-

---

[233] К. Ф. Калайдович. Указ. соч., стр. 110—116, № III—IV; «Тверские губернские ведомости», 1854, № 50, часть неофициальная, стр. 153—154, гр. 4.

[234] В сентябре 1548 г. Иван IV подтвердил несудимую грамоту 1510 г. Верхнеостровскому Петропавловскому монастырю Псковского уезда (С. М. Каштанов. Две жалованные грамоты 1510 года псковским монастырям.— «Записки отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина», вып. 24. М., 1961, стр. 256). Это подтверждение, обусловленное в значительной мере внешнеполитическими обстоятельствами (там же, стр. 244—245), не стоит в связи с попытками ограничения податного иммунитета. Упоминаемое В. Шульцем подтверждение двух троицких грамот 1485 г. в «1548» г. (W. Schulz. Die Immunität im Nordöstlichen Russland des 14. und 15. Jahrhunderts.— «Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte», Bd. 8. Berlin, 1962, S. 253) в действительности имело место в 1549 г. (АСЭИ, т. I, № 517—518).

[235] Амвросий. Указ. соч., ч. III. М., 1811, стр. 714—723.

[236] ЦГАДА, ГКЭ по Костроме, № 47/5014.

[237] П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины. М.— Л., 1950, стр. 455—461.

[238] «Описная книга Спасо-Евфимьева м-ря».— «Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета». Владимир, 1878, стр. 48.

тельство 1548 г. соблюдало большую осторожность в вопросах иммунитетной политики. Исподволь подготавливая борьбу с податными привилегиями крупных землевладельцев, оно тем не менее прислушивалось к их жалобам на незаконные действия местных властей, пытавшихся собирать подати с монастырских вотчин. Так, в июне 1548 г. правительство послало указную грамоту можайским городовым приказчикам, от которых потребовало ненарушения льготной грамоты Симонову монастырю [239]. В августе 1548 г. аналогичная указная грамота была отправлена боровскому городовому приказчику, незаконно взявшему ямские деньги с троицких крестьян за льготный для них 1547 год [240].

Следовательно, хотя в политике 1548 г. можно видеть некоторые элементы ограничения распространенной в 1547 г. практики отарханивания, тем не менее ее еще нельзя считать началом систематической борьбы с исключительными податными привилегиями феодалов-иммунистов.

Если попытаться дать общую характеристику грамотам 1547—1548 гг., то придется признать их комплексом наиболее щедрых иммунитетных актов первой половины XVI в. Грамоты первых месяцев 1547 г. разрешали неуплату податей с сел Суздальского Покровского монастыря [241], с дворов, слободок и сел Спасо-Евфимьева монастыря [242]. Такие же щедрые тарханные грамоты получили Троице-Сергиев [243], Кирилло-Белозерский [244], Троицкий Белопесоцкий [245] монастыри, пустынь Александра Свирского [246]. В одной указной грамоте 1547 г. было велено обелить от податей двор Соловецкого монастыря в Новгороде [247].

Наряду с привилегиями на вотчины, духовные корпорации добивались выдачи им щедрых тарханных грамот на провоз, куплю и продажу товаров. В 1546 г.

---

[239] ГИМ, Сим. кн. 58, по Можайску № 5, лл. 523 об.— 524.
[240] АТН, вып. II, № 14.
[241] ХП, I, № 526, 527.
[242] Там же, № 534, 537.
[243] Там же, № 538.
[244] Там же, № 536; ср. № 576, 582, 592.
[245] Там же, № 545.
[246] Там же, № 542.
[247] Там же, № 557.

такую грамоту получил Кирилло-Белозерский монастырь. Правительство предоставило ему право беспошлинно продавать и покупать ежегодно в разных городах 20 000 пудов соли[248]. Тарханно-проезжие грамоты в 1547 г. были выданы Троицкому Белопесоцкому[249], Соловецкому[250] и другим монастырям.

Мелкие, недостаточно влиятельные духовные корпорации и в этот период не во всех случаях освобождались от податей. Так, крестьяне Вассианской пустыни Каргопольского уезда были принуждены выполнять главные государственные повинности[251]. С вотчин Никольского Песношского монастыря разрешалось не платить дань, ямские деньги и другие подати при условии внесения оброка в государеву казну[252]. Политика щедрого обеления монастырских вотчин от главных налогов проводилась и в 1548 г. Тарханные грамоты были получены в 1548 г. Троице-Сергиевым[253], Троицким Белопесоцким[254], Глушицким[255] монастырями.

Наряду с расширением податного иммунитета, правительство резко увеличило объем вотчинной юрисдикции монастырей. В грамоте 1547 г. Коряжемскому монастырю наместникам не разрешалось судить население монастырских дворов и слободок «ни в чем»[256]. Согласно грамоте 1547 г. Спасо-Евфимьеву монастырю, монастырь судил своих людей и крестьян «во всем», «опричь душегубства»[257]. Примеры подобного увеличения объема судебной власти монастырей не единичны.

Иммунитетная политика правительств 1547—1548 гг., очевидно, была связана с резким усилением социально-политической борьбы в русском государстве второй половины 40-х годов XVI в. Боярские правительства выбрали наиболее легкий путь укрепления своей власти — путь тесного сближения с монастырями. Предо-

---

[248] ХП, I, № 511.
[249] Там же, № 541.
[250] Там же, № 560.
[251] Там же, № 532.
[252] Там же, № 543, 551.
[253] Там же, № 554, 555, 566, 571.
[254] Там же, № 573.
[255] Там же, № 583.
[256] ЛОИИ, Собр. Коряжемского м-ря, № 6.
[257] ЦГАДА, ф. Спасо-Евфимьева м-ря, кн. 1, лл. 417—419 об.

ставляя монастырям широкие податные и судебные привилегии, правительства одновременно давали им право посылать крестьян в великокняжеский суд только один раз в году. Ограничения касались лишь упомянутого выше суда над «лихими людьми».

В грамоте Ивана IV, пожалованной 28 января 1547 г. Никольскому Коряжемскому монастырю, говорилось, что данный пристав вызывает монастырских крестьян в суд к царю один раз в год, «опричь тех дел, что есми приказал бояром своим обыскивати лихих людей, татей и розбойников; а каково будет слово лихое взговорят в татбе и в розбое, и яз, царь и великий князь, по тех людей пошлю пристава з записью»[258]. Жалованная грамота 1548 г. Новодевичьему монастырю, содержавшая подобную же статью, устанавливала подсудность «лихих людей» самому царю или дворецкому Большого дворца[259]. Аналогичная формула находится в грамоте 1548 г. Корнилиевой пустыни[260] и некоторым другим корпорациям. На основании этих статей можно судить о высоком подъеме волны народного возмущения боярскими временщиками в конце 40-х годов XVI в.

Вследствие весьма интенсивного роста монастырских привилегий в 1546—1548 гг. чрезвычайно осложнился формуляр жалованных тарханных грамот. К многочисленным статьям, фиксировавшим освобождение от различных повинностей и от власти судебных агентов правительства, прибавились с 1547 г. статьи, регулировавшие отношения монастырских вотчин с митрополичьей кафедрой. Правительство стремилось к ограничению митрополичьей юрисдикции. В великокняжеские жалованные грамоты монастырям стали попадать разделы, которые фактически заменяли собой митрополичьи иммунитетные акты, освобождавшие духовных лиц, живших в монастырских вотчинах, от кафедральных пошлин и суда. Это, очевидно, свидетельствует о серьезных столкновениях, имевших место в отношениях между боярскими временщиками и митрополитом Макарием.

Причины расширения феодального иммунитета в полной мере не выяснены. Элементы разорения отдельных

---

[258] ЛОИИ, Собр. Коряжемского м-ря, № 6.

[259] Эта грамота дошла в пересказе грамоты 1573 г. (П. А. Садиков. Указ. соч., Документы, № 19).

[260] ХП, I, № 584.

территорий, появившиеся уже в 20-х годах XVI в.[261] и ставшие более заметными во второй половине 30—40-х годов[262], очевидно, являлись немаловажной предпосылкой выдачи льготных и тарханных грамот. Может быть, и рост закрепощения крестьянства ставил правительство перед необходимостью усиливать экономическую и политическую власть феодалов в пределах их владений. Развитие социального движения и борьба с уделами также входили в комплекс факторов, определявших иммунитетную политику. Наконец, непрочность положения боярских временщиков облегчала борьбу влиятельных феодалов за получение новых привилегий.

Однако в период боярского правления тенденция к отступлению от ограничительных принципов иммунитетной политики получила лишь наиболее полное раскрытие. Сама же эта тенденция не является чем-то новым. Она наблюдалась уже в политике Василия III и Елены Глинской. Уровень социально-экономического и социально-политического развития страны не позволял последовательно осуществить заветы Ивана III.

---

[261] С. А. Шумаков. Обзор грамот Коллегии экономии, вып. III. М., 1912, стр. 92, № 308; АФЗиХ, ч. I, № 90, стр. 88—89 и др.

[262] ГБЛ, Тр. кн. 528, № 288; Румянц. кн. 52, лл. 52—53 об.; ХП, I, № 488 и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги исследованию социально-политической истории России конца XV — первой половины XVI в., мы останавливаемся перед загадкой попятного движения от унифицированных норм иммунитета 90-х годов XV в. к богатой практике широких иммунитетных пожалований 40-х годов XVI в. Конечно, содержанием этого процесса не было возрождение иммунитета в объеме, свойственном эпохе феодальной раздробленности. С одной стороны, шло всеобщее ограничение старинных судебных и податных прав феодалов. С другой стороны, все чаще и чаще делались исключения из этого правила.

Бросается в глаза и неодинаковость судеб церковно-монастырского и светского иммунитетов. Унификация и ограничение (хотя и неполные) иммунитета светских феодалов сочетались с расширением иммунитета крупных духовных землевладельцев. Причины этого явления кроются в специфике экономической и политической роли церкви в России, восторжествовавшей после разгрома реформационно-гуманистического движения конца XV в. и укреплявшей свое хозяйство на почве тесной связи с рынком.

Жалованные и указные грамоты показывают политику правительства в действии, т. е. применение общих принципов к конкретным территориям, лицам и группам населения.

Изучение иммунитетных грамот первой половины XVI в. подводит нас к пониманию того, почему правительство Избранной Рады оказалось перед необходимостью начать столь решительную борьбу за ликвидацию монастырских привилегий и даже внесло в Судебник 1550 г. статью об отмене тарханов. В годы боярской

реакции феодальный (главным образом монастырский) иммунитет расширился до такой степени, что централизаторское правительство не могло далее терпеть подобное положение вещей. Однако чем кончились попытки вновь ограничить и унифицировать иммунитет в середине XVI в., показала последовавшая опричнина. Такой зигзагообразный путь развития иммунитета определялся в конечном счете противоречивым характером эволюции феодализма в России. Формирование сословного строя происходило здесь на базе возникавшего крепостничества, но при сохранении политических институтов феодального строя. Попытка втиснуть новые крепостнические отношения в рамки старых политических институтов способствовала, с одной стороны, разложению самих этих институтов (в том числе и иммунитета), придавая им частноправовой характер, с другой стороны, оформляла элементы частной собственности в виде политических привилегий.

В XVI в. этот процесс образования сословного строя находился на ранней стадии, когда прежний иммунитет различных землевладельцев и корпораций еще не мог превратиться в общесословное право. В развитии иммунитетной политики побеждали поэтому то тенденции, предвосхищавшие абсолютизм (унификация и строгое ограничение иммунитета), то другая линия, которая была обусловлена сохранением экономической раздробленности страны и незавершенностью процесса политической централизации.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Архивы и архивные собрания

ГАВО — Государственный архив Владимирской области
ГАКО — Государственный архив Калининской области
ГБЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в Москве
ГИМ — Отдел рукописей Государственного исторического музея в Москве
ГКЭ — Грамоты Коллегии экономии в ЦГАДА
ГПБ — Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде
ЛОИИ — Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР
ОЛДП — Собрание Общества любителей древней письменности в ГПБ
ОПИ — Отдел письменных источников ГИМ
Патр.— Патриаршее собрание в ГИМ
ПДСЛ — Приказные дела старых лет в ЦГАДА
Погод.— Собрание («Древлехранилище») Н. П. Погодина в ГПБ
Румянц.— Собрание Н. П. Румянцева в ГБЛ
Сим.— ф. Симонова монастыря в ГИМ
СПб. Д/А — Собрание рукописей Санкт-Петербургской духовной академии в ГПБ
Тр.— ф. Троице-Сергиева монастыря в ГБЛ (ф. 303)
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов в Москве
ЦГА г. Москвы — Центральный государственный архив г. Москвы
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде.

Издания

ААЭ — «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук», т. I. СПб., 1836; т. III. СПб., 1836.
АГР — «Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России». Собрал и издал А. Федотов-Чеховский, т. I. Киев, 1860.
АЗР — «Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею», т. II. СПб., 1848.

АИ — «Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею», т. I, II. СПб., 1841.

«Акты Юшкова» — «Акты XIII—XVII веков, представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества». Изданы Александром Юшковым. М., 1898.

АСЭИ — «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.», т. I. М.— Л., 1952; т. II. М.— Л., 1958; т. III. М.— Л., 1964.

АТН — «Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве», изданные М. Дьяконовым, вып. II. Юрьев, 1897.

АФЗиХ — «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков», ч. I. М., 1951; ч. II. М., 1956; ч. III. М., 1961.

АЮ — «Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства». СПб., 1838.

АЮБ — «Акты, относящиеся до юридического быта древней России», т. I. СПб., 1857; т. II. СПб., 1864; т. III. СПб., 1884.

ГВНиП — «Грамоты Великого Новгорода и Пскова». М.—Л., 1949.

ДАИ — «Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею», т. I. СПб., 1846.

ДиДГ — «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.». М.— Л., 1950.

ЖМЮ — «Журнал Министерства юстиции».

Зверинский — В. В. Зверинский. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, т. I. СПб., 1890; т. II.-СПб., 1892; т. III. СПб., 1897.

Кабанов — «Материалы по истории Нижегородского края из столичных архивов». Под ред. А. К. Кабанова («Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии», вып. 3, ч. 1. Сборник, т. XIV. Нижний Новгород, 1913).

ЛЗАК — «Летопись занятий Археографической комиссии».

НПК — «Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею», т. III. СПб., 1868; т. IV. СПб., 1886; т. V. СПб., 1905.

ПК — «Писцовые книги Московского государства». Под ред. Н. В. Калачова, ч. I. Писцовые книги XVI века, отд. I. СПб., 1872; отд. 2. СПб., 1877.

ПРП — «Памятники русского права», вып. I. М., 1952; вып. II. М., 1953; вып. III. М., 1955; вып. IV. М., 1956.

ПСРЛ — «Полное собрание русских летописей, изданное Археографическою комиссиею», т. II. СПб., 1843; т. IV. СПб., 1848; т. IV, ч. 1, вып. 1. Пг., 1915; т. IV, ч. 1, вып. 2. Л., 1925; т. IV, ч. 1, вып. 3. Л., 1929; т. V, вып. 1. Л., 1925; т. VI. СПб., 1853; т. VII. СПб., 1856; т. VIII. СПб., 1859; т. IX. СПб., 1862; т. XII. СПб., 1901; т. XIII, первая половина. СПб., 1904; вторая половина. СПб., 1906; т. XIV, вторая половина. т. XV. СПб., 1863; т. XVII. СПб., 1907; т. XVIII. СПб., 1913; т. 20, первая половина. СПб., 1910; т. 21, вторая половина. СПб., 1913; т. 22, ч. 1. СПб., 1911; т. 23. СПб., 1910; т. 24. Пг., 1921; т. 25. М.— Л., 1949; т. 26. М.— Л., 1959; т. 27. М., 1962; т. 28. М., 1963; т. 30. М., 1965.

РИБ — «Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею», т. II. СПб., 1875; т. 32. Пг., 1915.

«Сб. РИО» — «Сборник Русского исторического общества», т. 35. СПб., 1892; т. 41. СПб., 1884.
«Труды МГИАИ» — «Труды Московского государственного историко-архивного института».
«Труды ОДРЛ» — «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР».
ХП, I — С. М. Каштанов. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в.— «Археографический ежегодник за 1957 год». М., 1958.
ХП, II — С. М. Каштанов. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в., ч. 2. — «Археографический ежегодник за 1960 год». М., 1962.
«Чтения ОИДР» — «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете».
LEKUB — «Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch, zweite Abtheilung», Bd. 1. Riga — Moskau, 1900; Bd. 2. Riga — Moskau, 1905.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абдыл-Летиф, царь казанский 72, 73, 77
Аванесов Р. И. 151
Авдотья Ивановна, в. кн., дочь Ивана III 62, 67, 69
Автократов В. Н. 126, 131
Адашев Алексей Федорович, окольничий 369
Адашев Федор Григорьевич, боярин, дворецкий углицкий 369
Алабышь (Олабышь) Федор Федорович, кн., писец 44
Александр, игумен Троице-Сергиева монастыря 254
Александр, старец Спасо-Евфимьева монастыря 189
Александр Владимирович *см.* Ростовский Александр Владимирович
Александр Казимирович, король польский и в. кн. литовский 61, 65—69, 86, 87, 96, 98, 108, 118, 143, 153, 155, 156, 158—160, 166, 168, 173, 174
Александр VI, папа римский 143
Алексеев Ю. Г. 7, 14, 214, 313
Аллен К. Ф. (Allen C. F.) 140—142, 166, 167, 176
Амвросий, церковный писатель 131, 252, 259, 304, 311, 332, 336, 342, 350, 370
Андерсен Енс, епископ Оденсейский (Фюнский) 141, 154, 167
Андрей (Андрейко), староста залесский 28
Андрей Васильевич Большой, кн. углицкий, сын Василия II 16, 17, 21, 22, 30, 31, 44—48, 51, 54, 55, 59, 64, 66, 71, 72, 75, 77, 87, 99, 100, 104, 129, 146, 177, 188, 210, 215, 216, 225, 235, 236, 277, 281, 282, 321, 333
Андрей Васильевич Меньшой, кн. вологодский, сын Василия II 30, 54, 129, 130, 277
Андрей Дмитриевич, кн. можайский, сын Дмитрия Ивановича Донского 127
Андрей Иванович, кн. старицкий, сын Ивана III 10, 45, 178, 199, 209, 213—216, 222, 223, 226, 250, 255, 271, 272, 275, 276, 278—285, 288, 290, 303, 305, 310—312, 314—319, 321, 324, 325, 333, 334, 336, 339
Анна Васильевна, в. кн. рязанская, жена кн. Василия Ивановича, сестра Ивана III 69, 85, 86
Антонов Иван Михайлович, гость московский 337
Артемьев (Ортемьев) Власей Ушак, дьяк 206—209
Афанасий, игумен Троице-Сергиева монастыря 19, 25
Афанасьев Федор Михайлов сын, дозорщик и судья 37
Ахмат, царь Золотой орды 152

Базилевич К. В. 77, 79, 81, 83—86, 102, 103, 109—112, 114, 117, 138—140, 143, 163, 166
Бараков *см.* Варлаам (Бараков)
Барсов Е. В. 259, 304
Барсуков А. П. 263
Бархударов С. Г. 151
Батурин, съемщик монастырской земли 273
Башенин Василий, писец 247, 248
Бегунов Ю. К. 152, 187, 189, 194, 195, 197, 227
Безобразов Александр (Олеша), дьяк 37, 40—43, 52—58, 224
Беклемишев Никита Васильевич, разъездчик и судья 28, 29
Беклемишев-Берсень Иван Никитин сын, сын боярский 63, 269
Белозерцев Г. И. 151
Бельские, князья 333, 334, 347, 348

Бельский Иван Федорович, кн., боярин 329, 333, 334, 338, 344—347
Бельский М. (Bielski M.), хронист 160, 161
Бельский Семен Иванович, кн., боярин 108, 152, 166
Бельский Федор Иванович, кн., боярин 278
Беляев И. Д. 187, 247, 248
Берсень-Беклемишев *см.* Беклемишев-Берсень
Бестужев Иван, судья 29
Блюм Дж. (Blum J.) 5
Болховитинов Е. А. 266
Борис Александрович, в. кн. тверской, сын кн. Александра Ивановича 31
Борис Васильевич *см.* Кутузов Борис Васильевич
Борис Васильевич, кн. волоцкий, сын Василия II 30, 44—47, 52, 54, 55, 66, 70, 71, 73, 77, 78, 87, 94, 95
Бортников Семен (Сенька), крестьянин 188
Брокгауз Ф. А. 161
Буганов В. И. 159, 164, 173, 177
Будовниц И. У. 76
Бутрюш Р. (Boutruche R.) 5
Бутурлин Иван Никитич, воевода, дворецкий новгородский 312
Быховец, литовский помещик, владелец хроники 160—162

Валк С. Н. 10, 349
Варлаам, архимандрит Симонова монастыря, затем митрополит московский 204, 205, 257, 258
Варлаам (Бараков), старец Троице-Сергиева монастыря 57
Василий, дьяк *см.* Долматов Василий
Василий II Васильевич Темный, в. кн. московский 23, 54, 75, 123, 128, 145, 205, 220, 221, 239, 245, 335
Василий Григорьев *см.* Захаров-Гнилиев Василий Григорьев сын
Василий Дмитриевич, в. кн. московский 128
Василий III Иванович, в. кн. московский 13, 16, 22, 23, 32—44, 47—71, 73—81, 83—85, 87—93, 97—109, 111—124, 137, 139, 141—147, 151—155, 164—171, 174—186, 190, 199, 201—206, 209, 210, 212, 213, 216—218, 222—227, 231, 233—240, 242—275, 277—282, 284, 290—292, 295, 296, 299, 309, 310, 312, 314, 317, 322, 325, 326, 331, 333, 335, 336, 338, 339, 345, 352, 374
Василий Иванович (Шемячич), кн., сын кн. Ивана Дмитриевича, внук Дмитрия Юрьевича Шемяки 108, 109, 111, 152, 155, 159, 160, 166, 177, 178, 238, 264, 265, 268, 277, 365
Василий Михайлович, кн., сын кн. Михаила Андреевича верейского 80
Вассиан (Васьян), архимандрит Симонова монастыря, затем архиепископ ростовский 127, 204, 205
Вассиан (Васьян), игумен Троице-Сергиева монастыря 335
Вассиан Патрикеев *см.* Патрикеев-Косой Василий Иванович
Вассиан (Топорков), епископ коломенский и каширский 332
Вахрамеев И. А. 254, 264, 330, 333, 336, 356
Великий *см.* Шестунов-Великий
Вельяминов Иван Васильевич Шадра, воевода 157, 159
Вельяминов-Зернов В. В. 77
Венедикт, игумен Кирилло-Белозерского монастыря 46
Верхдеревский Михаил Васильевич, помещик 357
Веселовский С. Б. 4, 5, 7, 8, 12, 42, 47, 80, 82, 88, 240, 246, 275
Владимир Андреевич, кн. старицкий, сын кн. Андрея Ивановича 318, 334, 362, 363
Владимир I Святославич, в. кн. киевский 127
Воздвиженский Т. Я. 315
Волк Курицын *см.* Курицын Волк Иван Иванович
Воронцов Василий Михайлович, боярин 358
Воронцов Иван Федорович, наместник белозерский 345

Воронцов Михаил Семенович, боярин, наместник новгородский 279, 312
Воронцов Федор Михайлович, боярин 358, 359
Воронцов Федор Семенович, боярин 356, 358
Воронцовы, бояре московские 352, 353, 355—360
Ворыпаевы, землевладельцы 265

Гадзяцкий С. С. 139
Геннадий, архимандрит Чудова монастыря, затем архиепископ новгородский 21, 72, 81, 115, 119, 120, 152, 166, 184, 195, 197, 224, 227—229, 231, 233
Герберштейн Сигизмунд, посол австрийского императора в Москву 155, 156
Герман, пленный 160
Геронтий, митрополит московский 127
Глинская Елена *см.* Елена Васильевна
Глинские, князья, бояре 358—361, 364—366
Глинский Михаил Васильевич, кн., боярин 330, 364, 365, 367
Гнилиев *см.* Захаров-Гнилиев
Гойдуков Г. 122, 131
Голенин Василий Иванович, кн., боярин, писец 49, 50, 54, 56, 57, 95, 180, 203, 206—211, 217, 247
Головин Н. Г. 259, 271, 294, 304, 306
Голубинский Е. Е. 106
Голубцов И. А. 26, 27, 32, 37, 41, 42, 45, 48, 49, 73, 91, 97, 123, 146, 174, 201, 204, 208, 211, 222, 224
Горбатые, князья 313
Горбатый Александр Борисович, кн. 353, 364
Горбатый-Суздальский Борис Иванович, кн., боярин, наместник новгородский 312
Горин Максим Васильев сын, дьяк 206—209
Горский А. Д. 7
Горчаков М. И. 8, 219
Готье Ю. В. 72, 210, 214, 215, 223, 226
Греков Б. Д. 366
Гридька Тевелга, крестьянин 188
Гурий, игумен Кирилло-Белозерского монастыря 46
Гусев Владимир Елизарович, сын боярский 42, 79—83, 87, 88, 99, 100
Гусев Елизар, воевода 80

Даль В. И. 151
Даниил, игумен Иосифо-Волоколамского монастыря, затем митрополит московский 260, 267, 284, 329, 334, 336
Данил Михайлович, наместник г. Юрьева Польского 19
Данила Александрович *см.* Пенко Данила Александрович
Данила Васильевич *см.* Щеня Данила Васильевич
Дебольский В. Н. 72, 149, 210, 211, 213—215, 217, 235, 236
Демьянов (Демьянович) Василий Яковлев сын, землевладелец 264
Денисов И. (Denissoff E.) 192
Дионисий, церковный писатель 252
Дмитриев Л. А. 136
Дмитрий Андреевич, кн., сын кн. Андрея Васильевича углицкого 281, 321
Дмитрий Владимирович *см.* Ростовский Дмитрий Владимирович
Дмитрий Владимирович *см.* Ховрин Дмитрий Владимирович
Дмитрий Иванович, кн., внук Ивана III 29, 31, 33, 38—40, 42, 56, 60—69, 79, 81—109, 111, 112, 114—116, 119, 122—124, 146, 147, 153, 167—169, 174, 175, 177, 180, 181, 237
Дмитрий Иванович Донской, в. кн. московский 128, 205
Дмитрий Иванович Жилка, кн. углицкий, сын Ивана III 45, 61—65, 67—69, 91, 98, 121, 122, 145, 146, 175, 182, 190, 199, 222, 223, 247, 249, 255, 256, 332
Дмитрий Юрьевич Шемяка, кн. звенигородский и галицкий, сын кн. Юрия Дмитриевича звенигородского 31

Добролюбов И. 355
Добронравов В. Г. 269, 270, 332. 340, 343, 360, 368
Добрынские, бояре 80
Довнар-Запольский М. В. 271
Долматов Василий, дьяк 23, 26, 27, 30, 32, 50
Дорогобужский Иосиф Андреевич, кн., воевода 156, 157
Досифей, архимандрит Солотчинского монастыря 234
Досифей, епископ крутицкий 317
Досифей, церковный писатель 337, 346, 368
Дуров Афанасий, тиун ярославский 49
Дьюи Х. (Dewey H. W.) 5, 7
Дьяконов М. А. 378

Евстикувич *см.* Остюкович
Евфимия Шемячичева, княгиня, старица, вдова кн. В. И. Шемячича 365
Елена Васильевна, в. кн. московская, дочь кн. Василия Львовича Глинского, вторая жена Василия III 9, 275, 276, 278—281, 285, 288, 289, 291—293. 296—299, 303, 305, 309, 310. 312—314, 316, 319—324, 326, 329—331, 333, 336, 374
Елена Волошанка *см.* Елена Стефановна
Елена Ивановна, в. кн., дочь Ивана III, жена Александра Казимировича, в. кн. литовского 65—69, 87, 98, 108, 110, 118
Елена Стефановна (Волошанка), дочь Стефана IV, господаря молдавского, жена Ивана Ивановича Молодого 22, 33, 61, 64—69, 80—82, 84, 85, 90, 96, 106—108, 114, 115, 147
Елизавета, принцесса, дочь датского короля Ханса 141, 142, 144, 154, 167, 175, 176, 181
Ельчаниновы, землевладельцы 264
Ельяшевич В. Б. 4, 6, 8, 252
Еропкин (Ропченок) Афанасий, сын боярский 42
Еропкины, дворянский род, потомки смоленских княжат 87
Есипов Богдан, боярин новгородский и посадник 185, 190
Ефрон И. А. 161

Жизневский А. К. 256

Забелин И. Е. 211
Заберезинский (Заберезский) Ян Юрьевич, воевода троцкий, наместник полоцкий 110
Заболотский Константин Григорьевич, писец, дворецкий 187, 188, 207, 208
Заболотский Никита Львов, землевладелец 23
Заболотский-Лобан Петр Григорьевич, писец 44, 86
Замятня Тимофей, землевладелец 363
фон Зангсгейм Людвиг, кенигсбергский командор 89
Застолбский Григорий Романович, писец 184
Захаров Микляш, землевладелец 37
Захаров-Гнилиев Василий Григорьев сын, дьяк 358, 359, 362
Захаров-Гнилиев Яков Григорьев сын, дьяк 359
Зверинский В. В. 76, 137, 172, 378
Зимин А. А. 7, 8, 10, 29, 39, 45, 46, 79, 81—83, 89—91, 98, 103, 104, 114, 115, 122, 128, 153, 174, 175, 191, 193—195, 198, 200, 224, 225, 240, 258, 273, 276, 280, 323, 328, 367, 369
Зиновий, игумен Троице-Сергиева монастыря 336
Зосима, архимандрит Симонова монастыря, затем митрополит московский 21, 22, 36, 55, 73

Иван Андреевич, кн. можайский, сын кн. Андрея Дмитриевича 146
Иван Борисович, кн. рузский, сын кн. Бориса Васильевича 78, 94, 107, 159, 173, 183, 184, 195, 198, 200, 277
Иван III Васильевич, в. кн. московский 10, 12, 13, 16—19, 21—25, 28—38, 40, 44—71, 73—79, 81—96, 98—111, 115—125, 128—130, 135—147, 151—156, 158, 159, 162, 164—166, 168—172, 174,

176—187, 189—191, 193—206, 208—228, 231—239, 243—245, 247—251, 257, 265, 268, 274, 277, 278, 280, 300, 310, 317, 334, 374
Иван IV Васильевич Грозный, в. кн., затем царь московский 7, 54, 102, 132, 250, 257, 268, 276, 278, 279, 281, 304, 306, 312, 316, 320, 332, 358, 360—364, 369, 370, 373
Иван Иванович, кн. рязанский, сын Ивана Васильевича, в. кн. рязанского 261, 265
Иван Иванович Молодой, в. кн., сын Ивана III 13, 22—43, 47, 48, 51, 58—60, 62—64, 71, 93, 118, 123, 124, 179, 181
Иван Михайлович, кн. перемышльский 157, 160
Иван Юрьевич, князь 47
Иван Юрьевич *см.* Патрикеев Иван Юрьевич
Иванов Григорий Федоров сын, писец 199
Ивина Л. И. 10, 333, 343
Игнатий, старец, митрополичий посельский 93
Иевлев Иван, землевладелец 357
Иловайский Д. И. 234
Иоанн, «вельможа», адресат послания Иосифа Волоцкого 70
Иоасаф, игумен Троице-Сергиева монастыря, затем митрополит московский 284, 329, 334, 336, 338, 343, 348
Иоахим I, курфюрст Бранденбургский 166, 175, 176
Иона, архимандрит Ярославского Спасского монастыря 263
Иона, игумен Троице-Сергиева монастыря 360, 362
Иона, митрополит московский 131
Иосиф Волоцкий (Иван Санин), основатель и игумен Волоколамского монастыря, публицист 35, 70, 87, 152, 191, 193—198, 258
Исихия, старец Троице-Сергиева монастыря 313

Кабанов А. К. 240, 309, 318, 338, 344, 348, 365, 378
Кадлубовский А. П. 192
Казакова Н. А. 36, 57, 60, 90, 100, 105—107, 114, 153, 174, 227, 232
Казимир IV Ягеллович, король польский и в. кн. литовский 34, 63
Калайдович К. Ф. 342, 365, 368, 370
Калачов Н. В. 378
Карамзин Н. М. 79, 103
Карамышев Андрей, писец 44
Карамышев Василий, писец 44
Кассиан, архимандрит Новгородского Юрьева монастыря 232
Катаев И. М. 240, 309, 318, 344, 348, 365
Кафенгауз Б. Б. 29
Киприан, митрополит московский 128
Киприянов Данила, дьяк 243
Кирилл, игумен Кирилло-Белозерского монастыря 127
Кирилл, игумен Клинской Иосиминой пустыни 273
Кишка Станислав (Ян) Петряшкович (Петрович), воевода и наместник смоленский, посол литовский в Москву 156, 166
Клементьев Кузьма, судья 28
Клибанов А. И. 36, 112, 153
Ключевский В. О. 79, 103, 230
Кляпик-Еропкин Михаил Степанович, посол 237
Кобелев Никифор, дьяк 59
Кобель *см.* Савин Наумко Кобель
Кобрин В. Б. 71, 94, 213, 321
Кобяк, дьяк 56
Кобяк Григорий Дмитриевич, землевладелец 266
Кожанчиков Д. Е. 258
Козловские, князья 252
Козодавли, землевладельцы 145
Колычев-Лобан Иван Андреевич, наместник и конюший новгородский 232
Конон, старец Троице-Сергиева монастыря 189
Контарини А. (Contarini A.) 23
Копанев А. И. 188, 216, 226, 235
Корецкий В. И. 222, 273
Корнилий Комельский, основатель Корнильевой пустыни 76

Коробов Андрей Иванович, воевода 109—111, 115, 117, 118, 144
Коробьин Семен Иванович, землевладелец 261
Кочин Г. Е. 7, 14
Кошкин Юрий Захарьич (Захарьевич), боярин, наместник новгородский 36, 58, 155—157, 159, 160
Кошкин-Захарьин Яков Захарьич (Захарьевич), боярин, воевода 110, 155, 157, 159, 160, 206, 224
Кубенский Иван Иванович, кн., дворецкий 358, 359
Кубенский Михаил Иванович, кн., боярин 368
Кузнецов И. И. 253
Кузьмин А. Г. 234
Кулешин Василий, дьяк 118
Кунцевич Г. З. 323
Курбский Андрей Михайлович, кн. 35
Курицын Волк Иван Иванович, дьяк 36, 86, 233
Курицын Федор Иванович, дьяк 22, 29, 57, 58, 106, 107, 111
Кутузов Борис Васильевич, боярин, писец, посол 36, 44, 66
Кухмыревы, крестьяне 37
Кучкин В. А. 10, 320, 332
Кюрьель Р. (Curiel R.) 167

Лев Филолог, болгарский церковный писатель 194—196
Леон, лекарь из Венеции 35
Леонид, церковный писатель 239, 261, 273, 349
Леонтий, дьяк 28
Липятин Федор Федорович, писец 202
Литовар *см.* Хребтович Литовар Ян
Лихачев Н. П. 224, 240, 252, 263, 264, 304, 362
Лобан *см.* Заболотский-Лобан Лука Волошенин, посол 85
Лурье Я. С. 26, 29, 36, 39, 55, 57, 60, 70, 79—82, 85, 87, 89, 90, 93, 100, 104—107, 109, 111, 112, 114, 119, 121, 122, 127, 145, 147, 148, 150, 151, 153, 154, 165, 167, 174, 182, 192, 193, 197, 227, 232, 237, 327
Лютор *см.* Хребтович Литовар

Майко Андрей Федоров, дьяк, посол 36, 47, 66, 99
Майков В. В. 321
Макарий, архиепископ новгородский, затем митрополит московский 131, 312, 338, 345, 346, 348, 373
Макарий, архимандрит Чудова монастыря 73
Макарий, игумен Троице-Сергиева монастыря 23, 30, 32
Максим Грек, публицист 269
Максимилиан I, император австрийский 89
Малеин А. И. 155
Малов Алексей (Олексей) Яковлев сын, двинянин 340
Малов Иван (Ивашко) Яковлев сын, двинянин 340
Маматова Е. П. 184
Мамук, царь шибанский 77
Манына Иван *см.* Патрикеев Иван Иванович Манына
Мария Борисовна, в. кн. московская, дочь Бориса Александровича, кн. тверского, первая жена Ивана III 22, 35
Мария Ярославна (Марфа), в. кн. московская, дочь боровско-серпуховского князя Ярослава Владимировича, жена Василия II 13, 34, 54, 213—217, 235
Маркс К. 6, 11, 191, 251, 286, 287
Масленникова Н. Н. 266
Маслов Иван Анцыферов сын, землевладелец 265
Медлин В. (Medlin W. K.) 219
Микулинский Михаил Федорович, кн., воевода 156, 157
Милюков П. Н. 352
Милютин В. А. 8
Мирославич Дмитрий Иванов сын, землевладелец 264
Михаил *см.* Русалка Михаил Яковлевич
Михаил Андреевич, кн. верейский и белозерский, сын кн Андрея Дмитриевича 45, 46, 50, 94, 112, 113, 127, 128, 177, 190, 221, 246

Михаил Борисович, в. кн. тверской, сын кн. Бориса Александровича 31, 44, 202
Михаил Клопский, основатель Новгородского Клопского монастыря 136
Мишурин Федор Михайлович, дьяк 305, 333, 334
Моисеева Г. Н. 196—198
Мосеев Афанасий, помещик 185
Мосеев Федор, помещик 185
Мосеевы, помещики 185, 191
Мстиславские, князья 278, 357
Мстиславский Федор Михайлович, кн. 281, 333
Мухаммед-Гирей, царь крымский 269
Мухаммед-Эмин, царь казанский 13, 77, 129, 156, 157, 203, 205, 237, 246, 247
Муханов П. А. 353, 357

Нагавица-Ряполовский Иван Андреевич, кн. 113
Назаров В. Д. 10, 32
Насонов А. Н. 33, 38, 72, 97, 148, 153, 172, 173, 328
Наумов Василий Григорьевич, писец 226, 235
Наумов Клементий, судья 26, 33
Неволин К. А. 139, 173, 180, 230
Нефимонов Василий, дьяк 207, 208
Никандр, игумен Троице-Сергиева монастыря 359
Никифор, сотский 188
Никодим, церковный писатель 250, 255, 349
Нил Сорский, глава нестяжателей, публицист 196, 257
Новгородцев Иван, слободчик 353, 357
Новосельский А. А. 9, 128
Носов Н. Е. 7, 8, 188, 253, 275, 276, 323, 327

Оболенский Иван Федорович, кн., конюший 314
Оболенский Петр Васильевич, кн., воевода 156, 157
Оболенский-Репня Иван Михайлович, кн., боярин, воевода 159
Оболенский-Телепень Федор Васильевич, кн., воевода 156, 157
Огарев Семен Александров сын, помещик 190
Одинцов Спиридон, пристав 92
Одоевский Федор Иванович, кн., наместник муромский 330
Олабышь *см.* Алабышь
Олфор Шабала, крестьянин 188
Орешников А. В. 25, 26, 39, 40, 51
Осорьины, землевладельцы 240
Островская М. А. 366
Островский П. 237
Острожский Константин Иванович, кн., гетман литовский 156, 158, 160, 162—165
Остюкович (Остикович, Евстикович) Григорий Станиславович, воевода, наместник мерецкий и оникштайский 156, 158
Ощерин Иван Иванович, посол 85

Павлов А. С. 187, 190, 191, 219, 227
Палеолог Софья *см.* Софья Фоминична Палеолог
Палецкий Иван Федорович, кн., воевода 156
Палецкий Федор Иванович, кн., воевода 156
Патрикеев Афанасий Иванович, кн. 102
Патрикеев Иван Иванович Манына, кн. 102, 106
Патрикеев Иван Юрьевич, кн., боярин 36, 47, 48, 50, 58, 102, 103, 106, 107, 110
Патрикеев-Косой Василий Иванович, кн., боярин, в монашестве Вассиан, публицист 49, 50, 52, 53, 58, 59, 102, 103, 105—107, 110, 112, 258
Патрикеевы, князья, бояре 102—109, 111—116
Паюсов Андрей Черньцов сын, помещик 231
Паюсов Болдырь, дьяк 243, 248
Паюсов Петеля, посол 231
Паюсов Федор Черньцов сын, помещик 231
Паюсовы, помещики 231
Пенко Данила Александрович, кн., боярин 78
Перелешин Андрей, судья 52

Петр Дмитриевич, кн. дмитровский, сын Дмитрия Донского 205
Пешков *см.* Сабуров-Пешков
Пильемовы-Сабуровы, землевладельцы 75, 77, 88
Пирлинг П. О. (Pierling P.) 143
Писемский Андрей Иванович, писец 313
Питарь Иван, молдавский посол 85
Племянников Андрей Иванович, волостель 237
Племянниковы, дворянский род 237
Погодин Н. П. 377
Поджогин Иван (Шигона) Юрьевич, боярин, дворецкий тверской 279, 282, 314
Покровский И. М. 18, 97, 129, 130
Поливанов Дмитрий, разъездчик 222
Полуев Константин (Костя), крестьянин 188
Полуев Федор (Федька), крестьянин 188
Полуевы, крестьяне 187
Поярок, Рунов брат, сын боярский 42
Пронштейн А. П. 227

Радзивил Николай Николаевич, воевода виленский, канцлер литовский 110
Ралев-Палеолог Дмитрий Иванович, посол 33, 35, 142
Ралев-Палеолог Мануил Иванович, посол 34, 35
Рахманиновы, помещики 368
Репня *см.* Оболенский-Репня
Репьевы, землевладельцы 265
Розов Н. Н. 227
Романов Б. А. 8
Романовы-Юрьевы, бояре 367, 368
Ромоданов Федор Иванов сын, пристав или праведчик 273
Ромодановский Василий Васильевич, кн., воевода, посол 109—113, 115, 117, 118, 144
Ропченок *см.* Еропкин
Ростовский Александр Владимирович, кн., боярин, наместник псковский 119, 120, 159, 180, 209
Ростовский Дмитрий Владимирович, кн., боярин, наместник псковский 229
Рубцов М. В. 352
Румовский Н. 331
Румянцев Н. П. 377
Русалка Михаил Яковлевич, боярин, посол 66
Рюриковичи 112
Ряполовские, князья 104, 105
Ряполовский Семен Иванович, кн., посол 66, 102—116

Сабурова Соломония *см.* Соломония Юрьевна Сабурова
Сабуров-Пешков Дмитрий Семенович, боярин, писец 44
Савва, епископ крутицкий 195
Савва, чернец, владелец монастырька Спаса-Преображения 128
Савва (Слепушкин), епископ смоленский 314
Савин Наумко Кобель, двинянин 272
Садиков П. А. 370, 373
Садык Старый Иван, волостель 41
Самоквасов Д. Я. 180, 185, 190, 231
Сатин Никита Перфильевич, землевладелец 154, 224, 225
Сатины, дворяне 224
Сафа-Гирей, царь казанский 316
Сахаров А. М. 7
Свиньин Карандаш Григорьев сын, судья 37, 51
Семен *см.* Ряполовский Семен Иванович
Семен Иванович, кн. бежецкий и калужский, сын Ивана III 45, 175, 199, 222, 223, 249
Семен Иванович, кн. можайский, сын кн. Ивана Андреевича 108, 109, 146, 152, 155, 160, 166
Семен Карпович, наместник г. Юрьева Польского 20
Семион, духовник Андрея Старицкого 317
Серапион, игумен Троице-Сергиева монастыря, затем архиепископ новгородский 189, 194, 196, 197

Сербина К. Н. 100
Сергий, игумен Троицкого Белопесоцкого монастыря 261
Симеон Бекбулатович, хан касимовский, «в. кн. всея Руси» 54, 102
Симон, игумен Троице-Сергиева монастыря, затем митрополит московский 41, 73, 74, 87, 99—101, 112, 121, 152, 180, 195, 218, 219, 229, 244
Слепушкин *см.* Савва (Слепушкин)
Слободкин Игнатий Федоров сын, дьяк 206—208
Смирнов И. И. 4, 77, 79, 80, 82, 84, 90, 103—106, 110, 111, 276, 323, 327, 369
Смирнов М. И. 244, 248, 253, 331, 332
Смирнов П. П. 8, 239, 275, 327, 328, 352
Смит Р. Э. Ф. (Smith R. E. F.) 141, 166
Собакин Степан Васильевич, писец 313
Соловьев С. М. 79, 103, 104
Соломония Юрьевна Сабурова, в. кн. московская, дочь Юрия Константиновича Сабурова, первая жена Василия III 269
Софья Фоминична Палеолог, в. кн. московская, дочь Фомы Палеолога, деспота Мореи, вторая жена Ивана III 22, 23, 33—35, 42, 52, 59, 61, 64—69, 75, 80—88, 91, 92, 96, 98—100, 103, 105, 106, 108—113, 115, 117, 118, 143, 147, 152
Срезневский И. И. 151
Станислав *см.* Кишка Станислав Петряшкович
Станислав Петряшкович *см.* Кишка Станислав Петряшкович
Стародубский Семен Иванович, кн., воевода 159
Стародубский Федор Андреевич, кн. 113
Сташевский Е. Д. 72, 211, 215
Стефан, посадник псковский 120
Стефан IV, господарь молдавский 84—87, 107, 108, 152
Строев П. М. 72, 73, 130, 195, 204
Стромилов Федор, дьяк 41—43, 79, 91, 100
Стрыйковский М. (Stryikowski M.), хронист 160, 161
Стуре Стен, правитель Швеции 138, 140, 167
Суворов Н. И. 321
Сукин Федор Иванович, казначей 363

Телепень *см.* Оболенский-Телепень
Тихомиров М. Н. 273, 316, 319, 323
Тихон, архиепископ ростовский 21, 22, 70
Товарков Семен, разъездчик 71
Токмаков И. Ф. 310
Топорков *см.* Вассиан (Топорков)
Торнер Д. (Thorner D.) 166
Третьяк, дьяк 359
Третьяк Курбат, землевладелец 252
Третьяков Иван Иванович, казначей 363
Трифон, епископ крутицкий 97
Трофимов Владимир (Володька), мельник 340
Трусовы, помещики 185
Тучков Михаил Васильевич, боярин, писец 207, 208

Уваров А. С. 265
Улащик Н. Н. 160, 161
Ульяна Михайловна, кн., дочь кн. Михаила Дмитриевича Холмского, жена Бориса Васильевича, кн. волоцкого 78, 195
Уполовниковы, землевладельцы 57
Ушак *см.* Артемьев Власей Ушак
Ушаков Яков, волостель (?) 273

Федор Борисович, кн. волоцкий, сын кн. Бориса Васильевича 78, 94, 107, 146, 159, 173, 223, 240, 261
Федор Васильевич, кн. рязанский, сын в. кн. рязанского Василия Ивановича 234
Федор Иванович, кн. юхотский, сын кн. Ивана Даниловича 263

Федор Иванович, царевич, сын Ивана IV 32
Федоров Макарий, дьяк 359
Федосья, в. кн., дочь Ивана III 62, 67, 69.
Федотов-Чеховский А. А. 377
Феннел Дж. (Fennell J. L. I.) 23, 33, 35, 39, 60, 61, 82, 84—86, 91, 98, 100, 103, 104, 106—114, 117, 118, 148, 151—154, 167, 174, 175
Феогност, архимандрит Чудова монастыря 73
Феодосий, игумен Новгородского Хутынского монастыря 312
Феодосий Коверя, старец Троицкого Белопесоцкого монастыря 260
Феофил, архиепископ новгородский 184
Филин Ф. П. 151
Филофей, архимандрит Симонова монастыря 317
Флоря Б. Н. 10, 176, 357, 379
Форстен Г. В. 138—140

Ханс, датский король 138—140, 142, 144, 154, 166, 167, 176
Хербст С. (Herbst S.) 161, 164
Ховрин Дмитрий Владимирович, боярин, казначей 99, 206
Хорошкевич А. Л., 10, 36, 90, 120, 169, 176, 182, 233
Хребтович Литовар (Лютор) Ян, маршалок, наместник новогрудский и слонимский 156

Чеботов Иван, боярин 119—122
Челяднин Андрей Федорович, боярин, наместник новгородский 159
Челяднины, бояре 87
Черевины, землевладельцы 264
Черепнин Л. В. 4, 6—8, 12, 15, 16, 18, 19, 22, 26, 29, 31, 33, 34, 39, 42, 46, 49, 50, 58, 73, 79—83, 85, 87, 89, 90, 99, 100, 106—109, 111, 113—1115, 127, 188, 189, 200, 204, 219, 286
Черньцов *см.* Паюсов Андрей Черньцов сын

Шадра Иван *см.* Вельяминов Иван Васильевич Шадра
Шаинсиф (Шаисуп), кн. казанский 237
Шамской Иван, помещик 318
Шах-Али (Шигалей), царь казанский 313
Шахматов А. А. 42
Шеенок Афанасий, посол 155
Шемячич *см.* Василий Иванович (Шемячич)
Шереметев С. Д. 270
Шестунов-Великий Петр Васильевич, кн., боярин, дворецкий 95, 236
Шигалей *см.* Шах-Али
Шигона-Поджогин *см.* Поджогин Иван (Шигона) Юрьевич
Ширяевы, помещики 318
Шмелев Г. Н. 343
Шмидт С. О. 8, 36, 44, 68, 72, 77, 93, 99, 130, 141, 156
Шмурло Е. Ф. 143
Шуйские, князья 31, 241, 265, 278, 279, 281, 309, 311, 313, 318, 329—331, 333, 334, 335, 337—348, 350, 351, 353, 358, 363—365, 367
Шуйский Андрей Михайлович, кн., боярин 270, 279, 352
Шуйский Иван Васильевич, кн., боярин 346
Шуйский Иван Михайлович, кн., боярин 270
Шуйский Петр Иванович, кн., боярин 365
Шульц В. (Schulz W.) 4, 5, 7, 370
Шумаков С. А. 244, 255, 330, 336, 342, 352, 374

Щеня Данила Васильевич, кн., боярин 37, 156—160, 162, 163
Щербачев Ю. Н. 138, 176

Эк А. (Eck A.) 6
Экземплярский А. В. 234
Энгельс Ф. 6, 11, 191, 251, 286, 287

Юрий Васильевич, кн. углицкий, сын Василия III 369
Юрий Васильевич младший, кн. дмитровский, сын Василия II 23, 24, 54, 98, 128, 129, 178, 203, 205, 214, 216, 221, 225, 277, 334
Юрий Захарьич *см.* Кошкин Юрий Захарьич

Юрий Зиновьевич, воевода литовский 156
Юрий Иванович, кн. дмитровский, сын Ивана III 61—65, 67—69, 71, 77, 92, 98, 121, 122, 145, 146, 175, 182, 198—206, 208, 209, 213, 216, 222—224, 226, 236, 241, 246, 255, 261, 264, 265, 270, 271, 275, 277—282, 284, 285, 288, 290—295, 298—300, 305—308, 317, 319, 325, 333, 341
Юрьев Василий Михайлович, боярин, дворецкий 367
Юрьев Данило Романович, боярин, дворецкий 366, 367
Юшков А. И. 252, 263—266, 269, 281, 344, 357, 366, 368, 378
Юшков С. В. 4

Ягеллоны, литовско-польская династия 85, 86, 143
Яков (Иаков), игумен Троице-Сергиева монастыря 335
Яков Григорьев *см.* Захаров-Гнилиев Яков Григорьев сын
Яков Захарьич *см.* Кошкин-Захарьин Яков Захарьич
Ян Станислав *см.* Кишка Станислав Петряшкович
Ярослав I Владимирович (Мудрый), сын в. кн. Владимира I Святославича 126, 127

Allen C. F. *см.* Аллен К. Ф.
Bielski M. *см.* Бельский М.
Blum J. *см.* Блюм Дж.
Boutruche R. *см.* Бутрюш Р.
Bricka C. F. 167
Contarini A. *см.* Контарини А.
Curiel R. *см.* Кюрьель Р.
Denissoff E. *см.* Денисов И.
Dewey H. W. *см.* Дьюи Х.
Eck A. *см.* Эк А.
Fennell J. L. I. *см.* Феннел Дж.
Herbst S. *см.* Хербст С.
Kolankowski L. 86
Lenz W. 141, 144
Liebusch G. 167
Medlin W. K. *см.* Медлин В.
Paludan-Müller C. P. 141
Pierling P. *см.* Пирлинг П. О.
von Plettenberg W. 141
Schulz W. *см.* Шульц В.
Smith R. E. F. *см.* Смит Р. Э. Ф.
Stryikowski M. *см.* Стрыйковский М.
Szujski J. 86
Thornier D. *см.* Торнер Д.
Wagner F. 166, 176

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление 3

Глава I. **Внутренняя политика и феодальный иммунитет в 1492—1497 гг.** 11

1. Состояние судебного и таможенного иммунитета в первой половине 90-х годов . . . 12
2. Вопрос о политическом статусе наследников Ивана III 21
3. Политические причины выдачи жалованных и указных грамот 70

Глава II. **«Династический кризис» 1497—1500 гг.** . . . 79

1. Заговор 1497 г. и коронация Дмитрия-внука . 79
2. Возвышение князя Василия Ивановича и новгородская политика в 1499 г. 102
3. «Мятеж» князя Василия 1500 г. 145

Глава III. **Социально-политическая борьба в 1500—1505 гг.** 170

1. Иммунитетная политика в 1500—1502 гг. . . 170
2. Классовые и политические противоречия накануне и во время собора 1503 г. 187
3. Возрождение удельной системы 197
4. Феодальный иммунитет в 1504—1505 гг. . . 218

Глава IV. **Иммунитетная политика Василия III** . . . 239

1. Ограничительные жалованные грамоты конца 1505 — середины 1511 гг. 243
2. Появление податных освобождений в жалованных грамотах Василия III июля 1511 — июня 1522 гг. 253
3. Грамоты августа 1522 — октября 1533 гг. . . 267

Глава V. **Судьбы феодального иммунитета в период регентства Елены Глинской** 275
1. Территориальное распределение и основные задачи первых жалованных грамот правительства Елены Глинской (январь—февраль 1534 г.) 276
2. Подтверждение в конце февраля 1534 г. грамот Дмитровского удела 304
3. Жалованные и указные грамоты марта 1534 — начала 1538 гг. 308

Глава VI. **Феодальный иммунитет в годы боярского правления** 327
1. Внутренняя политика в апреле—октябре 1538 г. 329
2. Усиление компромиссных тенденций в иммунитетной политике ноября 1538 — первой половины 1540 гг. 334
3. Иммунитетная политика правительства князя И. Ф. Бельского 344
4. Рост иммунитетных привилегий в период второго правления Шуйских 348
5. Изменения в иммунитетной политике в 1544 — первой половине 1546 гг. 352
6. Расцвет феодального иммунитета при Глинских. Новые ограничительные тенденции 361

Заключение 375
Список сокращений 377
Именной указатель 380

Сергей Михайлович Каштанов

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ КОНЦА XV — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI в.

Утверждено к печати Институтом истории Академии наук СССР

Редактор издательства *С. А. Левина.* Художник *А. Г. Кобрин*
Технический редактор *Н. П. Кузнецова*

Сдано в набор 14/III 1967 г. Подписано к печати 3/VI 1967 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 2. Усл. печ. л. 20,6. Уч.-изд. л. 21,8 Тираж 1700. Т-08049. Тип. зак. 6652

Цена 1 р. 49 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
38	1 св.	19	9
38	11 св.	9	10
215	5 св.	область	волость
236	12 сн.	1073 г.	7013 г.

С. М. Каштанов